ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 2 (38) 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Минаков А. С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской империи: современные проблемы историографии 5

Аронов Д. В., Бардин П. В. Понятие гражданского общества в либеральной мысли России начала XX в. (на примере учебных программ Народного университета им. А. Л. Шанявского) 25

Мазалова Н. Е. Социальный статус «знающих» в традиционном русском обществе (по материалам Поволжья XIX – начала XX в.) 33

Сираева З. В. Статистическая деятельность Министерства внутренних дел в Оренбургской губернии в 30–50-е гг. XIX в. 46

Логачева Н. В. Некоторые меры по контрреформированию судебной защиты и суда присяжных в ходе реализации судебной реформы 1864 г., их последствия 55

Борисов А. В. Мероприятия городских общественных управлений Пензенской губернии по охране общественного порядка в конце XIX – начале XX в. 63

Брянцев М. В. Английская Всеобщая стачка 1926 г. в оценке населения советской России 72

Якупова Д. В. Рыночные реформы в восприятии населения СССР/России в начале 1990-х гг. (по материалам Пензенской области) 83

ФИЛОЛОГИЯ

Попова И. М. Концептуальность интертекста Ф. М. Достоевского в романе З. Прилепина «Обитель» 94

Кудрявцева Т. В., Шарыпина Т. А. Проблемно-тематический комплекс «ОСИ-ВЕСИ» в литературе воссоединенной Германии (на примере поэзии 1990–2000-х гг.) 105

Черемисина А. И. Женские архетипы в романах Дж. Макдональда «Фантастес» и «Лилит» 119

Алексеева Н. В. Игровой модус повествования в романе Андрея Белого «Маски» 127

Сморчкова К. В. Способы передачи цвета и света в романе М. Ю. Лермонтова «Вадим» 137

Осинцева-Раевская Е. А. Колоронимы в сказках А. С. Пушкина 149

Маханова Г. Е. Ядерное содержание одного из микрополей концепта «скука» 156

ПЕДАГОГИКА

Мкртчян В. С., Белянина Л. А. Непрерывное профессиональное образование взрослых: возможности виртуальной среды и технологии обучения на основе интеллектуальных агентов-аватаров 168

Пономарёва О. Н., Целыковских А. А., Пятин М. А., Грачёв И. И. Высшее образование: тестовые задания эколого-ориентированного содержания 179

Боликова Л. Ю., Жалдыбина А. Н., Таньков Н. Н. О соотношении понятий «компетентность» – «компетенция» – «эрудиция» 190

Федосеев В. М., Родионов М. А. Интеграция инженерной и математической подготовки как историко-педагогическая проблема 200

Королева Л. Ю. Проблема формирования креативной личности в психолого-педагогических исследованиях 212

Влазнев А. И. Показатели оценивания и анализ развитости компетенций студентов вуза в процессе подготовки и защиты выпускной квалификационной работы 224

РЕЦЕНЗИИ

Карнишин В. Ю. 231

ХРОНИКА

Кондрашин В. В. 236

UNIVERSITY PROCEEDINGS
VOLGA REGION

HUMANITIES

№ 2 (38) 2016

CONTENTS

HISTORY

Minakov A. S. The "Humble repots" by governors of the Russian Empire: modern problems of historiography 5

Aronov D. V., Bardin P. V. The civil society concept in the russian liberal thought in the early XX century (by the example of the A. L. Shanyavsky university's educational programme) 25

Mazalova N. E. Social status of "the knowing ones" in the traditional russian society (by materials of Volga region in XIX – early XX centuries) 33

Siraeva Z. V. Statistical activities of the interior ministry in the southern Urals in 1830s–1850s 46

Logacheva N. V. Various measures of counter-reforms relating to the judicial defense and jury trial within the framework of implementation of judicial statutes of 1864, their focus areas and consequenses 55

Borisov A. V. Maintenance of public order by the municipal public administration of Penza province in late XIX – early XX centuries 63

Bryantsev M. V. The english general strike of 1926 in the view of the population of soviet Russia 72

Yakupova D. V. Market reforms in public perceptions in the USSR/Russia in the early 1990s (by materials of Penza region) 83

PHILOLOGY

Popova I. M. F. M. Dostoyevsky's intertext conceptuality in the novel "Abode" by Z. Prilepin 94

Kudryavtseva T. V., Sharypina T. A. The "OSSI-VESSI" problem in german literature after the reunification of Germany (poetry in 1990s–2000s) 105

Cheremisina A. I. Female archetypes in G. Macdonald's novels "Phantastes" and "Lilith" 119

Alexejeva N. V. The play narration mode in Andrei Bely's "Masks" 127

Smorchkova C. V. Means of describing color and light in M. Y. Lermontov's novel "Vadim" 137

Osintseva-Raevskaya E. A. Colouronims in A. S. Pushkin's fairy tails 149

Makhanova G. E. Nuclear content of one of microfields of the concept of "boredom" 156

PEDAGOGY

Mkrttchian V. S., Belyanina L. A. Continuous professional adult education: capacities of virtual environment and educational technology using intellectual agents-avatars 168

Ponomariova O. N., Tselykovskikh A. A., Pjatin M. A., Gratchiov I. I. Higher education: tests with ecology-oriented content 179

Bolikova L. Yu., Zhaldybina A. N., Tankov N. N. About the correlation between the concepts "competence" – "competency" – "erudition" 190

Fedoseyev V. M., Rodionov M. A. Integration of engineering and mathematical training as a historical and pedagogical problem 200

Koroleva L. Y. The problem of creative personality forming in psychological and educational research 212

Vlaznev A. I. Evaluation indicators and competences development analysis of university students in the process of diploma work preparation and defence 224

CRITICAL REWIEWS

Karnishin V. Yu. 231

CHRONICLE

Kondrashin V. V. 236

УДК 94 (47)
DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-1

А. С. Минаков

ВСЕПОДДАННЕЙШИЕ ОТЧЕТЫ ГУБЕРНАТОРОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Всеподданнейшие отчеты губернаторов являются одним из наиболее востребованных исторических источников, что определяет необходимость изучения опыта его использования. Это позволяет уточнить наиболее дискуссионные аспекты его применения при исследовании политических и социально-экономических процессов досоветской России. Цель работы – проанализировать этапы изучения годовых губернаторских отчетов в контексте историографических тенденций в отечественной исторической науке.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе исследовательских работ по проблематике изучения губернаторских отчетов: монографий, статей, материалов документальных публикаций и др. Методологический потенциал включает системный исторический метод, применение которого позволяет рассмотреть накопленный массив знаний по проблеме как взаимосвязанную совокупность элементов досоветского, советского и современного историографического опыта; метод периодизации исторического процесса дает возможность охарактеризовать историографическое наследие в контексте возникновения и развития определяющих направлений научной мысли, присущих отдельным хронологическим отрезкам.

Результаты. Изучена историография губернаторских отчетов, относящаяся ко всему периоду их исследования, проведено сопоставление отдельных ее направлений в хронологической и сюжетной динамике. Выявлены и проанализированы ее ключевые дискуссионные аспекты. Определены перспективы изучения губернаторских отчетов для разработки проблематики истории России XIX – начала XX вв.

Выводы. Изучение губернаторских отчетов должно продолжаться в соответствии с широкой тематической применимостью данного источника. Необходимо расширить анализ всеподданнейших отчетов как многоуровнего документального комплекса. Перспективным направлением видится дальнейшее распространение географии изучения региональных особенностей подготовки и представления отчетов губернаторов.

Ключевые слова: Российская империя, историография, система управления, губернаторы.

A. S. Minakov

THE “HUMBLE REPOTS” BY GOVERNORS OF THE RUSSIAN EMPIRE: MODERN PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY

Abstract.

Background. The “Humble reports” by governors are one of the most popular historical sources that determines a necessity of studying the experience of its use.

This allows to clarify the most controversial aspects of its application in the study of political and socio-economic processes of pre-Soviet Russia. The aim of this work is to analyze stages of studying the Governor's annual report in the context of historiographical trends in the domestic historical science.

Materials and methods. The research tasks were implemented on the basis of research publications on the study of governors' reports: books, articles, documentary publications, etc. The methodological potential included the following: the systematic historical method, which allows us to consider the accumulated body of knowledge on the problem as an interrelated set of elements of pre-Soviet, Soviet and modern historiography of the experience; the method of periodization of the historical process allowing us to characterize the historiographical legacy in the context of the emergence and development of the defining schools of thought, inherent in the individual chronological segments.

Results. The author studied the historiography of governors' reports relating to the entire period of their study and compared separate areas in chronological and narrative dynamics. The researcher identified and analyzed key aspects of the discussion, as well as determined the prospects for studying the governors' reports to develop a perspective of history of Russia in XIX – early XX centuries.

Conclusions. The study of the Governor's report should continue in accordance with a broad thematic applicability of this source. There is a need to expand the analysis of the reports being a documentary multi-level complex. Quite promising seems a direction of further spread of geographical study of regional peculiarities of preparation and submission of governors' reports.

Key words: Russian Empire, historiography, control system, governors.

Отчеты о состоянии губерний, областей и градоначальств Российской империи входят в число наиболее востребованных исторических источников. Они содержат колоссальный фактографический и аналитический материал о внутриполитическом положении страны в XIX – начале XX столетия. В настоящее время значимый интерес представляет анализ эволюции исследовательских подходов к рассмотрению роли губернаторских отчетов в системе имперского управления. В какой мере взгляды историков на эту проблему коррелируются с общими историографическими тенденциями? Каковы перспективы работы с этим важным источниковым комплексом? Ответы на эти вопросы составляют сегодня актуальную научную задачу для всех, кто интересуется проблемами внутриполитического развития России в XIX – начале XX в.

Не случайно еще в период своего делопроизводственного бытования отчеты губернаторов были важным первичным материалом для анализа текущего состояния разных отраслей народного хозяйства и возможных направлений его развития. Более того, отчеты губернаторов уже в досоветское время стали объектом пристального внимания не только представителей правительственных кругов. Их данные активно использовались для выполнения социально-экономических исследований. В частности, одними из первых, кто обратился к материалам губернаторских отчетов, были ученые-статистики, изучавшие различные аспекты экономического развития Российской империи [1].

Достаточно широко губернаторские отчеты использовались при подготовке юбилейного многотомника, посвященного истории Комитета министров [2]. Его авторы обильно иллюстрировали содержание книги цитатами из

отчетов, а также из практики их составления и рассмотрения. Наряду с этим в данном издании был затронут вопрос о значении этих документов в системе государственного управления. В связи с этим составители многотомника проанализировали как процесс рассмотрения отчетов императором, так и последующую работу с ними в различных ведомствах. В работе отмечено, что внимание правительства к отчетам повысилось в период царствования Александра III. Кроме того, авторы охарактеризовали деятельность Комитета министров по исполнению императорских маргиналий на отчетах. Ими приведены многочисленные примеры практической реализации предложений, озвученных на страницах всеподданнейших отчетов губернаторов, особенно подготовки на их основе некоторых законодательных норм.

В данном издании была предложена, по сути, первая в исторической литературе классификация императорских резолюций на отчетах губернаторов. Авторы книги считали высочайшие резолюции «исходными пунктами некоторых важных реформ», так как их исполнение способствовало разработке общеимперского законодательства [2, т. 4, с. 111, 122]. Анализ содержательной части отчетов ими не проводился, но именно она, по мнению авторов, и определяла интерес к отчетам как уникальным документам. Высочайшие резолюции на отчетах были универсальным административным рычагом, так как обретали «руководящее значение в деятельности как правительственных установлений, так и органов земского и городского самоуправления, побуждая их к усиленной в известных направлениях энергии» [2, т. 5, с. 10]. Тем самым была подчеркнута значимость губернаторских отчетов не только в деятельности правительства, но и в работе делопроизводственной машины самодержавия в целом.

Практически одновременно с выходом многотомной истории Комитета министров в печати была озвучена и иная точка зрения на роль губернаторских отчетов. Ее разделял И. А. Блинов, автор одной из наиболее обстоятельных и востребованных по сей день работ о сущности губернаторской власти в России. Он призывал критически относиться к отчетам губернаторов, полагая, что они были одним из потенциальных, но в полной мере не реализованных рычагов надзора за деятельностью губернаторов. И. А. Блинов писал, что «всеподданнейшие отчеты губернаторов играют очень большую роль. Правительство относится к ним крайне внимательно, обстоятельно их изучает и постоянно прислушивается к мнению губернаторов. Государи императоры кладут на отчетах многочисленные собственноручные отметки. Влияние этих отчетов сказывается на направлении как административной, так и законодательной деятельности». Вместе с тем он считал, что «губернаторы в своих отчетах часто весьма неточно передавали действительную картину местной жизни, стремясь сообщаемыми сведениями пойти навстречу желаниям центрального правительства». Поэтому «в виду такого характера отчеты не могут служить сколько-нибудь полезным средством надзора за деятельностью губернаторов» [3], – заключал данный исследователь.

В конце XIX столетия отмечается и чисто исследовательский интерес к содержательной стороне отчетов губернаторов. Крупный отечественный агроном и статистик А. Ф. Фортунатов [4, с. 28–29], используя материалы губернаторских отчетов, проанализировал методику и технику вычисления в XIX в. урожая озимой ржи. Относясь к фактическому содержанию отчетов

довольно скептически, считая, что в основе их данных лежат «догадки волостных правлений», А. Ф. Фортунатов, тем не менее, отмечал согласованность их содержания с информацией из других источников. Сопоставив отчеты губернаторов за 1880-е гг. с погодными записями об урожае в помещичьих хозяйствах, он сделал вывод, что они коррелируются друг с другом [4, с. 62].

Проблема достоверности губернаторских отчетов интересовала не только официальные и академические круги царской России. Один из ярких идеологов российской социал-демократии, В. И. Ленин, в своей крупной работе, посвященной анализу экономического развития России, вышедшей в 1899 г., использовал для изучения динамики промышленного производства материалы правительственной фабрично-заводской статистики [5, с. 457–484]. Последняя стала предметом отдельного анализа в данной книге.

В. И. Ленин подметил ряд отрицательных факторов в организации правительственной статистики императорской России. Прежде всего, по его мнению, в стране отсутствовал реально действующий единый центральный орган, который должен был координировать сбор и обработку данных. Особенно затрудняло сбор данных «распределение промышленных заведений между различными ведомствами». Кроме того, такая работа усложнялась из-за неопределенности и расплывчатости понятий «фабрика» и «завод», что допускало их различное толкование. В. И. Ленин полагал, что уже с 60-х гг. XIX в. специалисты-статистики «прекрасно сознавали крайнюю неудовлетворенность обрабатываемых ими данных». Сопоставив сведения Ежегодника Министерства финансов и Военно-статистического сборника, он определил, что численность промышленных предприятий в последнем была слишком и явно завышена. В частности, подобные обстоятельства не находили подтверждения более ни в каких источниках. Сложившаяся ситуация, по мнению В. И. Ленина, объяснялась тем, что составители Военно-статистического сборника использовали сведения Центрального статистического комитета, который в свою очередь оперировал материалами отчетов губернаторов.

Впрочем, В. И. Ленин умалчивает, что формально данные губернаторских отчетов не предназначались для широкой огласки, что может объяснять и трудность уточнения информации Центрального статистического комитета. Что касается в целом губернаторских отчетов, то, по убеждению В. И. Ленина, они «всегда преувеличивают в громадных размерах числа фабрик и заводов» [5, с. 460], так как к числу фабрик относят также мелкие сельскохозяйственные и кустарные предприятия.

Таким образом, в досоветской историографии исследователи губернаторских отчетов располагали материалами, свободными от служебных ограничений. Поэтому на отчеты смотрели как на обобщенный фактографический массив, удобный для использования при изучении преимущественно экономических вопросов. Иные значимые аспекты функционирования годовой губернаторской отчетности практически не раскрывались или освещались односторонне, как в случае с историей Комитета министров, применительно к работе конкретного органа власти.

В советской историографии изучение ежегодной губернаторской отчетности первоначально продолжалось в контексте более активного исследования социально-экономической (главным образом, аграрной) проблематики. Вместе с тем в целом внимание к проблематике губернаторских отчетов уси-

лилось и получило новое содержание. Так, на более глубокой основе стал разрабатываться вопрос о значении губернаторских отчетов в работе административной системы самодержавия.

Использование губернаторских отчетов в качестве исторического источника историками советского времени базировалось на трактовках ключевых направлений социально-экономического развития России, содержавшихся в сочинениях В. И. Ленина. Так, в парадигме ленинского понимания во главу угла ставилась необходимость использования этих документов, но при условии самой широкой критики их достоверности. Например, крупный русский и советский экономист П. И. Лященко указывал, что данные отчетов губернаторов о размерах зернового производства «до организации общеимперской статистики урожайности» уникальны, но эти сведения по размерам валового урожая все-таки «не могут считаться источником большой точности» [6, т. 1, с. 507].

Подобным образом давалась и оценка фабрично-заводской статистике 60–80-х гг. XIX в., которая была, по его мнению, «настолько неудовлетворительна и неточна, что не дает возможности сколько-нибудь подробно осветить и выяснить итоги развития крупной фабричной промышленности за эти годы» [6, т. 2, с. 101]. Отдельный анализ достоверности губернаторских отчетов П. И. Ляшенко не проводил, но аргументировал свои доводы ленинскими оценками этого источника. В целом исследователи первых советских десятилетий продолжали активно использовать отчеты, не скупясь, вслед за В. И. Лениным, на критику в их адрес.

По мере углубления социально-экономической проблематики исторических исследований, обусловленной необходимостью изучения особенностей российских форм экономических отношений в русле формационного подхода, встал вопрос о специальном, источниковедческом изучении годовых отчетов губернаторов. Однако первая подобная публикация появилась лишь в 1961 г. Это была статья видного белорусского историка и археографа Н. Н. Улащика, посвященная характеристике всеподданнейших отчетов о состоянии Виленской, Гродненской и Ковенской губерний дореформенного времени [7, с. 15–55]. Анализируя данные отчетов по народонаселению, экономическому потенциалу земельного фонда, урожайности сельскохозяйственных культур, скотоводству, промышленности, ярмарочной торговле и судоходству указанных регионов, Н. Н. Улащик сделал вывод о преимуществах губернаторских отчетов перед другими подобными источниками. В целом они сводились к систематичности подачи статистического материала. В то же время он полагал, что едва ли не с первых лет составления отчетов была очевидна условность их данных по ряду показателей, а также усредненность, а зачастую и противоречивость содержавшихся в них сведений. В целом Н. Н. Улащик дал весьма красноречивую характеристику уровня исследовательского отношения к этим документам: «Отчеты не дают совершенно точных цифр, но показывают направление развития хозяйства» [7, с. 55].

Через несколько лет после выхода исследования Н. Н. Улащика была опубликована статья ленинградского архивиста Н. П. Дятловой [8], которая на длительное время стала одной из основных общих работ по данной теме. Ряд ее положений сохраняет значимость и сегодня. Статья Н. П. Дятловой посвящена многим аспектам возникновения и развития губернаторских отче-

тов как одной из разновидностей делопроизводственной документации имперского периода. Данный автор проследила изменение формуляра губернаторского отчета и охарактеризовала его как источник по социально-экономической проблематике. По мнению Н. П. Дятловой, содержательная сторона отчетов представляется особенно ценной после 1870 г., когда был в очередной раз изменен формуляр отчета, придавший документу наибольшую полноту с учетом новаций пореформенного времени. Особую источниковую значимость, по ее мысли, имели статистические приложения к отчетам. Наряду с этим Н. П. Дятлова была убеждена, что большое влияние на содержательную сторону отчетов, особенно с конца XIX в., оказывала личность губернатора.

Кроме того, Н. П. Дятлова считала, что главным недостатком всеподданнейших отчетов была неточность статистических сведений. Это не было оригинальной характеристикой данных документов, а свойством всей административной статистики Российской империи. «Неполнота и неясность форм таблиц и ведомостей и сбор сведений по разным программам приводили к неоднородности помещаемых в отчеты сведений, а значит и к несравнимости данных не только по разным губерниям, но иногда даже и по одной и той же губернии за разные годы» [8, с. 241], – писала она. Положение усугублялось низким уровнем первичной обработки данных на губернском уровне. Тем не менее отчеты губернаторов, по убеждению Н. П. Дятловой, – единственный источник многих сведений. В связи с этим в ее статье дана обзорная характеристика тематики содержания отчетов за весь период их составления.

Изучение достоверности губернаторских отчетов было продолжено другим советским аграрником – А. С. Нифонтовым. Свои основные выводы он сформулировал в ряде работ по изучению урожаев зерновых культур – вначале в статье 1968 г., а затем в одной из глав последующей монографии [9, 10]. В центре внимания А. С. Нифонтова были данные по урожайности. В контексте анализа правительственной аграрной статистики в целом он пришел к выводу, что мнение о недостоверности отчетов губернаторов преувеличена. Погрешности в абсолютных показателях предварительных сведений об урожае, которые собирались на низовом уровне, в целом были относительно объективны. Поэтому А. С. Нифонтов вслед за А. Ф. Фортунатовым разделял мнение о репрезентативности данных отчетов губернаторов для исследования урожаев [9, с. 31]. Столь смелый по тем временам вывод А. С. Нифонтов подкреплял позицией В. И. Ленина, который использовал данные губернаторских отчетов, даже несмотря на их известную содержательную погрешность [9, с. 80–81].

Наряду с этим А. С. Нифонтов подчеркивал, что в царской России имелись и иные каналы поступления информации из регионов, что исключало статистическую «монополию» губернаторского отчета в аграрной области. Так же как Н. Н. Улащик и Н. П. Дятлова, А. С. Нифонтов придерживался мнения о несравнимости отдельных показателей отчетов губернаторов и их низкой сопоставимости с другими источниками информации. В целом, по мнению А. С. Нифонтова, достоверность статистики МВД, составной частью которой были и всеподданнейшие отчеты губернаторов, не уступала в сравнении с другими ведомствами.

Критический взгляд на губернаторские отчеты как источник по урожайности разделял видный советский историк-аграрник В. К. Яцунский, от-

мечавший, что их данные «вообще не имеют под собой какой-либо статистической базы» [11]. Отчеты, особенно дореформенного времени, по его мнению, не содержат сведений одинаковой точности о посевах и урожае в разных районах и по разным годам, так как отсутствует информация о том, «как фактически собирались и собирались ли вообще в значительных размерах материалы о количестве высеянного и собранного зерна» [12]. Причинами такой ситуации он видел практику приблизительных расчетов количества высеянного зерна, невысокий образовательный уровень губернской администрации и отсутствие времени для проведения кропотливых расчетов.

В целом советская историография обозначила комплекс вопросов, связанных с критикой губернаторских отчетов. По мере введения в научный оборот данных источников, их растущей востребованности в научном мире встал вопрос их видовой систематизации и выявления отличительных признаков этих документов среди массы делопроизводственной документации. На первый взгляд данный сюжет кажется предметом чисто теоретических рассуждений. Между тем понимание его сути крайне необходимо для объективной оценки места и роли губернаторских отчетов в огромном делопроизводственном массиве. В конце 70-х гг. XX в. проблема классификационной принадлежности отчетов губернаторов стала предметом дискуссий о содержании понятия «массовые источники». На тот момент в советском источниковедении обозначились два подхода к пониманию этого вопроса. Их выразителями были два видных отечественных источниковеда – И. Д. Ковальченко и Б. Г. Литвак, которые относили губернаторские отчеты к массовым источникам, но по-разному понимали их природу и признаки их «массовости».

По мнению И. Д. Ковальченко, к категории «массовых» относятся источники, «характеризующие такие объекты действительности, которые образуют определенные общественные системы с соответствующими структурами». В его концепции «массовые источники отражают сущность и взаимодействие массовых объектов, составляющих эти системы, а следовательно, строение, свойства и состояние самих систем» [13]. Другим неотъемлемым признаком массовых источников является большой объем скрытой информации [14]. На этом основании И. Д. Ковальченко относил губернаторские отчеты к «массовым» источникам, полагая, что они демонстрируют динамику уровня развития земледелия отдельных районов. По его мнению, эти документы имели относительную достоверность, особенностью которых была «одинаковая степень неточности» данных по разным губерниям благодаря их «одинаковой технике сбора» [15, с. 59].

И. Д. Ковальченко считал, что отчеты губернаторов отражали примитивный уровень развития государственной статистики, когда «никакой проверки точности поступающих сведений, кроме сравнения с предыдущими годами, не существовало». Призывая критически воспринимать информацию губернаторских отчетов, И. Д. Ковальченко обосновывал тем самым уникальность данного источника. По его утверждению, анализ совокупного погодного материала этих документов дает в целом объективные показатели. «В пределах одной губернии при поступлении сведений от нескольких тысяч исходных единиц противоположные колебания в своем среднем выводе относительно верно отражали истинную картину» [15, с. 58–59], – писал он. Отчеты, составленные до 1860–1880-х гг., представляют уникальную источ-

никовую ценность для исследования многих вопросов аграрной истории России. К их числу он относил такие аспекты, как урожайность зерновых культур, сбор корнеплодов и численность поголовья скота и др. Данная позиция И. Д. Ковальченко нашла отражение и в его последнем, посмертном фундаментальном труде [16].

В исследованиях Б. Г. Литвака [17, 18] отчеты губернаторов тоже рассматриваются как одна из разновидностей массовой документации. В отличие от И. Д. Ковальченко Б. Г. Литвак толкует понятие «губернаторский отчет» несколько расширенно, подразумевая под ним систему документов, которые надо рассматривать комплексно. Работа с такой системой предусматривает изучение подготовительной документации, на основании которой и составлялись итоговые варианты отчетов губернаторов, которые затем направлялись в центр. Используя материалы Саратовской губернии, Б. Г. Литвак обратил внимание на процедуру сбора первичных (предварительных) сведений к отчетам. Однако подготовка отчета на местах интересовала его главным образом в отношении критики достоверности статистической информации экономического характера. Как и Н. П. Дятлова, он придавал значение статистическим приложениям к отчетам – Обзорам губерний. По его мнению, статистические ведомости к отчетам являются интересным объектом применения математических методов исследований, в частности корреляционного анализа, что позволяет проверять достоверность документов.

В связи этим Б. Г. Литвак относил губернаторские отчеты к массовым источникам, так как им были присущи следующие (характеризующие эту разновидность источников) признаки: «ординарность обстоятельств происхождения», «однородность, аналогичность или повторяемость содержания», «однотипность формы, тяготеющая к стандартизации» и «наличие формуляра» [18, с. 7].

В какой из этих теоретических концепций губернаторские отчеты чувствуют себя наиболее комфортно? Рассмотрим соответствие данных документов критериям «массовой» системы Б. Г. Литвака. Не вызывает сомнения «ординарность происхождения» отчетов, представление и рассмотрение которых уже в первые десятилетия XIX в. стало устойчивой бюрократической процедурой, привычной как для местной администрации, так и для центрального руководства. «Однородность содержания», по нашему мнению, в большей степени присуща губернаторским отчетам за 40–90-е гг. XIX в. В этот период программа с известными оговорками стандартизировала отчет. Что касается «однотипности формы», то она, как и предыдущий признак, не всегда была свойственна губернаторским отчетам. Более того, с конца XIX столетия они очень трудносравнимы между собой. Поэтому данный признак нуждается как минимум в хронологической конкретизации. Наконец, формуляр отчета при всем его внутреннем структурном единстве был непостоянен. Его изменение на протяжении XIX в. влияло не только на фактическое наполнение документа, но и на характер подачи информации. После 1897 г. по многим регионам отчеты имели свои оригинальные формуляры. К тому же на протяжении всей истории составления отчетов шаблон формуляра постоянно нарушался. Все это делало губернаторские отчеты непохожими друг на друга. Поэтому правильно будет говорить об ограниченной относимости губернаторских отчетов к «массовой» модели Б. Г. Литвака. В большей степени

она применима к Обзорам губерний, которые формально считались приложениями к отчетам, но, по сути, играли самостоятельную роль в официальной имперской статистике.

Концепция И. Д. Ковальченко в отличие от построений Б. Г. Литвака не говорит о каких бы то ни было признаках источников. В его понимании важен характер отражаемых в источниках явлений. Действительно, исторические источники (особенно такие как губернаторские отчеты) не существуют абстрагировано от общественно-политического контекста. Формуляр губернаторского отчета сохранял свою информационную насыщенность независимо от политического и экономического климата в стране. Другой тезис И. Д. Ковальченко – о скрытом информационном потенциале источников – представляется по отношению к отчетам губернаторов весьма точным. Сведения этих документов тематически, а порой и хронологически, были гораздо шире заявленных в формуляре. В значительной мере это относится к периоду рубежа XIX–XX вв., когда содержательная глубина отчетов стала ощущаться особенно. Однако массовые источники у И. Д. Ковальченко безлики. Кроме того, он обязывает исследователя априори обладать каким-то минимумом знаний об общественных явлениях, которые отражаются в массовых документах.

Очевидно, что годовые отчеты губернаторов имеют право на жизнь и в той и в другой концепции. Видимо наряду с несомненными признаками массового документа они достаточно красноречиво заявляют о своих индивидуальных чертах. Именно такая оригинальность и неповторимость по-прежнему оставляет вопрос их классификации с точки зрения «массовости» в дискуссионной плоскости.

Среди историков, отмечавших источниковую значимость губернаторских отчетов, выделим статьи Л. Е. Шепелева [19, 20], которые в первую очередь содержат историографическую характеристику вышеуказанных работ Н. П. Дятловой и Н. Н. Улащика. Кроме того, данный автор считал, что при оценке отчетов губернаторов следует принимать во внимание взгляды высокопоставленных чиновников императорского окружения. Он подчеркивал, что некоторые из них, такие как А. Н. Куломзин или Е. А. Перетц, были не склонны преувеличивать личное участие императора в рассмотрении отчетов. Совсем иной точки зрения придерживался П. Н. Зырянов, полагавший, что губернаторские отчеты были «любимым видом чтения нескольких поколений русских монархов» [21], а также символом непосредственной связи губернатора с императором. В числе работ по данной теме следует упомянуть и статью Ю. И. Смыкова и Н. С. Хамитбаевой, хотя и имеющую по большей части историографический характер [22]. Ее авторы изучили статистические приложения к отчетам о состоянии Казанской губернии, не выходя за рамки разработки вопросов экономического состояния данного региона.

Видение губернаторских отчетов как источника по социально-экономической проблематике не мешало советским историкам отмечать и их важное общественно-политическое значение. В числе первых об этом стал писать один из крупнейших исследователей политической системы российского самодержавия П. А. Зайончковский. Он был убежден, что губернаторские отчеты красноречиво демонстрировали «реакционную направленность всей деятельности губернских властей» [23, с. 14–15]. Неоспоримыми достоинствами

этого источника П. А. Зайончковский считал императорские резолюции, которые, по его мнению, отражали общий внутриполитический курс, а в особенности отношение регионального руководства к пореформенным новациям. В частности, по мнению этого историка, вследствие появления на отчете о состоянии Костромской губернии за 1887 г., где писалось о недостатках Городового положения 1870 г., царской резолюции: «И это не ново! Нелепость городского самоуправления российских городов давно сознана правительством» [24], был поставлен вопрос об изменении городового законодательства, вылившийся в принятие Городового положения 1890 г. [23, с. 411].

Однако проблема принятия каких-либо крупных политических решений на основе материалов губернаторских отчетов была заявлена в историографии несколько позже. Ленинградские историки в своей коллективной монографии [25] указывали, что через губернаторские отчеты был поставлен вопрос о введении земских учреждений в Западном крае. Впоследствии данный тезис почти без изменения перекочевал в их обновленный и дополненный коллективный труд [26].

В целом советская историография существенно расширила исследовательское поле изучения характера и роли годовых губернаторских отчетов в функционировании имперской административной системы. Помимо вовлечения в оборот новых источников велась внешняя и внутренняя их критика, которая не только дополнительно аргументировала уже известные («ленинские») характеристики отчетов губернаторов, но выявляла и положительные черты их репрезентативности.

Постсоветская историография, с одной стороны, продолжает развитие основных сюжетов, связанных отчетами губернаторов, которые были поставлены советскими историками. С другой стороны, современные авторы в большей степени интересуются политическими аспектами бытования данных документов. Так, одним из первых, кто проявил интерес к проблеме контроля центрального руководства над деятельностью местной администрации, был М. М. Шумилов. В его диссертации и монографии годовые отчеты губернаторов исследуются как одна из традиционных форм административного контроля. Тот факт, что со второй половины XIX в. МВД внимательно контролировало подготовку и представление отчетов, говорил, по мысли М. М. Шумилова, о желании данного ведомства подчинить губернаторов своему диктату [27]. Но особое значение этот историк видел в процедуре рассмотрения данных документов царем и членами правительства. Как и П. А. Зайончковский, он полагал, что императорские резолюции на просмотренных губернаторских отчетах могли трансформироваться в реально принятые политические решения.

Примерно той же точки зрения придерживался и А. В. Ремнев, считавший, что губернаторские отчеты играли важную роль в организации управления Сибирью. Ряд его монографических исследований убедительно показал, что отчеты сибирских генерал-губернаторов и губернаторов были для правительства не только важным информационным каналом, но и реальным рабочим материалом, необходимым для формирования административной политики в Сибири [28]. Исследуя практику рассмотрения отчетов губернаторов в Комитете министров, А. В. Ремнев пришел к выводу, что в целом губернаторские предложения находили заинтересованный отклик в правительстве [29, с. 121]. По его мнению, центральную власть особенно интересовали ге-

нерал-губернаторские отчеты. Последние представлялись нерегулярно, но «будучи более независимыми от министерств, генерал-губернаторы могли придать своим всеподданнейшим отчетам политический характер. В Комитете министров такие отчеты вызывали большой интерес, особенно когда на заседании присутствовал тот или иной генерал-губернатор» [29, с. 123].

Аналогично роль отчетов некоторых приамурских генерал-губернаторов оценивает С. В. Гончарова. Она указывает, что в отчетах Н. И. Гродекова, П. Ф. Унтербергера и Н. Л. Гондатти не только отражались проблемы социально-экономического развития, но и звучали также оценки перспектив геополитического развития Дальнего Востока [30].

Предметом изучения Е. Л. Пономаревой были всеподданнейшие отчеты генерал-губернаторов Восточной Сибири середины XIX в. С одной стороны, она считает, что «точно проследить процесс создания документа (губернаторского отчета – А. М.) не представляется возможным, так как не сохранилось источников, подробно описывающих подготовку отчета», а «отсутствие источников, отражающих процесс подготовки документа, затрудняет оценку сведений отчета» [31]. Иными словами, выяснить процедуру подготовки отчетов, по ее мнению, невозможно из-за отсутствия соответствующих источников. С другой стороны, Е. Л. Пономарева утверждает, что «текстовые сведения отчетов достаточно объективно отражали развитие края» [32, с. 114]. Несмотря на подобные противоречивые оценки содержательной стороны данных документов, исследования этого автора показывают, что в Восточной Сибири всеподданнейшие отчеты также были результатом работы «коллектива» авторов – различных чиновников, переписчиков, наконец, самого генерал-губернатора. Последний, по ее мнению, играл заметную роль в этом процессе, «определяя методику построения текста, структуру документа, его основные темы [32, с. 113]. Для составления всеподданнейших отчетов восточносибирских генерал-губернаторов широко использовались годовые отчеты о состоянии сибирских губерний.

В работе Н. П. Матхановой [33] также обращается внимание на потенциал отчетов губернаторов как источников по изучению системы управления самодержавия. Данного автора тема отчетов интересовала с точки зрения расширения источниковой базы изучения проблемы «соотношения закона и действительности, юридической нормы и административной практики» применительно к истории провинциального чиновничества середины XIX в. Она разделяет тезис Н. П. Дятловой о влиянии идейно-политических симпатий и личных качеств губернатора на характер подачи сведений в отчете. Губернаторские отчеты, по мнению Н. П. Матхановой, не только отражают уровень понимания разного рода проблем внутри административной вертикали, но и заключают в себе интересные характеристики представителей провинциального чиновного мира. В целом она полагает, что отчеты губернаторов выражали официальную позицию местного руководства. Тематически к «сибирской» проблематике изучаемой темы примыкает и работа Г. А. Ноздрина [34], которая анализирует отчеты губернаторов в качестве источника по изучению колонизации Сибирского региона.

Губернаторские отчеты привлекают внимание и зарубежных исследователей имперской системы управления. Так, крупный американский славист

и один из пионеров изучения пореформенной системы местного управления Р. Роббинс, исследуя статус и полномочия губернаторов, также обратил внимание на губернаторские отчеты как важный элемент бюрократической системы [35–37]. По его мнению, губернаторы дорожили своим правом «всеподданнейше» доносить императору свои мысли и высоко ценили его. Тем самым начальники губерний утверждались в своем статусе монарших наместников во вверенном им регионе, что повышало их собственную самооценку. Однако Р. Роббинс считал, что значительная часть губернаторов ограничивалась лишь ординарным информированием императора о состоянии дел в губернии. Впрочем, среди губернаторов были и те, кто стремился посредством отчетов выступить с какой-нибудь инициативой преобразовательного плана. Более того, некоторые предложения губернаторов могли касаться даже вопросов общегосударственного свойства. В целом, считает Р. Роббинс, эффект от подобных инициатив и предложений губернаторов был невелик. Между тем они вполне способствовали усилению внимания центрального руководства к нуждам регионов. Содержательную сторону всеподданнейших отчетов Р. Роббинс оценивает критически, полагая, что «большая часть отчетов и обзоров никогда не соответствовала установленным законом требованиям» [35, с. 206]. Другой американский историк Д. Яни считал, что отчеты губернаторов использовались для координации работы руководителей ведомств, поскольку содержащаяся в них информация шла напрямую (в обход иных бюрократических каналов) [38].

П. В. Акульшин в своей статье рассуждает о причинах установления годовой губернаторской отчетности [39]. Начало подачи отчетов он анализирует в контексте общего реформаторского курса первых лет царствования Александра I. Реформированному правительству был необходим регулярный информационный канал в целях повышения эффективности государственного управления. В установлении годовых отчетов губернаторов особенно нуждалось Министерство внутренних дел – принципиально новое ведомство, с самой широкой областью административной компетенции, включавшей контроль над системой местного управления. Между тем П. В. Акульшин полагает, что губернаторские отчеты не стали прочным каналом связи между центром и регионами. Этому препятствовало отсутствие взаимопонимания между МВД и губернаторами. В свою очередь это определяло низкий уровень качества отчетов и невысокую оперативность их подачи. Тем не менее внедрение данного делопроизводственного новшества положительно сказалось на развитии системы управления страной в целом. Несмотря на сложности в подготовке первых отчетов, именно они позволили увидеть слабые места в системе управления на местах. Однако в общем подготовка губернаторами годовых отчетов, по словам этого исследователя, превратилась в «бюрократический ритуал», по сути не имевший ничего общего с изначальным предназначением данных документов.

Сюжеты, связанные с практикой представления годовых отчетов губернаторов, в разной степени интересовали и авторов исследований по истории местного управления и губернаторства в имперской России. Например, в диссертации Г. В. Алексушина, посвященной общим вопросам эволюции губернаторской власти в России, заключается, что отлаженного механизма взаимодействия губернаторов с центральной властью не было. Тем не менее

всеподданнейшие отчеты губернаторов являлись важным средством контроля над деятельностью региональной администрации [40, с. 290, 300]. Годовой отчет, по его мнению, был для губернатора возможностью обратить монаршее внимание на собственное видение ситуации в губернии, проинформировать монарха о своих реформаторских планах и т.п. Вместе с тем данный автор поясняет, что многое зависело от умения губернатора правильно «подать» те или иные факты [40, с. 304]. Другой исследователь подобного направления, Л. Е. Лаптева, считает, что всеподданнейшие отчеты «не давали точных представлений о ситуации в стране», а «касались в основном мер по преодолению последствий уже случившихся событий». Хотя Л. Е. Лаптева уверена, что губернаторские отчеты не содержали «серьезных прогнозов и предложений по модернизации местной власти», тем не менее она считает их «важным инструментом» укрепления автократического режима [41].

Обильное цитирование высочайших резолюций на отчетах губернаторов предпринято в статье С. В. Куликова [42], посвященной административной политике последнего российского императора. Следует заметить, что данный автор и ранее симпатизировал личности Николая II как государственному деятелю [43]. Стремление автора аргументировать свой взгляд о реформаторских дарованиях Николая II сопровождается многочисленными выдержками из его резолюций по широкому кругу вопросов внутренней политики: состоянию переселенческого движения, деятельности Крестьянского банка, общинному землепользованию, введению хуторской и отрубной системы, рабочему вопросу, отношению к неправославным исповеданиям и др. Однако подобное цитирование видится нам не вполне корректным, так как оторвано от реального контекста и конкретных регионов. В тоже время останавливаясь, например, на отношении Николая II к еврейскому вопросу, С. В. Куликов, стремясь доказать лояльность царя к евреям, прекращает цитирование резолюций.

Стоит заметить, что подобный прием использовался в советское время авторами научно-популярных работ. Тенденциозная выборка цитат текстов губернаторских отчетов и царских маргиналий консервативного содержания способствовали формированию у читателя представления об исключительной реакционности политики российского самодержавия [44].

Среди современных публикаций по исследуемой проблеме следует выделить работы А. И. Раздорского, посвященные библиографическим и источниковедческим аспектам изучения Обзоров губерний. Из-под его пера вышел ряд статей по данной проблематике [45–48 и др.], а в 2011 г. – капитальный труд, посвященный систематизации сведений о печатных и рукописных Обзорах за 1870–1916 гг., где на материалах исследования около 600 архивных, библиотечных и музейных собраний России и Зарубежья было выявлено свыше 4 тыс. печатных и рукописных экземпляров этих уникальных исторических документов [49].

В пространном предисловии к «Сводному каталогу» А. И. Раздорский проанализировал структуру обзоров, обратив внимание на их органичную взаимосвязь с всеподданнейшими отчетами губернаторов. Данный автор видит Обзоры вполне самостоятельным источником, обладающим отдельным богатым внутренним содержанием. А. И. Раздорский считает, что таковой их статус обозначился уже вскоре после их учреждения. Так, тенденция обмена

Обзорами, наметившаяся в 70-х гг. XIX в., уже знаменовала обретение данными документами относительно самостоятельного характера, так как «в отличие от всеподданнейших отчетов они превратились в источник информации, предназначенный уже не только для высшей центральной власти, но и для руководителей регионального уровня, а также негосударственных учреждений и организаций» [49, с. 15]. Еще больший шаг в сторону самостоятельности был сделан после принятия Программы губернаторских отчетов 1897 г., когда по некоторым регионам подача всеподданнейших отчетов не велась, а Обзоры, наоборот, были подготовлены и изданы. Об этом свидетельствовало и своеобразие формуляра Обзоров по отдельным регионам, где встречались ведомости, не предусмотренные Программой 1870 г.

А. И. Раздорский определил, что выявление состава Обзоров губерний в фондах архивохранилищ и библиотек имеет ряд особенностей, затрудняющих их поиск. Среди них он отметил такие, как неточность информации печатных карточек Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (с 1991 г. Российская государственная библиотека), которые в массовом количестве находятся в региональных библиотеках постсоветского пространства; разнобой в отражении изданий в каталогах; учет в разных каталогах разнотипных изданий; неполное описание конволютов; неточная атрибуция изданий и др. [49, с. 37–38].

Таким образом, более чем столетний опыт изучения всеподданнейших отчетов губернаторов показал их значимость и востребованность в широкой исследовательской аудитории. Подробно и обстоятельно определены и проанализированы законодательные основы годовой губернаторской отчетности. В значительной степени они красноречиво выражали заинтересованность самодержавия в развитии данного института. Очевидно, правительство заботилось, чтобы данные документы отражали реальный уровень состояния всех отраслей народного хозяйства страны и демонстрировали перемены, обусловленные реализацией тех или иных реформаторских новаций. В тоже время эволюция законодательства об отчетах губернаторов дает представление об актуальном состоянии юридической системы империи в целом и об уровне развития государственной правовой мысли.

Обращает на себя внимание достаточно подробная изученность проблемы на макроуровне. Рассмотрена процедура работы с отчетами в правительстве и отдельных ведомствах, а также отчасти (из-за малочисленности источников) разбор отчетов императором. Вместе с тем все еще крайне недостаточно привлекается материал по регионам. Для правильного понимания роли и места губернаторских отчетов в общеимперской системе управления необходим анализ процедуры их подготовки на местах. Проведенные по отдельным регионам такого рода исследования убедительно доказали, что именно в местном документальном материале содержится ключ к решению вопроса о достоверности отчетов, о деталях подготовки этих документов, о факторах, влиявших как на подбор фактов, так и на их интерпретацию.

Исследования, основанные на анализе предварительной документации и черновых вариантов губернаторских отчетов, показали, что процесс написания отчета заключался не только в исполнении регулярной бюрократической процедуры. Помимо оценок деятельности губернатора и администрации отчеты представляли собой общественно значимое явление. Об этом свиде-

тельствовало участие в подготовке материалов для них со стороны дворянской корпорации и органов общественного самоуправления. Вместе с тем информация, содержавшаяся в отчетах, позволяла образованной части общества (в том числе из кругов высшей бюрократии) давать собственные оценки политической ситуации в стране. Во многом именно поэтому самодержавие изначально засекретило тексты отчетов. Даже после формального отделения от них статистических приложений – Обзоров губерний – коронная администрация строго следила за недопустимостью утечки отчетной информации, а тем более ее публикации в прессе.

Одной из перспективных линий изучения данной темы видится разработка прикладных сюжетов – узкоисточниковедческих и библиографических. В этом направлении также имеется существенный задел. Такие работы, выявляя конкретные детали и особенности различных аспектов сохранности, достоверности губернаторских отчетов, насыщают историографическое поле важными дополнениями. Их накопление и последующий анализ позволит расширить горизонты использования этих уникальных источников, сохранивших для современных исследователей все энциклопедическое разнообразие географической необъятности имперского прошлого России.

Список литературы

1. **Герман, К.** Статистические исследования относительно Российской империи / К. Герман. – СПб., 1819. – Ч. I. – С. 39, 68–69 и др.
2. Исторический обзор деятельности Комитета министров / сост. С. М. Середонин, И. И. Тхоржевский, Н. И. Вуич. – СПб., 1902. – Т. I–V.
3. **Блинов, И. А.** Губернаторы. Историко-юридический очерк / И. А. Блинов. – СПб., 1905. – С. 341–342.
4. **Фортунатов, А. Ф.** Урожаи ржи в Европейской России / А. Ф. Фортунатов. – М., 1893.
5. **Ленин, В. И.** Развитие капитализма в России / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. – М., 1979. – Т. 3.
6. **Ляшенко, П. И.** История народного хозяйства СССР / П. И. Ляшенко. – М., 1956. – Т. 1–2.
7. **Улащик, Н. Н.** Отчеты губернаторов Литвы и Западной Белоруссии как исторический источник / Н. Н. Улащик // Проблемы источниковедения. – М., 1961. – Т. IX. – С. 15–55.
8. **Дятлова, Н. П.** Отчеты губернаторов как исторический источник / Н. П. Дятлова // Проблемы архивоведения и источниковедения. – Л., 1964. – С. 227–246.
9. **Нифонтов, А. С.** Зерновое производство России во второй половине XIX в. / А. С. Нифонтов. – М., 1974. – С. 15–81.
10. **Нифонтов, А. С.** Статистика урожаев в России XIX в. (по материалам губернаторских отчетов) / А. С. Нифонтов // Исторические записки. – М., 1968. – Т. 81. – С. 216–258.
11. **Яцунский, В. К.** К вопросу о публикации материалов по истории урожаев и цен в России / В. К. Яцунский // Проблемы источниковедения. – М., 1955. – Т. IV. – С. 352.
12. **Яцунский, В. К.** Генезис капитализма в сельском хозяйстве России / В. К. Яцунский // Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв. Избранные труды. – М., 1973. – С. 281.
13. Массовые источники по социально-экономической истории периода капитализма / ред. И. Д. Ковальченко. – М., 1979. – С. 6.

14. **Ковальченко, И. Д.** Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – М., 2003. – С. 132.
15. **Ковальченко, И. Д.** Динамика уровня земледельческого производства в России в первой половине XIX в. / И. Д. Ковальченко // История СССР. – 1959. – № 1.
16. **Ковальченко, И. Д.** Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. / И. Д. Ковальченко. – М., 2004. – С. 39, 48, 106.
17. **Литвак, Б. Г.** О достоверности сведений губернаторских отчетов XIX в. / Б. Г. Литвак // Источниковедение отечественной истории. – М., 1976. – С. 125–144.
18. **Литвак, Б. Г.** Очерки источниковедения массовой документации / Б. Г. Литвак. – М., 1979. – С. 142–186.
19. **Шепелев, Л. Е.** Изучение делопроизводственных документов XIX – начала XX в. / Л. Е. Шепелев // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л., 1968. – Т. I. – С. 130–131.
20. **Шепелев, Л. Е.** К вопросу о методах и источниках изучения истории государственных учреждений России XIX – начала XX в. / Л. Е. Шепелев // Археографический ежегодник за 1970 год. – М., 1971. – С. 170–171.
21. **Зырянов, П. Н.** Социальная структура местного управления капиталистической России (1861–1914 гг.) / П. Н. Зырянов // Исторические записки. – М., 1982. – Т. 107. – С. 295.
22. **Смыков, Ю. И.** К вопросу о губернаторских отчетах второй половины XIX века / Ю. И. Смыков, Н. С. Хамитбаева // Исследования по источниковедению истории Татарии. – Казань, 1980. – С. 79–95.
23. **Зайончковский, П. А.** Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов) / П. А. Зайончковский. – М., 1970. – С. 14–15.
24. Российский государственный исторический архив. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2496. Л. 357.
25. Кризис самодержавия в России. 1895–1917. – Л., 1984. – С. 95, 115.
26. Власть и реформы. От самодержавной к советской России / отв. ред. Б. В. Ананьич. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. – С. 430–431.
27. **Шумилов, М. М.** Местное управление и центральная власть в России в 50-е – начале 80-х гг. XIX века : дис. … д-ра ист. наук / Шумилов М. М. – СПб., 1992. – С. 372.
28. **Ремнев, А. В.** Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков / А. В. Ремнев. – Омск, 1997. – С. 56.
29. **Ремнев, А. В.** Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века) / А. В. Ремнев. – М., 2010.
30. **Гончарова, С. В.** Исследования В. К. Арсеньева в контексте геополитических проблем Дальнего Востока России (1900–1930) : автореф. дис. … канд. ист. наук / Гончарова С. В. – Хабаровск, 2002. – С. 11.
31. **Пономарева, Е. Л.** Ситуационный анализ истории Восточной Сибири генерал-губернаторами в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. (по материалам отчетов генерал-губернаторов) : дис. … канд. ист. наук / Пономарева Е. Л. – Улан-Удэ, 2009. – С. 65, 70.
32. **Пономарева, Е. Л.** Всеподданнейшие отчеты генерал-губернаторов как источник по истории Восточной Сибири (50–80-е гг. XIX в.) / Е. Л. Пономарева // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2008. – № 4/1. – С. 112–115.
33. **Матханова, Н. П.** Губернаторские отчеты и жандармские донесения как источник по истории российского провинциального чиновничества середины XIX века / Н. П. Матханова // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время. – Новосибирск, 2000. – Вып. 19. – С. 204–236.

34. **Ноздрин, Г. А.** Отчеты губернаторов как источник по изучению колонизации Сибири во второй половине XIX в. / Г. А. Ноздрин // Влияние переселений на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма. – Новосибирск, 1991. – С. 26–38.
35. **Роббинс, Р.** Наместник и слуга / Р. Роббинс // Отечественная история. – 1993. – № 1. – С. 202–213.
36. **Роббинс, Р.** Сатрапы? Вице-короли? Губернаторы / Р. Роббинс // Родина. – 1995. – № 6. – С. 28–30.
37. **Robbins, Richard G.** The Tsar' viceroys. Russian Provincial Governors in the last yeas of the Empire / Richard G. Robbins. – Ithaca ; London : Cornell University Press, 1987.
38. **Yaney, G. L.** The Systematization of Russian Government: Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905 / G. L. Yaney. – Urbana, 1973. – P. 295–301.
39. **Акульшин, П. В.** Реформаторские планы и провинциальная реальность: губернаторские отчеты первых лет правления Александра I (на материале Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний) / П. В. Акульшин // Вестник Рязанского государственного педагогического университета им. С. А. Есенина. – 2005. – № 1. – С. 66–73.
40. **Алексушин, Г. В.** Развитие губернаторской власти в России (1708–1917 гг.): исторический опыт и уроки : дис. … д-ра ист. наук / Алексушин Г. В. – М., 2009.
41. **Лаптева, Л. Е.** Местное управление в пореформенной России (1864–1905 гг.) : автореф дис. ... д-ра ист. наук / Лаптева Л. Е. – М., 2002. – С. 13, 31.
42. **Куликов, С. В.** Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы / С. В. Куликов // Российская история. – 2009. – № 4. – С. 45–60.
43. **Куликов, С. В.** Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917) / С. В. Куликов. – Рязань, 2004.
44. **Касвинов, М. К.** Двадцать три ступени вниз / М. К. Касвинов. – М., 1987. – С. 110–112.
45. **Раздорский, А. И.** Обзоры Вятской губернии за 1870–1915 гг. / А. И. Раздорский // Библиотека как культурно-исторический объект. Традиции и тенденции развития, социальные функции : материалы науч. конф. – Киров, 2007. – С. 195–198.
46. **Раздорский, А. И.** Обзоры Курской губернии за 1870–1915 гг. / А. И. Раздорский // Краеведение в Курском крае: Прошлое и современность. Межрегиональные связи : тр. 1-й Междунар. краеведческой конф. (г. Курск, 26 октября 2006 г.). – Курск, 2006. – Ч. 3. – С. 38–47.
47. **Раздорский, А. И.** Обзоры Орловской губернии за 1879–1915 гг. / А. И. Раздорский // Пятые Денисьевские чтения : материалы межрег. науч.-практ. конф. по проблемам истории, теории и практики библиотеч. дела, библиотековедения, библиографоведения и книговедения. – Орел, 2008. – С. 212–219.
48. **Раздорский, А. И.** Статистические обзоры Санкт-Петербургской губернии : ист.-библиогр. очерк / А. И. Раздорский // Невский архив : ист.-краевед. сб. – СПб., 2001. – Вып. 5. – С. 552–568.
49. **Раздорский, А. И.** Обзоры губерний, областей и градоначальств Российской империи (приложения к всеподданнейшим отчетам губернаторов, начальников областей и градоначальников). 1870–1916: Сводный каталог / А. И. Раздорский. – СПб., 2011.

References

1. German K. *Statisticheskie issledovaniya otnositel'no Rossiyskoy imperii* [Statistical research of the Russian Empire]. Saint-Petersburg, 1819, part I, pp. 39, 68–69.

2. *Istoricheskiy obzor deyatel'nosti Komiteta ministrov* [Historical review of the Ministers' Committee's activity]. Compiled by. S. M. Seredonin, I. I. Tkhorzhevskiy, N. I. Vuich. Saint-Petersurg, 1902, vol. I–V.
3. Blinov I. A. *Gubernatory. Istoriko-yuridicheskiy ocherk* [Governors. A historical and juridical essay]. Saint-Petersburg, 1905, pp. 341–342.
4. Fortunatov A. F. *Urozhai rzhi v Evropeyskoy Rossii* [Rye harvest in European Russia]. Moscow, 1893.
5. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Complete works: in 55 volumes]. Moscow, 1979, vol. 3.
6. Lyashenko P. I. *Istoriya narodnogo khozyaystva SSSR* [History of USSR national economy]. Moscow, 1956, vol. 1–2.
7. Ulashchik N. N. *Problemy istochnikovedeniya* [Problems of source study]. Moscow, 1961, vol. IX, pp. 15–55.
8. Dyatlova N. P. *Problemy arkhivovedeniya i istochnikovedeniya* [Problems of archival science and source study]. Leningrad, 1964, pp. 227–246.
9. Nifontov A. S. *Zernovoe proizvodstvo Rossii vo vtoroy polovine XIX v.* [Grain production in Russia in the second half of XIX century]. Moscow, 1974, pp. 15–81.
10. Nifontov A. S. *Istoricheskie zapiski* [Hisotrical notes]. Moscow, 1968, vol. 81, pp. 216–258.
11. Yatsunskiy V. K. *Problemy istochnikovedeniya* [Problems of source study]. Moscow, 1955, vol. IV, p. 352.
12. Yatsunskiy V. K. *Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Rossii XVIII–XIX vv. Izbrannye trudy* [Socioeconomic history of Russia in XVIII–XIX centuries. Selected works]. Moscow, 1973, p. 281.
13. *Massovye istochniki po sotsial'no-ekonomicheskoy istorii perioda kapitalizma* [Mass sources on socioeconomic history of the capitalistic period]. Ed. by I. D. Koval'chenko. Moscow, 1979, p. 6.
14. Koval'chenko I. D. *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research]. Moscow, 2003, p. 132.
15. Koval'chenko I. D. *Istoriya SSSR* [USSR history]. 1959, no. 1.
16. Koval'chenko I. D. *Agrarnyy stroy Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [Russian agrarian system of the second half of XIX – early XX centuries]. Moscow, 2004, pp. 39, 48, 106.
17. Litvak B. G. *Istochnikovedenie otechestvennoy istorii* [Source study of Russian history]. Moscow, 1976, pp. 125–144.
18. Litvak B. G. *Ocherki istochnikovedeniya massovoy dokumentatsii* [Essays of source study of massive documentation]. Moscow, 1979, pp. 142–186.
19. Shepelev L. E. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny* [Auxiliary historical disciplines]. Leningrad, 1968, vol. I, pp. 130–131.
20. Shepelev L. E. *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1970 god* [Archeogeographical yearbook of 1970]. Moscow, 1971, pp. 170–171.
21. Zyryanov P. N. *Istoricheskie zapiski* [Historical notes]. Moscow, 1982, vol. 107, p. 295.
22. Smykov Yu. I., Khamitbaeva N. S. *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Tatarii* [Source study of the history of Tataria]. Kazan, 1980, pp. 79–95.
23. Zayonchkovskiy P. A. *Rossiyskoe samoderzhavie v kontse XIX stoletiya (politicheskaya reaktsiya 80-kh – nachala 90-kh godov)* [Russian autocracy in the late XIX century (political reaction of 80s – early 90s)]. Moscow, 1970, pp. 14–15.
24. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv* [Russian State Historical Archive]. F. 1287. Op. 38. D. 2496. L. 357.
25. *Krizis samoderzhaviya v Rossii. 1895–1917* [Crisis of autocracy in Russia. 1895–1917]. Leningrad, 1984, pp. 95, 115.
26. *Vlast' i reformy. Ot samoderzhavnoy k sovetskoy Rossii* [Authority and reforms. From autocratic Russia to soviet one]. Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin, 1996, pp. 430–431.

27. Shumilov M. M. *Mestnoe upravlenie i tsentral'naya vlast' v Rossii v 50-e – nachale 80-kh gg. XIX veka: dis. d-ra ist. nauk* [Local self-government and central power in Russia in 1850s – early 1880s]. Saint-Petersburg, 1992, p. 372.
28. Remnev A. V. *Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika vtoroy poloviny XIX – nachala XX vekov* [Autocracy and Siberia. Administrative policy of the second half of XIX – early XX centuries]. Omsk, 1997, p. 56.
29. Remnev A. V. *Samoderzhavnoe pravitel'stvo: Komitet ministrov v sisteme vysshego upravleniya Rossiyskoy imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Auticracy and government: the MInistrers' Committee in the system of supreme governance in the Russian Empire (second half of XIX – early XX centuries)]. Moscow, 2010.
30. Goncharova S. V. *Issledovaniya V. K. Arsen'eva v kontekste geopoliticheskikh problem Dal'nego Vostoka Rossii (1900–1930): avtoref. dis. kand. ist. nauk* [V. K. Arsenyev' research in the context of geopolitical problems of the Russian Far East (1900–1930): author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Khabarovsk, 2002, p. 11.
31. Ponomareva E. L. *Situatsionnyy analiz istorii Vostochnoy Sibiri general-gubernatorami v 50-kh – nachale 80-kh gg. XIX v. (po materialam otchetov general-gubernatorov): dis. kand. ist. nauk* [Situational analysis of Western Siberia history by general-governors in 1850s – early 1880s (by materials of governors' reports): dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Ulan-Ude, 2009, pp. 65, 70.
32. Ponomareva E. L. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya* [Proceedings of Altay State University. Series: History. Political science]. 2008, no. 4/1, pp. 112–115.
33. Matkhanova N. P. *Istochniki po russkoy istorii i literature: Srednevekov'e i Novoe vremya* [Sources of Russian history and literature: the Middle Ages and the Modern period]. Novosibirsk, 2000, iss. 19, pp. 204–236.
34. Nozdrin G. A. *Vliyanie pereseleniy na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Sibiri v epokhu kapitalizma* [Influence of migrations on socioeconomic development of Siberia in the capitalistic period]. Novosibirsk, 1991, pp. 26–38.
35. Robbins R. *Otechestvennaya istoriya* [Russian history]. 1993, no. 1, pp. 202–213.
36. Robbins R. *Rodina* [The Motherland]. 1995, no. 6, pp. 28–30.
37. Robbins Richard G. *The Tsar' viceroys. Russian Provincial Governors in the last yeas of the Empire*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1987.
38. Yaney G. L. *The Systematization of Russian Government: Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905*. Urbana, 1973, pp. 295–301.
39. Akul'shin P. V. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. S. A. Esenina* [Bulletin of Ryazan State Pedagogical University named after S. A. Esenin]. 2005, no. 1, pp. 66–73.
40. Aleksushin G. V. *Razvitie gubernatorskoy vlasti v Rossii (1708–1917 gg.): istoricheskiy opyt i uroki: dis. d-ra ist. nauk* [Development of governors' power in Russia (1708–1917): historical experience and lessons: dissertation to apply for the degree of the doctor of historical sciences]. Moscow, 2009.
41. Lapteva L. E. *Mestnoe upravlenie v poreformennoy Rossii (1864–1905 gg.): avtoref dis. d-ra ist. nauk* [Local self-government in post-reform Russia (1864–1905): author's abstract of dissertation to apply for the degree of the doctor of historical sciences]. Moscow, 2002, pp. 13, 31.
42. Kulikov S. V. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history]. 2009, no. 4, pp. 45–60.
43. Kulikov S. V. *Byurokraticheskaya elita Rossiyskoy imperii nakanune padeniya starogo poryadka (1914–1917)* [Bureaucratic elite of the Russian Empire on the eve of the fall of the old order (1914–1917)]. Ryazan, 2004.
44. Kasvinov M. K. *Dvadtsat' tri stupeni vniz* [Twenty-three steps down]. Moscow, 1987, pp. 110–112.
45. Razdorskiy A. I. *Biblioteka kak kul'turno-istoricheskiy ob"ekt. Traditsii i tendentsii razvitiya, sotsial'nye funktsii: materialy nauch. konf.* [Library as a cultural-historical object.

Traditions and trends of development, social functions: proceedings of the scientific conference]. Kirov, 2007, pp. 195–198.

46. Razdorskiy A. I. *Kraevedenie v Kurskom krae: Proshloe i sovremennost'. Mezhregional'nye svyazi: tr. 1-y Mezhdunar. kraevedcheskoy konf. (g. Kursk, 26 oktyabrya 2006 g.)* [Regional studies in Kursk region: the past and the present. Interregional relations: proceedings of the first International regional studies conference (Kursk, 26th October 2006)]. Kursk, 2006, part 3, pp. 38–47.
47. Razdorskiy A. I. *Pyatye Denis'evskie chteniya: materialy mezhreg. nauch.-prakt. konf. po problemam istorii, teorii i praktiki bibliotech. dela, bibliotekovedeniya, bibliografovedeniya i knigovedeniya* [The Fifth Denisyevsky readings: proceedings of the Interregional scientific and practical conference on problems of history, theory and practice of librarianship, library science, bibliography studies and bibliology]. Orel, 2008, pp. 212–219.
48. Razdorskiy A. I. *Nevskiy arkhiv: ist.-kraeved. sb.* [Nevsky archive: historical and regional collection]. Saint-Petersburg, 2001, iss. 5, pp. 552–568.
49. Razdorskiy A. I. *Obzory guberniy, oblastey i gradonachal'stv Rossiyskoy imperii (prilozheniya k vsepoddanneyshim otchetam gubernatorov, nachal'nikov oblastey i gradonachal'nikov). 1870–1916: Svodnyy katalog* [Reviews of provinces, regions and towns of the Russian Empire (attachements to reports of governors, regional and town heads)]. 1870–1916: Summary. Saint-Petersburg, 2011.

Минаков Андрей Сергеевич
доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева
(Россия, г. Орел, ул. Комсомольская, 95)

E-mail: minakovas@bk.ru

Minakov Andrei Sergeevich
Doctor of historical sciences, professor, sub-department of Russian history, Orel State University
(95 Komsomolskaya street, Orel, Russia)

УДК 94 (47)
Минаков, А. С.

Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской империи: современные проблемы историографии / А. С. Минаков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 5–24. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-1

УДК 347.97/99
DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-2

Д. В. Аронов, П. В. Бардин

ПОНЯТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ЛИБЕРАЛЬНОЙ МЫСЛИ РОССИИ НАЧАЛА XX в. (НА ПРИМЕРЕ УЧЕБНЫХ ПРОГРАММ НАРОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. А. Л. ШАНЯВСКОГО)

Аннотация.

Актуальность и цели. Статья посвящена ранее не исследованному в отечественной историографии месту и роли такого феномена общественной жизни России начала XX в., как Народный университет им. А. Л. Шанявского, в формировании гражданского общества. Прикладная актуальность исследования заключается в возможности использования отечественного исторического опыта для оценки состояния и совершенствования процессов развития в нашей стране базовых институтов гражданского общества. Цель работы – рассмотреть и проанализировать материалы учебных программ университета им. А. Л. Шанявского с точки зрения отражения в них такого направления либеральной политической деятельности начала XX в., как создание в политически активной части российского общества слоя носителей идеологии гражданского общества.

Материалы и методы. Исследование проблемы проведено на базе ранее не введенных в научный оборот материалов программ учебных дисциплин, преподававшихся в рамках общественно-философского цикла университета им. А. Л. Шанявского, материалов архивных фондов, стенографических отчетов Государственной думы. В основу методологии работы, помимо традиционных общенаучных методов исследования, был положен сравнительно-исторический метод, применение которого помогает сопоставить содержание учебных программ на предмет их соответствия базовым элементам гражданского общества; статистический метод, позволяющий проанализировать присутствие в содержании учебных программ сведений об институтах гражданского общества.

Результаты. Проведенный анализ содержания учебных программ университета им. А. Л. Шанявского позволил выявить высокую степень представленности институтов гражданского общества в содержании большого количества учебных дисциплин общественно-философского цикла, определить место и роль отдельных дисциплин в формировании у слушателей университета целостного представления о гражданском обществе как важной составляющей идеологии и политической жизни общества.

Выводы. Члены юридических обществ внесли весомый вклад в разработку проблемы реформирования местного суда. Правоведам не только удалось обосновать необходимость рассмотрения вопроса о проведении судебной реформы в парламенте, но и разработать основные предложения по преобразованию местного суда в своих заседаниях. Однако далеко не все принципиальные вопросы реформирования местного суда, предложенные членами юридических обществ, были реализованы в утвержденном законе, что было обусловлено как позицией исполнительной власти, так и раскладом политических сил в Государственной думе.

Ключевые слова: гражданское общество, либерализм, университет им. А. Л. Шанявского, либеральная профессура России начала XX в.

D. V. Aronov, P. V. Bardin

THE CIVIL SOCIETY CONCEPT IN THE RUSSIAN LIBERAL THOUGHT IN THE EARLY XX CENTURY (BY THE EXAMPLE OF THE A. L. SHANYAVSKY UNIVERSITY'S EDUCATIONAL PROGRAMME)

Abstract.

Background. The article is devoted to the previously unexplored in the national historiography phenomenon regarding the place and role of the A. L. Shanyavsky National University in formation of civil society in the Russian public life in the early twentieth century. The applied actuality of the study consists in a possibility of application of the domestic historical experience to assess and improve the development of civil society basic institutions in our country. The purpose of this article is to examine and analyse the Shanyavsky University's academic programmes in the context of presence of such a direction of liberal political activities of the early twentieth century as the creation of civil society ideology bearers in the politically active part of Russian society.

Materials and methods. The study was carried out on the basis of academic subjects' materials, taught in the framework of the social-philosophical cycle of the A. L. Shanyavsky University, as well as on the basis of archival funds' materials, and verbatim records of the State Duma. The methodology of work, in addition to traditional scientific research methods, was based on the comparative-historical method, which helps to correlate the educational programmes' content with respect to their compliance with basic elements of civil society; the statistical method was used to analyse the information about the civil society institutions in the curriculum.

Results. The analysis of the A. L. Shanyavsky University educational programmes revealed a high degree of civil society institutions' representation in a large number of educational disciplines of the social-philosophical cycle. The analysis also determined the role of certain disciplines in development of students' holistic view of civil society as an important component of the ideology and the political life of society.

Conclusions. Members of law societies made a significant contribution to the development of local court reformation. The jurists managed not only to reason the necessity to consider the judicial reform issue in the Parliament, but also to develop main proposals for transformation of the local court. However, not all fundamental issues of the local court reform, proposed by members of law societies, were implemented in the adopted law that was due to the position of executive authority and the balance of political forces in the State Duma.

Key words: civil society, liberalism, A. L. Shanyavsky University, Russian liberal professorate in the early twentieth century.

Одной из общих черт для обществ, находящихся в стадии системного кризиса экономической и/или социально-политической системы, выступает поиск моделей преобразования, которые генерируют представители различных политических групп, отражающих по преимуществу интересы определенных социальных групп. Однако начиная с эпохи Нового времени, а скорее с эпохи французского Просвещения, в идеологии появляются определенные универсальные концепты, становящиеся своего рода системообразующим элементом как партийных программ, так и моделей преобразования общества. К их числу можно отнести различные вариации на тему естественных

прав человека, а также концепцию гражданского общества, выступающую в качестве и как цели, и как средства преобразования социально-политической системы управления социумом.

Во многом данная теоретическая посылка может быть применена и к той ситуации, которая сложилась в России на рубеже XIX–XX вв., когда понимание необходимости системных реформ достаточно четко было отрефлексировано в самых различных социальных слоях общества. В той политически активной части общества, которая была профессионально связана с интеллектуальным творчеством, социальным конструированием, наибольшее распространение получили общелиберальные воззрения. Объединяющим признаком для них, своего рода универсальным критерием отнесения той или иной политической группы-течения к либеральному выступает, по нашему мнению, не столько содержание их программатики, сколько ориентация на определенные методы общественных преобразований. При этом к числу критериальных вполне можно отнести отказ от революции не только как средства общественных преобразований, но и как варианта даже кардинальных реформ. Соответственно, отказ от силовых методов социального творчества обращал сторонников либеральной трансформации общества, учитывающей национальную специфику социального развития, к иным способам социального творчества, среди которых важное место еще с XVIII в. занимала идея просвещения народа как способ выхода общества на новые рубежи развития.

Именно в этом русле представляет интерес обращения в форме конкретно-исторического исследования опыта просветительской деятельности А. Л. Шанявского, созданного по его инициативе Народного университета. Руководство последним, как научное, так и методическое, в том числе подбор преподавателей осуществляли общественные деятели, бывшие последовательными сторонниками либеральных идей. Отсюда и содержание тех программ учебных дисциплин, в которых вполне системно и комплексно было отражено понятие гражданского общества как такового. Естественно, что в условиях неизбежных ограничений периода постреволюционной реакции данная проблематика не могла быть представлена в форме отдельной дисциплины. Однако, как показали наши изыскания, ее содержание было представлено в целом ряде дисциплин, преподаваемых в рамках общественно-философского цикла [1].

В рамках настоящей статьи предпринимается попытка реконструирования содержания понятия гражданского общества на основе содержания соответствующих учебных программ, а также компаративного анализа полученного материала применительно к современным подходам к пониманию структуры и содержания понятия гражданского общества [2].

В наиболее концентрированном и системном виде понятие гражданского общества можно реконструировать на основе содержания программы такой учебной дисциплины, как «Наука о государственном управлении» (преподаватель – А. В. Горбунов). В ней после раздела, посвященного методологии, идет материал, фактически характеризующий структуру гражданского общества, его базовых элементов. Начинается раздел с такого базового института гражданского общества, как правовое государство. При этом оно показывается именно как субъект юридических отношений в области внутреннего управления. Далее предполагается рассмотрение организации внутрен-

него управления правового государства, а также существующей в обществе системы местного самоуправления. В качестве особых дидактических единиц выделены такие учебные темы, как права и обязанности подданных, существующие на момент чтения курса теоретических учений о субъективных публичных правах, а также публично-правовых отношениях в самых разнообразных проявлениях.

Практические занятия (преподаватель – М. Д. Загряцков) были ориентированы на изучение тех реформ Александра II, которые в либеральной среде считались наиболее демократическими, повлиявшими на формирование в России элементов гражданского общества, пути развития страны.

Еще больше свидетельств о присутствии в учебной программе материалов, раскрывающих содержание понятия гражданского общества, мы находим в специальной части этой же учебной дисциплины – «Отдельные отрасли государственного управления». В ее первом разделе «Обеспечение безопасности государства» проводится сравнение между способами обеспечения безопасности в полицейском государстве и в правовом государстве. По мнению автора, главное отличие состоит в связанности обеспечения безопасности в правовом государстве таким показателем, как реализация института прав и свобод человека («права гражданской свободы», так у автора – Д. А.). Это положение базируется на тезисе о безусловной взаимосвязи безопасности государства и неприкосновенности личности, бывшим также системообразующим для всей системы либерального законотворчества начала XX в. [3]. Понятие личной свободы преподавалось в исторической ретроспективе опыта таких стран, как Англия, Франция, Германия, каждая из которых в той или иной мере выступает образцом для изучения отечественной политико-правовой мысли.

Анализ истории российской государственности содержал вывод о наличии совокупности исторических факторов, «объясняющих отсутствие личной свободы в России в Киевском и Московском периоде». Не был забыт автором программы и современный ему опыт реализации в России отдельных элементов гражданского общества применительно к либеральному думскому законотворчеству начала XX в. В программе мы видим такую тему, как «Постановления современного законодателя, ограничивающие неприкосновенность личности». Здесь же присутствует ссылка на законотворческую парламентскую деятельность российского либерализма. При изучении курса планировалось рассмотреть «законопроекты о неприкосновенности личности, вносившиеся в первую, вторую и третью Государственную думу» [4, с. 161].

Эти общие положения находят свое подтверждение в дальнейшем тексте программы. Автор последовательно предлагает к изучению вопросы взаимосвязанности государственной безопасности с такими неотъемлемыми элементами гражданского общества, как свобода передвижения, свобода обществ и союзов, свобода печати, публичных собраний и т.д. Строго говоря, по своему содержанию этот раздел программы практически полностью повторял либеральную программу законотворчества в Первой и Второй Думе.

В базовом для юристов курсе «Общая теория права» (преподаватель – В. М. Хвостов) рассматривалась взаимосвязь теории права с «наукой об обществе и наукой о поведении», где государство выступало как разновидность общественного союза. В качестве разделов теории права предлагались вопро-

сы о ценности жизни, долге, свободе воли, средства, используемые для достижения нравственного идеала. Включал курс и классификацию субъективных прав человека.

Курс уголовного права читал классик уголовной науки в России М. Н. Гернет. В его дисциплине преступление рассматривалось как социальное явление, в основе которого лежал комплекс разнообразных причин – социальных, физических, возрастных, половых, антропологических, расовых и т.п. Отдельно рассматривались религиозные преступления, их место в системе уголовной преступности, их сравнение с аналогичными деяниями в других государствах. Рассматривал М. Н. Гернет и политические преступления, причем в контексте истории возникновения их квалификации, классификации и толкования в действующем российском законодательстве. Дополняли эту направленность курса и практические занятия, одним из видов учебной работы на которых была подготовка рефератов по социологии в рамках проблематики уголовного права.

Курс «Уголовный процесс» (преподаватель – Н. Н. Полянский) начинался разделом об основных началах деятельности суда в правовом государстве, вопросах отделения судебной власти от законодательной и административной, обеспечения всеобщего равенства перед правосудием, установления гарантий личной свободы граждан, состязательных начал в уголовном процессе [4, с. 150]. В рамках курса гражданского процесса (преподаватель – Н. В. Михайлов), в частности, изучалась проблема внесудебной охраны гражданских прав человека.

В совокупности учебных дисциплин исторического блока, таких как «Общий курс средних веков» (преподаватель – Д. Н. Егоров), «Экономическая история средних веков» (преподаватель – Д. М. Петрушевский), «История Франции XVIII и XIX веков» (преподаватель – С. Ф. Фортунатов), «История русского государственного права» (преподаватель – Б. И. Сыромятников), «История России в первой половине XIX столетия» (преподаватель – А. А. Кизеветтер), большое место уделялось возникновению сословий в России и Западной Европе в свете обретения ими вначале корпоративных, а впоследствии личных и политических прав и свобод в процессе взаимодействия с государством [4, с. 179–180].

Дополнительный материал, хотя и в значительно более скромном размере, мы находим в программах иных учебных дисциплин. В курсе «Политическая экономия» (преподаватели – В. Я. Железнов, А. А. Мануилов [5, с. 268–349]) включен раздел по фабричному законодательству в контексте деятельности недавно возникших в России профессиональных союзов, выполнявших роль посредника между пролетариатом и предпринимателями.

В курсе «История политической экономии» (преподаватель – Н. Н. Шапошников) в разделе, раскрывающем современное состояние теоретической мысли, рассматривались как ее социально-этические направления, так и новейшие течения социалистической теории.

Взаимосвязь между объединениями потребителей и производителей, установление справедливой нормы рабочего времени, продолжительности рабочего дня, порядка заключения тарифных соглашений применительно к деятельности профсоюзов входила в содержание курса «Экономия торговли и промышленности» (преподаватель – Н. А. Каблуков).

На основании полученных данных мы можем говорить о представленности в учебных программах университета базовых институтов гражданского общества. Для наглядности сгруппируем их по системным институтам гражданского общества, таким как правовое государство (разделение властей, демократический политический режим), права и свободы человека (как критерий права и справедливости), общественные объединения граждан как субъекты социального управления, наличие социальных (формальных и неформальных) механизмов снятия противоречий в системе государство – общество – индивид.

В совокупности мы получаем следующую картину:

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО:

– правовое государство – это разновидность общественного союза («Общая теория права») и субъект юридических отношений в области внутреннего управления («Наука о государственном управлении»);

– организации внутреннего управления в правовом государстве («Наука о государственном управлении»);

– основные начала деятельности суда в правовом государстве («Уголовный процесс»);

– отделение судебной власти от законодательной и административной («Уголовный процесс»);

– система местного самоуправления правового государства («Наука о государственном управлении»);

– связанности обеспечения безопасности в правовом государстве обязательным соблюдением прав и свобод человека («права гражданской свободы») («Наука о государственном управлении»).

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА:

– права и обязанности граждан («Наука о государственном управлении»);

– субъективные публичные права («Наука о государственном управлении»);

– классификация субъективных прав человека («Общая теория права»);

– гарантии личной свободы граждан («Уголовный процесс»);

– взаимосвязь безопасности государства и неприкосновенности личности («Наука о государственном управлении»);

– всеобщее равенство перед правосудием («Уголовный процесс»);

– состязательные начала в уголовном процессе («Уголовный процесс»);

– понятие личной свободы (исторический опыт Англии, Франции, Германии) («Наука о государственном управлении»);

– наличие совокупности исторических факторов, «объясняющих отсутствие личной свободы в России в Киевском и Московском периоде» («Наука о государственном управлении»);

– постановления современного законодателя, ограничивающие неприкосновенность личности («Наука о государственном управлении»);

– взаимосвязь государственной безопасности с такими неотъемлемыми элементами гражданского общества, как свобода передвижения, свобода обществ и союзов, свобода печати, публичных собраний («Наука о государственном управлении»);

– ценность человеческой жизни, долг, свобода воли («Общая теория права»).

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ГРАЖДАН:

– внесудебная охрана гражданских прав («Гражданский процесс»);

– возникновение сословий в России и Западной Европе в контексте обретения их членами вначале корпоративных, а впоследствии личных и политических прав и свобод в процессе взаимодействия с государством («Общий курс средних веков», «Экономическая история средних веков», «История Франции XVIII и XIX веков», «История русского государственного права», «История России в первой половине XIX столетия»);

– деятельность профсоюзов («Экономия торговли и промышленности»).

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СНЯТИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА:

– преступление – социальное явление, в основе которого лежит комплекс социальных, физических, возрастных, половых, антропологических, расовых и других причин («Уголовное право»);

– религиозные и политические преступления, их место в системе уголовной преступности России и в сравнении с аналогичными деяниями в других государствах («Уголовное право»);

– взаимосвязь между объединениями потребителей и производителей, установление справедливой нормы рабочего времени, продолжительности рабочего дня, порядка заключения тарифных соглашений применительно к деятельности профсоюзов («Экономия торговли и промышленности»).

Таким образом, проанализированные в ходе проведенного исследования программы учебных курсов общественно-философского цикла народного университета им. А. Л. Шанявского дают материал, показывающий наличие в них элементов, позволяющих восстановить теоретическую конструкцию понятия гражданского общества. Полагаем, что данная реконструкция не только подтверждает нашу исследовательскую гипотезу о наличии в педагогической деятельности университета, содержании программ учебных курсов концепта гражданского общества, но и помогает получить представление о том видении гражданского общества, которое сформировалось в это время в либеральной, политически активной части российского общества.

Список литературы

1. **Аронов, Д. В.** Проблематика гражданского общества в учебных дисциплинах общественно-философского цикла Московского городского университета им. А. Л. Шанявского (1908–1917 гг.) / Д. В. Аронов, П. В. Бардин, М. А. Коновалова // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2016. – № 1. – С. 17–23.
2. Завершена подготовка к изданию второй редакции учебника «Гражданское общество». Официальный сайт МГИМО университет. Новости подразделений. – URL: http://mgimo.ru/about/news/departments/zavershena-podgotovka-k-izdaniyu-vtoroy-redaktsii-uchebnika-grazhdanskoe-obshchestvo/ (дата обращения: 22.12.2015).
3. **Аронов, Д. В.** Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906–1917 гг.) / Д. В. Аронов. – М., 2005.
4. Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского. Исторический очерк. Слушатели университета. Общество взаимопомощи слушателей. Учебные планы и программы лекций. – М., 1914.
5. Начинание на благо и возрождение России: создание университета им. А. Л. Шанявского : сб. документов / сост.: И. И. Глебова, А. В. Крушельницкий, А. Д. Степанский. – М. : РГГУ, 2004. – С. 268–349.

References

1. Aronov D. V., Bardin P. V., Konovalova M. A. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom* [Civil society in Russia and abroad]. 2016, no. 1, pp. 17–23.
2. *Zavershena podgotovka k izdaniyu vtoroy redaktsii uchebnika «Grazhdanskoe obshchestvo». Ofitsial'nyy sayt MGIMO universitet. Novosti podrazdeleniy* [Preparations for publication of the second edition of the "Civil society" textbook have been finished. Official website of MGIMO university. Department news]. Available at: http://mgimo.ru/about/news/departments/zavershena-podgotovka-k-izdaniyu-vtoroy-redaktsii-uchebnika-grazhdanskoe-obshchestvo/ (accessed December 22, 2015).
3. Aronov D. V. *Zakonotvorcheskaya deyatel'nost' rossiyskikh liberalov v Gosudarstvennoy dume (1906–1917 gg.)* [Law-making activity of Russian liverals in the State Duma (1906–1917)]. Moscow, 2005.
4. *Moskovskiy gorodskoy narodnyy universitet imeni A. L. Shanyavskogo. Istoricheskiy ocherk. Slushateli universiteta. Obshchestvo vzaimopomoshchi slushateley. Uchebnye plany i programmy lektsiy* [A. L. Shanyavsky Moscow Municipal Peoples' University. A historical essay. Students. The society of students' mutual assistance. Curricula and lecture programs]. Moscow, 1914.
5. *Nachinanie na blago i vozrozhdenie Rossii: sozdanie universiteta im. A. L. Shanyavskogo: sb. dokumentov* [Beneficial initiatives and revival of Russia: establishment of the A. L. Shanyavsky University: collected documents]. Compiled by I. I. Glebova, A. V. Krushel'nitskiy, A. D. Stepanskiy. Moscow: RGGU, 2004, pp. 268–349.

Аронов Дмитрий Владимирович
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева
(Россия, г. Орел, Наугорское шоссе, 40)

E-mail: aronovdv@mail.ru

Aronov Dmitriy Vladimirovich
Doctor of historical sciences, professor, head of sub-department of theory and history of state and law, Orel State University
(40 Naugorskoe highway, Orel, Russia)

Бардин Павел Викторович
аспирант, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева
(Россия, г. Орел, Наугорское шоссе, 40)

E-mail: t-igp@mail.ru

Bardin Pavel Viktorovish
Postgraduate student, Orel State University
(40 Naugorskoe highway, Orel, Russia)

УДК 347.97/99

Аронов, Д. В.

Понятие гражданского общества в либеральной мысли России начала XX в. (на примере учебных программ Народного университета им. А. Л. Шанявского) / Д. В. Аронов, П. В. Бардин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 25–32. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-2

УДК 398.3
DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-3

Н. Е. Мазалова

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС «ЗНАЮЩИХ» В ТРАДИЦИОННОМ РУССКОМ ОБЩЕСТВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОВОЛЖЬЯ XIX – НАЧАЛА XX в.)

Аннотация.

Актуальность и цели. В последние годы в исторических, социологических и этнологических исследованиях значительную актуальность приобрело изучение проблем формирования и проявления статуса и связанных с ним способов утверждения власти. Вместе с тем изучение статуса в традиционном социуме содержит значительные лакуны. В определенной степени их может восполнить обращение к исследованию статуса русских «знающих» (ритуальных специалистов). Предметом исследования является статус «знающих» в традиционном социуме Поволжья. Цель настоящего исследования – изучение народных представлений о статусе «знающих» в социокультурном аспекте.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования материалов «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева конца XIX – начала XX в. и других опубликованных источников. Основным методом, используемым в работе, является социопрагматический, который позволяет трактовать статус ритуальных специалистов в традиционном обществе связи с мифоритуальными представлениями и социальными отношениями.

Результаты. Исследованы народные представления о статусе ритуальных специалистов в традиционном деревенском сообществе Поволжья, проведено их сравнение с общерусскими. Рассмотрен статус различных «знающих» – колдунов и знахарей. Выявлена связь представлений о статусе колдуна с представлениями о власти.

Выводы. Изучение народных представлений о статусе «знающих» в традиционном социуме позволило определить его как достаточно высокий. Проведенное исследование подтверждает выводы исследователей о том, что они являются наследниками волхвов-жрецов более ранних эпох, выполняющих важные для архаического социума функции.

Ключевые слова: традиционный социум, Поволжье, ритуальные специалисты, «знающие».

N. E. Mazalova

SOCIAL STATUS OF “THE KNOWING ONES” IN THE TRADITIONAL RUSSIAN SOCIETY (BY MATERIALS OF VOLGA REGION IN XIX – EARLY XX CENTURIES)

Abstract.

Background. In recent years, the study of problems of formation and display of a status and associated means of consolidation of power has become quite topical in historical, sociological and ethnological researches. At the same time, the study of a status in a traditional socium has significant gaps. To a cartain degree such gaps may be filled with researching a status of the Russian “knowing ones” (ritual experts). The research subject is the status of the “knowing ones” in the traditional

socium of Volga region. The aim of the research is to study popular ideas about the status of the "knowing ones" in the sociocultural aspect.

Materials and methods. The research tasks were implemented through using the materials from V. N. Tenishev's "Ethnographic bureau", written in the late XIX – early XX centuries, and other published sources. The main research method used was the sociopragmatic one, which made is possible to interpret the status of ritual experts in the traditional society of bonds with mythological and ritual conceptions and social relations.

Results. The author examined popular ideas about the satus of ritual experts in the traditional rural society of Volga region and compared them with common Russian ones. The researcher considered the status of various "knowing ones" – sorcerers and healers, and revealed a connection between views of the status of sorcerers and views of the power.

Conclusions. The study of popular views of the status of the "knowing ones" in the traditional socium has allowed to determine it as quite a high one. The research carried out confirms conclusions of researchers the said ritual experts were successors of pagan priests from earlier ages, who performed various important functions for the archaic socium.

Key words: traditional socium, Volga region, ritual experts, "knowing ones".

В последние годы в исторических, социологических и этнологических исследованиях значительную актуальность приобрело изучение проблем формирования и проявления статуса и связанных с ним способов утверждения власти. Несмотря на увеличившийся интерес, изучение статуса в традиционном социуме содержит значительные лакуны. В определенной степени их может восполнить обращение к исследованию статуса русских ритуальных специалистов. В социологии некоторые исследователи считают, что статусы – это предписанные нормы, другие – культурно определенные позиции внутри институциональной системы. Так, по мнению Ф. Бейтса, статус принято понимать как обозначение ранга, места в социальной структуре, связанное с определенным набором норм [1]. Макс Вебер определял понятие «социальный статус» как притязания на позитивные или негативные привилегии в отношении социального престижа [2, с. 244]. Ему принадлежит классическое определение статусного положения: «Статусное положение – это любой типичный компонент жизненной судьбы человека, который может быть оценен обществом с точки зрения "чести" – позитивно или негативно <...> Честь может быть связана с любым качеством, которым обладает большинство <...> В сущности, основное условие для того, чтобы считаться членом статусной группы, – это конформизм с предписанным стилем жизни. Статусная честь обычно выражается в том, что прежде всего особый образ жизни предполагается для всех тех, кто желает принадлежать к какому-то определенному кругу» [3, s. 462–463]. Далее М. Вебер объясняет, что статусные различия гарантируются тогда не только установлениями и законами, но также и ритуалами.

В этнологии изучение статуса индивида в социокультурной среде предполагает изучение соотносимых с ним социальных, поведенческих и личностных характеристик, а также ритуальных и мифологических связей. В традиционном обществе при определении статуса человека актуальными оказываются его пол, возраст, физические особенности, особенности характера, имущественное положение, профессия и др. Наиболее значимой являет-

ся социальная составляющая личности «знающих». Статус ритуальных специалистов можно представить как систему религиозно-магических представлений, встроенных в социальную организацию и культурный контекст [4, 5]. Изучение представлений о «знающих» в социокультурном аспекте в связи с социальными отношениями позволяет определить приписываемые им социальные статусы и роли, выявить механизмы их контроля за соблюдением норм поведения членов сообщества.

Члены традиционного социума нуждались в периодических контактах с природным миром (в случае засухи, болезни человека или животного, краж и др.), поэтому были востребованы «знающие» – ведьмы, колдуны, знахари, которые были наделены способностью вступать в отношения с потусторонним миром, т.е. нарушать границу между социальным и природным.

Неважно, был ли человек стар или молод, беден или богат, одинок или у него была семья, главное, что он обладал «тайным» знанием, которое и позволяло ему осуществлять связи с потусторонним миром. Обладание сакральным знанием – главный маркер статуса ритуального специалиста.

Колдуном человек мог стать и в достаточно молодом возрасте. Мотивы становления колдуном следующие: стремление к власти, желание добиться любви девушки, которая его отвергала [6, с. 186; 7, с. 321] и др.

Как правило, «знающим» человек становился в последний период жизни – после 50 лет. Старость – не только возраст, но и социальная роль. С одной стороны, старики выпадали из производственной деятельности, и поэтому оказывались на периферии общественной деятельности. С другой стороны, старики – хранители традиционного опыта, в том числе магических практик. Старик приближался к миру предков («дед» и «баба» в святочной обрядности русских Поволжья – обозначение предков).

Знахарками и колдуньями чаще становились женщины, утратившие генеративные способности. В целом жизненный путь любого человека характеризовался «нарастающей с возрастом ритуально-магической активностью» [8, с. 26–28]. С этим связано то, что в русских деревнях Поволжья, как и на всей территории России, «знающие» нередко обозначались словами «старик», «старушка», «бабушка» в значении «колдун, знахарь, лекарь». Обозначение члена биологической (половозрастной) классификации переходит к обозначению члена социума и профессии. Так, например, для знахарок и повитух это чуть ли не единственные определения, кроме функционального определения – «знает», «знаткой» (обладает сакральным знанием): «А спастись-то (лечиться. – Н. М.) – к бабушкам. Бабушки – те хорошие были. Пойдешь к бабушкам, они наговаривали, спрыскивали» [9, с. 213]. Самыми сильными колдунами считались очень старые люди, приближающиеся к столетнему возрасту.

Зачастую «знающими» становились одинокие люди. Так, в основном ритуальные специалисты в Поволжье – это женщины, не принадлежащие к нормативной фертильной группы женщин, а относящиеся к иной гендерной группе (вдовы, старые девы). Именно к таким женщинам по традиционным представлениям мог прилетать бес в виде огненного змея, который принимал вид умершего мужа или мужчины, иногда такие женщины становились колдуньями (ср.: избранник духов – шаман): так, в одной из деревень Пошехонского уезда Ярославской губернии змей навещает «пожилую девицу», которая становится колдуньей [10, с. 197].

Вековухи (старые девы) могли стать не только «знающими» (знахарками, колдуньями), но и черничками, в исключительных случаях они уходили в монастырь и становились монахинями, посвящали себя служению Богу [11, с. 126–128].

Бездетный бобыль в русской деревне не мог достичь полноты реализации функций мужчины, он не мог занимать значимые должности в структуре общины, в ритуалах обычно он мог быть только наблюдателем; поэтому такой человек старался приобрести «тайное» знание и стать ритуальным специалистом.

Получение «тайного» знания позволяло человеку изменить свой статус в деревенском сообществе. Обладание «тайным» знанием позволяло людям перейти в группу людей с более высоким социальным статусом. Женщины в социуме обладали более низким социальным статусом, занятие магическими практиками также позволяло им повысить статус.

Статус «знающего» в поволжских деревнях также определялся направленностью его магических сил – на зло или благо социума направлена его деятельность: «Колдун – это человек, вступивший в договор с нечистой силой, вследствие какового он пользуется помощью этой нечистой силы во всеми, в чем пожелает. Колдун делает людям исключительно вред, хотя бы он мог делать и добро, но не желает этого, и не делает… Под словом “знахарь” разумеется такой человек, который лечит болезни, угадывает будущее и неизвестное настоящее… но делает это не с помощью нечистой силы, а с помощью различных трав и кореньев, нашептыванием и заклинанием. Знахарь никогда не приносит людям вреда, а только пользу. Очень часто знахарь уничтожает своею силой зло, нанесенное человеку колдуном… как знахари, так и колдуны пользуются не одинаковой силой и могуществом» [10, с. 197–198].

Колдун обладает несколькими статусами – статусом «знающего», статусом семьянина, статусом крестьянина и т.д. Эти статусы могут противоречить один другому. У колдуний неблагополучная семейная жизнь, они рано становятся вдовами: «У всех у них мужья молодыми умирают… Все толкуют, что они с мужьями что-то делают» [10, с. 216]. Колдунья «забирает» жизненную силу мужа, и он рано умирает.

Вместе с тем особый статус, который занимает колдун в обществе, позволяет ему нарушать нормы поведения, которым должны следовать рядовые члены общества. Живет колдун на периферии социума, не выполняет общепринятые нормы поведения (например, многие колдуны спят днем, а бодрствуют ночью). Колдуны не справляют церковные обряды, так, колдун Ирипарха «лет сорок не бывал у святого причастия… уверяют жители Шанско-Городищенской, в церкви при жизни этого колдуна видали в пасху в церкви много раз не похожим на человека, а на востроголова черта» [7, с. 89].

Колдуны нарушают сексуальные запреты традиционного социума. Пользуясь своей властью, они вступают в сексуальные связи со многими односельчанками. В г. Пошехонье жил колдун и знахарь Петр Васильевич Туров. Занимался отгадыванием воров, лечением, ворожбой, «был сильно охочь, по выражению крестьян, до женского пола» [10, с. 200].

Знахари, наоборот, живут по нормам социума, они нередко живут в центре деревни, к ним ходит много людей, они постоянно ходят в церковь.

Для исполнения важнейших функции статуса «знающего» важен «объем» магической силы, которая заключается для колдуна – в его помощниках, владении определенными магическими практиками, для знахарей – в количестве и «качестве» заговоров, которыми они владеют. По народным представлениям колдун обладал значительной магической силой и большим объемом «тайного» знания, чем знахарь, поэтому он был наделен более высоким статусом – статусом более сильного «знающего». Статус «знающего» мог быть либо предписанным, когда «тайное» знание передавалось по наследству, либо достигаемым: человек по собственной воле становился колдуном или знахарем.

Можно выделить несколько типов русских «знающих» Поволжья. К первому типу относятся колдуны, которые получили магическую силу (помощников) в результате прохождения обряда посвящения: «Не успел он пойти, как ночью ему кто-то явился в образе Середы (старой колдуньи. – Н. М.) и зовет его в баню. Там он увидел массу “шутов” (так народ называет здесь чертей). Вылезла голова, вроде лягушки, а голова – более ведра. “Шуты” его туда втиснули. Он чуть не задохся. Потом голова его изрыгнула, и ее стало рвать. Шуты заставили его есть эту рвоту. Он съел. С тех пор “шуты” стали за ним ходить, т.е. стали его помощниками» [6, с. 186]. Это описание обряда инициации колдуна, во время которого его сначала поглощает мифическое животное, а затем он поглощает его рвоту, то есть часть этого животного. Во время обряда инициации он обретает помощников («шуты» – черти).

После прохождения обряда инициации Иван Сухин стал очень сильным колдуном. Так, он мог на лету останавливать птиц и они падали мертвыми. Иван наделяется способностью, присущей Иисусу Христу, – ходить по воде, «аки по суху» (евангельские мотивы): «Летом шел по воде, как по дороге» [6, с. 186].

Ко второму типу относятся «знающие», владеющие достаточно большим количеством магических практик и успешно отправляющие их в определенной местности. Это знахарки, которые лечат одно или несколько заболеваний, гадалки, способные найти пропавшее животное или определить вора. Таких ритуальных специалистов окружающие характеризуют следующим образом: «много знает». Например, в г. Пошехонье жила знахарка Федорушка, которая лечила от нескольких болезней (костоеды, сифилиса и др.) и была очень популярна среди местного населения [10, с. 200].

К третьему типу можно отнести людей, которые владеют несколькими заговорами или магическими практиками и отправляют их внутри собственной семьи, реже к их услугам прибегают ближайшие соседи.

Итак, «тайное» знание, магическая сила по народной терминологии – *сила*, которой не обладают обычные члены сообщества, в значительной мере определяет социальный статус знающих. «Знающий», в особенности это относится к колдуну, обладает определенной властью в социуме. Одно из значений слова *сила* в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля – «власть, могущество, влияние, владычество, чисто нравственное или поддержанное страхом кары» [12]. В древнерусских источниках слово *сила* означает не только «силы телесные», но и «могущество», «власть», «войско». Власть колдуна можно рассматривать как атрибут социальной роли в структуре деревенского сообщества, «как своеобразную модель власти, во всяком

случае она обеспечивала своему обладателю определенное влияние и авторитет» [4, с. 77]. Власть колдуна – это вид политики управления людьми. М. Вебер определял политику как способность добиваться у других людей послушания, независимо от того, на чем основано это послушание. Оно, в частности, основано на авторитете, полной личной преданности и личном доверии, вызываемом наличием у какого-либо человека качеств вождя [13]. Власть колдуна заключается в способности распоряжаться действиями окружающих. Зачастую человек становился колдуном, чтобы получить власть над людьми.

Колдун в своей деятельности реализует одну из форм власти – власть наказания, когда необходимое поведения индивида формируется под страхом причинения физического ущерба (он может испортить человека, его животных) или смерти. Страх – главное орудие управления колдуна: традиционная формула, определяющая отношение к колдуну, – «колдунов все боялись»: «А была Манька Зуева, колдунья. Она козой… корой рядилась. Ее все боялись» [9, с. 213]. Колдун целенаправленно использует страх для воздействия на поведение окружающих: ему боятся отказать в какой-либо просьбе, рассердить его и т.п., «чтобы они не наслали какую-нибудь болезнь» [7, с. 281].

Страх перед колдуном свидетельствует о статусе, занимаемом им в деревенском сообществе. Страх обычно испытывают «низшие» по отношению к «высшим». Владение «тайным» знанием и связь с «иным» миром позволяет колдуну требовать от окружающих оказания почета и уважения.

Отношения колдуна с крестьянами напоминают вассальные отношения, при которых честь воздается снизу вверх, причем «честь всегда связывается с актом обмена, требующим материального знака, с некоторой взаимностью социальных отношений, дающих право на уважение и общественную ценность» [14, с. 53]. Честь (от «часть») по отношению к колдуну имеет значение и материального дара, и духовной ценности, победы, т.е. колдун требует выделения ему положенной доли. Иначе говоря, колдун требует правильной оценки его достоинств и знаний со стороны окружающих взамен на оказание услуг – контактов с потусторонним миром.

Сакральная деятельность колдунов нередко приобретает демонстративный характер. Демонстрация силы выражает позиции доминирования. Демонстративный характер деятельности колдуна связан с тем, что он старается показать, что владеет тайным знанием, и, кроме того, с его стремлением к славе, почету и уважению для того, чтобы занять более высокое место на иерархической лестнице в сельском сообществе, а для достижения славы, почета и уважения ему необходимо, чтобы окружающие были уверены в том, что он обладает магической силой. Колдун часто специально демонстрирует свою силу для приобретения и утверждения статуса «знающего». Статус – основной «продукт обмена» в иерархическом мире мужчин [15]. Так, в Нижегородской губернии колдуны демонстрировали «чудеса», протыкая тело ножом или иглой (достаточно редкий пример в русской традиции): «Втыкают себе в тело перочинный нож, который уходит в него совершенно своим лезвием, крови… нет» [16, с. 320]; «Взявши иглу в правую руку, обратить острием ко рту и сказать трижды… заговор и потом зашивать порезанное место. А наши колдуны зашивают такими заговоренными иглами себе рот и другие места тела, крови нет и боли также, игла проходит через тело, как через “ре-

пу”. Такие же случаи делают с ножами и кровь не течет» [16, с. 323]. Личность колдуна становится темой рассказов о его могуществе, функцией этих рассказов является поддержание его власти, кроме того, это один из способов поддержания функционирования магии: «Миф есть естественный результат человеческой веры в то, что любая власть должна обнаруживать себя, выступать как действующая сила… миф может быть связан не только с магией, но и с любой формой социальной силы или социальных притязаний на власть. К мифу всегда прибегают для обоснования неких особых привилегий или обязанностей, вопиющих социальных неравенств» [17, с. 95].

Знахарь, который славился успешным лечением болезней и к которому за помощью обращалось много людей, также был наделен высоким статусом. Нередко знахаря характеризуют с точки зрения пользы, приносимой обществу его деятельностью; *пользовать* – лечить, т.е. приносить пользу больному. Деятельность знахарей направлена на излечение болезней, сохранение здоровья, что в свою очередь, по классификации А. Маслоу, ведет к удовлетворению потребности членов социума в безопасности и защищенности, которые в свою очередь способствуют удовлетворению их физиологических потребностей [18]. Сами «знающие» посредством отправления магических практик удовлетворяют физиологические потребности (плата за отправление магических практик – нередко главный источник их доходов), социальные потребности и потребность в уважении (приобретение достаточно высокого социального статуса).

«Знающий» в социуме также обладает нормативной властью. Он контролирует соблюдение определенных норм поведения. Исследования западных антропологов второй половины XX в. выявили регулярную связь между распространенными почти повсеместно представлениями о «сверхъестественных» силах, причиняющих болезни (в результате нарушений запретов, колдовства, сглаза и болезнетворных духов), и управляющими поведением социальными нормами. Эти исследования также продемонстрировали, что такие представления эффективно функционируют в качестве механизма социального контроля и способа поддержания социального порядка [19, p. 24; 20, p. 117 и др.].

Ритуальный специалист контролирует соблюдение определенных норм поведения, например уважение младших по отношению к старшим, в особенности – по отношению к себе, а, как уже говорилось, тайное знание позволяет ему требовать от окружающих особого поведения. В том случае, если эти нормы не были соблюдены, виновника ожидала кара. Так, исследователи выявили связь между распространенным представлением о насылании болезней колдунами и социальными нормами. Болезнь нередко наступает в результате нарушения принятых норм поведения, и именно колдун осуществляет контроль за выполнением норм социума.

Так, причина возникновения болезни или физического ущерба объясняется непочтительным поведением молодых по отношению к колдуну, т.е. наказание молодых за обиду старика. Колдун не прощает насмешек над собой и порчи или кражи своего имущества, он наказывает насмешников или воров; так, у старика-колдуна «перемыкали» – сбросили оглобли у телеги, отчего слетели дрова; он «сказал мужикам: бодайтесь, как козлы. И начали. Они расшибли друг другу лбы. И говорят ему: останови. Он ответил, что еще не время. В кровь мужики лбы расшибли, отпустило потом» [9, с. 217].

Наиболее показательные примеры обладания колдуном нормативной власти – его поведение на свадьбе. Свадьба – важное событие в жизни социума, здесь происходило «рождение» новых членов социума – женатого мужчины и замужней женщины, способных к продолжению рода: «Колдуна непременно зовут на все свадьбы, чтоб, во-первых, он не сделал вреда из досады и, во-вторых, чтоб уничтожить колдовство других колдунов» [16, с. 320].

В том случае, если колдуну не было оказано уважение и он не был вознагражден, он может отомстить, испортить свадьбу, например, превратить жениха и невесту и весь свадебный поезд в волков, лишить жениха и невесту генеративных способностей и т.д.: «Сядет на крест (образуемый канатным брусом и закладиной последней крайней к печи канатницы) около печной трубы, да оттуда порчу и наведет» [7, с. 170].

Статус колдуна отражается и в оплате его услуг. Колдун всегда требует плату за отправление магических практик. В мифологических рассказах нередко описано, что колдун использует свои знания в корыстных целях и требует за это плату: колдун Осип Леонтьевич, который отыскивает украденное, привораживает и отвораживает и прочее, «извлекает из этого значительные материальные блага и считается одним из самых богатых мужиков деревни» [10, с. 201]. Плата – архаический элемент обряда: происходит обмен ритуальными услугами и какими-то дарами, например, на свадьбе колдуну чаще всего платили водкой.

Статус человека связан с экономическими факторами. Нередко человек становился «знающим», руководствуясь соображениями материального порядка – «всегда будешь кусок хлеба иметь». Некоторые «знающие» входили в число самых зажиточных мужиков своей деревни. В отличие от знахаря колдун получал доход не только как плату за отправление магических практик. Владение «тайным» знанием позволяло ему разбогатеть, магическим путем заимствуя материальные блага у окружающих.

В традиционном русском социуме статус колдуна сопоставим со статусом вора и разбойника, отбирающих чужое имущество или жизнь и здоровье. Все эти люди отнимают то, что им не принадлежит. В народном сознании они пользуются магическими средствами. Колдун, вор, разбойник относятся к категории *лихих* людей. Вором до XVIII в. называли «преступника вообще». Магические действия ведьм и колдунов определяются как воровство: ведьмы О. Христофорова ставит закономерный вопрос о тождественности концептов колдовства и воровства: «Однако релевантно ли традиции признание исследователем реальности воровства и ирреальности колдовства? Для внутренней точки зрения и то и другое, безусловно, реально. Коль скоро мы пытаемся увидеть культуру глазами ее носителей, мы должны признать, что колдовство и воровство, а также колдовство и убийство, прелюбодеяние и воровство как культурные концепты пересекаются и накладываются друг на друга. Подобно тому как “колдовство” суммирует все антинормы, так и “воровство” в русской культуре – почти универсальный ярлык для греховного поведения, “вором” могли назвать и разбойника, и убийцу, и прелюбодея» [21, с. 388].

Так, нередко известных разбойников считали колдунами: например, ходили рассказы о том, что у известного в Подорвановской волости Пошехонского уезда Ярославской губернии грабителя Базана была волшебная разрыв-трава, благодаря которой он мог отпирать любые запоры [10, с. 528].

Магические действия колдунов определяются как воровство: колдуньи у коровы «молоко крали», «отбирали», «отнимали», «уводили», «переводили» и т.п., из хлеба «спорынью вынимали», «отнимали», магическим способом можно также «увести мужика». И разбойник и вор в традиционном сознании также связаны с представлениями об обладании «тайным» знанием.

Для русских крестьян было характерно ведение натурального хозяйства, отличающееся простым воспроизводством (равенством созданного продукта потребленному). Появление дополнительного продукта, превышающего обычный прирост, воспринималось как нечто экстраординарное и настораживающее, особенно если в это время в другом хозяйстве происходили потери. В соответствии с представлениями традиционного общества богатство – заданная величина; если прибавляется у кого-то, то, соответственно, уменьшается у другого. Зачастую поводом для обвинения в колдовстве какого-либо индивидуума было его быстрое обогащение и уменьшение достатка в другой семье. Вероятно, эта идея представляет собой частное проявление характерной для аграрных обществ концепции «ограниченного блага» (limited good), некогда описанной и проанализированной американским антропологом Джорджем Фостером. Согласно Фостеру крестьянская культура воспринимает любые блага и ценности (экономические, социальные, культурные) как замкнутую систему – своего рода ограниченный ресурс. Поэтому любой дисбаланс в дистрибуции блага воспринимается членами крестьянской общины как процветание одних за счет других, как ситуация, требующая перераспределения ценностей [22, p. 308].

Принцип «постоянства суммы» основан на том, что увеличение количества неких благ у одного индивидуума или семьи интерпретируется соседями как уменьшение их достатка: «Важной предпосылкой для возникновения подозрений в ведовстве был “принцип постоянства суммы”, который господствовал в представлениях сельских жителей не только о том, что касалось материальных благ, но также любви, здоровья, чести» [23, с. 324].

Колдуны и колдуньи нередко становились богатыми людьми. Отношение к состоятельным людям в русской деревне неоднозначно: «Зажиточный человек пользуется среди крестьян известной долей уважения, но с известными ограничениями… в том случае, если богатство приобретено лично им и притом не случайно, а благодаря его личным качествам» [10, с. 154]. С другой стороны, нередко подозревают, что богатство не заработано ими, а добыто неправедным путем: «Зажиточные крестьяне не все пользуются уважением, хотя с виду все относятся к ним с почтением… при расспросах о богачах таинственно рассказывают разные неблаговидные истории и причины, по которым получилось богатство. “Ты не сказывай, а ведь он мужика убил, деньги-то вынул, да покойника-то головой в реку и опустил… с тех пор и пошел, и пошел богатеть”» [1, с. 33]. По народным представлениям колдуны богатеют с помощью нечистой силы – своих помощников.

Верили, что колдуны обладали способностью «держать обилие», т.е. влиять на урожай растений и воспроизводство животных; древние волхвы «удерживали под кожею иная жито, иная мед, иная рыбу, иная белку и пр.» [24, с. 262]. Можно предположить, что в прошлом ритуальные специалисты проводили обряды, направленные на увеличение урожая и плодородия скота, а часть произведенного зерна и животных полагалась им как плата за произ-

веденные услуги [25, с. 234]. Например, на свадьбе колдуну платили бараном. Со временем отношение к «знающим» изменилось: их магические действия стали восприниматься как вредоносные, а выделяемая им доля – как несанкционированное заимствование чужого. Одним из главных «преступлений» ведьм было отбирание *спорыньи* у хлеба; спорынья – сложное понятие: оно включает рост пшеницы или ржи, урожай зерна и то, как оно в дальнейшем расходуется и сохраняется. Понятие «спорынья» сопоставимо с понятием «жизненная сила».

Колдуны отбирают спорынью у хлеба разными способами: делают *заломы, пережины* и т.п. Так, в Костромской губернии Нерехтском уезде «существует так называемый "пережин" полей. "Пережин" совершают только некоторые отдельные личности, глубоко верующие в силы дьявола. В волшебную, страшную (как ее называют) ночь на Иванов день (24 июня) суеверная и, вероятно, с сильным характером женщина тайно выходит из дома, снимает с себя верхнее платье. Остается в одном белье, распускает свои волосы, с серпом в руках и сидя верхом на коне с привязанным к нему веничком и (таким образом изображая ведьму) едет в ржаное поле. Останавливается на яме, оказывающей границы поля. И если нет препятствия, т.е. ее никто не видит, с этой ямы идет по диагонали поля к другой яме, по пути срезая колосья серпом по узкой прямой линии. Читает ли она в это время, что берет ли колоски, или еще что делает – пока неизвестно. Говорят, что эта женщина имеет сношения с самим духом-дьяволом и что эти духи всегда к ее услугам. Они-то будто бы после этого пережина и носят хлеб зерном с пережатого поля к ней в амбар и в этом амбаре хлеб, говорят, не убывает» [26, л. 18].

Колдуньям деньги приносит огненный змей: «Посещая эту пожилую девицу, "змей" приносил ей деньги и, она не получая ни откуда никаких средств, жила очень богато» [10, с. 197]. Огненный змей называется просто ужом: о человеке, который заботится о доме, говорят: «Он, как уж, все в дом тащит», у богатеющего человека спрашивают: «Не уж ли тебе деньги таскает?» [10, с. 197].

Колдуньи также «отдаивают молоко у коров, вследствие чего они теряют свою удойность» [10, с. 198]. В это же время возрастает удойность коров у колдуний.

Существуют различия в статусе, приписываемом «знающим» – мужчинам и женщинам. Если мужчины не скрывают, что они колдуны, то колдуньи – наоборот. Демонстрация силы колдунами повышает их статус. Если узнают, что женщина – колдунья, ее социальный статус понижается, особенно в том случае если она мать, жена.

К концу жизни колдун постепенно терял магическую силу. О снижении статуса колдуна свидетельствовало то, что его переставали слушаться помощники. Обычно это происходило, когда колдун старел и утрачивал жизненную силу; об этом в первую очередь свидетельствовала утрата зубов, потеря зрения. Падение «рейтинга» знахарок (иногда обвинение в полном незнании) в социуме также обычно связано с ослаблением здоровья по старости, прежде всего – потерей зубов, а также снижением памяти, разума, что приводит к неправильному проведению обрядов, забыванию текстов заговоров. Статус ритуального специалиста – временный атрибут: утрата магической силы ведет к лишению статуса «знающего».

Высокий статус «знающего» в традиционном социуме в конце XIX – начале XX в. подтверждает выводы исследователей о том, что они являются наследниками волхвов-жрецов более ранних эпох, выполняющих важные для архаического социума функции [25, 26].

Список литературы

1. **Бейтс, Ф.** Позиции, роли и статусы: переформулировка понятий / Ф. Бейтс // Социология. Хрестоматия / под ред. А. С. Кравченко. – Екатеринбург : Деловая книга, 1998. – С. 58–70.
2. **Вебер, М.** Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 805 с.
3. **Weber, M.** Class, Status and Party / M. Weber // Social Stratification / ed. by D. Gupta. – New Delhi : Oxford University Press, 1991. – P. 454–470.
4. **Щепанская, Т. Б.** Сила (коммуникативные и репродуктивные аспекты мужской магии) / Т. Б. Щепанская // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре. – М. : Лабиринт, 2001. – С. 71–94.
5. **Жаворонок, И. С.** Рассказы о «знающих» и рассказы «знающих» / И. С. Жаворонок // По следам Е. Э. Линевой : сб. науч. ст. – Вологда, 2002. – С. 294–304.
6. **Никитина, Н. А.** К вопросу о русских колдунах / Н. А. Никитина // Русское колдовство, ведовство, знахарство. – СПб. : Литера, 1994. – С. 172–205.
7. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. – СПб. : Деловая полиграфия, 2004. – 570 с.
8. **Адоньева, С. В.** О ритуальной функции женщины в русской традиции / С. В. Адоньева // Живая старина. – 1998. – № 2. – С. 26–28.
9. Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья. – СПб. : Тропа Троянова, 2007. – 496 с.
10. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. Пошехонский уезд. – СПб. : Деловая полиграфия, 2006. – 608 с.
11. **Бернштам, Т. А.** Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян. Учение и опыт церкви в народном христианстве / Т. А. Бернштам. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2000. – 400 с.
12. **Даль, В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – СПб. ; М., 1912. – Т. 4.
13. **Weber, M.** Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie / M. Weber ; hrsg. von Johannes Winckelmann. – Köln : Kiepenheuer & Witsch, 1964. – 608 c.
14. **Лотман, Ю. М.** Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
15. **Танен, Д.** Ты просто меня не понимаешь / Д. Танен // Гендер и язык. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – С. 235–510.
16. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 4. Нижегородская губерния. – СПб. : РЭМ, 2006. – 412 с.
17. **Малиновский, Б.** Магия, наука и религия / Б. Малиновский // Магический кристалл. – М., 1994.
18. **Маслоу, А.** Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб. : Евразия, 1999. – 478 с.
19. **Kleinman, A.** Patients and Healers in the Context of Culture: An Exploration of the Borderland between Anthropology, Medicine, and Psychiatry / A. Kleinman. – Berkeley ; Los Angeles ; London : Univ. of California Press, 1980. – 427 p.
20. **Rubel, A.** Ethnomedicine / A. Rubel, M. Hass // Medical Anthropology: Contemporary Theory and Method / ed. by Th. Johnson, C. Sargent. – New York : Praeger Publish., 1990. – P. 115–131.

21. **Христофорова, О. Б.** Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России / О. Б. Христофорова. – М. : ОГИ, РГГУ, 2010. – 433 с.
22. **Foster, G. M.** Peasant Society and the Image of Limited Good / G. M. Foster // American Anthropologist. – 1965. – New Series. – Vol. 67, iss. 2. – P. 293–315.
23. **Шверкофф, Г.** От повседневных подозрений к массовым гонениям / Г. Шверкофф // Одиссей. – 1996. – С. 311–322.
24. **Чулков, М. Д.** Абевега русских суеверий / М. Д. Чулков. – М. : Типографія Ф. Гиппіуса, 1786. – 341 с.
25. **Криничная, Н. А.** Русская народная мифологическая проза. Истоки и полисемантизм образов. Т. 2: Былички, бывальщины, легенды, поверья о людях, обладающих магическими способностями / Н. А. Криничная. – СПб. : Наука, 2000. – 584 с.
26. Архив Костромского объединенного историко-архитектурного и художественного Музея-заповедника. КМЗ КОК 45868. Королев В. М. О народных суевериях, заговорах и обрядах (Материалы этнологической станции). Ф. 247. Д. 15.

References

1. Beyts F. *Sotsiologiya. Khrestomatiya* [Sociology. Reader]. Ekaterinburg: Delovaya kniga, 1998, pp. 58–70.
2. Veber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Progress, 1990, 805 p.
3. Weber M. *Social Stratification*. New Delhi: Oxford University Press, 1991, pp. 454–470.
4. Shchepanskaya T. B. *Muzhskoy sbornik. Vyp. 1. Muzhchina v traditsionnoy kul'ture* [Men's collection. Issue 1. Men in traditional culture]. Moscow: Labirint, 2001, pp. 71–94.
5. Zhavoronok I. S. *Po sledam E. E. Linevoy: sb. nauch. st.* [Following E. E. Lineva: collected papers]. Vologda, 2002, pp. 294–304.
6. Nikitina N. A. *Russkoe koldovstvo, vedovstvo, znakharstvo* [Russian sorcery, witchcraft, healing]. Saint-Petersburg: Litera, 1994, pp. 172–205.
7. *Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nravy. Materialy «Etnograficheskogo byuro» knyazya V. N. Tenisheva. T. 1. Kostromskaya i Tverskaya gubernii* [Russian peasants. Life. Chores. Mores. Proceedings of "Ethnographical bureau" by prince V. N. Tenishev. Vol. 1. Kostroma and Tver provinces]. Saint-Petersburg: Delovaya poligrafiya, 2004, 570 p.
8. Adon'eva S. V. *Zhivaya starina* [The living antiquity]. 1998, no. 2, pp. 26–28.
9. *Mifologicheskie rasskazy i pover'ya Nizhegorodskogo Povolzh'ya* [Mythological stories and superstitions of Nizhny Novgorod region]. Saint-Petersburg: Tropa Troyanova, 2007, 496 p.
10. *Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nravy. Materialy «Etnograficheskogo byuro» knyazya V. N. Tenisheva. T. 2. Yaroslavskaya guberniya. Ch. 1. Poshekhonskiy uezd* [Russian peasants. Life. Chores. Mores. Proceedings of "Ethnographical bureau" by prince V. N. Tenishev. Vol. 2. Yaroslavl provinces. Part 1. Poshekhonsky district]. Saint-Petersburg: Delovaya poligrafiya, 2006, 608 p.
11. Bernshtam T. A. *Molodost' v simvolizme perekhodnykh obryadov vostochnykh slavyan. Uchenie i opyt tserkvi v narodnom khristianstve* [Youth in symbolism of rites of passage of easterns slavs. Teaching and experience of the church in popular Christianity]. Saint-Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2000, 400 p.
12. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of Great Russian language]. Saint-Petersburg; Moscow, 1912, vol. 4.
13. Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie* [Economics and society. Foundation of explanatory sociology]. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1964, 608 p.
14. Lotman Yu. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint-Petersburg: Iskusstvo-SPb, 2000, 704 p.
15. Tanen D. *Gender i yazyk* [Gender and language]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2005, pp. 235–510.

16. *Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nravy. Materialy «Etnograficheskogo byuro» knyazya V. N. Tenisheva. T. 4. Nizhegorodskaya guberniya* [Russian peasants. Life. Chores. Mores. Proceedings of "Ethnographical bureau" by prince V. N. Tenishev. Vol. 4. Nizhny Novgorod province]. Saint-Petersburg: REM, 2006, 412 p.
17. Malinovskiy B. *Magicheskiy kristall* [Magic crystal]. Moscow, 1994.
18. Maslou A. *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality]. Saint-Petersburg: Evraziya, 1999, 478 p.
19. Kleinman A. *Patients and Healers in the Context of Culture: An Exploration of the Borderland between Anthropology, Medicine, and Psychiatry*. Berkeley; Los Angeles; London: Univ. of California Press, 1980, 427 p.
20. Rubel A., Hass M. *Medical Anthropology: Contemporary Theory and Method*. New York: Praeger Publish., 1990, pp. 115–131.
21. Khristoforova O. B. *Kolduny i zhertvy: Antropologiya koldovstva v sovremennoy Rossii* [Witches and victims: Anthropology of witchcraft in modern Russia]. Moscow: OGI, RGGU, 2010, 433 p.
22. Foster G. M. *American Anthropologist*. 1965, New Series, vol. 67, iss. 2, pp. 293–315.
23. Shverkoff G. *Odissey* [Odysseus]. 1996, pp. 311–322.
24. Chulkov M. D. *Abevega russkikh sueveriy* [The ABC's of Russian superstitions]. Moscow: Tipografiya F. Gippiusa, 1786, 341 p.
25. Krinichnaya N. A. *Russkaya narodnaya mifologicheskaya proza. Istoki i polisemantizm obrazov. T. 2: Bylichki, byval'shchiny, legendy, pover'ya o lyudyakh, obladayushchikh magicheskimi sposobnostyami* [Russian folk mythological prose. Origins and polysemous nature of images. Vol. 2: Epics, stories, legends, beliefs about people with magic powers]. Saint-Petersburg: Nauka, 2000, 584 p.
26. *Arkhiv Kostromskogo ob"edinennogo istoriko-arkhitekturnogo i khudozhestvennogo Muzeya-zapovednika. KMZ KOK 45868. Korolev V. M. O narodnykh sueveriyakh, zagovorakh i obryadakh (Materialy etnologicheskoy stantsii)* [Archive of Kostroma united historical-architectural and art Museum-reserve. KMZ KOK 45868. Korolev V. M. On folk superstitions, plots and rites (materials of the ethnological division)]. F. 247. D. 15.

Мазалова Наталия Евгеньевна
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел этнографии восточных славян и народов Европейской России, Музей антропологии и этнографии РАН
(Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 3)

Mazalova Natalia Evgenyevna
Candidate of historical sciences, senior staff scientist, department of ethnography of eastern Slavs and peoples from European Russia, Museum of anthropology and ethnography of the Russian Academy of Sciences
(3 Universitetskaya embankment, Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: mazalova.nataliya@mail.ru

УДК 398.3
Мазалова, Н. Е.
Социальный статус «знающих» в традиционном русском обществе (по материалам Поволжья XIX – начала XX в.) / Н. Е. Мазалова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 33–45. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-3

УДК 94(47) «17/1917» + 94(470.57)
DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-4

З. В. Сираева

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В 30–50-е гг. XIX в.

Аннотация.

Актуальность и цели. Статья посвящена вопросам становления и организационно-структурного оформления статистической деятельности в Оренбургской губернии. Актуальность данной темы обуславливается малой изученностью на региональном уровне. Цель статьи – определить, какое значение имели реформы в 30–50-е гг. XIX в. для организации статистической службы региона и как повлияли на нее.

Материалы и методы. Использованы неопубликованные источники из фондов ЦИА РБ, ГАОО и опубликованные документальные материалы статистического комитета нашего края. Методологическую основу работы составили принципы историзма и научной объективности.

Результаты. В статье исследованы причины, которые вызвали необходимость дальнейшего реформирования статистической службы МВД как в центре, так и в регионах. Автор отмечает, что реформы в 30–50-е гг. XIX в. способствовали совершенствованию системы официальной статистики. В результате деятельности этой структуры был существлен большой объем работ, возросло количество экономико-статистических публикаций, возродился общественный интерес к статистике.

Выводы. Автор приходит к выводу, что большое значение для успешной работы органов статистики сыграло оперативное руководство со стороны Министерства внутренних дел (МВД). Данное ведомство создало четкую управленческую вертикаль и привлекало к работе известных ученых. Определенное значение имела роль военных и гражданских губернаторов, которые регламентировали деятельность статистической службы.

Ключевые слова: Оренбургская губерния, отчет губернатора, статистика населения, губернский статистический комитет, гражданский и военный губернатор, статистическое отделение.

Z. V. Siraeva

STATISTICAL ACTIVITIES OF THE INTERIOR MINISTRY IN THE SOUTHERN URALS IN 1830s–1850s

Abstract.

Background. The article is devoted to questions of formation, organizational and structural design of statistical activities in Orenburg province. The relevance of this topic is caused by insufficient studies at the regional level. The purpose of the article is to determine the importance of reforms in 1830s–1850s for the organization of the statistical service of the region.

Materials and methods. The author used unpublished sources from TSIA RB funds, GAOO and published documentary materials of the Statistical Committee of the region. The methodological basis of the work included the principles of historicism and scientific objectivity.

Results. The article examines the reasons that caused the need for further reforms of the statistical service of the Interior Ministry in the center and regions. The author notes that reforms of 1830s–1850s contributed to improving the system of official statistics. As a result of this department's activity, a large amount of work was carried out, the number of economic-statistical publications increased, the public interest in statistics was revived.

Conclusions. The author concludes that a great share of success of the statistics agencies was caused by operative management of the Ministry of Internal Affairs. This agency established a clear management structure and involved well-known scientists. Quite important was the role of military officers and civil governors, who regulates activities of the statistical service.

Key words: Orenburg province, governor's report, population statistics, provincial statistical committee, civil and military governor, statistical department.

В первой половине XIX в. последовал ряд реформ, которые сыграли важную роль для становления и развития губернской статистики. За этот период была изменена система статистических работ и восстановлена отчетность губерний. 21 марта 1835 г. произошло значимое событие для статистической службы нашего региона – это образование губернского статистического комитета в г. Уфе.

Исследование статистической деятельности МВД в Оренбургской губернии является актуальным, так как она мало изучена на региональном уровне. Определенную ценность представляют труды местных исследователей первой половины XIX в., где содержатся разнообразные сведения по истории и этнографии края, в том числе и сведения о деятельности статистического аппарата [1, 2]. В советской историографии данная тема фактически не изучалась, и только с начала 90-х гг. XX в. наблюдается значительное повышение интереса к региональной истории. В последнее время появляются различные исследования, в которых анализируется деятельность провинциальных статистических комитетов России [3–6]. Однако до сих пор в научном обороте не было конкретных работ, раскрывающих деятельность губернского статистического комитета Южного Урала.

В статье рассматриваются причины и порядок образования и дальнейшее развитие губернской статистической системы Российской империи в первой половине XIX в. на материалах Оренбургской губернии. Одна из задач данного исследования – определить, какое значение имели эти нововведения для организации статистической службы региона и как они повлияли на них.

Сфера деятельности статистического комитета в 30–50-е гг. XIX в. охватывала Оренбургскую губернию, площадь которой составляла 35 212 624 десятины. На этой территории сегодня расположены Республика Башкортостан, Оренбургская, Челябинская области, некоторые части Курганской, Свердловской, Пермской, Самарской областей, а также часть Республики Татарстан. Управление территорией осуществлялось из двух центров: ставка военного генерал-губернатора находилась в Оренбурге, канцелярия гражданского губернатора – в Уфе.

По отчету губернатора за 1833 г. в Оренбургской губернии проживало 1 039 266 душ обоего пола. В губернии было 12 уездных городов, включая губернский, 1 заштатный город, г. Уральск с землей Уральского войска, 1 посад, 57 местечек и слобод, 3954 сел и деревень, 39 крепостей [7, л. 72 об.].

20 декабря 1834 г. вышел указ Николая I «Высочайше утвержденные правила для статистического отделения при Совете Министерства внутренних дел и статистических комитетов в губерниях». По этому указу в Совете МВД было создано особое статистическое отделение, целью которого являлось составление подробных и наиболее точных описаний состояния всех частей, подведомственных МВД. Отделению поручалось также предварительное рассмотрение и соображение представляемых вновь Министерству планов городов, проектов новых разделений губерний и уездов, предположений о городских доходах и расходах и рассмотрение в хозяйственном отношении предполагаемых по ведомству МВД новых заданий [8, § 1, 2, 3].

Министр внутренних дел был фактическим куратором статистического отделения. Кроме директоров и гражданского генерал-штаба-доктора членами статистического отделения назначались, по усмотрению министра, некоторые из членов Совета МВД. Для обсуждения дел, требующих общих соображений и суждений, члены отделения совещались один раз в неделю. Помимо этого, по усмотрению министра или председателя проводились особенные собрания [8, § 7].

Статистическое отделение имело членов-корреспондентов, которые избирались отделением и утверждались министром внутренних дел. Один из членов статистического отделения по избранию министра являлся управляющим делами; он был обязан составлять общий план статистических работ в отделении и наблюдать за его деятельностью. Первоначально эту должность занял член-корреспондент Петербургской академии наук К. И. Арсеньев. Под руководством К. И. Арсеньева проводились статистические исследования губерний, издавались статистические сборники, содержащие сведения о народонаселении, территории, промышленности по городам и уездам губерний, о народном образовании. Об этом свидетельствует отправленный в Оренбургскую губернию циркуляр МВД от 31 декабря 1828 г. № 4191 с распоряжением о доставке сведений: о народонаселении и пространстве городов губернии; о народонаселении и пространстве уездов губернии; о народном образовании по губернии, уездам; о разных отраслях народного хозяйства по губернии с уездами [9, л. 1, 4]. В письме от МВД Оренбургскому военному губернатору от 12 марта 1829 г. № 378 следовало собрать следующие сведения: о длине границ от северо-восточных берегов Каспийского моря до юго-восточного конца Оренбургской губернии, о пространстве Уральских гор от южного конца их в Оренбургской губернии до северного в Архангельской, о почтовых и коммерческих путях через эти горы в Сибирь. В основном сведения поступали согласно требованиям. Но иногда возникали трудности в сборе сведений на местах из-за неопытности управляющих. Так, например, 20 июня 1829 г. начальник 9-го Башкирского кантона доложил Оренбургскому военному губернатору, что «согласно требованию собрание статистических сведений и составление их по изданным 11-ти формам хотя и было поручено башкирским юртовым старшинам, но они по неопытности своей в том весьма затрудняются, почему он кантонный начальник и не надеется надлежащим образом исполнить их требования». В ответ от генерала Эссена поступило письмо от 22 июня 1829 г. № 2007, где предписывалось Оренбургскому земскому исправнику, дворянскому заседателю Воронову, самому заняться составлением статистических сведений, не возлагая это дело

на башкирских начальников [9, л. 6, 20 об.]. Статистические ведомости были доставлены, за что и Оренбургский военный губернатор П. Сухтелен объявил благодарность «за столь полезные сведения» гражданскому губернатору [9, л. 44].

Правилами, утвержденными 20 декабря 1834 г., во всех губернских городах учреждались статистические комитеты под председательством гражданских губернаторов и «главным ведением генерал-губернаторов, где они находятся» [8, § 27–29]. Как упоминалось выше, губернский статистический комитет в г. Уфе был образован 21 марта 1835 г. (9 марта по старому стилю) при канцелярии гражданского губернатора Оренбургской губернии. Данное учреждение после сбора сведений занималось их проверкой и приведением в порядок. Кроме того, составлялись табели по данным от статистического отделения губернской администрации или же составлялось на основании различной информации подробное и точное описание губернии или его отдельных частей. При этом особое внимание обращалось на характеристику хозяйства, промышленности, торговли. В случае необходимости использовалась помощь губернских архитекторов и землемеров, «впрочем, не отвлекая их от занятости по службе». Уездные предводители дворянства являлись членами-корреспондентами губернского статистического комитета. Они избирались статистическим комитетом и утверждались министром внутренних дел. Члены-корреспонденты являлись постоянными жителями этой губернии. О членах-корреспондентах, которые «отличились особенным усердием и деятельностью», комитет представлял ходатайство о поощрении для министра внутренних дел [10, § 32–36].

Первый состав членов-корреспондентов губернского статистического комитета был утвержден министром внутренних дел 18 октября 1835 г. в следующем составе: Артюхов Константин Демьянович – директор Неплюевского военного училища, инженер подполковник; Даль Владимир Иванович – чиновник по особым поручениям при Оренбургском военном губернаторе, надворный советник, автор «Толкового словаря живого великорусского языка»; Мертваго Степан Борисович – отставной коллежский советник; Нейман Даниил Федорович – Оренбургский губернский лесничий, коллежский асессор; Покатилов Василий Осипович – наказной атаман Уральского казачьего войска, полковник; Рокасовский Платон Иванович – начальник штаба Отдельного Оренбургского корпуса, полковник; Жуковский Иван Васильевич – отставной титулярный советник [10, с. 11].

В это время значимым событием стало издание штабом Оренбургского отдельного корпуса таких публикаций, как адрес-календари. Первое такое издание было осуществлено в 1836 г. и называлось «Адрес-календарь Оренбургского отдельного корпуса, Оренбургской губернии и Управления Оренбургского края по части пограничной с присовокуплением кратких статистических сведений 1836 года»; оно было составлено при участии членов губернского статистического комитета [11]. После этого печатного издания последовали труды следующих исторических деятелей: И. Дебу, В. М. Черемшанский, Я. В. Ханыков, И. В. Жуковский, которые использовали статистические сведения по губернии [7].

По «Наказу» от 3 июня 1837 г. губернаторы должны были предоставлять в МВД ежегодно статистико-экономические данные по своей губернии. Гражданские губернаторы, предоставляя сведения в МВД, должны были на-

блюдать за тем, чтобы эти статистические сведения сохранялись «в исправности и в порядке», и по своему усмотрению для распространения в губернии сведений они издавали статистические данные в губернских ведомостях или же в других периодических изданиях. Для сбора и приведения в надлежащий порядок всех статистических сведений по губернии гражданский губернатор действовал преимущественно через статистический комитет и его членов [12, § 28, 30, 31]. Об этом свидетельствует указ Оренбургского губернатора от 22 ноября № 1212, где коллежскому советнику В. И. Далю поручалось «приступить к выборке сведений для отчета по управлению Оренбургского края за 1838–40 гг., отложив окончательнейшую редакцию отчета до личного объяснения с ним» [13, л. 2 об., 5 об.]. Отчет губернатора № 1393, отправленный 6 февраля 1841 г., содержал сведения по следующим вопросам: 1) о состоянии губернских и уездных присутственных мест, по части судной и исполнительной, с приложением ведомостей, и о движении дел по всем этим местам; 2) о награжденных чиновниках, определенных к должностям, отрешенных от должностей без суда, переданных суду с удалением от должностей и с оставлением при них; 3) о числе арестантов; 4) о пойманных бродягах, беглых и беспаспортных; 5) о числе монастырей и церквей; 6) о рекрутском наборе и о всех по этому распоряжению; 7) сведения по попечительству о бедных; 8) о падеже скота; 9) о прививании от оспы; 10) о благотворительных пожертвованиях и человеколюбивых подвигах; 11) о казенных строениях по уезду и в каком состоянии они находятся; 12) о предположениях на 1839, 1840, 1841 г. о постройке новых и об исправлении старых строений; 13) о городских доходах и расходах; 14) о состоянии дорог, мостов и перевозов; 15) о состоянии городских полицейских команд по пожарной части; 16) о состоянии тюремных помещений; 17) об устройстве городов и селений; 18) о богоугодных заведениях, подведомственных приказу общественного призрения; 19) о приказе общественного призрения и состоянии движения его капиталов; 20) о числе медицинских чинов и аптек в Оренбургской губернии. В конце было добавлено: «К сему считаю долгом присовокупить, что прочие сведения, как то о состоянии и постройке магазинов, капиталах народного продовольствия, посеве и урожае хлеба, ярмарках, заводах и фабриках, о числе дворян, чиновников, купцов и поселян, о старообрядцах и раскольниках, новых поселениях и о происшествиях, составляются и вслед за этим будут доставлены» [14, л. 11 об., 12 об., 13].

В 1841 г. комиссией народного продовольствия были собраны сведения о динамике роста зерновых культур по Оренбургской губернии из донесений земских исправников и уведомления палаты государственных имуществ [14, л. 1–2]. А в 1842 г. Министерство внутренних дел значительно расширило программу статистической отчетности губерний [15, с. 108].

Однако в организации правительственной статистики имелись проблемы, о чем констатировало руководство МВД. Так, министр Л. А. Перовский в отчете за 1843 г. указывал: «Важнейшей причиною безуспешного действия Статистического отделения было досель само устройство этой немаловажной части: статистика составлялась чиновниками местных полиций, у которых не было ни времени, ни охоты, ни нужной образованности [15, с. 21].

Согласно официальным сведениям территория Оренбургской губернии в 1847 г. занимала пространство в 35 212 624 десятины. Для Оренбургской губернии была характерна низкая плотность населения, хотя в течение пред-

шествующих восьми лет увеличивался приток переселенцев из разных губерний. Вся губерния делилась на 12 уездов, а каждый уезд на станы, волости и мирские общества. Станов в Оренбургской губернии было 48, по 4 на каждый уезд. Общая численность населения составляла 1 870 944 души (включая войска) [16].

Статистические материалы первой половины XIX в. свидетельствуют об активной деятельности статистического комитета. Члены комитета были организаторами девятой и десятой ревизий населения. По сведениям девятой ревизии в Оренбургской губернии проживало 1 712 718 душ обоего пола (мужского пола – 851 019, женского пола – 861 699) [17, с. 94], а в г. Уфе – 13 338 душ обоего пола (мужского – 6623 и женского – 6715 душ) [18, л. 33].

По отчету гражданского губернатора за 1850 г. в Оренбургской губернии было 12 уездных городов, включая губернский, 1 заштатный город, 2 посада, 1 местечко, 24 слободы, 271 село, 4566 деревень. Всего по губернии насчитывалось 105 казенных домов, 8536 частных домов, 1305 торговых лавок, 120 других разного рода зданий [19, л. 109, 110 об.]. По сравнению с 1848 г. слобод на две стало меньше, увеличилось число сел, за счет этого уменьшилось число деревень (261 село и 4571 было в 1848 г.) [19].

От разных министерств и ведомств поступали требования, запросы статистических сведений различного характера. Так, например, 7 апреля 1849 г. Оренбургский гражданский губернатор согласно требованию министра юстиции предписал губернскому землемеру составить на Оренбургскую губернию статистические таблицы в трех экземплярах с изображением на них губернских карт и планов губернских и уездных городов с описанием пространства, народонаселения и других предметов [20, л. 4]. А 11 декабря 1851 г. последовал циркуляр от министра внутренних дел в связи с составлением полного списка городских поселений с просьбой доставить сведения обо всех существующих в губернии заштатных городах, пригородах, посадах, местечках, слободах [21, л. 7].

В 50-е гг. XIX в. последовало два указа, которые внесли существенные изменения в дальнейшую деятельность комитета. Первый указ от 22 декабря 1852 г. упростил существовавшие в Министерстве внутренних дел Временный люстрационный комитет и статистическое отделение и создал Статистический комитет под непосредственным руководством министра внутренних дел. По данному указу министр самостоятельно определял как внутреннее устройство и порядок занятий этого комитета, так и распределение штатных денег для его содержания, «с тем чтобы по указаниям опыта внесено было в последствии окончательное представление по сему предмету в комитет министров» [22, с. 784–785].

А по второму указу от 4 марта 1858 г. комитет был разделен на два раздела: статистический отдел, который занимался сбором, проверкой и обработкой статистических данных, и земский, в задачу которого входили предварительное обсуждение и обработка всех дел, касающихся хозяйственного устройства населения [23].

Большое значение для успешной работы органов статистики сыграло оперативное руководство со стороны Министерства внутренних дел. Данное ведомство создавало четкую управленческую вертикаль и привлекало к работе известных ученых. Немаловажное значение придавалось роли военных и

гражданских губернаторов, которые детально регламентировали деятельность статистической службы. Все вышеизложенное позволило статистикам систематизировать разнообразные информационные источники как нормативные акты, адрес-календари, исследования отдельных краеведов. Спектр содержания итоговых документов был весьма широкий и касался характеристики как экономической ситуации, так и положения социальных и этнических групп населения края.

Эта деятельность статистической службы многих губерний Российской империи позволила выявить и проблемные тенденции в учете движимого и недвижимого имущества. В частности, требовался критический анализ при обработке собранной информации. Все это обуславливало необходимость дальнейшего реформирования статистической службы МВД как в центре, так и в регионах.

Таким образом, в 30–50-е гг. XIX в. статистическая деятельность прошла множество различных реорганизаций, решая все новые, более сложные задачи, которые ставило государство. В результате этих реформ осуществлялся большой объем работ, возрастало число и качество статистико-экономических исследований и статистических публикаций, возрождался общественный интерес к статистике.

Главным итогом деятельности статистической службы стала организация сбора сведений относительно численности и структуры населения, характера экономической деятельности губернии. Все это должно было содействовать более эффективному управлению регионом.

Список литературы

1. **Дебу, И.** Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии / И. Дебу. – М., 1837. – 205 с.
2. **Жуковский, И. В.** Краткое географическое и статистическое описание Оренбургской губернии / И. В. Жуковский. – 2-е изд. – Уфа, 1880. – 107 с.
3. **Лебедев, С. В.** Астраханский губернский статистический комитет: опыт хозяйственной и научно-просветительской деятельности (1836–1918 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук / Лебедев С. В. – Астрахань, 2009. – 19 с.
4. **Старчикова, Н. Е.** Историко-краеведческая деятельность губернских статистических комитетов России во второй четверти XIX – начале XX века: на примере Пензенской губернии : автореф. дис. … канд. ист. наук / Старчикова Н. Е. – Пенза, 2004. – 22 с.
5. **Еремеева, В. Л.** Приоритетные направления деятельности Костромского губернского статистического комитета в XX веке / В. Л. Еремеева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 2 (16). – Ч. 2. – С. 57–59.
6. **Лёвин, С. В.** Организация государственной статистики в Российской империи в XX веке / С. В. Лёвин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 2 (16). – Ч. 2. – С. 116–120.
7. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 5. Д. 10 798/9.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 9. Отд. 2. № 7684. – СПб., 1835. – 828 с.
9. ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 9653.
10. Статистика Башкортостана. 175 лет на службе обществу: библиографический справочник. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по РБ. – Уфа : Китап, 2010. – 311 с.

11. Адрес-календарь Оренбургского отдельного корпуса, Оренбургской губернии и Управления Оренбургского края по части пограничной, с присовокуплением кратких статистических сведений 1836 года. – Оренбург, 1836. – 204 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 12. Отд. 1. № 10 303. – СПб., 1838. – 823 с.
13. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Ч. 1. Д. 11 714.
14. ГАОО. Ф. 6. Оп. 7. Д. 2740.
15. **Симчера, В. М.** Энциклопедия статистических публикаций X–XX вв. / В. М. Симчера, В. А. Соколин, Е. А. Машихин, А. Ю. Шевяков. – М. : Финансы и статистика, 2001. – 992 с.
16. Оренбургские губернские ведомости. Неофициальная часть. – 1847. – № 29, 30.
17. **Кеппен, П.** Девятая ревизия. О числе жителей в России в 1851 году / П. Кеппен. – СПб., 1857. – 306 с.
18. Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ). Ф. И-6. Оп. 1. Д. 436.
19. ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 13.
20. ЦИА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 322.
21. ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 24.
22. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2. Т. 27. Отд. 1. № 26 877. – СПб., 1853. – 802 с.
23. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2. Т. 33. Отд. 1. № 32 826. – СПб., 1860. – 804 с.

References

1. Debu I. *Topograficheskoe i statisticheskoe opisanie Orenburgskoy gubernii v nyneshnem ee sostoyanii* [Topographic and statistical description of Orenburg province as it is]. Moscow, 1837, 205 p.
2. Zhukovskiy I. V. *Kratkoe geograficheskoe i statisticheskoe opisanie Orenburgskoy gubernii* [Brief geographical and statistical description of Orenburg province]. 2nd ed. Ufa, 1880, 107 p.
3. Lebedev S. V. *Astrakhanskiy gubernskiy statisticheskiy komitet: opyt khozyaystvennoy i nauchno-prosvetitel'skoy deyatel'nosti (1836–1918 gg.): avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Astrakhan provincial statistical committee: the experience of economic and scientific-educational activities (1836–1918): author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Astrakhan, 2009, 19 p.
4. Starchikova N. E. *Istoriko-kraevedcheskaya deyatel'nost' gubernskikh statisticheskikh komitetov Rossii vo vtoroy chetverti XIX – nachale XX veka: na primere Penzenskoy gubernii: avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Regional historical activity of provincial statistical committees in Russian in the second quarter of XIX – early XX centuries: by the example of Penza province: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Penza, 2004, 22 p.
5. Eremeeva V. L. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and juridical sciences, culturology and art history. Problems of theory and practice]. Tambov: Gramota, 2012, no. 2 (16), part 2, pp. 57–59.
6. Levin S. V. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and juridical sciences, culturology and art history. Problems of theory and practice]. Tambov: Gramota, 2012, no. 2 (16), part 2, pp. 116–120.
7. *Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti (GAOO)* [State Archive of Orenburg Region (GAOO)]. F. 6. Op. 5. D. 10 798/9.
8. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 2. T. 9. Otd. 2. № 7684* [Complete laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. 9. Division 2. № 7684]. Saint-Petersburg, 1835, 828 p.

9. *GAOO*. F. 6. Op. 4. D. 9653.
10. *Statistika Bashkortostana. 175 let na sluzhbe obshchestvu: bibliograficheskiy spravochnik. Territorial'nyy organ Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po RB* [Statistics of Bashkortostan. 175 years serving the society: bibliographic reference. Territorial body of the Federal Service of State Statistics in Bashkortostan]. Ufa: Kitap, 2010, 311 p.
11. *Adres-kalendar' Orenburgskogo otdel'nogo korpusa, Orenburgskoy gubernii i Upravleniya Orenburgskogo kraya po chasti pogranichnoy, s prisovokupleniem kratkikh statisticheskikh svedeniy 1836 goda* [Address-calendar of Orenburg independent corps of Orenburg province and Orenburg regional frontier command with attached statistical data in 1836]. Orenburg, 1836, 204 p.
12. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 2. T. 12. Otd. 1. № 10 303* [Complete laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol 12. Division 1. № 10303]. Saint-Petersburg, 1838, 823 p.
13. *GAOO*. F. 6. Op. 6. Ch. 1. D. 11 714.
14. *GAOO*. F. 6. Op. 7. D. 2740.
15. Simchera V. M., Sokolin V. A., Mashikhin E. A., Shevyakov A. Yu. *Entsiklopediya statisticheskikh publikatsiy X–XX vv.* [Encyclopedia of statistical publications of X–XX centuries]. Moscow: Finansy i statistika, 2001, 992 p.
16. *Orenburgskie gubernskie vedomosti. Neofitsial'naya chast'* [Orenburg provincial news. Informal section]. 1847, no. 29, 30.
17. Keppen P. *Devyataya reviziya. O chisle zhiteley v Rossii v 1851 godu* [The ninth revision. On the population of Russia in 1851]. Saint-Petersburg, 1857, 306 p.
18. *Tsentral'nyy istoricheskiy arkhiv Respubliki Bashkortostan (TsIA RB)* [Central Historical Archive of Bashkortostan (TsIA RB)]. F. I-6. Op. 1. D. 436.
19. *GAOO*. F. 6. Op. 8. D. 13.
20. *TsIA RB*. F. I-6. Op. 1. D. 322.
21. *GAOO*. F. 6. Op. 8. D. 24.
22. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobr. 2. T. 27. Otd. 1. № 26 877* [Complete laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol 27. Division 1. № 26877]. Saint-Petersburg, 1853, 802 p.
23. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobr. 2. T. 33. Otd. 1. № 32 826* [Complete laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol 33. Division 1. № 32826]. Saint-Petersburg, 1860, 804 p.

Сираева Зинира Валерьевна
соискатель, кафедра истории России, историографии и источниковедения, Башкирский государственный университет
(Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32)

E-mail: szv_87@mail.ru

Siraeva Zinira Valerevna
Applicant, sub-department of Russian history, historiography and source stusy, Bashkir State University
(32 Zaki Validi street, Ufa, Russia)

УДК 94(47) «17/1917» + 94(470.57)

Сираева, З. В.

Статистическая деятельность Министерства внутренних дел в Оренбургской губернии в 30–50-е гг. XIX в. / З. В. Сираева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 46–54. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-4

УДК 63.3(2)+34(091) История государства и права Отечества
DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-5

Н. В. Логачева

НЕКОТОРЫЕ МЕРЫ ПО КОНТРРЕФОРМИРОВАНИЮ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ И СУДА ПРИСЯЖНЫХ В ХОДЕ РЕАЛИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 г., ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация.

Актуальность и цели. Тема исследования представляется актуальной в контексте изучения исторического опыта судебной реформы 1864 г. в Российской империи, поскольку современная судебная система России находится в стадии реформирования. Очевидно, что обе судебные реформы – реформа 1864 г. и реформа, начало которой было положено в 1990-е гг., – основаны на одних и тех же принципах правосудия: гласности и состязательности судопроизводства, презумпции невиновности, гуманности суда, предоставлении подсудимым квалифицированной независимой защиты. Цель работы – проанализировать проведение контрреформ в области судебной защиты и суда присяжных, выяснить задачи правительства при проведении этих мероприятий и их последствия.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа законов «О приостановлении дальнейшего учреждения советов присяжных поверенных» от 5 декабря 1874 г., «О введении частных присяжных поверенных» от 25 мая 1874 г., «О подсудности и порядке производства дел о государственных преступлениях» от 9 мая 1878 г., «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного времени», от 9 августа 1878 г., архивных материалов, воспоминаний современников. Методологическая основа включает в себя сравнительно-правовой и историко-правовой анализ.

Результаты. Исследованы основные направления контрреформирования судебной защиты и суда присяжных, рассмотрены причины контрреформ, задачи самодержавия при их проведении и последствия контрреформ.

Выводы. Судебные уставы, основанные на прогрессивном европейском праве, не соответствовали феодально-крепостническим пережиткам, которые сохранились после проведения реформ. Судебная реформа испытала на себе сопротивление консервативных правящих кругов и местной администрации. Для того чтобы судопроизводство соответствовало интересам самодержавия, были приняты законодательные акты, которые серьезно ограничили возможности наиболее демократичных институтов Судебных уставов: судебной защиты и суда присяжных.

Ключевые слова: судебная система, присяжные поверенные, советы присяжных поверенных, политические процессы, частные поверенные, судопроизводство, судебная администрация, сословные представители, суд присяжных, судебные палаты, ревизия, III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, Государственный совет.

N. V. Logacheva

VARIOUS MEASURES OF COUNTER-REFORMS RELATING TO THE JUDICIAL DEFENSE AND JURY TRIAL WITHIN THE FRAMEWORK OF IMPLEMENTATION OF JUDICIAL STATUTES OF 1864, THEIR FOCUS AREAS AND CONSEQUENSES

Abstract.

Background. The subject of the research appears to be relevant in the context of examination of the historical experience of the judicial reform of 1864 in the Russian Empire, because the contemporary judicial system of Russia is currently being reformed. It is evident that both judicial reforms, the reform of 1864 and the one launched in 1990s are based on the same principles of justice, publicity, adversarial system, presumption of innocence, humaneness of the court; providing a defendant with qualified unbiased defense. The objective of the research is to analyze the experience of the counter-reform of the judicial defense and jury courts, as well as to reveal the goals of the government when these measures were carried out.

Materials and methods. The objectives of the research were implemented through analyzing the laws dated December 5th, 1874, May 25th, 1874, May 9th, 1878, August 9th, 1878, archival records and memoirs of contemporaries. The methodological framework includes the comparative-legal analysis and the historical-legal analysis.

Results. The main areas of counter reforms of legal defense and jury courts were observed; the reasons for these counter-reforms and the goals of the autocratic government were examined.

Conclusions. Judicial statutes, based on the progressive European law, didn't comply with the vestiges of villeinage which survived the reforms. The judicial reform met resistance from conservative ruling elite and local administration. Judicial statutes were very inconvenient for political investigation agencies because by virtue of the provisions of judicial statutes the political proceedings in 1860–1870 became more of a platform for distributing revolutionary ideas, than judging enemies of the state.

Key words: judicial system, public attorneys, councils of public attorneys, political proceedings, private attorneys, legal proceedings, judicial administration, representatives of the estates, jury court, judicial chambers, inspection, IIIrd Section of His Imperial Majesty's Own Chancery, State Council.

Тема контрреформирования судебной системы Российской империи, которое происходило в ходе реализации Судебных уставов 1864 г., привлекла внимание многих историков и правоведов [1–3], однако направленность контрреформ и разрушительность их последствий для демократических основ Судебных уставов требуют дальнейшего исследования.

Судебная реформа 1864 г. является одной из величайших реформ в российской истории. Одной из важнейших ее задач было формирование справедливого, оперативного, независимого от администрации судопроизводства, основанного на принципах равенства перед законом, состязательности, гласности [4, с. 197]. Серьезным шагом на пути демократизации судебной системы и всего российского общества стало введение суда присяжных и эффективной независимой защиты. Введение Судебных уставов обусловило гигантский рывок, который приблизил судебную систему России по качеству

демократических преобразований к судебным системам европейских государств. Реализация судебной реформы растянулась на длительное время, до начала XX в. До 1910 г. было принято около 700 дополнительных законодательных актов и поправок [5, с. 53], большинство из которых были направлены на разрушение прогрессивных начал Судебных уставов. Контрреформы, ставшие следствием вступления в силу ряда законов, были направлены на наиболее важные и демократичные институты судебной системы: адвокатуру и суд присяжных.

Введение судебной защиты играло важнейшую роль для демократизации судопроизводства, однако ее ограничивали сами судебные уставы: присяжный поверенный мог ознакомиться с материалами дела только после окончания предварительного следствия, т.е. существовала возможность утаить от защиты важные факты. Это было серьезным расхождением с декларированными принципами судебной реформы и играло на руку правительству, особенно в политических процессах.

Еще более сузили возможности адвокатуры так называемые Временные правила 19 октября 1865 г. Статьи 44–49 правил нарушали ст. 367 Учреждения судебных установлений, согласно которой только совет присяжных поверенных мог принять в свой состав новых членов. После утверждения Временных правил эта компетенция перешла к министру юстиции: теперь он утверждал в должности вновь принятых адвокатов. Правила были отменены в середине 1870-х гг., но к этому времени правительство запретило создавать новые советы, издав временный закон от 5 декабря 1874 г. [6, с. 656–659]. Согласно этому закону приостанавливалось открытие новых советов присяжных поверенных в местностях, где они еще не были открыты. Для выявления недостатков деятельности советов присяжных поверенных была учреждена комиссия под руководством Н. В. Муравьева, которая объяснила необходимость данной меры политическими соображениями и неэффективностью советов в тех местностях, о которых шла речь в законе. Очевидно, что запрет на открытие новых советов был нацелен на ослабление института судебной защиты. Издание закона было частью общего реакционного курса самодержавия, направленного на укрепление административной власти. До конца XIX в. советы присяжных поверенных существовали лишь в Москве, Санкт-Петербурге и Харькове, т.е. там, где они были открыты до принятия закона. Действие закона продолжалось несколько десятилетий до 1904 г., когда правительство было вынуждено признать несостоятельность закона о запрещении открытия советов присяжных поверенных. В течение долгих 30 лет адвокатура находилась в зависимости от судебной администрации и министерства юстиции, ее самостоятельность была серьезно урезана.

В результате вышеперечисленных законодательных мер значительно снизилось количество присяжных поверенных, что стало причиной издания в 1874 г. закона о создании института частных поверенных [7, с. 686–690]. В отличие от присяжных поверенных, дававших профессиональную присягу и строго соблюдавших корпоративную этику, частные поверенные занимались адвокатской практикой индивидуально и могли выступать только в судах, которые давали им соответствующее разрешение. Очевидно, что частные поверенные старались прежде всего угодить судебной администрации, а соблюдение законности и справедливости оставалось у них на втором плане.

По отзывам современников, частные поверенные в умственном и нравственном отношении не очень отличались от дореформенных ходатаев и «в судебных сферах с большой брезгливостью относились к такого рода дельцам» [8, с. 114]. Результатом учреждения института частных поверенных стала дискредитация в глазах обывателей адвокатуры и расширение контролирующих полномочий администрации в отношении судебной защиты. По закону министр юстиции пользовался правом исключения их из присяжного сословия за безнравственные поступки и предосудительные действия. Предполагалось, что это полномочие будет распространено в будущем на всю адвокатуру в целом. Министр юстиции К. И. Пален, обвиняя и присяжных, и частных поверенных в стяжательстве и алчности, внес в Государственный совет проект о полном подчинении представителей судебной защиты министру юстиции [9, с. 240]. Однако Государственный совет счел это преждевременным, и проект был отклонен.

Либерально настроенная, прогрессивная часть адвокатуры внушала опасения правительству, многие из адвокатов подвергались преследованиям за свою принципиальную позицию на политических процессах. Они, по словам В. Д. Спасовича, самоотверженно отстаивали права подзащитных, «не боясь сильных мира сего, не понижая головы…» [10, с. 18].

Речи защитников имели негативный для правительства резонанс. В отчете III Отделения за 1877 г. мы находим следующее: «Поведение защитников указывало, что они солидарны с обвиняемыми, и тем самым якобы глумились над судом и правительственной властью…» [11, д. 147, ч. 16, л. 551].

Выступления адвокатов на судебных заседаниях вызывали большой общественный интерес. Своим ораторским талантом и личным обаянием присяжные поверенные привлекали публику и умели убедить ее в невиновности подзащитного. Желающих услышать речь адвоката было неизменно много, министерство юстиции было вынуждено ограничивать число зрителей, учредив специальные билеты. Министр юстиции Д. Замятин в специальном циркуляре предписывал, что количество «посторонних лиц» определяет председатель суда в соответствии с «обширностью помещения» [12, д. 11 900, л. 5].

Администрация Александра II старалась ущемить права адвокатов не только законодательными мерами – многие из них подвергались политическому преследованию: арестам, полицейскому надзору, административной высылке. Агентурные данные о них тщательно собирались в архивах III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (С.Е.И.В.к.). Например, существует агентурное донесение о том, что присяжные поверенные санкт-петербургского совета высказывали «враждебные правительству мнения и даже осмеливались осуждать власти за массовые аресты, последовавшие за покушением Соловьева на цареубийство» [13, д. 888, л. 13]. Некоторые присяжные поверенные (Д. В. Стасов, В. И. Танеев, А. А. Ольхин) имели непосредственное отношение к освободительному движению. Несмотря на преследование политического сыска, многие адвокаты смело выступали на политических процессах и открыто защищали революционеров. Некоторые имели по несколько таких выступлений: В. Н. Герард защищал политических 10 раз, А. Н. Турчанинов – 11, В. Д. Спасович – 13 раз [14, с. 15].

Не избежало последующей ревизии со стороны правительственных кругов и такое прогрессивное для своего времени явление, как институт суда

присяжных. Идея суда присяжных был извращена уже в тексте судебных уставов: достаточно высокий имущественный ценз допускал в списки присяжных только состоятельных лиц; присяжными не могла быть прислуга; списки находились под контролем администрации – их утверждали губернаторы. И, наконец, под суд присяжных не подпадали дела о государственных преступлениях, которые рассматривались в судебных палатах с участием сословных представителей. Таким образом, возможности суда присяжных оказались, по сравнению с европейским правом, в значительной степени урезанными.

Ограничение суда присяжных происходило и после введения судебных уставов. После вынесения оправдательного решения присяжными заседателями Петербургского окружного суда от 25 августа 1866 г. по иску Главного управления по делам печати к журналу «Современник» (где была опубликована статья Ю. Жуковского, возмутившая цензуру оскорблением дворянства) по инициативе министра внутренних дел П. А. Валуева 12 декабря 1966 г. был принят закон об изменении правил судопроизводства по делам печати, который, вопреки судебным уставам, изъял из юрисдикции суда присяжных подобного рода дела. Первой инстанцией по делам печати стал не окружной суд с присяжными заседателями, а судебная палата с сословными представителями, апелляционной инстанцией был Сенат.

Решающим в ограничении прав суда присяжных стал процесс по делу В. Засулич. Как известно, судили Засулич по уголовному обвинению, но дело имело явную политическую окраску. Присяжные оправдали В. Засулич, что вызвало бурную негативную реакцию со стороны реакционных слоев общества. Предлагалось ввести предварительную обработку присяжных и даже отменить судопроизводство с их участием по некоторым категориям дел (о сопротивлении властям, о причинении вреда должностным лицам или оскорблении их) и передать подобного рода дела на рассмотрение сословных представителей, в число которых входили предводители дворянства, волостные старшины, городские головы, являвшиеся опорой монархии. Существует предположение Г. В. Плеханова, что А. Е. Тимашев и К. И. Пален предлагали решение вопроса о том, какие дела передавать суду присяжных, а какие нет – отдать на рассмотрение III Отделению С.Е.И.В.к. [15, с. 38]. По утверждению А. Ф. Кони, К. И. Пален заявлял о необходимости мер, нацеленных на изъятие у суда присяжных максимального количества дел [16, с. 207].

Результатом многочисленных обсуждений и консультаций в правительственных кругах стало одобрение императором и принятие закона 9 мая 1878 г. [17, с. 796–799]. В соответствии с ним дела, имевшие даже намек на политический характер, изымались из ведения суда присяжных и передавались в судебные палаты, что было серьезным искажением судебных уставов, шагом назад в сфере развития законодательства.

Таким образом, в результате принятия перечисленных законодательных актов значение наиболее демократических институтов судебной системы, судебной защиты и суда присяжных было почти утрачено.

Самостоятельность и независимость адвокатуры были урезаны принятием законов от 25 мая 1874 г. и 5 декабря 1874 г., первый из которых запрещал создавать советы присяжных поверенных, т.е. способствовал сокращению количества адвокатов, согласно второму разрешалась практика частных

поверенных, полностью подчиненных судебной администрации. Вступление в силу вышеперечисленных законодательных актов вело к значительному ограничению принципов судоустройства и судопроизводства, заложенных в Судебных уставах.

Были приняты меры по сокращению подсудности суда присяжных. Принятие закона от 12 декабря 1866 г. об изъятии из юрисдикции суда присяжных дел по искам о дискредитации средствами массовой информации представителей власти (после оправдательного для одного из журналистов решения) сузило возможности суда присяжных и ограничило справедливость судопроизводства. Закон от 9 мая 1878 г. изъял из юрисдикции суда присяжных дела, имевшие политический характер, тем самым уничтожив возможность справедливого правосудия для обвиняемых в государственных преступлениях. Судопроизводство, которое должно было стать, согласно основной идее судебной реформы, свободным и независимым, было подчинено политическим интересам правящей верхушки, боявшейся оправдательных приговоров в политических процессах.

Судебные уставы, основанные на прогрессивном европейском праве, не соответствовали российской действительности и феодально-крепостническим пережиткам, которые сохранились после проведения реформ. Судебная реформа испытала на себе яростное сопротивление консервативных правящих кругов и местной администрации, стремившихся любой ценой сохранить свое влияние. Существовал конфликт интересов между реформаторским курсом и аристократической оппозицией, заинтересованной в сохранении своих привилегий. Параллельно с введением Судебных уставов шел процесс их дополнения реакционными законодательными актами, которые отбрасывали их назад, к старым дореформенным порядкам.

Список литературы

1. **Демичев, А. А.** Судебная контрреформа или кризис судебной системы России в 1870-е, 80-е гг. / А. А. Демичев // Государство и право. – 2012. – № 10. – С. 66–73.
2. **Краковский, К. П.** Судебная контрреформа второй половины XIX века в России: историография и историко-правовые проблемы / К. П. Краковский // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 3.
3. **Медушевский, А. Н.** Великая реформа и модернизация России / А. Н. Медушевский // Российская история. – 2011. – № 1. – С. 3–27.
4. **Попова, А. Д.** Фемида в эпоху преобразований / А. Д. Попова. – М. : Новый хронограф, 2009. – 352 с.
5. **Галай, Ю. Г.** Суд и административно-полицейские органы в пореформенной России / Ю. Г. Галай. – Нижний Новгород, 1999. – 151 с.
6. О приостановлении дальнейшего учреждения советов присяжных поверенных : закон № 54 130 от 5 декабря 1874 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1874. – Собрание II, Т. XLIX.
7. О введении частных присяжных поверенных : закон № 53 573 от 25 мая 1874 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1874. – Собрание II, Т. XLIX.
8. **Козлинина, Е. И.** За полвека / Е. И. Козлинина. – СПб. : Типография Л. И. Гольденберга, 1902. – 472 с.
9. **Гессен, И. В.** История русской адвокатуры. 1864–1914 : в 3 т. / И. В. Гессен, М. Н. Гернет. – М. : Совет присяжных поверенных, 1914–1916. – Т. I. – 516 с.

10. **Спасович, В. Д.** Застольные речи в собраниях сословия присяжных поверенных округа / В. Д. Спасович. – Лейпциг : Изд. Э. Л. Каспоровича, 1903. – 104 с.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. 3-я эксп. 1874.
12. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 177. Оп. 766.
13. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1.
14. **Смолярчук, В. И.** Гиганты и чародеи слова. Русские судебные ораторы второй половины 19 – начала 20 века / В. И. Смолярчук. – М. : Юридическая литература, 1984. – 272 с.
15. Литературное наследие Г. В. Плеханова / под ред. А. В. Луначарского, Ф. Д. Кретова, Р. М. Плехановой. – М. : Госсоцэкономиздат, 1934. – 436 с.
16. **Кони, А. Ф.** Собр. соч. : в 8 т. / А. Ф. Кони. – М. : Юридическая литература, 1966–1969. – Т. 2. – 509 с.
17. О подсудности и порядке производства дел о государственных преступлениях : закон № 58 489 от 9 мая 1878 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1878. – Собрание II, Т. LIII.

References

1. Demichev A. A. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2012, no. 10, pp. 66–73.
2. Krakovskiy K. P. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: historical researches]. 2015, no. 3.
3. Medushevskiy A. N. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history]. 2011, no. 1, pp. 3–27.
4. Popova A. D. *Femida v epokhu preobrazovaniy* [Justice in the age of reforms]. Moscow: Novyy khronograf, 2009, 352 p.
5. Galay Yu. G. *Sud i administrativno-politseyskie organy v poreformennoy Rossii* [Court and administrative and political bodies in post-reform Russia]. Nizhniy Novgorod, 1999, 151 p.
6. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZRI)* [Complete laws of the Russian Empire]. Saint-Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1874, Sobranie II, T. XLIX.
7. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZRI)* [Complete laws of the Russian Empire]. Saint-Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1874, Sobranie II, T. XLIX.
8. Kozlinina E. I. *Za polveka* [For a half of a century]. Saint-Petersburg: Tipografiya L. I. Gol'denberga, 1902, 472 p.
9. Gessen I. V., Gernet M. N. *Istoriya russkoy advokatury. 1864–1914: v 3 t.* [History of Russian advocacy. 1864–1914: in 3 volumes]. Moscow: Sovet prisyazhnykh poverennykh, 1914–1916, vol. I, 516 p.
10. Spasovich V. D. *Zastol'nye rechi v sobraniyakh sosloviya prisyazhnykh poverennykh okruga* [Dinner speeches at meetings of barristers of disctricts]. Leyptsig: Izd. E. L. Kasporovicha, 1903, 104 p.
11. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (GARF)]. F. 109. 3-ya eksp. 1874.
12. *Tsentral'nyy arkhiv Nizhegorodskoy oblasti (TsANO)* [Central Archive of Nizhny Novgorod region (TsANO)]. F. 177. Op. 766.
13. *GARF*. F. 109. Op. 1.
14. Smolyarchuk V. I. *Giganty i charodei slova. Russkie sudebnye oratory vtoroy poloviny 19 – nachala 20 veka* [Giants and wizards of speeches. Russian court speakers of the second half of XIX – early XX centuries]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1984, 272 p.
15. *Literaturnoe nasledie G. V. Plekhanova* [Literary legacy of G. V. Plekhanov]. Eds. A. V. Lunacharskiy, F. D. Kretov, R. M. Plekhanova. Moscow: Gossotsekonomizdat, 1934, 436 p.

16. Koni A. F. *Sobr. soch.: v 8 t.* [Collected works: in 8 volumes]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1966–1969, vol. 2, 509 p.
17. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZRI)* [Complete laws of the Russian Empire]. Saint-Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1878, Sobranie II, T. LIII.

Логачева Наталья Викторовна
кандидат исторических наук, доцент, кафедра государственно-правовых дисциплин, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: logachevan@gmail.com

Logacheva Natal'ya Viktorovna
Candidate of historical sciences, associate professor, sub-department of state and legal disciplines, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 63.3(2)+34(091) История государства и права Отечества

Логачева, Н. В.

Некоторые меры по контрреформированию судебной защиты и суда присяжных в ходе реализации судебной реформы 1864 г., их последствия / Н. В. Логачева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 55–62. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-5

УДК 947.081/083 (471.327+471.43)
DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-6

А. В. Борисов

МЕРОПРИЯТИЯ ГОРОДСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ УПРАВЛЕНИЙ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Аннотация.

Актуальность и цели. В современной России местное самоуправление составляет неотъемлемую часть системы власти, а само понятие наполняется новым содержанием. Сейчас особенно актуально изучение истории городского самоуправления пореформенного периода, когда процесс «включения» общественных учреждений в систему государственного управления только начинался. Цель работы – проанализировать деятельность городских общественных учреждений Среднего Поволжья по охране общественного порядка и безопасности и их взаимодействие в данном направлении с местной администрацией и городской полицией.

Материалы и методы. Для решения поставленной задачи были использованы материалы и документы из фондов Государственного архива Пензенской области, Государственного архива Ульяновской области, а также журналы заседаний городских дум, в которых представлена переписка по всем наиболее значимым вопросам городского хозяйства. Методологической основой работы явились принципы историзма и объективности, а также научный анализ фактических данных и сравнительно-исторический метод.

Результаты. Исследована компетенция городского самоуправления и городского полицейского управления. Выявлен неопределенный статус полиции по отношению к городскому самоуправлению. Проанализировано взаимодействие городских дум и полиции в решении вопросов по обеспечению мер общественного порядка и безопасности.

Выводы. Совместные действия губернской администрации и городского самоуправления в решении важнейших задач городской жизни привели к положительным результатам. По вопросам охраны порядка и общественной безопасности городские думы активно сотрудничали с полицмейстером, совместно с ним готовили обязательные постановления для жителей города. Зачастую губернаторы просили городские думы увеличить штат городовых, что вызывалось ростом городов и увеличением городского населения. В целом сотрудничество в вопросах безопасности отличалось взаимопониманием, конфликтных ситуаций практически не возникало.

Ключевые слова: городская дума, городская управа, Городовое положение, полицейская команда.

A. V. Borisov

MAINTENANCE OF PUBLIC ORDER BY THE MUNICIPAL PUBLIC ADMINISTRATION OF PENZA PROVINCE IN LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

Abstract.

Background. In contemporary Russia, local self-governments form an essential part of government, and the concept itself gets new understanding. Nowadays it is of great importance to research the history of local self-governing of the post-reform

period, when social institutes just began joining the government system. The aim of the research is to analyze the work of municipal social institutes of Middle Volga region in terms of public order maintenance and security, and their interaction with local self-governments and urban forces.

Materials and methods. To achieve the research aim we used the documents from the Penza Region State Archive, Ulyanovsk Region State Archive, as well as local self-governments' session journals, containing written data of important municipal issues. The research is based on the principles of historicism and objectiveness, as well as the scientific analysis of factual data and the comparative method.

Results. The competence of local self-governments and urban forces was researched. The indefinite status of the police regarding local slef-governemnts was ascertained. The interaction of the municipal dumas and the police in terms of public order maintenance was analyzed.

Conclusions. Cooperative actions of local administrations and local slef-governments in terms of solving essential municipal problems led to positive results. In terms of public order maintenance and security, local self-governments actively cooperated with the head of police; together they issued compulsory regulations for citizens. Very often governors asked municipal dumas to increase the number of policemen, which was a result of the city growth and an increase of the number of citizens. In general, their collaboration in terms of security can be characterized by mutual understanding and absence of conflict situations.

Key words: municipal duma, police provision, police brigade.

Городские общественные управления особое внимание уделяли вопросам охраны общественного порядка и безопасности. В этом направлении деятельности тесно взаимодействовали губернская администрация, городское самоуправление, городская полиция и пожарная команда. Результаты такого взаимодействия во многом зависели от взаимопонимания и согласованности действий названных учреждений. Городовое положение 1870 г. не дало четкого разграничения компетенции городского самоуправления и городского полицейского управления. В соответствии со 139 статьей Положения город принимал обязательное участие в расходах на содержание городской полиции и пожарных команд, которые находились на обеспечении городских дум. Участие города заключалось в предоставлении и найме помещений для полицейских служителей и пожарных команд, снабжении их провиантом и амуницией. При этом пожарные команды входили в состав городской полиции и наряду с последней руководились полицмейстером, т.е. чиновником, напрямую подчиненным губернатору. Таким образом, городское самоуправление было лишено какой-либо принудительной власти и находилось в прямой зависимости от полиции [1].

Неопределенный статус полиции по отношению к городскому самоуправлению сохранялся на протяжении всего периода действия Городового положения 1870 г. и не был устранен и в результате реформы 1892 г. Примечательно, что впервые этот вопрос рассматривался еще при подготовке городской реформы 1870 г. во II отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии, которая указала на необходимость разграничения полномочий между городской полицией и общественным самоуправлением в сфере городского хозяйства и благоустройства [2]. Отсутствие разграничений в данной сфере могло вызвать множество недоразумений и конфликтов, поэтому канцелярия предлагала в дополнение к правительственной полиции

учредить выборную общественную полицию, предоставив городскому самоуправлению часть административных функций. Однако реформаторские начинания не были осуществлены [3].

Первый конфликт городского общественного управления с полицией на почве неразграничения полномочий между ними произошел уже в июле 1871 г. и касался вопроса о том, в каких отношениях городское самоуправление должно находиться к полицейским властям по заведыванию городским пожарным обозом. В заседании 16 июля 1871 г. Пензенская городская дума выразила недовольство по поводу неверных хозяйственных распоряжений полицмейстера пожарному обозу, который полностью содержался городом. Гласные думы и городской голова П. П. Похолков указали на многочисленные нарушения и беспорядки, допускаемые полицмейстером в деле управления пожарным обозом. Так, по его распоряжению лошади ежедневно по 8 часов стояли запряженными, отчего у многих из них затекали ноги. Кроме того, полицмейстер самовольно брал лошадей для служебных разъездов, а иногда и в личных целях, что ухудшало состояние пожарного обоза. При нем постоянно находились двое пожарных, которые тем самым отвлекались от службы. Во время пожаров за городом полицмейстер направлял туда весь пожарный обоз, что было крайне непредусмотрительно, ведь пожар мог случиться и в самом городе. Недовольна городская дума была и действиями брандмейстера Скородумова, который вместо наблюдения за пожарным обозом занимался исполнением разных поручений от полицейского управления. Для исправления этой ситуации и разрешения возникших с полицейскими властями недоразумений городская дума обратилась за содействием губернатора и даже просила его отстранить полицмейстера от управления пожарным обозом. Кроме того, дума постановила запретить полицмейстеру пользоваться лошадьми пожарного обоза [4]. Дело было передано в губернское присутствие по городским делам, которое определило, что дума не имела права касаться вопросов, не входящих в ее компетенцию, так как права и обязанности городских дум по отношению к полицейским властям достаточно четко определены Городовым положением. Определенная самостоятельность общественному управлению была предоставлена лишь в хозяйственных делах города. Распоряжения по управлению и заведыванию городской пожарной командой, входящей в состав городской полиции, принадлежали непосредственно полицейскому управлению. Присутствие нашло, что постановление думы о запрещении полицмейстеру пользоваться городскими лошадьми и об ограничении служебных обязанностей брандмейстера противоречит закону как выходящее из круга ведомства городского общественного управления [5]. Таким образом, губернская администрация выступила в защиту полицмейстера, заявив, что предоставление ему возможности пользоваться пожарными или особо нанимаемыми для того лошадьми являлось первой заботой каждого благоустроенного города. В итоге Пензенская городская дума выделила полицмейстеру две особые лошади, но из пожарного обоза брать лошадей запретила. Данный пример свидетельствует, что городские думы как могли боролись с фактами своевластия полицмейстера.

В своей повседневной деятельности по охране общественного порядка городским думам приходилось тесно взаимодействовать с чинами полиции, которая напрямую подчинялась губернской администрации. Это взаимодей-

ствие касалось самых разных вопросов. Городское управление и полицмейстер совместно участвовали в подготовке обязательных постановлений, за исполнением которых следила полиция [6]. Согласно ст. 103–107 Городового положения 1870 г. обязательные постановления для жителей города сначала поступали на рассмотрение «начальникам местных полицейских управлений», которые делали свои заключения или вносили дополнения. Если при этом не достигалось согласия между полицмейстером и городской управой, дело передавалось на рассмотрение присутствия по городским делам, если согласие достигалось – постановление поступало на одобрение губернатора и с его разрешения печаталось [7]. Кроме того, город полностью оплачивал амуницию и содержание помещений для полиции. Городские думы были обязаны перечислять пособия в казну на содержание полиции. Губернаторы строго контролировали исполнение этой обязанности [8]. Городские головы ежегодно отчитывались о выплате денежных сумм. Из отчетов видно, что города Симбирской губернии платили от 300 до 3700 рублей [9], а города Пензенской – от 200 до 4700 рублей, в зависимости от размера города [10].

Как правило, городские думы не жалели средств на охрану порядка. Практически ежегодно Пензенская городская дума увеличивала жалование полицейским, а дума Симбирска утверждала 10 % надбавки на их содержание. В Самарской губернии в январе 1874 г. губернатор Ф. Д. Климов попросил думу увеличить жалование новому городскому полицмейстеру. Дума сделала надбавку в размере 500 рублей ежегодно, как выделялось и его предшественнику [11]. Очень часто полицмейстер ходатайствовал в думе о единовременной награде нижних чинов полицейской и пожарной команды за добросовестную службу [12]. Например, в 1883 г. за обеспечение порядка во время празднования коронации в городе Пензенская дума ассигновала офицерам полиции по 40, а нижним чинам по 20 копеек за вечер [13].

Сотрудничество городской думы и полиции принимало самые разнообразные формы. В августе 1872 г. пензенский полицмейстер М. А. Архангельский потребовал от городской думы устроить на выходах из городского сквера ворота, так как сквер в ночное время служил «пристанищем подозрительных лиц и местом неблагочиния и непотребства» [14]. Полиция пыталась преследовать этих лиц, но безуспешно: они ускользали через пять неохраняемых выходов. Дума поддержала предложение полицмейстера, одобрив эту статью расходов. В связи с постройкой в городе Моршанско-Сызранской железной дороги в октябре 1874 г. полицмейстер добился увеличения полицейской команды на 6 городовых и ассигнования средств на установку 60 дополнительных фонарей на улицах, прилегающих к вокзалу [15]. Вокзал был открыт в ноябре 1874 г., при этом вновь по просьбе полицмейстера управа распорядилась снести ветхие строения на привокзальной площади, служившие убежищем для подозрительных лиц [16].

Пристальное внимание губернской администрации к вопросам охраны общественного порядка и спокойствия в губернских городах объяснялось стремительным развитием самой городской жизни. Население городов ежегодно росло, вместе с тем увеличивалось и число улиц, кварталов, жилых домов. Осуществлять контроль за порядком в городе при неизменном числе городовых становилось невозможно. Поэтому губернатору и полицмейстеру приходилось весьма часто ходатайствовать перед городскими думами об уве-

личении штата полицейской команды [17]. Так, на одном из заседаний Самарской городской думы в январе 1874 г. губернатор предложил гласным резко увеличить штат городской полиции: с 68 до 120 человек. Дума в целом признала необходимость расширения штата, но средств на это в бюджете города на 1874 г. не нашлось [18]. В августе 1887 г. пензенский полицмейстер предложил думе увеличить число городовых с 60 человек до 90 и повысить им жалование [19]. Это было вызвано тем, что имеющегося в городе штата городовых было явно недостаточно для охраны общественного порядка. Дума согласилась увеличить штат полиции, но при условии упразднения ночного караула. При этом губернатор настойчиво торопил городскую думу с введением нового штата, заявляя, что Пенза оставалась единственным городом в губернии, не выполнившим требование правительства об увеличении числа полицейских служащих. В итоге в феврале 1889 г. дума упразднила ночной караул и выделила полицмейстеру необходимую сумму на пополнение штата полицейской команды [20]. В июле 1891 г. Пензенская городская дума ходатайствовала перед правительством о сокращении штата полицейской и пожарной команды. Ходатайство о сокращении полицейских служителей было вызвано поиском средств на устройство в городе парового водопровода [21]. Министерство внутренних дел сокращать штат полицейской команды в городе категорически запретило. Губернская администрация со своей стороны также требовала постоянного увеличения состава полицейской команды. В феврале 1899 г. губернатор А. В. Адлерберг, в связи с предстоящим открытием в Пензе третьей полицейской части и увеличением населения города до 60 тысяч жителей, вновь предложил думе обсудить вопрос о пополнении штата полиции, на этот раз до 120 человек. Дума сочувственно отнеслась к предложению губернатора, но ввиду ограниченности городских средств состав полиции смогла увеличить лишь до 100 городовых [22].

В ноябре 1902 г. губернатор Адлерберг снова обратился в городскую думу с просьбой увеличить полицейскую команду еще на 24 человека и учредить специальную должность помощника полицмейстера [23]. Дума согласилась с предложением губернатора об увеличении числа городовых на 24 человека, но при условии, чтобы правительство приняло на себя расходы по их содержанию. Учреждать должность помощника полицмейстера дума отказалась. За период 1903–1904 гг. городское управление трижды ходатайствовало перед правительством об отнесении расходов на содержание дополнительных 24 городовых на счет казны. Однако все ходатайства думы были отклонены. Ведь по закону содержание полиции полностью возлагалось на городские общественные управления. К тому же печальные события русско-японской войны не позволили правительству ассигновать Пензенской думе просимый кредит. В итоге губернская администрация добилась того, что дума учредила на лето 1904 г. временный штат городовых для охраны порядка в общественных местах.

Как уже отмечалось, неопределенный статус полиции по отношению к городскому общественному управлению сохранялся и в период действия Городового положения 1892 г. [24]. Лишь в конце XIX в. эта проблема стала обсуждаться в печати. Так, в 1904 г. один из номеров журнала «Городское дело» задавался вопросом: «Как долго будут длиться пререкания между администрацией и городом по поводу полиции?». Там же давался и ответ:

«Будут до тех пор, пока у полиции будет хозяин-распорядитель (губернатор) и хозяин-содержатель (город)» [25]. В статье критиковалась работа городской полиции и предлагался единственно возможный выход из сложившейся ситуации: снять с городов расходы на содержание полиции и учредить особый вид городских полицейских служителей, полностью подчиненных городскому самоуправлению и занимающихся сбором недоимок, надзором за торговлей и санитарным состоянием городов. При этом подчеркивалось, что передача полиции в ведение городского общественного управления повысит эффективность ее работы и благоприятно скажется на общественной безопасности [26].

Впервые вопрос о создании особой торгово-хозяйственной полиции, подчиненной городскому общественному управлению, рассматривался Пензенской городской думой в заседании 22 февраля 1905 г. Дума предлагала учредить в помощь общей полиции особую городскую полицию из 15 городовых, на которую возлагалось выполнение обязанностей по делам городского благоустройства: упорядочение базарной торговли, наблюдение за исполнением обязательных постановлений, правил о застройках, санитарных мер и многое другое [27]. Одним словом, учреждение городской полиции сняло бы с общей полиции большую часть работ.

Губернская администрация с самого начала воспротивилась учреждению подобной полиции в Пензе. В марте 1905 г. присутствие по городским делам под председательством губернатора С. А. Хвостова нашло постановление думы 22 февраля 1905 г. об учреждении особой городской полиции незаконным, так как в повестке дня вопрос об организации торгово-хозяйственной полиции обозначен не был. Тревожная обстановка начала 1905 г. как в Пензе, так и по всей России, заставила жителей г. Пензы ходатайствовать о скорейшей передаче полиции в ведение городского управления [28]. В итоге дума образовала особую комиссию и поручила управе разработать инструкцию городской полицейской команде. Эта инструкция с некоторыми поправками была утверждена губернатором в ноябре 1905 г. [29]. С этого времени в городе появилась и стала действовать торгово-хозяйственная полиция, подчиненная не губернской администрации, а городскому самоуправлению.

Таким образом, в организации городского хозяйства важнейшее место занимали вопросы охраны порядка и безопасности. В данном направлении деятельности городское самоуправление активно взаимодействовало с губернской администрацией и полицией. Напрямую подчиненные губернатору, полицмейстеры руководили полицейской и пожарной командами, а городские думы полностью обеспечивали содержание и финансирование этих команд [30].

Увеличение городского населения вызывало необходимость постоянного пополнения штата городской полиции. Губернская администрация весьма часто обращалась к городскому самоуправлению по этому вопросу. Кроме того, губернская администрация взаимодействовала с городскими учреждениями главным образом через полицмейстера. Это взаимодействие принимало разнообразные формы. Как правило, думы с полицмейстером не конфликтовали, протестуя лишь против использования лошадей пожарного обоза, регулярно полицмейстеры получали добавочное содержание.

Полиция использовалась городским самоуправлением и для контроля над исполнением обязательных постановлений. Взаимодействие города и губернской администрации в вопросах безопасности в целом отличалось взаимопониманием, лишь накануне событий 1905–1907 гг. городские думы выразили недовольство по поводу двоевластия в распоряжении полицией и пожарной командой и высказались за организацию особой городской полиции, независимой от администрации. Таким образом, вопросы охраны безопасности горожан в губерниях Поволжья приобретали особое значение благодаря тесному сотрудничеству губернской администрации и городских дум.

Список литературы

1. **Лаптева, Л. Е.** Региональное и местное управление в России. Вторая половина XIX века / Л. Е. Лаптева. – М. : Изд-во РАН, 1998. – С. 79.
2. **Нардова, В. А.** Городское самоуправление в России в 60-е – начале 90-х гг. XIX века / В. А. Нардова. – Л. : Наука, 1984. – С. 250.
3. **Медведева, Г. А.** Самоуправление русского провинциального города (конец XVIII – начало XX века) : дис. ... канд. ист. наук / Медведева Г. А. – Воронеж, 2003. – С. 186.
4. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 361. Оп. 1. Д. 2. Л. 20–21об.
5. ГАПО. Ф. 361. Оп. 1. Д. 2. Л. 29об.
6. **Шумилов, М. М.** Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX века / М. М. Шумилов. – М. : Прометей, 1991. – С. 75–76.
7. **Шепелев, Л. Е.** Царизм и буржуазия во второй половине XIX века / Л. Е. Шепелев. – Л. : Наука, 1987. – С. 110.
8. **Еремян, В. В.** Муниципальная история России / В. В. Еремян. – М. : Академический проект, 2013. – С. 304.
9. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 76. Оп. 4. Д. 241. Л. 151–153.
10. ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 310. Л. 43.
11. Журналы заседаний Самарской городской думы за 1874 год. – № 20. – С. 5.
12. **Васильчиков, А. И.** О самоуправлении : в 3 т. / А. И. Васильчиков. – СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1861. – Т. 1. – С. 49.
13. ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 668. Л. 183об.
14. ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 651. Л. 247.
15. ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 655. Л. 204–205об.
16. ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 655. Л. 354–354об.
17. **Тюрин, В. А.** Губернская администрация и городское общественное управление в провинциальной России конца XIX – начала XX века (Пензенская, Самарская, Симбирская губернии) : дис. ... канд. ист. наук / Тюрин В. А. – Самара, 2004. – С. 134.
18. Журналы заседаний Самарской городской думы за 1874 год. – № 20. – С. 4.
19. ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 672. Л. 239.
20. ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 673. Л. 413–414об.
21. ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 676. Л. 505–505об.
22. ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 686. Л. 9об.
23. ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 571. Л. 3.
24. **Верещагин, А. А.** Местное самоуправление в трудах русских ученых / А. А. Верещагин // Вестник РАН. – М., 1996. – Т. 66. – С. 97.
25. Городское дело. – 1904. – № 17. – С. 79.
26. **Немировский, А. О.** Реформа городского самоуправления в России / А. О. Немировский. – СПб. : Типография В. Безобразова, 1991. – С. 56.
27. ГАПО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 764. Л. 22–22об.

28. ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 691. Л. 27об.
29. ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 729. Л. 18.
30. **Голубев, А. А.** Губернская администрация Среднего Поволжья в пореформенный период : дис. ... канд. ист. наук / Голубев А. А. – Самара, 2000. – С. 203.

References

1. Lapteva L. E. *Regional'noe i mestnoe upravlenie v Rossii. Vtoraya polovina XIX veka* [Regional and local self-governments in Russia. Second part of XIX century]. Moscow: Izd-vo RAN, 1998, p. 79.
2. Nardova V. A. *Gorodskoe samoupravlenie v Rossii v 60-e – nachale 90-kh gg. XIX veka* [Municipal self-government in Russia in 1860s – early 1890s]. Leningrad: Nauka, 1984, p. 250.
3. Medvedeva G. A. *Samoupravlenie russkogo provintsial'nogo goroda (konets XVIII – nachalo XX veka): dis. kand. ist. nauk* [Self-government in a Russian provincial town (late XVIII – early XX centuries)]. Voronezh, 2003, p. 186.
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO)* [State Archive of Penza Region (GAPO)]. F. 361. Op. 1. D. 2. L. 20–21ob.
5. *GAPO*. F. 361. Op. 1. D. 2. L. 29ob.
6. Shumilov M. M. *Mestnoe upravlenie i tsentral'naya vlast' v Rossii v 50-kh – nachale 80-kh gg. XIX veka* [Local self-governments and central power in Russia in 1850s – early 1880s]. Moscow: Prometey, 1991, pp. 75–76.
7. Shepelev L. E. *Tsarizm i burzhuaziya vo vtoroy polovine XIX veka* [Tsarism and bourgeoisie on the second part of XIX century]. Leningrad: Nauka, 1987, p. 110.
8. Eremyan V. V. *Munitsipal'naya istoriya Rossii* [Municipal history of Russia]. Moscow: Akademicheskiy proekt, 2013, p. 304.
9. *Gosudarstvennyy arkhiv Ul'yanovskoy oblasti* [State Archive of Ulyanovsk Region]. F. 76. Op. 4. D. 241. L. 151–153.
10. *GAPO*. F. 109. Op. 1. D. 310. L. 43.
11. *Zhurnaly zasedaniy Samarskoy gorodskoy dumy za 1874 god* [Journals of Samara municipal duma's meetings in 1874]. No. 20, p. 5.
12. Vasil'chikov A. I. *O samoupravlenii: v 3 t.* [On self-government: in 3 volumes]. Saint-Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1861, vol. 1, p. 49.
13. *GAPO*. F. 108. Op. 1. D. 668. L. 183ob.
14. *GAPO*. F. 108. Op. 1. D. 651. L. 247.
15. *GAPO*. F. 108. Op. 1. D. 655. L. 204–205ob.
16. *GAPO*. F. 108. Op. 1. D. 655. L. 354–354ob.
17. Tyurin V. A. *Gubernskaya administratsiya i gorodskoe obshchestvennoe upravle-nie v provintsial'noy Rossii kontsa XIX – nachala XX veka (Penzenskaya, Samarskaya, Simbirskaya gubernii): dis. kand. ist. nauk* [Provincial administration and municipal public administration in provincial Russia in late XIX – early XX centuries (Penza, Samara, Simbirsk provinces): dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Samara, 2004, p. 134.
18. *Zhurnaly zasedaniy Samarskoy gorodskoy dumy za 1874 god* [Journals of Samara municipal duma's meetings in 1874]. No. 20, p. 4.
19. *GAPO*. F. 108. Op. 1. D. 672. L. 239.
20. *GAPO*. F. 108. Op. 1. D. 673. L. 413–414ob.
21. *GAPO*. F. 108. Op. 1. D. 676. L. 505–505ob.
22. *GAPO*. F. 108. Op. 1. D. 686. L. 9ob.
23. *GAPO*. F. 109. Op. 1. D. 571. L. 3.
24. Vereshchagin A. A. *Vestnik RAN* [Bulletin of RAS]. Moscow, 1996, vol. 66, p. 97.
25. *Gorodskoe delo* [Municipal administration]. 1904, no. 17, p. 79.
26. Nemirovskiy A. O. *Reforma gorodskogo samoupravleniya v Rossii* [The reform of municipal self-government in Russia]. Saint-Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova, 1991, p. 56.

27. *GAPO*. F. 11. Op. 1. D. 764. L. 22–22ob.
28. *GAPO*. F. 108. Op. 1. D. 691. L. 27ob.
29. *GAPO*. F. 109. Op. 1. D. 729. L. 18.
30. Golubev A. A. *Gubernskaya administratsiya Srednego Povolzh'ya v poreformennyy period: dis. kand. ist. nauk* [Provincial administration in Middle Volga region in the post-reform period: dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Samara, 2000, p. 203.

Борисов Андрей Викторович
кандидат исторических наук, доцент, кафедра иностранных языков и методики преподавания иностранных языков, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: andrea574@mail.ru

Borisov Andrey Viktorovich
Candidate of historical sciences, associate professor, sub-department of foreign languages and foreign language teaching technique, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 947.081/083 (471.327+471.43)
Борисов, А. В.

Мероприятия городских общественных управлений Пензенской губернии по охране общественного порядка в конце XIX – начале XX в. / А. В. Борисов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 63–71. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-6

УДК 94(47).084.5
DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-7

М. В. Брянцев

АНГЛИЙСКАЯ ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА 1926 г. В ОЦЕНКЕ НАСЕЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Слабая изученность массовых настроений в первое десятилетие правления большевиков обусловливает необходимость исследования исторического опыта взаимодействия власти и общества в отношении наиболее значительных исторических событий, каковым для СССР являлась Всеобщая стачка 1926 г. в Англии.

Материалы и методы. В основу статьи положены материалы ряда региональных архивов (Брянска, Калуги, Смоленска) и опубликованные источники из Центрального архива ФСБ, что позволило исследовать не только формирование образа английской стачки 1926 г. советской пропагандой, но и представления о ней населения.

Результаты. Исследование показало, что формируемый образ Всеобщей стачки 1926 г. в Англии как подтверждение кризиса капиталистической системы оказался не совсем удачным. Несмотря на огромные ресурсы, направленные на ее поддержание со стороны советского правительства, стачка потерпела поражение и у населения Советской России появилась масса вопросов к советской власти; у многих возникла надежда на ее крушение.

Выводы. Изучение реакций населения СССР на формируемый образ Всеобщей стачки позволило уяснить, что люди не совсем безрассудно воспринимали агитационно-пропагандистские мероприятия властей. Девятилетнее правление большевиков давало многим повод критически осмыслять итоги их деятельности.

Ключевые слова: Англия, власть, большевики, СССР, население, представления, стачка.

M. V. Bryantsev

THE ENGLISH GENERAL STRIKE OF 1926 IN THE VIEW OF THE POPULATION OF SOVIET RUSSIA

Abstract.

Background. The lack of knowledge of mass attitudes in the first decade of the reign of the Bolsheviks necessitates the study of historical interaction between the government and the society in relation to the most significant historical events, which for the USSR was the General strike of 1926 in England.

Materials and methods. The article is based on inputs from a number of regional archives (Bryansk, Kaluga, Smolensk) and published sources from the Central Archive of the FSB, which allowed us to explore not only the formation of the image of the English strike of 1926 by the Soviet propaganda, but the population's attitude to it.

Results. The study showed that the formed image of the General strike of 1926 in England, as a proof of the crisis of the capitalist system, were not entirely successful. Despite enormous resources devoted to its support by the Soviet government, the strike was defeated and the population of the Soviet Russia had a lot of questions to the Soviet power; many had hopes for its downfall.

Conclusions. The study of the reactions of the Soviet population to the generated image of the General strike helped to understand that people didn't quite foolishly perceived propagandistic activities of the authorities. The nine-year rule of the Bolsheviks gave many a reason to comprehend critically the results of their activities.

Key words: England, power, Bolsheviks, Soviet Union, population, presentation, strike.

4 мая 1926 г. в Англии началась Всеобщая стачка, продолжавшаяся девять дней и охватившая рабочих железнодорожной, транспортной системы, сталелитейной промышленности и ряда других. Наиболее настойчивыми в своих требованиях оказались горняки, профсоюз которых лишь 3 сентября 1926 г. выразил согласие вступить в переговоры с предпринимателями относительно возможности снижения заработной платы при условии, что общенациональная схема заключения коллективного договора останется неприкасаемой. Однако Ассоциация углепромышленников, настаивавшая на переходе к порайонной системе договоров и поддерживаемая в этом правительством С. Болдуина, ответила отказом. И только в конце ноября 1926 г. семимесячная забастовка горняков была прекращена [1].

Это событие, произошедшее в тот момент, когда среди советских лидеров шли бурные споры о судьбе капитализма после поражения «германского Октября» в 1923 г., вызвало особый интерес. Именно тогда появились первые публикации, посвященные описанию случившегося в Англии [2, 3]. В последующие годы забастовка в Англии 1926 г. становилась предметом научного исследования в СССР [4][1].

В постсоветское время было опубликовано несколько работ, рассматривающих различные аспекты событий 1926 г. Однако представления населения об этом событии не стали предметом исследования [1, 4]. В этой связи представляет большой научный интерес не только процесс формирования советскими властями образа всеобщей стачки 1926 г., но, как мне кажется, и реакции на него населения.

В 1925 г. в Англии стали проявляться негативные последствия мероприятий правительства С. Болдуина в финансовой сфере. Возникла прямая угроза снижению жизненного уровня горняков в связи с остановкой и закрытием шахт. В противостоянии шахтовладельцев и горняков Генеральный совет Британской конфедерации труда (БКТ) занял решительную позицию, отказавшись от каких-либо уступок в пользу предпринимателей [1].

Нарастание противоречий в Англии позволило Политбюро в начале марта 1926 г. обсудить поставленный Г. Зиновьевым вопрос «Об английских горняках». Здесь обращалось серьезное внимание на возможность разгорания конфликта. В этой ситуации Политбюро приняло решение об информировании английских коммунистов о том, что в случае обострения ситуации «они могут рассчитывать на помощь рабочих организаций СССР в размере одного миллиона рублей». Спустя два месяца, 4 мая, было принято решение об ассигновании Генсовету 250 000 рублей от ВЦСПС (как первый взнос) и о начале кампании по отчислению ¼ дневного заработка рабочих и служащих. В этот же день решением Политбюро для созыва конференции европейских

[1] Не случайно именно в эти годы в СССР была переведена работа Дж. Мэррей «Всеобщая стачка 1926 г. в Англии: Исторический очерк» (М., 1954).

коммунистов в поддержку кампании солидарности с английскими стачечниками была создана комиссия М. Томского [5, с. 115, 117, 119; 6, с. 595].

Уже 7 мая в адрес Генсовета было перечислено, по предложению Сталина, Молотова и Догадова, 2 млн руб. [5, с. 120]. Однако английский профсоюз, не желая дискредитировать себя связями с Коминтерном и СССР, отказался принимать направленные в его адрес деньги. Но 15 мая менее принципиальный генеральный секретарь Федерации горняков Англии А. Кук обратился в ВЦСПС с просьбой о переводе собранных в СССР и не принятых Генсоветом денег в распоряжение Федерации горняков [7, с. 145]. В этот же день Политбюро приняло текст телеграммы на имя председателя Федерации горнорабочих Англии Смита и генсека федерации Кука, где сообщалось о том, что рабочими СССР было собрано 2,6 млн руб. на помощь английским рабочим. От имени V съезда горнорабочих Советского Союза эти деньги предлагались английским стачечникам [5, с. 125].

Отказ Генсовета от советских денег вызвал у советских граждан разную реакцию. Некоторой частью живущих в СССР развязанная советским руководством агитационно-пропагандистская кампания и упорное навязывание правительством своей помощи английским рабочим были расценены как стремление советских коммунистов «купить забастовку». С определенным злорадством и надеждой один из крестьян Смоленской губернии заявлял: «Это им (советским властям. – М. Б.) не удалось и не удастся, все равно всему этому будет конец, сколько они не промотаются, все-таки Соввласти не будет». Служащие Сычевского кредитного союза возмущались тем, что рабочие Англии не приняли деньги, а советское правительство все равно продолжает собирать их: «Они в наших деньгах не нуждаются и вообще не стоит их принимать, а мы тут стараемся» [8, л. 365, 408].

Слышались и «насмешки по поводу отказа английских профсоюзов от нашей поддержки». В Калуге, как отмечалось в сводке, среди «обывателей во всех общественных местах – площадях, садах и проч.» – говорили, что «под видом поддержки английских рабочих советское правительство пытается пополнить свою казну» [9, л. 441]. В ситуации давления на население со стороны власти люди упорно искали двойную подкладку в действиях своего правительства. Люди не верили в то, что деньги идут по адресу. Так, в мае 1927 г. в чайной г. Калуги маляр вагонного цеха И. П. Борисов говорил: «Наши рабочие собирали гроши для бастовавших Английских горняков, но наши деньги по адресу не попали, так как их не пропустили через границу, да в них особенно и не нуждались» [10, л. 101].

Понимание того, что английским забастовщикам не столь важна была финансовая помощь, имело место среди наиболее образованной части обывателей. В частности, об этом среди своих коллег заявлял учитель Равельской школы Смоленской губернии Д. М. Иванов, полагая, что «лучше бы эти деньги пустить на нужды Сов[етских] Республик», так как английские рабочие, зная о бедности русского народа, которому «подчас нечем засевать поля», отказались от помощи [8, л. 315].

Попытки советских властей придать событиям в Англии политический характер породили среди части населения надежду и возродили веру в возможность свершения там победоносной революции. При чтении газеты «Правда» среди крестьян Ярцевской волости Смоленской губернии один из

слушателей, неграмотный бедняк, заявил: «Вот – если бы еще французы сделали, да немцы, тогда бы нам совсем бы хорошо было бы жить, мы бы тогда ни одного черта не боялись» [8, л. 314, 315]. Оптимистические настроения встречались и среди некоторой части красноармейцев и командиров Красной армии. По сведениям политуправления Белорусского военного округа, некоторые командиры, сомневаясь в опасности войны, заявляли: «Так ли опасна для нас война, если в результате ее к нам присоединится быть может не одна сов[етская] республика» [11, л. 265].

Эту убежденность транслировали и партийные руководители самого разного уровня. В частности, представитель ЦК ВКП (б) С. Косиор, выступая на XIII Брянской губернской партийной конференции, заявлял, что для западных рабочих были характерны революционные настроения, особенно подчеркивая симпатии английского рабочего класса к СССР. Мировая революция виделась ему как многогранный процесс, первым шагом которого явились события в Англии, Китайская революция, восточный вопрос и др. [12, л. 25–26]. Несомненно, часть представителей официальных властей и населения СССР была настроена воинственно и готова была пойти на открытые военные действия ради раздувания пожара мировой революции. Такие настроения не были случайными: агрессивность внешней политики СССР выливалась и на страницы ведущих советских изданий. По подсчетам Дж. Брукса около 20 % газетного пространства «Правды» и «Труда» и до 36 % «Крестьянской газеты» было отведено под статьи, описывающие враждебные акты или агрессивное поведение на международной арене, что создавало одномерную картину жизни за рубежом [13, p. 1442]. Только в июле 1927 г. Политбюро дало указание прессе проявлять большую сдержанность при освещении внешнеполитических событий, ей было рекомендовано не «раздувать отдельных, хотя бы и опасных, явлений во внутренней жизни… и сообщать о них с максимальным спокойствием» [6, с. 610].

Массированное давление советской прессы на население вызывало и обратную реакцию у некоторой его части – недоверие к сведениям, сообщаемым газетами, в том числе и в отношении забастовки. Так, некоторые крестьяне Ярцевской волости Смоленской губернии говорили при чтении «Правды»: «Что нам слушать, они будут всякую ерунду пороть, писать можно все, что угодно, но на деле не то». Скептическое отношение отмечались и среди крестьян Тумановской волости Вяземского уезда. Крестьяне формировали собственное представление о происходящих событиях, не поддаваясь на официальную пропаганду, считая, что коммунисты не правы, а потому и потерпели поражения, что «в Англии народ больше придерживается старых порядков» [8, л. 314, 315].

Атмосфера недоверия людей к властям порождала сомнение в сообщениях советской прессы об истинных целях забастовки. Попытка руководства придать политическую окраску событиям в Англии не находила понимания среди граждан СССР, которые не могли уяснить, во имя чего английские рабочие хотят отказаться от своих демократических завоеваний. Некоторые служащие Смоленской губернии говорили: «Какая им нужна революция, когда каждый английский рабочий является участником предприятия, участвует в прибылях, живет не хуже наших комиссаров» [8, л. 408]. Один из рабочих Старьской фабрики в Брянской губернии, бывший эсер, выражал свое

неверие в то, что такая «свободная страна», «как Англия, захочет превратиться как наша, где процветает “эксплоатация”» [14, л. 9].

Мотивом, не позволявшим надеяться на положительный исход борьбы в Англии, для части крестьян было мнение о том, что буржуазия не позволит коммунистам сделать «как у нас в СССР», «там крестьяне против рабочих, да и зачем крестьянину идти, когда рабочему живется хорошо» [8, л. 315]. Такое вмешательство Англия не потерпит и объявит СССР войну, которая поможет «стереть эту свору, которая правит государством». В этой среде зрело мнение, что Англии бояться нечего, «она нас бить не будет», говорили люди, пострадают только коммунисты и их приближенные. Они были не прочь «в тылу ей помочь для ускорения расправы с ними». Это та часть населения СССР, которая была готова подчиниться свободной и культурной Англии ради избавления от коммунистов [15, л. 74; 16, с. 597].

Свое отношение к стачке как экономическому явлению выражала и образованная часть провинциального общества. Среди интеллигенции г. Ярцево Смоленской губернии мнение о неполитическом характере забастовки подкреплялось отказом англичан принять деньги от СССР. Оно подкреплялось тем, что при угрозе революции в Англии вмешались бы иностранные войска «и особенно вмешалась бы Америка, которой Англия очень много должна». Один из служащих заключил: «Английские рабочие не захотят революции, так как им сейчас живется не хуже, чем рабочим в России, и что, мол, о революции могут говорить только в России, услаждая себя такими надеждами» [8, л. 408].

Отказ английских рабочих от радикальных мер объяснялся возможной потерей колониальных владений, что осознавалось ими как вероятное снижение их жизненного уровня. Об этом говорил учитель вечерней школы г. Вязьмы Н. В. Глубоков среди своих коллег, которые отмечали высокий уровень жизни не только английских рабочих, но и безработных, которые получают больше, чем учителя СССР [8, л. 407].

Забастовка горняков, боровшихся за сохранение семичасового рабочего дня и повышение заработной платы, для многих рабочих стала предметом размышлений о своем положении в пролетарском государстве. Некоторые из них высказывали мысль о том, что они должны поступить также, как и их английские собратья. В частности, об этом говорил один из прядильщиков на Фряновской шелкопрядильной фабрике Московской губернии [17, с. 736]. Рабочий брянского завода «Профинтерн» Мельников, бывший эсер, член ВКП (б), бригадир паровозосборочного цеха, прямо призывал рабочих объявить забастовку «на почве низкой заработной платы и несвоевременной выдачи последней» [14, л. 9].

Сокращение зарплат служащим и одновременный сбор средств в пользу забастовщиков вызывал озлобление и резкую критику советских порядков. В частности, приходило осознание деспотизма советской власти. В Вязьме счетовод Архипов заявлял: «Все говорят про забастовку в Англии, там хоть бастовать дают, не работай и только, а попробуй у нас забастовать, то если не посадят в тюрьму, так расстреляют наверняка, такого деспотизма, как у нас, нигде нет». Некоторые служащие, впавшие в отчаяние после сокращения зарплаты, готовы были «сделать забастовку, как в Англии, или взять метелку, да гнать наши верхи в шею, а то скоро жить нельзя будет» [8, л. 406–407].

Следуя примеру английских рабочих, крестьяне Барабинского, Иркутского и Залатоустовского округов призывали к бойкоту сбора налога. В Ленинградской губернии раздавались осуждающие голоса, заявлявшие, что у нас слишком много денег уходит на содержание «двух аппаратов – Советов и партии», а посему «у нас нет денег для помощи рабочих других государств» [18, с. 925, 998].

Некоторые граждане СССР поднимались до осознания того, что помощь СССР революционному движению в лице Коминтерна и поддержка различного рода революционных процессов в других странах является разорительной для экономики страны. В Козельском уезде Калужской губернии крестьянин (бывший левый эсер) заявлял, что огромные деньги в СССР расходуются на шпионов и агентуру, которые идут за рубеж под видом помощи Англии и Китаю [9, л. 711].

Вина СССР в ухудшении отношений с Англией была для многих очевидной. Вероятно, среди этой части населения и возник слух о том, что Англия разорвала торговые отношения с СССР потому, что «в нагруженном в Архангельске пароходе с кожами была обнаружена коммунистическая литература, которая нелегально должна была попасть в Англию». Люди высказывали опасение, что вслед за Англией «никакие державы с нашим союзом торговать не хотят», а в Рославльском уезде Смоленской губернии прямо указывали на то, что «забастовка, происходящая в данный момент в Англии, устроена на советские деньги и Коминтерн на этой забастовке имеет руководящую роль. Рабочие Англии подкуплены» [8, л. 314, 404].

Вновь, как и ранее, правительство СССР использовало ситуацию для очередных сборов средств с населения. Насколько население добровольно пошло на отчисления из своих скудных зарплат, трудно говорить. Вообще в официальных материалах отмечался энтузиазм, с которым население откликнулось на предложение о помощи английским забастовщикам. Так, в отчете Смоленского верхне-городского райкома ВКП (б) говорилось: «Рабочие массы с большим подъемом отозвались на призыв профсоюзов о поддержке бастующих рабочих Англии» [19, л. 255 об.]. О добровольности 1 % отчислений говорили рабочие Людиновского и Песоченского заводов Брянской губернии. Об этом же сообщали из Ярцево, где рабочие прядильно-ткацкой фабрики не только приняли решение об отчислении однодневного заработка, но и добровольно по подписным листам собирали дополнительные средства. Аналогично отнеслись к сбору средств рабочие Богдановского фанерного и Дятловского лесопильного заводов Смоленской губернии. На собраниях, посвященных английским событиям, рабочие вносили предложения о помощи английским забастовщикам, в результате чего на Богдановском заводе отчислен полудневной заработок, а на Дятловском – однодневный. Характерно то, что на собрании рабочих последнего завода местком, как и на Ярцевской фабрике, предлагал отчислить полудневной заработок, но большинство высказалось за отчисление однодневного заработка [8, л. 282; 14, л. 13], в результате чего к августу 1927 г. было собрано профсоюзами Смоленской губернии около 28 тыс. рублей [20, л. 38].

Но все же население с большой неохотой расставалось со своими скудными и весьма ограниченными средствами, и только единицы были готовы протестовать против сборов в пользу английских рабочих. Так, машинист

Вяземской электростанции на собрании выступил против отчисления процентов английским горнякам, говоря: «Лучше эти деньги отдать в пользу беспризорных, чем английским рабочим, так как мы сами во всем нуждаемся». Несмотря на то что информатор отметил отсутствие поддержки со стороны рабочих, вероятно, многие из присутствующих были солидарны с выступавшим товарищем [21, л. 47]. В частности, это подтверждает случай на собрании Единого потребительского общества при селе Лапухино Калужской губернии, где выступивший крестьянин Сидорин был поддержан остальными в нежелании помогать английским забастовщикам. Как признается информатор, «присутствующим членам ВКП (б) с трудом удалось провести 25 руб. отчисление» [9, л. 1098].

Некоторые недовольные отчислениями английским забастовщикам голосовали против резолюций на общих собраниях. Так, в Механическом цеху завода «Профинтерн» Брянской губернии четверо рабочих осмелились открыто голосовать против резолюции общего собрания об отчислении в пользу английских забастовщиков 1 % заработка до окончания забастовки. Однако и среди тех, кто поддержал резолюцию, многие делали это по принуждению, что следует из вопросов, задаваемых на собрании.

По другим цехам были единичные настроения за добровольное отчисление (кто сколько может) [18, л. 13].

Отрицательное отношение к сборам высказывали служащие, жившие на свои небольшие оклады. В Демидовском уезде Смоленской губернии учительница Главковской школы, узнав, что прибавка к жалованию была только за первую половину, сказала: «Подумаешь, там взбунтовались рабы, а с нас сорвали здесь однодневный заработок, мы возмущены и дадим только четверть при получении за вторую половину» [8, л. 364].

Неодобрение слышалось и в крестьянской среде. На собрании в деревне Панкино Ярцевского уезда из толпы слышались выкрики: «Мы тут сами сидим голодом, а английским буржуям помогаем». Буржуями на этом собрании назывались рабочие, которые, по мнению присутствующих, в Англии живут лучше, чем наши бывшие буржуи. Всякие попытки переубедить крестьян заканчивались провалом. Крестьяне опирались на свой опыт и заявляли, что во время революции им никто не помогал в борьбе с буржуями, «а на оборот – на нас же войной все пошли. Пускай они и бастуют и сами со своими буржуями разделываются, а то вот мы за них отдуваемся» [8, л. 365].

Думается, что общее отношение к сбору средств в пользу бастующих в Англии выразил крестьянин деревни Гальково Вяземского уезда Смоленской губернии, который на собрании заявил: «Опять крестьяне помогай, запрягли в плуг, теперь начинайте отнимать последние соки». Такое мнение было солидарно поддержано собравшимися [8, л. 314].

Еще одним мотивом отрицательного отношения к событиям в Англии являлось мнение о том, что забастовщики – это бездельники, не желающие работать. Такое мнение высказали в Юхновком уезде Калужской губернии лесник, член ВИКа Романов и некий Хитров: «На кой черт нам нужна Английская забастовка, не давать им никакой помощи, пусть работают» [9, л. 1118]. Англичанин, работавший на Кондровской фабрике, выражая свой протест против удержания из зарплаты денег в пользу горняков, прямо заявил администрации: «Я лентяям не могу давать помощи, а потому прошу деньги возвратить мне» [10, л. 140].

Итак, кампания по сбору средств в помощь бастующим, которая подавалась советским руководством как добровольные пожертвования в знак солидарности, в реальности вызывала ропот и недовольство среди различных слоев населения. Власти такие возражения понимали как «искривления и непонимания».

Охлаждение отношений СССР с Англией усилило ожидание войны. Многие понимали слабость СССР перед Англией и тем более перед лицом объединенной коалиции буржуазных государств. Слабость Советской России была для всех очевидной, а потому среди населения СССР было популярно мнение о стремлении СССР откупиться от буржуазных стран, которые могли осуществить нападение на СССР. Это суждение имело под собой основание, так как и среди правящей верхушки СССР имелись сторонники идеи «откупиться от войны» [22, с. 42]. Это прежде всего Сталин, Сокольников и Чичерин, исходившие из понимания военно-экономической неспособности СССР противостоять экономически более развитым странам Запада. Мысль «откупиться от войны» имела поддержку среди части населения, которая не хотела войны и была готова на многие материальные издержки и уступки лишь бы избежать участия в боевых действиях [23, с. 126].

Военно-экономическая отсталость СССР была настолько очевидна, что население страны не верило в возможность победы в будущей войне. Среди крестьян Дорогобужского уезда Смоленской губернии имели хождение слухи о том, что правительство СССР скупает свиней на всех рынках для того, чтобы отправкой их в Англию погасить перед ней долги и уладить конфликт. В других уездах Смоленской губернии крестьяне говорили, что все экспортное сырье Англия засчитывает в счет царских долгов за царские же деньги [8, л. 183; 21, л. 12].

Слух о стремлении СССР уладить конфликт мирным путем даже за счет поставок продовольствия и сырья был популярен и в рабочей среде. Так, осенью 1926 г. рабочие Калуги уверяли друг друга в том, что войны не будет, так как СССР отдал Польше и Англии за мир миллион пудов белой муки. Представление о слабости СССР в противостоянии с Польшей и Англией встречается довольно часто. Преобладало мнение, что на все претензии этих стран Советская власть готова откупиться, поступаясь даже своими святынями. Так, в деревне Степановская Пустошь Алексинского районного исполнительного комитета Я. А. Новиков рассказывал односельчанам, что на собрании в Петровском заводе говорили следующее: «Англия прислала рабочим СССР ультиматум с требованием забыть о праздновании Октябрьской годовщины у себя в России» [9, л. 967; 10, л. 80; 24, с. 563]. Крестьяне Брянской губернии, уверенные в неспособности СССР противостоять врагу, говорили, что в любом случае слабое правительство будет молчать: «Ему плюют в глаза, а оно говорит – божья роса», даже «если Англия потребует от Союза восстановления частной собственности, то на это он согласиться, так как бессилен воевать, по бедности» [15, л. 16]. И как итог крестьянских представлений является мнение, что «вот когда Англия пойдет, да еще с ней в поддержку Америка, вот тогда поборись. Наверное, Советскому Союзу не существовать» [15, л. 20]. Таким образом, попытка «откупиться от войны» порождала в массовом сознании граждан мнение о неспособности советской власти устоять

перед лицом внешней угрозы и готовности советского руководства ради сохранения власти отказаться от завоеваний Октябрьской революции.

Итак, стремление руководства СССР использовать всеобщую стачку в Англии для раздувания пожара мировой революции и формирования положительного образа этого события в глазах граждан СССР оказалось не совсем удачным. Несмотря на массированную обработку населения, часть его вполне адекватно оценивала происходящее в далекой Англии и не поддавалась на агитационно-пропагандистские мероприятия власти. Более того, это событие показало, что население не только скептически отнеслось к формируемому образу как прологу революции в Англии, но и критически восприняло результаты правления большевиков, казавшихся неспособными отстоять завоеванное в октябре 1917 г.

Список литературы

1. **Суслопарова, Е. А.** Артур Кук – герой забастовки английских шахтеров 1926 года / Е. А. Суслопарова // Новая и новейшая история. – 2013. – № 3. – URL: http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/34984702 (дата обращения: 03.03.2016).
2. **Майский, И. М.** Всеобщая стачка и борьба углекопов в Англии / И. М. Майский. – М., 1926.
3. **Лепешинская, А. В.** Английская всеобщая забастовка 1926 г. (опыт исследования) / А. В. Лепешинская. – М. ; Л., 1930.
4. **Гурович, П. В.** Всеобщая стачка в Англии в 1926 г. / П. В. Гурович. – М., 1959.
5. Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. – М., 2001.
6. Коминтерн и идея мировой революции. Документы / отв. ред. Я. С. Драбкин. – М., 1998.
7. **Трухановский, В. Г.** Новейшая история Англии / В. Г. Трухановский. – М., 1958.
8. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 3214.
9. Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО). Ф. П-1. Оп. 9. Д. 126.
10. ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 10. Д. 126.
11. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1727.
12. ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1286.
13. **Brooks, J.** Official Xenophobia and Popular Cosmopolitanism in Early Soviet Russia / J. Brooks // American Historical Review. – 1992. – Vol. 97, № 5.
14. ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1751.
15. ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1678.
16. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы : в 4 т. Т. 2. 1923–1929. – М., 2000.
17. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 г.). Т. 4. Ч. 2. 1926 г. – М., 2001.
18. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 г.). Т. 4. Ч. 1. 1926 г. – М., 2001.
19. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2711.
20. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1954.
21. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3010.
22. **Кэн, О. Н.** Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.) / О. Н. Кэн. – М., 2008.

23. **Голубев, А. В.** «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. / А. В. Голубев. – М., 2008.
24. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 г.). Т. 5. 1927 г. – М., 2003.

References

1. Susloparova E. A. *Novaya i noveyshaya istoriya* [New age and contemporary history]. 2013, no. 3. Available at: http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/34984702 (accessed March 3, 2016).
2. Mayskiy I. M. *Vseobshchaya stachka i bor'ba uglekopov v Anglii* [The General strike and the struggle of coalminers in England]. Moscow, 1926.
3. Lepeshinskaya A. V. *Angliyskaya vseobshchaya zabastovka 1926 g. (opyt issledovaniya)* [The English General strike of 1926 (research experience)]. Moscow; Leningrad, 1930.
4. Gurovich P. V. *Vseobshchaya stachka v Anglii v 1926 g.* [The General strike in England in 1926]. Moscow, 1959.
5. *Politbyuro TsK RKP (b) – VKP (b) i Evropa. Resheniya «osoboy papki». 1923–1939* [The Political Bureau of CC RCP(b) and Europe. Decisions from the "special folder". 1923–1939]. Moscow, 2001.
6. *Komintern i ideya mirovoy revolyutsii. Dokumenty* [Comintern and the idea of world revolution]. Ed. by Ya. S. Drabkin. Moscow, 1998.
7. Trukhanovskiy V. G. *Noveyshaya istoriya Anglii* [The contemporary history of England]. Moscow, 1958.
8. *Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Smolenskoy oblasti (GANISO)* [State Archive of Contemporary History of Smolensk Region (GANISO)]. F. 3. Op. 1. D. 3214.
9. *Gosudarstvennyy arkhiv dokumentov noveyshey istorii Kaluzhskoy oblasti (GADNIKO)* [State Archive of Documents of Contemporary History of Kaluga Region (GADNIKO)]. F. P-1. Op. 9. D. 126.
10. *GADNIKO*. F. P-1. Op. 10. D. 126.
11. *Gosudarstvennyy arkhiv Bryanskoy oblasti (GABO)* [State Archive of Bryansk Region (GABO)]. F. P-1. Op. 1. D. 1727.
12. *GABO*. F. P-1. Op. 1. D. 1286.
13. Brooks J. *American Historical Review*. 1992, vol. 97, no. 5.
14. *GABO*. F. P-1. Op. 1. D. 1751.
15. *GABO*. F. P-1. Op. 1. D. 1678.
16. *Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy: v 4 t. T. 2. 1923–1929* [The Societ villagy in the view of VChK-OGPU-NKVD. 1918–1939. Documents and materials]. Moscow, 2000.
17. *«Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 g.). T. 4. Ch. 2. 1926 g.* ["Top secret": Lubyanka to Stalin about the situation in the country (1922–1934). Vol. 4. Part 2. 1926]. Moscow, 2001.
18. *«Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 g.). T. 4. Ch. 1. 1926 g.* ["Top secret": Lubyanka to Stalin about the situation in the country (1922–1934). Vol. 4. Part 1. 1926]. Moscow, 2001.
19. *GANISO*. F. 3. Op. 1. D. 2711.
20. *GANISO*. F. 3. Op. 1. D. 1954.
21. *GANISO*. F. 3. Op. 1. D. 3010.
22. Ken O. N. *Mobilizatsionnoe planirovanie i politicheskie resheniya (konets 1920-kh – seredina 1930-kh gg.)* [Mobilization planning and political decisions (late 1920s – middle 1930s)]. Moscow, 2008.
23. Golubev A. V. *«Esli mir obrushitsya na nashu Respubliku»: Sovetskoe obshchestvo i vneshnyaya ugroza v 1920–1940-e gg.* ["If the world crashes on our republic": The soviet society and external threat in 1920–1940s]. Moscow, 2008.

24. *«Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 g.). T. 5. 1927 g.* ["Top secret": Lubyanka to Stalin about the situation in the country (1922–1934). Vol. 5. 1927]. Moscow, 2003.

Брянцев Михаил Васильевич
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского (Россия, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14)

E-mail: bmwbox@mail.ru

Bryantsev Mikhail Vasilyevich
Doctor of historical sciences, professor, head of sub-department of state and law theory and history, Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky (14 Bezhitskaya street, Bryansk, Russia)

УДК 94(47).084.5
Брянцев, М. В.
Английская Всеобщая стачка 1926 г. в оценке населения советской России / М. В. Брянцев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 72–82. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-7

УДК 94 (470)
DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-8

Д. В. Якупова

РЫНОЧНЫЕ РЕФОРМЫ В ВОСПРИЯТИИ НАСЕЛЕНИЯ СССР/РОССИИ В НАЧАЛЕ 1990-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)[1]

Аннотация.

Актуальность и цели. В 2016 г. Россия отметит 25 лет своей новой истории, связанной с выходом из СССР и распадом последнего. Несмотря на четвертьвековую ретроспективу данного процесса, сегодня все чаще разворачиваются дискуссии о сроках завершения данной трансформации, отражения ее сущностного проявления в реальных практиках российского общества, а также о причинах сложностей модернизационного развития российского государства на современном этапе. По нашему мнению, изучение вышеуказанных аспектов невозможно без глубокого анализа эволюции советского менталитета в русле зависимости успеха экономических преобразований от социального восприятия реформы собственности (приватизации) 1990-х гг. и связанных с ним поведенческих реакций населения. Целью данной работы выступает изучение уровня восприятия российским социумом содержания и установок радикальных социально-экономических преобразований начала 1990-х гг. в сфере трансформации отношений собственности.

Материалы и методы. Реализация научных задач строится на основе социально-репрезентативных исследований, результатах полевых опросов, отраженных в материалах периодической печати как центрального, так и местного происхождения. Отдельным блоком источников выступает комплекс архивных документов фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива новейшей истории и Государственного архива Пензенской области. Методологию проведения работы составляют базисные принципы научного познания (историзм и объективность) и специально-исторические методы исследования: историко-системный, статистический, проблемно-хронологический. С целью получения более эффективного результата комплексного анализа социальной рефлексии приватизационных процессов раскрытие ее внутренних связей строилось на основе междисциплинарного категориального и методологического аппарата, необходимость использования которого вытекает не только из тематики работы, но и из признаков проблематизации исторического знания.

Результаты. В статье оценивается возможность эволюции социетальных практик советского человека в условиях социально-культурной трансформации, меняющейся институциональной среды и объективного воздействия рыночных стимулов на модернизацию гражданского общества новой России. Конкретно-исторический анализ переходности и уровня преемственности российского социума в работе основывается не только на общероссийских исследованиях и измерениях общественного мнения, но и на локальном уровне Пензенской области, являющейся по всем параметрам стабильно-типичным регионом с усредненными ценностными архетипами.

Выводы. Перестройка массового сознания советского социума под воздействием рыночных институтов, введенных в рамках радикальных преобразова-

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Советское общество в условиях социокультурной трансформации (вторая половина 1970-х – начало 1990-х гг.)» № 16-31-00009.

ний 1990-х гг., безусловно, поляризировала общественные устои социалистического уклада и имущественно-собственнические настроения. Вместе с тем темпы такой перестройки менталитета были крайне медленными, что тормозило ожидаемое реформаторами развитие механизмов саморегуляции рынка и естественное образование гражданского общества новой России. Умеренные ожидания от перехода к рынку сменились общественным разочарованием, утерей доверия к власти и партии (КПСС) со стороны населения. Кроме того, население стало прибегать к консервативной тактике внутреннего сопротивления и «безмолвствия», что было прямым следствием ранее господствующих настроений социального иждивенчества и государственного партийного патернализма. Анализ причин данных тенденций позволил заключить, что трансформация отношений собственности в России показала высокую устойчивость советского менталитета к восприятию рыночных институтов.

Ключевые слова: СССР, Россия, Пензенская область, социум, советский менталитет, приватизация, рынок, имущество.

D. V. Yakupova

MARKET REFORMS IN PUBLIC PERCEPTIONS IN THE USSR/RUSSIA IN THE EARLY 1990s (BY MATERIALS OF PENZA REGION)

Abstract.

Background. In 2016 Russia will celebrate 25th anniversary of its new history, associated with the release from the USSR and disintegration of the latter. Despite a quarter-century retrospective of this process, the society quite often debates about the time frame of completion of this transformation, the reflection of its essential existence in the real practices of the Russian society, as well as the reasons for difficulties of the modernization of the Russian state development at the modern stage. In our opinion, the study of the above-mentioned aspects is impossible without a deep analysis of the evolution of "Soviet mentality" in the context of dependence of the success of economic transformation on the social perception of the ownership reform (privatization) of 1990s and the related behavioral reactions of the population. The aim of this work is the study of the level of perception by the Russian society of the contents and installations of the radical socio-economic transformation of the early 1990s in the field of property relations transformation.

Materials and methods. The research objectives were implemented on the basis of the socially-representative studies, the results of field surveys, reflected in the periodical press of both central and local origins. Individual unit sources is a complex of archival document collections of the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Archive of Contemporary History and the State Archive of Penza Region. The methodology of the work included basic principles of scientific knowledge – historicism and objectivity, and special historical methods of research: historical and systematic, statistical, problem-chronological. For the purpose of obtaining more efficient results of the complex analysis of the social reflection of the privatization process, the disclosure of its internal relations was based on the interdisciplinary categorical and methodological apparatus, the need for which is substantiated not only by the subject of the work, but also by signs of problematization of historical knowledge.

Results. The article traces the evolutionary nature of social practices of Soviet people in terms of the socio-cultural transformation, changing the institutional environment and objective impact of market incentives for modernization of the civil so-

ciety in new Russia. A concrete historical analysis of transitivity and continuity of the Russian society in the work is based not only on the nation-wide research and measurement of public opinion, but also on local-level researches – Penza region, which by all parameters is a consistently-typical region with average value archetypes.

Conclusions. The restructuring of the mass consciousness of the Soviet society under the influence of market institutions introduced with a framework of radical reforms of 1990s, without a doubt, polarized social foundations of the socialist system in the direction of property-proprietary sentiment. However, the pace of adjustment of mentality was very slow, which hindered the development of mechanisms of self-regulation of the market and the natural formation of civil society of new Russia, expected by the reformers. Reasonable expectations of transition to a market economy was replaced by disappointment, loss of confidence in the government and the party (CPSU) by the population. In addition, the population began to resort to conservative tactics of internal resistance and "silence" that was a direct consequence of the previously predominant tendencies of social parasitism and state party paternalism. As a result, the analysis of the causes of these trends allows to conclude that the transformation of ownership relations in Russia confirmed high resistance of the Soviet mentality to perception of market institutions.

Key words: USSR, Russia, Penza region, society, Soviet mentality, privatization, market, property.

Проблемы социального восприятия рыночных реформ, тиражирования либеральных ценностей в массовом сознании и тесно связанные с таковыми вопросы выработки политической элитой соответствующих стратегий сегодня представлены значительным сегментом предметного поля историографии изучения приватизации в СССР – России. Так, обращаясь к анализу результатов научной рефлексии в этой сфере социального знания, О. А. Сухова в качестве одного из ключевых факторов провала очередной попытки модернизационных усилий государства называет сопротивление ментальной составляющей, сформированной длительной исторической традицией государственного присутствия в экономике и провоцирующей воспроизводство антисобственнических устремлений, а также тотальное рассогласование (пропаганда народного капитализма) и заведомую иллюзорность декларируемых и реализуемых в практической плоскости целей приватизации [1, с. 1020–1022].

Весьма продуктивным в этом отношении будет проведение исторической аналогии с периодом реформистских потуг имперского правительства в начале XX в. Как известно, модернизационные процессы болезненно воспринимались деградирующей политической элитой российского общества – дворянством и индифферентно – основной массой населения страны. В поисках ответа на противоречия либерализации «темная невежественная масса» (в оценках дворян) выберет привычный для себя путь адаптации – «бунт» и «пугачевщину» [2, с. 4–5].

В преддверии реформ начала 1990-х гг. мнение большей части советского общества также оставалось инертным. При этом, согласно социологическим исследованиям 1990 г., 83 % опрошенных пребывали в уверенности, что экономические трудности вызваны ошибками руководства, и лишь 17 % полагали, что причина в хозяйственной порочности самого социализма [3, с. 3]. Это формировало убежденность в необходимости смены политиче-

ского режима в стране. Одновременно результаты опросов свидетельствуют о том, что население ориентировалось не на активную включенность в процесс частнохозяйственной деятельности, а на возможность по окончанию реформ получить необходимый достаток через модернизированную систему госраспределения.

Вместе с тем сохранялось настороженное отношение к рыночным преобразованиям. Так, в мае 1990 г. ВЦИОМ проинформировало Совет Министров СССР, что 56 % респондентов поддерживают переход к рынку, но 60 % считают, что в ближайшее время он не принесет позитивных результатов и, возможно, спровоцирует политический кризис [4, л. 225].

На фоне развернувшихся дискуссий о темпах и задачах рыночных реформ в течение лета – осени 1990 г. содержание массовых настроений претерпело существенные изменения: приметой времени становится нарастание пессимизма, сокращение надежд на улучшение жизни, повышение тревожности за свое будущее и будущее страны. Так, в ответах на вопрос о социальных потерях в прошедшем (1990) году около 40 % опрошенных назвали «терпение народа», 1/3 – «уровень жизни», «порядок в экономике» [4, л. 233 об.].

Проведенный в декабре 1990 г. мониторинг общественных настроений показал, что более половины населения страны считают экономическое положение критическим, а 37 % – неблагополучным. Подавляющее большинство респондентов оценивало 1990 г. как более тяжелый по сравнению с предыдущим, 70 % ожидали ухудшения ситуации в ближайшей перспективе, при этом 54 % опрошенных сочли возможным наступление в 1991 г. экономической катастрофы, 49 % – массовой безработицы, 42 % – голода, 51 % – перебоев с подачей воды и электроэнергии. Малоутешительной представлялась и перспектива выхода из состояния кризиса: 45,8 % опрошенных относили этот период на начало 2000 г., а 12 % полагали, что разрешить противоречия вообще не удастся [5, с. 40]. Опросы общественного мнения, проведенные в 1990 г. Пензенским областным советом профсоюзов, показали, что более 70 % тружеников области ожидали ухудшения своего материального положения, около 60 % считали, что попадут в группу малообеспеченных, и только 2 % твердо были уверены, что не станут безработными [6, с. 1]. Вместе с тем нарастал и вектор критичности по отношению к собственному прошлому: 60 % опрошенных назвали главными проблемами советской экономики дефицит, очереди и бедность, что не могло не отразиться на состоянии социально-политической стабильности в стране [6, с. 8].

В этих условиях установки «советского человека более чем когда-либо определялись перманентной нереализованностью идеала» [7, с. 145]. Появились очевидные признаки перехода от традиционного недоверия к власти к разочарованию в «избранниках, забывших предвыборные обещания и доведших основную массу людей до нищеты» [8]. Неудавшаяся попытка государственного переворота стала финальным аккордом делегитимизации союзного центра в сознании россиян. Деградация и кризис партийной вертикали власти, ее неспособность возглавить процесс идеологического обновления социума спровоцировали формирование в массовом сознании устойчивого представления о прямой зависимости негативных последствий реформ и слабостью, бессилием партии, что спровоцировало массовый выход из рядов КПСС [9, л. 74–75]. Политика департизации и последовавшая далее ликвида-

ция обкомов КПСС с августа 1991 г. стали последними звеньями в цепочке кризиса аппарата партийного управления.

Тем не менее, принимая во внимание традиционные механизмы социально-политического взаимодействия, обусловленные сохранением «раздаточной» экономической модели, трудно прогнозировать в этот период рост гражданских инициатив, сопряженных с восприятием либеральных ценностей. Общество, пропитанное «настроениями социального иждивенчества, государственного (партийного) покровительства, ожиданием милости», оказалось на перепутье, утратило привычные и понятные ориентиры [10, с. 47].

Эта ситуация была максимально использована руководством России для укрепления собственных позиций. Так, с трибуны VI съезда народных депутатов РСФСР президент Б. Н. Ельцин объяснял необходимость скорейшего начала рыночных реформ, апеллируя к нуждам и чаяниям масс: «Большинство населения твердо уверено в том, что необходимо пережить значительное, но временное снижение уровня жизни, чтобы встать, наконец, на путь преодоления нынешнего нищенского состояния народа» [11, л. 144]. Такая конструкция выступала единственным «якорем», обеспечивавшим относительную стабильность социально-политической обстановки в России, в связи с чем власти предпочитали закрывать глаза на многие особенности стратегии преобразований, не вписывавшиеся в декларируемую либеральную модель социальной политики. На самом деле уровень тревожности социальных ожиданий оставался предельно высоким. В то же время в ходе проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения в ноябре 1991 г. опроса («Как вы думаете, мы переживаем сейчас самые тяжелые времена или они позади/впереди?») 69 % респондентов ответили, что «они еще впереди», 21 % – «мы их переживаем сейчас» [6, с. 6, 20, 21].

Экстремальность повседневных стратегий в условиях шокотерапии совсем не способствовала росту доверия к власти, особенно в регионах группы риска, где ожидались серьезные структурные изменения в экономике. Так, производственная сфера народнохозяйственного комплекса Пензенской области, ориентированная большей частью на военно-промышленный комплекс, сразу же окажется в состоянии коллапса, что спровоцирует рост недовольства. По результатам проведенного в 1992 г. опроса общественного мнения в регионе 65,9 % респондентов не доверяли правительству, 21 % опрошенных не смогли определиться с ответом и лишь 13,3 % высказали свое положительное отношение к политическому руководству [12, с. 1].

При таком уровне недоверия было очевидно, что уже на этапе подготовки к радикальным реформам социум проявит внутреннее сопротивление. Впоследствии это четко проявилось в так называемом «безмолвствии», саботаже начинаний властей: люди не торопились идти за ваучерами, вникать в новые социально-экономические процессы и перестраиваться под новые условия. В доказательство этому можно привести итоги Всесоюзного мониторинга общественного мнения, проведенного на предприятиях Пензенской области перед началом приватизационных мероприятий [13, с. 2]. Согласно данным опроса большинство рабочих выступили сторонниками перехода к рыночной системе (21 % – за быстрый переход, 46 % – за постепенный, 28 % – против перехода). Но при этом 60 % респондентов в трудовых коллективах не имели ясных представлений о положительных и отрицательных сто-

ронах рыночной экономики, хотя и связывали с негативными последствиями рост цен, инфляцию (45 %), социальное расслоение (39 %), конкуренцию (27 %). В то же время только 27 % соотносили переход с ростом материального благосостояния, 25 % – со свободой труда, предпринимательством, с частной собственностью, а еще 20 % – с высокой производительностью и качеством труда, 27 % были уверены, что рыночная экономика выведет страну из кризиса. На вопрос о будущем своего предприятия ответы распределились так: «предприятия получат полную хозяйственную самостоятельность» (22 %), «появится возможность самим распоряжаться продукцией и результатами труда» (30 %), «увеличатся доходы работников» (22 %), «появится личная заинтересованность в производительности труда» (24 %). На вопрос, «каким вы предпочли бы видеть предприятие?», ответы респондентов были следующими: 28 % – совместное с зарубежным, 21 % – акционерным, 19 % – госкооперативным объединением, 13 % – частным и только 4 % – арендным. Таким образом, трудовые коллективы явно ожидали позитивных перемен «сверху», надеялись на изменение подходов к управлению и повышение доходов, но в целом не имели четких ориентиров, понимания и восприятия направленности и характера происходивших изменений.

Следует признать, что завышенные ожидания были присущи и политическому руководству, рассчитывавшему на проявление массовой инициативы, пробужденной рыночными институтами и распространением собственнических настроений. Как позже отметит Е. Т. Гайдар, «складывалось впечатление, что экономическая реформа есть, а социально-политической реформы пока нет» [14].

Современные же исследователи, отмечая незрелость институтов гражданского общества в России в рассматриваемый период и прочность традиций патернализма, уверенно характеризуют исходное состояние социальных ожиданий как «пассивное, покорное, с равнодушием и надеждой» [15, с. 73].

Вместе с тем суровые реалии вынуждали население реанимировать самые архаичные стратегии адаптации. Прежде всего речь идет о поиске форм трудовой активности, компенсирующих резкое сокращение доходов занятых в производственной сфере россиян. Как верно отмечает Ю. Н. Ковалевская, «при изучении стратегий адаптации степень приспособленности определяется по денежному доходу человека <…>» [16, с. 66]. Так, по результатам проведенных исследований 1990-х гг. почти 40 % опрошенных занимались индивидуальной трудовой деятельностью: шили, вязали, ремонтировали квартиры и машины. В ряде случаев перечисленные услуги оказывались не посторонним, а знакомым, и не за деньги, а в качестве взаимных услуг. Итоги такой межсемейной взаимоподдержки в крупных городах были значимы для 22 % семей [17]. Вполне закономерно и то, что большую часть доходов население России получало в теневом секторе. Отсюда следовала и непросчитанная в дальнейшем социальная политика государства. Тот неявный консенсус власти и населения материализовался в весьма сложную модель экстремальных повседневных практик, на которой в первое десятилетие после либеральных реформ строило свою жизнь большинство населения страны [18].

Приватизация, безусловно, способствовала развитию прежде неизвестных, негативных явлений: социальной незащищенности работников в новых трудовых отношениях, массовой безработицы, резкой «поляризации» на бед-

ных и богатых [19, с. 82–83]. В частности, в Пензенской области в 1991 г. количество незанятого трудоспособного населения составило 28,4 тыс. человек, в 1992 – 82,2 тыс. человек [20, л. 123].

Опросы, проведенные на пензенских предприятиях уже после запуска программы приватизации, показали неоднородность мнений работников, а также высокую степень их негативных ожиданий. Так, 70 % респондентов сошлись во мнении, что приватизация жилья приведет к ухудшению жилищных условий. Свыше 70 % опрошенных трудящихся тревожил резкий рост безработицы, а более 50 % считали, что от изменения форм собственности выиграет государство и теневая экономика, а малообеспеченные слои населения и работники непроизводственной сферы проиграют. Вместе с тем 88 % считало, что оплачивать детские дошкольные учреждения должно предприятие, что отражало взгляд на сохранение социальной сферы в руках государства [21, с. 3].

Стартовавшая в стране с осени 1992 г. чековая приватизация стала дополнительным фактором обострения социально-политической ситуации, включив в процессы перераспределения собственности работников предприятий [22, л. 101]. Так, по некоторым данным, к концу года 17 % населения России были готовы требовать повышения зарплаты и участвовать в акциях протеста, а в Пензе 26 % опрошенных заявили о необходимости ликвидации поста Президента [23].

По мнению О. В. Нечипоренко, независимо от стратегии реформирования, шоковой или эволюционной, все переходные общества попадали в одинаковое положение: в условиях затяжного экономического кризиса уровень социального обеспечения снижался, резко увеличивалось число социально незащищенных категорий, сокращались доходы населения. В случае с РФ социальные издержки оказались максимально высокими [24, с. 45].

Действительно, до реформ ощутимую часть социальных нужд работников удовлетворяли предприятия. Все это создавало у трудящихся не только ощущение социальной защищенности, но и привычку обращаться со своими нуждами в соответствующие инстанции – профком, СТК и др. Поэтому приватизация и ваучеризация и последовавшее за ней банкротство убыточных предприятий, также как и роспуск Советов, только усугубили шоковое состояние – в сознании людей не фиксировалось никаких признаков улучшения жизненного уровня [25, с. 130].

Рыночная реформа, начатая в лучших традициях «раздаточной экономики» выдачей населению приватизационных чеков, расколола общество на две неравные части: скупщиков ваучеров и их продавцов. Так, по результатам интервьюирования, проведенного в 1992 г., 12,2 % респондентов изначально планировали заняться приобретением ваучеров, при этом та же социальная группа уверенно называла потенциальных продавцов – пенсионеров и малообеспеченных граждан [26, с. 138]. Заместитель коммерческого банка «Тарханы» Е. И. Проскоряков еще за месяц до введения системы приватизационных чеков отметил: «Большая часть владельцев ваучеров поступит именно так – продаст их» [27, с. 1]. Мини-опрос, проведенный в городе Нижний Ломов Пензенской области в октябре 1992 г., также показал, что подавляющая часть населения готова обменять свой чек на деньги. В условиях стремительного обнищания основной массы населения в регионах России возможности

для усвоения рыночных представлений были весьма ограничены. Так, следует отметить, что никто из респондентов не допускал рыночного колебания стоимости ваучера и снижения его цены ниже номинала (10 000 руб.) [28, с. 1].

Стоит признать, что выдача приватизационных чеков по механизму своего осуществления априори не могла стимулировать предпринимательскую деятельность: население видело в этом лишь новый формат распределительных отношений. Население легко освобождалось от чеков, рассчитывая «газ подвести в дом», «на похороны», «пальтишко бы купить», не рассматривая возможности эффективного участия в управлении ценными бумагами. Естественно и то, что спрос породил предложение – в Нижнем Ломове, например, уже в день начала выдачи ваучеров появились и первые объявления о скупке в комиссионных магазинах по цене до трех тысяч рублей [29, с. 1].

Вместе с тем приватизация вопреки ожиданиям не стала фактором обострения социальной напряженности, но в полной степени отождествлялась с радикальными реформами: в рейтинге социальных страхов ее лозунги уступали лидирующие позиции таким общезначимым проблемам, как невыплата заработной платы, снижение доходов и безработица [30, с. 31].

Проведенный анализ социальной рефлексии на трансформацию отношений собственности и неразрывно связанных с ним процессов экономических реформ 1990-х гг. позволяет заключить, что советскому населению было крайне сложно адекватно оценить происходившие изменения. Власти поставили перед собой трудновыполнимую задачу: даровав право на частнохозяйственную деятельность, в одночасье пробудить собственнические настроения в традиционалистски ориентированном социуме. Модель реформы по западному образцу требовала соответствующих идеологических новаций: их отсутствие вызвало кризис и деградацию стержневого элемента советской системы – КПСС.

В итоге в массовом сознании трансформация отношений собственности была прочитана как ключевой фактор реверсии к экстремальным практикам выживания, сходным с архаичными и натурализированными компонентами крестьянского самосознания. Ваучер был включен в систему меновых отношений, вплоть до натурализации последней (когда стоимость чека измерялась бутылкой водки), обращение к которой характерно для ситуации глубокого социально-экономического кризиса, для экстремальных условий существования. Подмена понятий объясняется игнорированием одного из важнейших условий эффективности реформы – ее соответствия базисным инстинктам народа: власти апеллировали к рыночным ценностям в обществе, еще не разорвавшем родовые связи с общинным архетипом и системой патернализма. Это стало одной из причин невысоких темпов развития рыночных механизмов, что и сегодня сказывается на скорости модернизационных процессов.

Список литературы

1. **Сухова, О. А.** История приватизации в России: некоторые результаты научной рефлексии / О. А. Сухова // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – Пенза : ПГПУ, 2012. – № 27. – С. 1019–1023.
2. **Карнишин, В. Ю.** Модернизация и российское общество в начале XX в. / В. Ю. Карнишин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2012. – № 3. – С. 3–8.

3. Огонек. – М., 1990. – № 7.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 162. Д. 2.
5. **Гайдар, Е. Т.** Гибель империи. Уроки для современной России / Е. Т. Гайдар. – М. : РОССПЭН, 2006. – 448 с.
6. **Космарский, В. Л.** Общественное мнение о переходе к рыночной экономике : науч. докл. / В. Л. Космарский, Л. А. Хахулина, С. П. Шпилько. – М. : ВЦИОМ, 1991. – 68 с.
7. **Булдаков, В. П.** Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления / В. П. Булдаков. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 204 с.
8. О характере обращений граждан на имя Президента РФ и в адрес Правительства РФ, полученных в 1 квартале 1992 г. // Архив Е. Т. Гайдара. – URL: http://gaidar-arc.ru (дата обращения: 18.01.2016).
9. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 89. Оп. 22. Д. 69.
10. **Соколов, А. К.** Конституционные основы общества и историко-культурное наследие советского прошлого в современной России / А. К. Соколов // «Советское наследство». Отражение прошлого в социальных и экономических практиках современной России / под ред. Л. И. Бородкина, Х. Кесслера, А. К. Соколова. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 39–76.
11. ГАРФ. Ф. 10 026. Оп. 1. Д. 133.
12. Позиция. – Пенза, 1992. – № 9.
13. Зифовцы об экономике // Фрунзенец. – Пенза. – № 26.
14. Архив Е. Т. Гайдара. – URL: http://gaidar-arc.ru (дата обращения: 15.06.2015).
15. **Коэн, С.** «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? / С. Коэн. – М. : АИРО, 2011. – 216 с.
16. **Ковалевская, Ю. Н.** Практики выживания населения в условиях рыночных реформ 1990-х гг.: проблемы изучения / Ю. Н. Ковалевская // Ойкумена. – 2011. – № 4. – С. 64–70.
17. **Тихонова, Н. Е.** Российская социальная политика: выбор без альтернативы? / Н. Е. Тихонова, О. И. Шкаратан // Социологические исследования. – 2001. – № 3. – С. 21–32.
18. **Кузьминов, Я.** Российская экономика: условия выживания, предпосылки развития / Я. Кузьминов, С. Смирнов, О. Шкаратан, Л. Якобсон, А. Яковлев // Вопросы экономики. – 1999. – № 7.
19. **Гаврилец, Ю. Н.** Дифференциация населения России по восприятию социально-экономических преобразований / Ю. Н. Гаврилец, Ю. П. Коваленко, Е. Н. Черемных // Экономическая наука современной России. – 1998. – № 3. – С. 78–95.
20. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р. 2906. Оп. 1. Д. 5.
21. **Лазуткин, И.** Профсоюзы и приватизация. Некоторые итоги социологического исследования / И. Лазуткин // Фрунзенец. – Пенза, 1992. – № 17.
22. ГАПО. Ф. Р. 2038. Оп. 1. Д. 48.
23. Аналитический обзор о состоянии массового сознания в Российской Федерации за октябрь – первую половину ноября 1992 г. // Архив Е. Т. Гайдара. – URL: http://gaidar-arc.ru (дата обращения: 18.01.2015).
24. **Нечипоренко, О. В.** Цена реформ / О. В. Нечипоренко // Социологические исследования. – 2007. – № 9.
25. **Арутюнян, Ю. В.** Симптомы исторической трансформации социально-политического сознания русских / Ю. В. Арутюнян // Отечественная история. – 1994. – № 3. – С. 126–142.
26. Время перемен: социально-экономическая адаптация населения / под ред. И. Е. Дискина. – М. : ИСЭПН РАН, 1998. – 229 с.

27. **Медведева, Л.** Не потеряйте шанс, получив ваучер / Л. Медведева // Маяк. – Нижний Ломов, 1992. – № 87.
28. Ваучеры // Маяк. – Нижний Ломов, 1992. – № 97.
29. **Генералова, В.** С чеком вас, господа! / В. Генералова // Маяк. – Нижний Ломов, 1992. – № 107.
30. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. – М. : Весь Мир, 2011. – 328 с.

References

1. Sukhova O. A. *Izvestiya PGPU im. V. G. Belinskogo* [Proceedings of PSPU n/a V. G. Belinsky]. Penza: PGPU, 2012, no. 27, pp. 1019–1023.
2. Karnishin V. Yu. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2012, no. 3, pp. 3–8.
3. *Ogonek* [The light]. Moscow, 1990, no. 7.
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (GARF)]. F. 5446. Op. 162. D. 2.
5. Gaydar E. T. *Gibel' imperii. Uroki dlya sovremennoy Rossii* [The empire's fall. Lessons for modern Russia]. Moscow: ROSSPEN, 2006, 448 p.
6. Kosmarskiy V. L., Khakhulina L. A., Shpil'ko S. P. *Obshchestvennoe mnenie o perekhode k rynochnoy ekonomike: nauch. dokl.* [Public opinion on transition to market economy: scientific report]. Moscow: VTsIOM, 1991, 68 p.
7. Buldakov V. P. *Quo vadis? Krizisy v Rossii: puti pereosmysleniya* [Quo vadis? Crises in Russia: ways of reconsideration]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2007, 204 p.
8. *Arkhiv E. T. Gaydara* [Archive of E. T. Gaydar]. Available at: http://gaidar-arc.ru (accessed January 18, 2016).
9. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii (RGANI)* [Russian State Archive of Contemporary History]. F. 89. Op. 22. D. 69.
10. Sokolov A. K. *«Sovetskoe nasledstvo». Otrazhenie proshlogo v sotsial'nykh i ekonomicheskikh praktikakh sovremennoy Rossii* ["Soviet legacy". Reflections of the past in social and economic practices of modern Russia]. Moscow: ROSSPEN, 2010, pp. 39–76.
11. *GARF*. F. 10 026. Op. 1. D. 133.
12. *Pozitsiya* [The position]. Penza, 1992, no. 9.
13. *Frunzenets*. Penza. No. 26.
14. *Arkhiv E. T. Gaydara* [Archive of E. T. Gaydar]. Available at: http://gaidar-arc.ru (accessed June 15, 2015).
15. Koen S. *«Vopros voprosov»: pochemu ne stalo Sovetskogo Soyuza?* ["The question of questions": why has USSR vanished?]. Moscow: AIRO, 2011, 216 p.
16. Kovalevskaya Yu. N. *Oykumena*. 2011, no. 4, pp. 64–70.
17. Tikhonova N. E., Shkaratan O. I. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2001, no. 3, pp. 21–32.
18. Kuz'minov Ya., Smirnov S., Shkaratan O., Yakobson L., Yakovlev A. *Voprosy ekonomiki* [Problems of economics]. 1999, no. 7.
19. Gavrilets Yu. N., Kovalenko Yu. P., Cheremnykh E. N. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economics of modern Russia]. 1998, no. 3, pp. 78–95.
20. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO)* [State Archive of Penza Region (GAPO)]. F. R. 2906. Op. 1. D. 5.
21. Lazutkin I. *Frunzenets*. Penza, 1992, no. 17.
22. *GAPO*. F. R. 2038. Op. 1. D. 48.
23. *Arkhiv E. T. Gaydara* [Archive of E. T. Gaydar]. Available at: http://gaidar-arc.ru (accessed January 18, 2015).
24. Nechiporenko O. V. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2007, no. 9.

25. Arutyunyan Yu. V. *Otechestvennaya istoriya* [Russian history]. 1994, no. 3, pp. 126–142.
26. *Vremya peremen: sotsial'no-ekonomicheskaya adaptatsiya naseleniya* [The time of change: socioeconomic adaptation of population]. Ed. by I. E. Diskin. Moscow: ISEPN RAN, 1998, 229 p.
27. Medvedeva L. *Mayak* [The beacon]. Nizhniy Lomov, 1992, no. 87.
28. *Mayak* [The beacon]. Nizhniy Lomov, 1992, no. 97.
29. Generalova V. *Mayak* [The beacon]. Nizhniy Lomov, 1992, no. 107.
30. *Dvadtsat' let reform glazami rossiyan: opyt mnogoletnikh sotsiologicheskikh zamerov* [20th anniversary of reforms in the view of Russians: the experience of long-term sociological observations]. Eds. M. K. Gorshkov, R. Krumma, V. V. Petukhov. Moscow: Ves' Mir, 2011, 328 p.

Якупова Дарья Викторовна
аспирант, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Yakupova Dar'ya Viktorovna
Postgraduate student, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: bubnova90@mail.ru

УДК 94 (470)
Якупова, Д. В.
Рыночные реформы в восприятии населения СССР/России в начале 1990-х гг. (по материалам Пензенской области) / Д. В. Якупова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 83–93. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-8

Ф И Л О Л О Г И Я

УДК 82-312.1
DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-9

И. М. Попова

КОНЦЕПТУАЛЬНОСТЬ ИНТЕРТЕКСТА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В РОМАНЕ З. ПРИЛЕПИНА «ОБИТЕЛЬ»

Аннотация.

Актуальность и цели. Актуальность связана с изучением последнего романа Захара Прилепина «Обитель» (2015 г.), получившего всеобщее признание и высокую оценку литературоведов, но не изученного в должной мере. В романе «Обитель» поднимаются самые насущные проблемы современности, среди которых главное место занимает объективная оценка сути исторического пути России, национальной идентичности. Цели исследования – обнаружить теснейшую связь русской литературы классического периода (Ф. М. Достоевский), периода 1920–1930-х гг. (Е. И. Замятин) и русской новейшей литературы конца XX – начала XXI в. (Захар Прилепин).

Материалы и методы. Методология исследования включает историко-сравнительный метод, интертекстуальный и герменевтический методы изучения литературного произведения.

Результаты. В статье выявляется и анализируется интертекстуальный творческий диалог, ведущийся Захаром Прилепиным с художественными идеями Ф. М. Достоевского, выраженными в романе «Братья Карамазовы», а также с романом-антиутопией «Мы» Е. Замятина. Сопоставляются образы начальника Соловецкого лагеря Эхманиса, Благодетеля из романа «Мы» Е. И. Замятина и Великого инквизитора Ф. М. Достоевского. В результате делается вывод, что поэма «Великий инквизитор», являясь для Е. Замятина и З. Прилепина творческим импульсом на страницах их произведений, была переосмыслена, углублена, а у писателя XXI в. были заострены те реальные аспекты проблем человечества, которые проявились в период действия концлагеря в Соловецком монастыре. Захар Прилепин продемонстрировал с позиций современности абсурдность «рассудочного рая» (Замятина); «фабрики по перековке человека» (Прилепина), превратившихся в «кромешный ад», грозящий духовной гибелью человечеству.

Выводы. Изучение способов интертекстуального воздействия и осмысления образов и идей Ф. М. Достоевского в романе-антиутопии Е. И. Замятина «Мы» и романе Захара Прилепина «Обитель» позволяет сделать вывод, что русские художники слова XX–XXI вв. развивали и углубляли художественную идею, идущую от Ф. М. Достоевского, об опасности антиномии свободы человеческой личности, предполагающей как возможность приближения к губительному идеалу «человекобожества», так и возможность следования высшей правде «богочеловечества».

Ключевые слова: интертекст творчества, аллюзии, реминисценции переклички, культурные отсылки, Евангельский контекст, варьирование сюжета, творческий диалог.

I. M. Popova

F. M. DOSTOYEVSKY'S INTERTEXT CONCEPTUALITY IN THE NOVEL "ABODE" BY Z. PRILEPIN

Abstract.

Background. The research studies the last generally recognised novel by Zakhar Prilepin "Abode" (2015) what explains its relevance. The novel "Abode" raises the most acute problems. Among these problems the objective evaluation of the essence of Russia's historical path, the national identity are placed in the forefront. The aim of the research is to reveal the close connection between the Russian classic literature (F. M. Dostoyevsky), the literature of 1920–1930s (E. I. Zamyatin) and the Russian contemporary literature of the late 20th – early 21st centuries (Zakhar Prilepin).

Materials and methods. The methodology of the research included historical-comparative, intertextual and hermeneutic methods of studying literary works.

Results. The article is focused on revealing and analyzing the intertextual creative dialogue of Zakhar Prilepin and F. M. Dostoyevsky's literary ideas, expressed in the novel "Karamazov Brothers", and with the novel-distopia "We" by Zamyatin. The images of Ekhmanis, the commander of the Solovky prison camp, the benefactor in the novel "We" by Zamyatin and the F. M. Dostoyevsky's Grand Inquisitor are compared. As a result it is concluded that the poem "Grand Inquisitor", being a creative impulse for E. Zamyatin and Z. Prilepin in their works, was deepened, reinterpreted, and the writer of the 21st century emphasized those real aspects of problems of humanity that had become apparent while the Solovki Concentration Camp in the Solovetsky Monastery was operating. Zakhar Prilepin demonstrated from the modern point of view the absurdity of "paradise rationality" (Zamyatin); "the factory of human reforging" (Prilepin) that turned into the "devil's delight", impending spiritual death of mankind.

Conclusions. Studying the ways of intertextual influence and interpreting images and ideas of F. M. Dostoyevsky in the novel-distopia "We" by E. I. Zamyatin and the novel "Abode" by Zakhar Prilepin allows to make a conclusion that Russian literary artists of 20th – 21st centuries have developed and deepened the literary idea, originated by F. M. Dostoyevsky, about the danger of antinomies of human personality's freedom that presumes the possibility of approaching the baneful ideal of men-godhood as following the "ultimate truth".

Key words: intertextuality in literary works, allusions, reminiscence, cultural references, Evangelical context, plot variation, creative dialogue.

Известно, что интертекстуальность – это принципиальная открытость материала, пропитывающего собою текст, что интертекстемы позволяют наиболее глубоко осознать замысел автора.

Каким бы незначительным ни казался какой-либо интертекстуальный элемент сам по себе, его взаимодействие с другими элементами в тексте может иметь важный смысл, являясь знаком определенной культурной ситуации, притягивающим в смысловую систему произведения целую парадигму исторических, биографических, литературных и образных ассоциаций.

«Интертекст – способ построения художественного текста, состоящий в том, что вводимые цитаты и реминисценции из других произведений становятся залогом самовозрастания смысла» [1, с. 155] первоначального текста, при этом цитируемый текст присутствует неявно, его надо обнаружить и объяснить.

Так, обращение к личности, биографии и творчеству Ф. М. Достоевского в нескольких цитатах и аллюзиях оказывается очень важным для осмысления образа Эйхманиса в романе Захара Прилепина «Обитель».

Произведение это имеет сложную архитектонику, направленную на более глубокое понимание авторской позиции, которая реализуется не только через художественный текст, но и через четыре документальные вставки. Только одна из них помещена собственно перед романом, а три остальные следуют после двух книг. Заключает произведение эпилог, в котором вновь продолжается сюжет «Обители» [2]. Такая композиция создает эффект непрерывности и нераздельности художественного и документального текста, что доказывает важность историзма в повествовании.

В преамбуле, названной «От автора», кратко изложены воспоминания о прадеде писателя, сидевшем в Соловках, и формулируется проблема исторической памяти.

«Послесловие» посвящено описанию процесса поиска документов об Эйхманисе – начальнике соловецкого лагеря и его окружения. Здесь обозначено авторское представление об особенностях «русской истории и русского человека» [2, с. 696–705].

В документальном приложении «Дневник Галины Кучеренко» проясняются черты личности Эйхманиса через восприятие страстно любящей его соратницы.

Раздел «Некоторые примечания» отдан для пересказа документальных сведений о дальнейших судьбах центральных героев: Галины (очень кратко, 5 строк), Эйхманиса (подробно, 12 страниц) и остальных персонажей (кратко, всех вместе – 45 строк): А. П. Ногтева, Г. И. Бокия, Н. А. Френкеля, Шлабуковского и Артема.

При этом доля «присутствия» Эйхманиса в художественном тексте романа чрезмерно мала: примерно двенадцать из более семисот страниц текста романа «Обитель». Приведенные подсчеты, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что для Прилепина была особенно важна историческая точность фигуры начлагеря в аспекте влияния его идей и поведения на окружающих людей.

В статье А. Жучковой «Вегетарианские двадцатые» в «Обители» Захара Прилепина» было обращено внимание на особое «магическое тяготение» к Эйхманису, обладавшему «непоколебимой властностью», молодых героев романа Галины и Артема: автор статьи уверена также, что начлагеря подвергается Прилепиным «эстетизации» [3, с. 166], с чем нельзя согласиться.

Разобраться в оценке личности Федора Ивановича Эйхманиса позволяет, по нашему убеждению, культурная отсылка Захара Прилепина к образу Великого инквизитора из романа «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского и в целом анализ «достоевского интертекста» в «Обители».

Аллюзия на поэму «Великий инквизитор», в которой Прилепин подчеркивал: «Эйхманис на фотографиях был похож на инквизитора, но не в черном колпаке, в белой меховой дохе» [2, с. 699], возникает в документальном разделе произведения, но образ писателя Достоевского как «властителя душ» молодежи появляется значительно раньше, еще в художественном повествовании. Причем парадоксальным образом Эйхманис противопоставляет творчество и жизнь Достоевского «святым сказкам» отца Феофана, объявляя по сути христианские идеи писателя-классика атеистическими [2, с. 276].

Эйхманис, сама фамилия которого для Артема «звучала, как взмах ножниц, которыми отрезают голову» [2, с. 341], внезапно предлагает вспомнить не «прочитанного» им Достоевского, а пребывание на каторге, где у писателя были кандалы и где «всех секли, как детей» [2, с. 276]. Демагогически Эйхманис противопоставляет царской тюрьме Соловецкий концлагерь, где были, по его словам, мягче условия проживания. Но Артем не замечает ни лжи, ни манипулирования словами, поддерживая рассуждения Эйхманиса, чтобы еще больше ему понравиться: «Артема пьянила “восхитительная бредовость самой ситуации” – обедать с самим начлагеря» [2, с. 257]. Он чувствует, что из «твари дрожащей» стал «право имеющим».

Неоднократно в нашем литературоведении было отмечено воздействие Достоевского, в частности его поэмы «Великий инквизитор», на многих русских писателей. Например, роман Замятина «Мы», на наш взгляд, находится в творческой полемике с этим произведением. Замятин создает целую систему аллюзий, реминисценций, скрытых и явных цитат, перекличек эпитетов, отсылок к произведению Достоевского. То же самое можно сказать о романе З. Прилепина «Обитель», в котором описана историческая эпоха 1920-х гг.

Как и для Достоевского, для Замятина и Прилепина было важно создать эффект единства вечного и сиюминутного, прошлого и будущего, поэтому в центре этих произведений стоит единая глобальная проблема: поиски истинного пути человечества. Писатели широко используют библейский фон для своего повествования, зачастую воспринятый через интертекст Достоевского. По сути, и автор романа «Мы», и создатель романа «Обитель» показали, что будто по программе Великого инквизитора в реальном историческом времени разворачиваются, додумываются и наполняются содержанием идеи демонического героя Достоевского по преобразованию человеческого стада.

И Благодетель Замятина, и Эйхманис Прилепина – это один тип человекобога, который восходит к Великому инквизитору Достоевского: эти герои стремятся отнять у человечества «волю» и переделать человека по-своему. Но вместо «математически безошибочного рая» (Замятин), «фабрики по перековке» (Прилепин) эти «полубоги» создают «механический ад» (Замятин), «фантасмагорию цирка в аду» (Прилепин).

О том, что Эйхманис считает себя «Благодетелем» и «человекобогом», говорит и то, что он кощунственно применяет к себе слова Христа: «Иго мое благо, хочется прежде всего о душах ваших думать…» [2, с. 390].

Влияние образа Великого инквизитора на образ Эйхманиса заметно в деталях портретных характеристик, сюжета, действий героя, в его высказываниях. Подчеркиваются портретные описания, прежде всего глаза героев. У Достоевского в поэме «Великий инквизитор» «глаза впалые», «взгляд сверкает зловещим огнем» [4, с. 227]. У Эйхманиса подчеркнута отраженная в глазах гордыня: «надменные, усталые глаза» [2, с. 226], «совершенно безумные глаза» [2, с. 271], «недвижимые глаза» [2, с. 61]. Зловещий характер внешности прилепинского персонажа шире: «в лице его было что-то неприятное и болезненное» [2, с. 61], «голос жестяной и бешеный» [2, с. 278], «словно он был иностранец» [2, с. 284], морщины на лице Эйхманиса «складываются так, как будто добра в нем много, хотя меньше, чем своеволия и бешенства» [2, с. 720]. Эйхманис очень противоречив: говорит тихо, приветливо, но вдруг орет, как бешеный, при этом заключенные застывают, «как

пробитые двумя гвоздями насквозь», а Артем был в этот момент «как в загоревшейся одежде» [2, с. 60].

Прилепин явно ужесточает облик Эйхманиса, как это сделал и Замятин. У Достоевского Инквизитор – «это девяностолетний почти старик, высокий и прямой, с иссохшим лицом, со впалыми глазами, но из которых еще светится, как огненная искорка, блеск... он хмурит седые брови свои» [4, с. 227].

Автор романа «Мы» настойчиво подчеркивает обезличенность и каменную тяжеловесность внешности Благодетеля, («чугунные шаги», «медленный тяжкий жест», «чугунный жест нечеловеческой руки», «каменный, как судьба, Благодетель», «неподвижная, как из металла, фигура»). У «человекобога» Замятина «лица не разобрать», «лицо в тумане», «видно только, что оно ограничено строгими, величественными, квадратными очертаниями» [5, с. 342].

До предела преувеличена сила воли и целеустремленность Благодетеля, которые отличаются «кровожадностью» и «фанатизмом» (герой сравнивает себя с охотником, освежевавшим добычу – человечество и разделившим его на куски. «Тушу пойманного человечества» он «разделывает с сатанинской гордыней») [5, с. 368].

Если у Достоевского Инквизитор по-своему сострадает людям, презрительно считая их «слабосильными», то Благодетель и Эйхманис совсем не знают жалости. Благодетель уничтожает в газовом колоколе всех непокорных, а Эйхманис устраивает «эстетическую живодерню» в концлагере. Если герой романа «Братья Карамазовы» называет Бога «великим идеалистом», слишком высоко оценивающим людей, то герой романа «Мы» нарекает Бога «палачом», автором «великой трагедии человечества» [5, с. 368]. Эйхманис же настолько циничен в своем «своеволии», что заявляет, что «пролетариат лучше Христа» [2, с. 271], прикрывая клумбами роз и театрами надругательство над личностью.

Презирая Бога, Благодетель уверен, что устроил «рай на земле – Единое государство по божьему проекту»: «Вспомните: в раю уже не знают желаний, не знают жалости, не знают любви, там блаженные с оперированной фантазией (только потому и блаженные) – ангелы, рабы Божьи…» [5, с. 368], что придает ему уверенности в своем превосходстве над Богом. Прилепинский человекобог уверен, что за десять лет выбьет из России нутро, для этого храмы превратили в узилища, «в конюшню, псарню, скотобойню», «мясорубку» [2, с. 186]. Якобы заботясь о спорте, Эйхманис устраивает из людей «петушиные бои», делает их «страстотерпцами спорта» [2, с. 208]. Трех беспризорников, убивших и сожравших одну соловецкую чайку, с ведома Эйхманиса поставили «на комарика» [2, с. 56] и чуть не убили. За то, что один (из многих) лагерник тихо поприветствовал его, Эйхманис всех и даже взводного сажает в карцер, обрекая на верную гибель [2, с. 254]. Все жесточайшие действия персонажа направлены на то, чтобы создать «общий и согласный муравейник» [4, с. 235], говоря словами Достоевского.

Прилепин сопровождает поступки начлагеря репликой: отец Феофан смотрел в окно, «будто ожидая рассвета – с рассветом, говорят, пропадает любая нечисть» [2, с. 274]. На лицо негативная авторская оценка Эйхманиса-«эстета».

Исследователи, обращавшиеся к творчеству З. Прилепина, также недоумевали, задавая себе вопрос о смысле и причинах особой любви Эйхманиса к чайкам [3, с. 167]. Представляется, что была частично права Галина, предполагая внешнее сходство начлагеря с чайкой [2, с. 633]. Думается, что сходство это имеет и внутренний характер.

Чайка, действительно, может быть символом жизни «человекобога» Эйхманиса. В романе «Обитель» не случайно на театральный занавес созданного им театра начлагеря повесил чайку, напоминая не только о триумфе знаменитой чеховской пьесы. У Чехова чайка – это символ красоты, свободы, счастья и несбыточной мечты. Но чайку погубил человек «от нечего делать» [6, с. 82]. Очевидно, в чеховской пьесе, которая названа автором комедией, а на самом деле является трагедией, Эйхманис провидел свою судьбу: ведь его идеалистическая мечта о создании идеального государства тоже обернулась гибелью: кошмаром предательства, позора, пыток, расстрела.

Свободный полет «гордой» чайки был прерван «неожиданными зигзагами чудовищной и ошеломительной», по словам Прилепина, его биографии [2, с. 733]: он был в 1938 г. расстрелян на Бутовском полигоне [2, с. 741].

В связи с этим думается, что совсем не случайно при первом появлении Эйхманиса в романе «Обитель» звучит следующая фраза: «Отчего-то начлагеря ценил чаек, эту крикливую и наглую соловецкую породу, необъяснимо. За убийство чайки полагается карцер, то есть медленная смерть» [2, с. 17].

По словам Галины, Эйхманис часто говорил, что устроил на Соловках диктатуру. Он не искал себе оправдания, а «уверял всех в своей бесконечной правоте» [2, с. 721] – первый признак непомерной гордыни «человекобога». Галина приводит тоже свидетельство, что Эйхманис, узнав о множестве правонарушений, сказал ей: «Чтоб все было в порядке – надо расстрелять всех чекистов. Потому что все сюда присланные – штрафники, садисты и негодяи, перевоспитывать их нет смысла» [2, с. 709].

Главный принцип Эйхманиса – «хочу – помилую, хочу – казню» [2, с. 733]. Он иногда думает, что возможно переделать людей, но если не получается, то «он сломает человека или сразу несколько человек, как ребенок ломает игрушку, <…> и не придает потом никакого значения тому, что он сломал» [2, с. 725]. Мечта создать «фабрику по перековке людей» обернулась крахом, в том числе и потому, что была основана не на любви к людям, а на презрении к ним, к их свободе, «на бесчинстве свободного ума» [4, с. 235].

Прилепин, как и Замятин, понимает антиномичность свободы. Об этом написали Ф. М. Достоевский в «Записках из подполья» и Е. И. Замятин в романе «Мы».

Совмещение рационального и иррационального в натуре человека, по мнению обоих писателей, ведет к двум роковым соблазнам, искушениям, которые определяют трагическую судьбу человечества: «соблазн отвлеченного человеческого ума духом революционной утопии» и «соблазн человеческого сердца паучьим сладострастием» [7, с. 347]. Жертвой первого искушения стал Эйхманис и миллионы русских людей, испытавшие магнетизм большевистской власти. А последствия второго искушения выразительно показаны на примере жизни Артема Горяинова.

Н. А. Бердяев писал в связи с этим: «От жадности к жизни, от любви к этому миру человек потерял равновесие и опрокинут. Миром овладел поли-

демонизм, от которого освободило человечество христианство <…>. Человек открылся для всякого рода демонии, <…> человек делается одержимым или элементарными космическими теллурическими силами земли, расы, народа, пола, или элементарными социальными силами экономических интересов, денег, класса, социальной группы, партии. Но духовно человек совершенно дезорганизован. Человеку вновь придется вернуться к единобожию или разложиться окончательно, распылиться на космические элементы, принудительно организованные в социальные коллективы» [8, с. 438].

З. Прилепин в «Обители» и Е. Замятин в романе «Мы» вслед за Ф. М. Достоевским подводит нас к выводу, что опасная антиномия свободы человеческой личности предполагает и возможность приближения к идеалу «богочеловечества», и возможность «загубления Божьей идеи»: следование по гибельному пути «человекобожества» [4, с. 235]. Второй путь изображен у Прилепина. Инквизитор говорил, что «непокорные и свирепые истребят себя самих» (Мезерницкий, Бурцев); «непокорные но малосильные истребят друг друга (Вершинин, Афанасьев) [4, с. 235]; «оставшиеся, слабосильные и несчастные приползут к ногам нашим <…> ибо они только жалкие дети» (Артем Горяинов) [4, с. 236]. А «дети свободы», кто «вытерпел крест твой», – это отшельники, владычка Иоанн, отцы Зиновий и Феофан [2, с. 234].

Замятин и Прилепин показали, что «соблазн разума», претворенный в форму Единого государства, не смог дать нумерам счастья и переделать их: все равно среди них возникают своевольные единичные бунты. Разумно организованное человечество рвется за Зеленую стену, где осталась «дикое человечество», живущее по природным законам. Строитель Д-503 успокаивает себя: «К счастью, это только мелкие аварии деталей: их легко ремонтировать, не останавливая вечного, великого хода всей Машины. И для того, чтобы выкинуть вон вогнувшийся болт, у нас есть такая искусная, тяжкая рука Благодетеля, у нас есть опытный глаз хранителей…» [5, с. 556]. На самом деле, как видно из сюжета «Обители», крах ждет всех.

Личность – микрокосм вселенной – сведена при таком «разумном» подходе до значения «погнувшегося болта», а свобода стала синонимом рабства.

Достоевский в «Записках из подполья» устами своего героя утверждал, что даже смирение и покорность возможны только через своеволие – иначе они не имеют цены. Никто сильнее и убедительнее, чем Достоевский, не изображал саморазрушительности своевольной свободы, не показал с такой художественной страстностью, как протестант превращается в «подпольного человека» и начинается «мистическое разложение», распад личности, как, говоря словами Г. В. Фроловского, «одинокая свобода оборачивается одержимостью, упрямый протест разрешается внутренним пленом. И более того, свобода превращается в принуждение и насилие» [9].

Замятин, как видно из концепции образа I-330, согласен с Достоевским, что свободным быть опасно. Но еще опаснее лишить человека свободы. Свобода должна быть внутренне ограничена самой личностью. Иначе она превращается в свое отрицание. Свобода без смирения делает личность рабом страсти или идеи. Д-503 – раб страсти, а I-330 – раба идеи в романе «Мы».

У Прилепина центральный персонаж Артем Горяинов и раб страсти, и раб идеи, что губит его. Но герой в конце концов находит в себе силы для принятия в сердце, очищенное страданием, жертвенную, милосердную любовь.

«Антиномия человеческой свободы разрешается только в любви. Несвободная любовь вырождается в страсть, страсть становится началом порабощения и насилия – и для любимого, и для влюбленного. <…> Великий инквизитор для Достоевского есть прежде всего жертва любви, несвободной любви к ближнему, любви к несвободе, любви через несвободу. Такая любовь выгорает, выжигает воспаленное сердце и сжигает мнимо любимых – убивает их обманом. Истинная любовь возможна только в свободе, только как любовь к свободе человека. Здесь раскрывается нерасторжимая связь: любовь через свободу и свобода через любовь» [9], – такой вывод сделал русский философ Г. В. Фроловский в результате анализа произведений Достоевского, а Евгений Замятин и Захар Прилепин эту мысль художественно воплощают в образах своих главных героев.

Прилепинский Эйхманис так и не понял значимость любви и свободы, ненавидя все человечество. Он говорил: «Ф. [Федор Эйхманис]: Семь тысяч человек, у каждого бессмертная душа, а я взял ее в плен. Душа томится, стремится вверх и во все четыре стороны. Но если я на минуту ослаблю пальцы – леопарды съедят попов, штрафные чекисты убьют леопардов, а потом их съедят каэры, а тех передушат политические из социалистов» [2, с. 719].

Эту страшную и опасную мысль Галина повторяет почти дословно: «Здесь у каждого незримое кольцо в губе. Надо – беру за кольцо и веду к яме. Я тоже замечала: заключенные нелепы в своих попытках спрятаться, при этом походя на редиску: у каждого торчит из земли хвост. Я могу это сделать с любым тут» [2, с. 716]. Понимает это и Артем: «От того, что Эйхманис тебя на минуту пригрел, и твоя жалкая человеческая душа сама себе вставила кольцо в губу – и бегает за тенью хозяина…» [2, с. 431]. Но персонаж старается отогнать от себя эту «издевательскую», по его словам, мысль, потому что жизнь физическая была для него намного важнее, чем бессмертная душа. Поэтому герой поддерживает Федора Эйхманиса, мечтавшего выбить колуном «нутро Росси» и наполнить «другими внутренностями» [2, с. 722]. Для этого и создается СЛОН – концлагерь, «фабрика по перековке людей». Артем говорит: «Здесь создают фабрику людей <…> А здесь дается выбор: либо становись человеком, либо… – Ага, либо мы тебя перемелем в порошок, – добавил Эйхманис» [2, с. 267]. Здесь все «свое»: «Государство в государстве, – сказал Артем. – И на всем этом вы создаете нового человека. Это – цивилизация!» [2, с. 267]. «Это не лагерь, а лаборатория», – уточняет Эйхманис [2, с. 268].

В чем же суть этого уточнения? Слово «фабрика» происходит от латинского «мастерская», означает промышленное предприятие с машинным способом производства [10, с. 728]. «Лагерь – 1. Временная стоянка, часто под открытым небом. 2. Учреждение, в котором собраны люди для проведения мероприятий. 3. Место содержания заключенных» [10, с. 381]. «Лаборатория – 1. Подразделение, где занимаются научными опытами. 2. Помещение для таких опытов, исследований. 3. Переносное значение – внутренняя сторона, механизм чьей-нибудь творческой деятельности» [10, с. 380].

Как видим, Эйхманис настаивает на последнем определении своей деятельности, потому что он хочет, чтобы его воспринимали как творческую личность, культурного человека, «эстета», занимающегося великим делом, которое под силу лишь божеству. Ведь это он, по его убеждению, ведет экс-

перимент по созданию нового человека. Выбирая слово «лаборатория» персонаж доказывает тем самым, что он ощущает себя «человекобогом». Тщетность такой попытки для земного человека обнаруживает отец Зиновий, говоря с горечью: «Алфавита не знает человек, а хочет объяснить Бога, а Богу можно только внимать» [2, с. 158].

Истинная бесовская сущность начлагеря обнаруживается после покушения на него, совершенное Мезерницким. Когда всех заключенных согнали на плац, то «в южные Иорданские, всегда закрытые ворота прямо на коне влетел Эйхманис. – На колени! – в бледной ярости воскликнул он и выхватил шашку из ножен». И «вся Русь» встала на колени: «Все держались за землю, будто в неустанной морской качке» [2, с. 406]. Эйхманис «свирепый пронесся» и «страх, распространенный его движением был вещественным, почти зримый: этот страх можно было резать кусками вместе с людьми: “Рассатанился”, – прозвучал голос владычки Иоанна» [2, с. 406].

Слово «рассатанился» становится ключевым в отношении автора-повествователя к этому персонажу. Этот эпизод является реминисценцией из романа Ф. М. Достоевского. Иван Карамазов объяснял, что добился «подлиной свободы» Инквизитор «согласного муравейника»: «До того уже покорен и трепетно послушен ему народ», что «толпа моментально, все как один человек, склоняется головами до земли пред старцем инквизитором» [4, с. 227].

В романе «Обитель» есть аллюзия на Достоевского – концептуальное, повторенное трижды число. О мучениях и обидах «семи тысяч человек» (столько было заключенных в Соловецком лагере) твердят Галина, Эйхманис и Артем, которому «вроде бы все равно». Смысл высказываний у всех оправдательный. Так Галина и Эйхманис противопоставляют «зло» царской России «добру» большевистской Страны Советов. В разных частях романа в различных вариантах трижды утверждается, что на соловках «обижают семь тысяч человек», «а до сих пор тысячу лет секли всю Россию!» [2, с. 381].

По некоторым данным заключенных было меньше, но звучит именно это число «семь тысяч человек» – очевидно, что это символическая цифра, намекающая на слова Апостола Павла из «Послания к Римлянам»: «Я соблюл себе семь тысяч человек, которые не преклонили колена перед Ваалом. Так и в нынешнее время по избранию благодати сохранился остаток» [11].

Произнося мистическую цифру, три центральных героя романа «Обитель» невольно свидетельствуют о том, что в будущем сохранится святость у «Русского остатка». И действительно, Соловки – особое место в нашем Отечестве, отразившее историю России, служившее ее вещим зеркалом, стало антиминсом под открытым небом, поскольку вся земля здесь полита кровью мучеников. Оттуда и пошло в 1990-е гг. духовное возрождение страны.

Цель, которую ставил Эйхманис и ему подобные – превратить святую Обитель в «монастырь наоборот» – обернулась гибелью тиранов и воскресением тысячелетней традиции православия, укорененной в русском народе.

Эту авторскую мысль выражает и эпилог, зеркально повторяющий многие детали начала книги романа: сбор ягод в лесу; встреча с начлагерем, но уже не с Эйхманисом, а Ногтевым. Но есть и разительное отличие между этими эпизодами: если в преамбуле звучит ложь о Соловках из уст «богомольного палача» Василия Петровича, то в финале пробивается Правда о великой истории святого монастыря из уст отца Зиновия. Он свидетельствует

«о Чуде Господнем», защитившем наше Отечество от нападения английского флота [2, с. 744]. Вновь утверждается неотвратимость духовного возрождения России: «Хотя человек темен и страшен, но мир человечен и тепел» [2, с. 746], благодаря тем, кто «вынес крест Христов» и не покорился «супостату».

Таким образом, можно констатировать, что исследователь А. Жучкова была права только в том, что увидела экстраполяцию образов «право имеющих» персонажей и в первую очередь Великого инквизитора Достоевского на образ Федора Ивановича Эйхманиса [3, с. 167]. Но необходимо подчеркнуть, что филологический анализ романа показывает, что «трудное уважение» и «магнетизм несомневающейся властности» испытывали к начальнику лагеря только «слабые души» – молодые герои произведения Артем и Галина, но никак не сам повествователь, сопоставлявший его с Великим инквизитором.

Авторская позиция в романе «Обитель» проявлена четко на всех уровнях художественного текста: на уровне композиции, сюжета, мотивной и образной систем, на семантико-метафорическом и символическом уровнях произведения. Эйхманис принадлежит к типу человекобога, описанного у Ф. М. Достоевского (XIX в.) и Е. И. Замятина (XX в.), к которым присоединился в своей поэтико-аксиологической оценке и писатель XXI в. Захар Прилепин, опираясь на творческие результаты своих предшественников и дополняя их существенными наблюдениями с позиции современности. Эстетом богочеловек, погубивший такое количество человеческих жизней, пребывающий в гордыне и ненавидящий ближних своих, быть не может: «красота и злодейство» не совместимы, поскольку первая спасает мир, а второе – уничтожает его, утверждает автор романа «Обитель» посредством интертекста Достоевского, введенного в произведение.

Список литературы

1. **Руднев, В. П.** Словарь культуры XX века / В. П. Руднев – М. : Аграф, 1999. – 384 с.
2. **Прилепин, З.** Обитель : роман / З. Прилепин. – М. : АСТ, 2015. – 746 с.
3. **Жучкова, А.** «Вегетарианские двадцатые» в «Обители» Захара Прилепина / А. Жучкова // Вопросы литературы. – 2015. – № 3. – С. 164–176.
4. **Достоевский, Ф. М.** Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1976. – Т. 19. – С. 224–241.
5. **Замятин, Е. И.** Избранные произведения / Е. И. Замятин. – М., 1989. – 549 с.
6. **Чехов, А. П.** Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1986. – Т. 13. – 360 с.
7. **Степун, Ф. А.** Мировоззрение Достоевского / Ф. А. Степун // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли. – М., 1990. – 386 с.
8. **Бердяев, Н. А.** Философия свободного духа / Н. А. Бердяев. – М., 1994. – 106 с.
9. **Фроловский, Г. В.** Религиозные темы Достоевского / Г. В. Фроловский // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли. – М., 1990. – 386 с.
10. **Крысин, Л. П.** Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М. : Русский язык, 1998. – 849 с.
11. Послание к Римлянам святого апостола Павла. – URL: https://www.bibleonline.ru/bible/rus/52/01/ – Библия онлайн (дата обращения: 14.10.2015).

References

1. Rudnev V. P. *Slovar' kul'tury XX veka* [Culture Dictionary of XXth century]. Moscow: Agraf, 1999, 384 p.

2. Prilepin Z. *Obitel': roman* [The novel “Abode”]. Moscow: AST, 2015, 746 p.
3. Zhuchkova A. *Voprosy literatury* [Problems of literature]. 2015, no. 3, pp. 164–176.
4. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: in 30 volumes]. Leningrad: Nauka, 1976, vol. 19, pp. 224–241.
5. Zamyatin E. I. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, 1989, 549 p.
6. Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete works and letters: in 30 volumes]. Moscow: Nauka, 1986, vol. 13, 360 p.
7. Stepun F. A. *O Dostoevskom: Tvorchestvo Dostoevskogo v russkoy mysli* [About Dostoevsky: Dostoevsky’s works in the Russian thought]. Moscow, 1990, 386 p.
8. Berdyaev N. A. *Filosofiya svobodnogo dukha* [Philosophy of free spirit]. Moscow, 1994, 106 p.
9. Frolovskiy G. V. *O Dostoevskom: Tvorchestvo Dostoevskogo v russkoy mysli* [About Dostoevsky: Dostoevsky’s works in the Russian thought]. Moscow, 1990, 386 p.
10. Krysin L. P. *Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory dictionary of foreign words]. Moscow: Russkiy yazyk, 1998, 849 p.
11. *Poslanie k Rimlyanam svyatogo apostola Pavla* [Epistle to Romans (Apostle Paul)]. Available at: https://www.bibleonline.ru/bible/rus/52/01/ – Bibliya onlayn (accessed October 14, 2015).

Попова Ирина Михайловна
доктор филологических наук, профессор, кафедра русской филологии, Тамбовский государственный технический университет
(Россия, г. Тамбов, ул. Ленинградская, 1)

E-mail: kafedraruss@mail.ru

Popova Irina Mikhailovna
Doctor of philological sciences, professor, sub-department of Russian philology, Tambov State Technical University
(1 Leningradskaya street, Tambov, Russia)

УДК 82-312.1
Попова, И. М.
Концептуальность интертекста Ф. М. Достоевского в романе З. Прилепина «Обитель» / И. М. Попова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 94–104. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-9

УДК 316.1
DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-10

Т. В. Кудрявцева, Т. А. Шарыпина

ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС «ОСИ-ВЕСИ» В ЛИТЕРАТУРЕ ВОССОЕДИНЕННОЙ ГЕРМАНИИ (НА ПРИМЕРЕ ПОЭЗИИ 1990–2000-х гг.)

Аннотация.

Актуальность и цели. Цель работы – показать различия в оценке события, известного под названием «воссоединение» (Wiedervereinigung) Германии, поэтами разных поколений из ГДР и ФРГ. Сравнительный анализ поэтических текстов, посвященных этой проблематике, позволяет выявить особенности восточного и западного восприятия процесса интеграции на разных этапах его развертывания.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута, с одной стороны, на основе рассмотрения и критического анализа концепций известных отечественных и зарубежных исследователей, с другой – путем анализа многих поэтических текстов как западногерманских, так и восточногерманских авторов. Методологическая база основана на использовании историко-литературного и сравнительно-типологического методов исследования.

Результаты. Реакция отторжения западного образа жизни у многих поэтов из бывшей ГДР может расцениваться как результат утраченных иллюзий по поводу капиталистического рая и общества потребления. В этом смысле они пополнили ряды социально-критических поэтов ФРГ, продолжая традиции западнонемецкой поэзии рубежа 1950–1960-х гг.

Выводы. Делается вывод о неоднозначном, главным образом негативном либо скептическом отношении к свершившемуся политическому акту, отразившемуся в коллективном сознании разных поколенческих и социальных групп граждан, проживавших на западе и востоке разделенной страны. Объясняются психологические, социальные, культурно-политические и идеологические причины амбивалентного характера рецепции феномена носителями разделенной нации.

Ключевые слова: литература ГДР, литература ФРГ, культурная политика, воссоединение, идентификация, ментальность.

T. V. Kudryavtseva, T. A. Sharypina

THE “OSSI-VESSI” PROBLEM IN GERMAN LITERATURE AFTER THE REUNIFICATION OF GERMANY (POETRY IN 1990s–2000s)

Abstract.

Background. The purpose of the article is to show the differences in evaluation of the event known as “reunification” (Wiedervereinigung) of Germany by poets of different generations from Eastern and Western Germany. A comparative analysis of poetic texts devoted to this problem allows to reveal the peculiarities of the Eastern and Western perception of the integration process at various stages of its deployment.

Materials and methods. The research tasks were implemented on the one hand on the basis of consideration and critical analysis of the concepts of well-known domestic and foreign researchers, on the other hand – by means of analysis of many

poetic texts both by West German and East German authors. The methodological foundation is based on the historical and literary, comparative-typological research technique.

Results. The reaction of rejection of the Western way of life by many poets from the former GDR may be considered as a result of lost illusions on the subject of the capitalist paradise and consumer society. In this sense, they joined social and critical poets of Germany, continuing the tradition of West German foreign poetry at the turn of the fifties and the sixties.

Conclusions. A conclusion is drawn about an ambiguous, overwhelmingly negative or skeptical attitude to this political act that was reflected in the collective consciousness of different generations and social groups living in the West and East of the country. The ambivalent nature of the reception of this phenomenon is explained by psychological, social, cultural, political and ideological reasons.

Key words: German literature, cultural politics, reunification, identification, mentality.

Провозглашенный политиками воссоединенной Германии официальный статус единства и реальные изменения в материальной и духовной сфере общества спустя более 20 лет после падения Берлинской стены не дают оснований говорить о полном слиянии двух ментальностей. Не случайно термин «литература ГДР» в отношении писателей, выходцев из восточных земель, все еще встречается в современном литературоведении. Х. Пилер, рецензент специального выпуска «Литература ГДР девяностых годов» из серии «Текст + Критик», отмечал в свое время его провокационный характер спустя десятилетие после воссоединения (сборник вышел в 2000 г.), когда проблема единства все еще представляла собой «зияющую рану» [1, s. 178–180]. Не случайной была и дискуссия «Литература воссоединенной Германии все еще расколота?», развернувшаяся на VI съезде германистов в Йоханнесбурге (2002). По всей вероятности окончательное воссоединение литературного пространства Германии произойдет лишь после того, когда с литературной сцены уйдет старшее поколение писателей и читателей и их место прочно займут молодые, судьба которых связана исключительно с новой Германией, те, кому сегодня пятьдесят и меньше.

В силу того что воссоединение Германии проводилось по правилам игры, предложенным ФРГ, и повлекло за собой резкий обрыв литературного процесса в ГДР, стартовые позиции на западе и на востоке оказались неравными. Лишенные прежних духовных ценностей, восточные немцы были вынуждены приспосабливаться к новым условиям жизни. Как известно, идеологическая задача объединенного немецкого государства состояла в том, чтобы вычеркнуть историю ГДР из общей истории страны (по крайней мере то, что так или иначе было связано с реализацией идеи государственного социализма) либо свести ее к «истории “штази” (Staatssicherheit – Министерство государственной безопасности в ГДР – *Т. К.*)» [2, s. 8].

«Переоценка ценностей» для литераторов бывшей ГДР означала прежде всего обращение к социалистическому прошлому как главной теме в творчестве. Как правило, они с недоверием отнеслись к попыткам западных коллег подвергнуть оценке историю страны, отказывая им в способности адекватно воспринять реалии тех лет. Этому в немалой степени послужила разгоревшаяся в 1990 г. и принявшая политический характер дискуссия ин-

теллигенции «Немецко-немецкий литературный спор» («Der deutsch-deutsche Literaturstreit») в связи с публикацией написанного в 1979 г. автобиографического рассказа К. Вольф «Что останется» («Was bleibt»). В ее ходе выяснилась несостоятельность многих западных деятелей литературы дать объективную оценку истории ГДР, а саму К. Вольф, считавшуюся во времена раскола страны признанной общегерманской писательницей, низвели до уровня восточнонемецкой номенклатурной литературной единицы. В этот список попало большинство авторов из ГДР, от столпа официальной литературной сцены Х. Мюллера до М. Марон, в 1988 г. эмигрировавшей в ФРГ.

Тем не менее анализ проблематики воссоединения, которая в 1990-е гг. занимала в творчестве западногерманских писателей достаточно большое место, позволяет сделать вывод об их весьма скептической (если не сказать критической) позиции к свершившемуся факту. Х. Корте, анализируя поэзию ГДР 1990-х гг. в своей статье «Когда государство умирает, поэты поют» («Wenn ein staat ins gras beißt, singen die dichter») [3, s. 21–36], приводит в качестве примера сборник сонетов Г. Грасса «Страна ноября» (Novemberland: 13 Sonette. Göttingen, 1993) и некоторые произведения П. Рюмкорфа [4, s. 99–100]. Однако список авторов, которых волновала эта тема, намного длиннее. Так, из 130 участников антологии К. О. Конради «О той стране и о другой» (Von einem Land und vom andern: Gedichte zur deutschen Wende 1989–1990. Frankfurt a. M., 1993) треть – граждане Западной Германии. А среди авторов вышедшей в 1999 г. под редакцией П. Кюстермана и Х.-Й. Бенен антологии «10 лет падению стены» (10 Jahre Mauerfall: eine neue Dimension. Dorsten, 1999) жители бывшей ГДР составляют лишь 10 %. Написанные по горячим следам стихи отражали настроения, характерные для начала 1990-х гг. Ожидания и надежды, как в стихотворении «Весна 1990» Л. Вербека, когда граница, «болевой шов систем, кровавое место и пространство смерти светится особой зеленью» и «в трясине опалы и слез свободно, как птица расцвела жизнь» [5, s. 50. Здесь и в дальнейшем, если это не оговорено специально, перевод с немецкого выполнен Т. В. Кудрявцевой], быстро сменились отрезвлением. В саркастическом «Настроении прорыва» («Aufbruchsstimmung») Х. М. Энценсбергера «под стремительными клочьями облаков крошится, обмытый шампанским, бетон <…>. Бродяги размышляют о “двусмысленности бытия и понятия о бытии” <…>. Толпы зевак в поисках идентичности и заморских фруктов. Иммигранты пробуют на язык банкноты успокоительного синего цвета» [6, s. 31–32].

В стихотворении Х. Й. Хайзе «Тяжелая поступь земного шара» звучит открытое разочарование, вызванное утратой социалистических иллюзий и осознанием глобального цивилизационного кризиса, когда «утро рождается с помощью кесарева сечения <…>, земной шар тяжело громыхает в задымленной печи мегаполисов, а манекены, некогда стыдливые гелоты, в Берлинском Кройцберге направляются на бал “кому за...”». Когда «Маркса превратили в макдональдс, стену – в The Wall», – это уже «самый крупный попфестиваль со времен горящего Рима». Таким образом, автор делает вывод: «Гибель – это воскресение» («The beginning is the end») [7, s. 44–45].

Нелицеприятны и риторические вопросы о том, «кто спросил народ, когда делили и воссоединяли нацию, куда подевались достижения, куда улетучилась печаль по поводу братьев и сестер, утешительно недосягаемых».

Задающий их поэт М. Бут (род. 1951) живет теперь в стране, название которой звучит для него как «заграничное слово» [8, s. 1173].

Любопытна реакция на соприкосновение с прошлым со стороны тех писателей, для которых реалии социалистической действительности не были частью личного опыта. Так, штутгартский поэт Ф. Демут (1961) в стихотворении «Сталинская аллея, снова и снова», рефлектирует по поводу известных событий многолетней давности (восстание в Берлине 17 июня 1953 г.), реконструируя их в поэтическом сознании уже как результат соприкосновения с призраком (автору довелось в 1990-е гг. жить на носившей некогда это имя улице, позже переименованной в Карл-Маркс-Аллее). Проводя нить исторической памяти, он, по сути, сжимает временно́е пространство в сюрреалистическом образе, делая точкой отсчета нового времени не год падения Берлинской стены, а далекие 1950-е гг., когда, по его словам (письмо Т. В. Кудрявцевой от 15.03.2005), «была сметена великолепная возможность для строительства реального социализма» (письмо от 15.03.2005). В новой исторической ситуации эта самая широкая магистраль Берлина продолжает сохранять для поэта символический смысл как «место, пропитанное болью исторической действительности и еще более сильной горечью нереальности», где «страна на полпути пуста без ласточек <…> в серой полусфере хорошо сохранившегося ноября <…>, а ты в ней беспокойный звериный круг, помнящий о красно-розовом содержимом руки». И риторический вопрос: «Каким могло бы быть его прикосновение, и как уставшим покинуть позиции», когда «время катится вспять в ту сторону света», где «остеологическая связь покоится <…> в вонючем историческом месиве» [9, s. 36–37].

В произведениях поэтов из бывшей ГДР проблематику, связанную с воссоединением двух частей некогда единого государства, можно представить в хронотопическом разрезе как рефлексию-прощание с уходящей в прошлое «раздвоенной Германией» (Zwiedeutschland – образ из поэтического сборника У. Кольбе «Винета»). По большей части лишенное ностальгии, оно тем не менее сопряжено с настороженным неуютным чувством отрыва от чего-то привычно-близкого и с неизбежностью соприкоснуться в настоящем с «весьма жестокой свободой» [10, s. 22–23]. Это своего рода цивилизационный скептицизм по поводу обретения рая в «стране баловней» [3, s. 131] и попытка обрести достойное место в новом-старом отечестве, не потеряв собственного лица. Так, С. Кирш, покинувшая ГДР задолго до воссоединения, не спешит снимать «дорожное платье» (Reisekleider) [11, s. 5], словно советуя отпущенным на свободу соплеменникам задержаться «на мосту» [3, s. 131]. Как известно, поколение молодых литераторов ГДР (Д. Грюнбайн, К. Хензель, Л. Зайлер, В. Барч и др.) в 1980-е гг. с известной долей скептицизма, если не отторжения, воспринимало идеологические догмы и социально-политические реалии тех лет, а в своем самом оппозиционном крыле запечатлело картину будущей агонии и крушения системы незадолго до падения Берлинской стены (в частности, Д. Грюнбайн в поэтическом сборнике «Серая зона утром» (Grauzone morgens. Frankfurt a. M., 1988)). Однако в одночасье оказавшись без привычной мишени для критики, эти поэты в свойственной им манере саркастической дистанцированности и напускной безучастности неожиданно озвучивают ощущение неприкаянности в ситуации, когда долгожданное освобождение обернулось не радостью, а недоумением и затем раз-

очарованием от сознания того, что «народ оболванили» [12, s. 65] (Д. Грюнбайн), поманив к витринам, заваленным «250 сортами хлеба» [13, s. 37] (Д. Шлезак). Как свидетельствует некогда критически настроенный ко многим реалиям ГДР В. Барч, «наконец мы <…> попали из огня да в полымя» [14, s. 13]. Л. Зайлер, поэтически реконструируя историю ГДР, выбирает в качестве эпиграфа к последнему разделу сборника стихов «Сорок километров ночи» цитату из мерзебургских заговоров: «... insprinc haptbandun, inuar uîgandun» («Спасайся от полона, беги от ворога») [15, s. 79].

Реакция отторжения западного образа жизни у многих поэтов из бывшей ГДР может расцениваться как результат утраченных иллюзий по поводу капиталистического рая и общества потребления. В этом смысле они пополнили ряды социально-критических поэтов ФРГ, продолжая традиции западнонемецкой поэзии рубежа 1950–1960-х гг.

Прибытие неискушенных восточных немцев на станцию «капитализм, расцвеченную пестрыми вывесками распродаж, экономических чудес и жареных голубей» [3, s. 132], во многом оказалось прозрением с просроченным сроком действия. Холодная рассудочность внеисторического постмодернистского интеллектуализма не позволяет лирическому герою открыто выражать эмоции. И стоит ли, когда, как в стихотворении К. Драверта «Признание», «между Одером и Рейном никто не умирает без спроса» [16, s. 17]. Поэту остается лишь иронизировать по поводу того, что он понимает свою «большую светловолосую, разорванную страну», добивающуюся «собственной руки» [17, s. 35], любить функционирующие в «усыпляюще-скучной и строго регламентированной федеративно-республиканской нормальности» [3, s. 133] «больничные кассы, страховые конторы, <…> биржи труда, скотобойни» [17, s. 35] и гордиться «отчизной с такими красивыми утками» [17, s. 28].

Дистанцируясь как от прошлого, так и от настоящего, лирический герой продолжает ощущать себя в воссоединенной Германии, как прежде в ГДР, чужаком. Ощущение чужести и одиночества «на другом краю света» К. Драверт склонен объяснять «слишком поспешным прыжком на уже оседланного коня» [17, s. 116], нежеланием раствориться в роли не помнящего родства благодарного обывателя и попыткой сохранить свою культурно-историческую идентичность. Поэт постулирует «пребывание на чужбине, в окружении чужих» [17, s. 115] в качестве центрального мотива в поэзии выходцев из ГДР. Причем если в конце 1980-х гг., как отмечает М. Тулин, контуры немецко-немецкой литературы прорисовались таким образом, что главным пунктом притяжения-отчуждения стала стена как средоточие различий и разломов [18, s. 298], то после 1990 г. топос «чужбины» приобрел явные признаки универсальной неприкаянности. «Чужим повсюду» [10, s. 30] называет себя У. Кольбе. «Никуда не пришел. Нигде не был дома» [17, s. 83] и сам Драверт. В стихотворении выходца из Румынии Д. Шлезака «Эта страна не моя» топография чужбины представлена как «пребывание в пространстве межвременья», когда поэт стоит «еще здесь на мосту, потом дома / который внезапно появляется и исчезает» [13, s. 82].

В числе поэтов, «никуда не прибывших» (К. Драверт) [19, s. 111], живущих «в средоточии нигде» (Д. Грюнбайн) [20, s. 110], – Ф. Браун, Х. Чеховский, Т. Розенлехер, У. Шахт. У многих поэтов среднего поколения это чувство невоплощенной мечты обернулось идеологией космополитизма, други-

ми словами, утратой перспективы и переходом в «зал ожидания для транзитных пассажиров» [21, с. 101].

Наиболее радикальны в оценке случившегося представители старшего поколения (П. Хакс, В. Бирман, А. Эндлер), в свое время сознательно выбравшие ГДР местом жительства в надежде увидеть здесь воплощение социалистических идеалов. Оставаясь в оппозиции к «реальному» социализму, они тем не менее каждый по-своему пытались создать образ «справедливого» устройства жизни и не смогли принять воссоединение в том виде, как оно было осуществлено. Для Эндлера свершившееся – «апокалипсический пудинг» [22]. П. Хакс, до конца жизни сохранив верность идеалам классицизма, продолжал и после воссоединения в качестве «предпосылки положительного человеческого развития аристократически постулировать разумное, не демократическое государство» (К. Келер) [23, s. 102–105]. В. Бирман, посетив в 1997 г. (впервые после изгнания из ГДР) Восточный Берлин, весьма точно передает отношение соотечественников к свершившемуся событию как воссоединению (Wiedervereinigung) без «е», (Widervereinigung) [24, s. 143], т.е. против воли, насильственно, в лучшем случае как спорному факту. Поэтому, резюмирует поэт:

Heimweh nach früher hab ich keins,	По прошлому не тоскую,
nach alten Kümmernissen,	по старым печалям,
Deutschland Deutschland ist wieder eins,	Германия Германия снова едина,
nur ich bin noch zerrissen [24, s. 11].	лишь я все еще в раздрае.

Не менее активны в оценке ситуации и поэты, заявившие о себе в начале 1990-х гг. Как те, что родились на востоке (Р. Винклер, Т. Шульц и др.), так и их западногерманские сверстники (Б. Кулик, С. Лафлер, А. Вагнер, Э. Шталь, К. Флентер и др.) были озабочены проблемами новой-старой страны. Для берлинца Б. Кулика это «страна в шрамах» [25, s. 87], главным образом та ее часть, что живет в виде неприятных слоганов-воспоминаний о ГДР:

GENOSSE, DIE HOSE KLEMMT,	ТОВАРИЩ, ЗАЩЕМИЛО БРЮКИ,
Genosse, meine Pionierblase,	Товарищ, у меня понос,
seid bereit, immer bereit,	будьте готовы, всегда готовы,
der kleine Duden: der passende	краткий Дуден: подходящее
Ausdruck [25, s. 87].	выражение.

Для уроженца г. Карлсруэ С. Лафлера и кельнца Н. Хуммельта «новая родина» [26] хотя и ассоциируется по-прежнему с «отцом Рейном» («Vater Rhein») [27, s. 41–45], «тихими истоками» [27] детства (рейнскими корнями), но мыслится прежде всего в противоречивых категориях глобализированного мира.

Среди первых откликов на падение Берлинской стены выделяется своей горькой личностной интонацией стихотворение Фолькера Брауна «Das Eigentum» (1990). Биография у Фолькера Брауна (Volker Braun, 1939) достаточно «пестрая»: молодой строитель коксохимического комбината «Шварце пумпе», шахтер и трубоукладчик становится студентом философского факультета Лейпцигского университета. Обстоятельства жизни писателя способствовали тому, что уже в ранних произведениях он обращается к социальной проблематике. Чувство справедливости и глубокий интерес к основам

общественного развития, неприятие торгашеского духа капитализма будут определять творчество Брауна на протяжении всей его творческой жизни: «Ловушек много в вашем арсенале – / как ловко собственность к рукам прибрали» [28]. Писатель никогда не входил в число деятелей культуры, приближенных к власти. В 1982 г. он покинул союз писателей ГДР, однако после объединения Германии ощутил себя жителем Востока, колонизированного Западом, и, проанализировав причины «капитуляции», выступил за особый путь развития бывшей ГДР. В переводе Якова Матиса название стихотворения «Das Eigentum» звучит как «Собственность», но возможен и другой перевод названия – «Достояние». В этом случае в сознании читателей возникают ассоциации с известной философской одой Ф. Гельдерлина «Мое достояние» («Mein Eigentum»). Небольшое стихотворение Ф. Брауна насыщено интертекстуальными отсылками. Так уже вторая строка («KRIEG DEN HÜTTEN FRIEDE DEN PALÄSTEN») напоминает перефразированный эпиграф Георга Бюхнера к его воззванию «Гессенский депутат» (1834), в котором он использует один из лозунгов Французской революции. С поэтической манерой Гельдерлина стиль Ф. Брауна роднит пристрастие к прозаизации стиха и иронии в сочетании со стремлением к возвышенному, торжественному поэтическому высказыванию. Один из сборников Ф. Брауна («Против симметричного мира», 1975) даже был назван аналогичной строкой из письма Гельдерлина, обличавшего пошлость филистерского «симметричного мира». Еще в раннем стихотворении «An Friedrich Hölderlin» ощутима перекличка с одой Ф. Гельдерлина «Mein Eigentum» («Мое достояние»). Ф. Браун гордился тем, что бесприютный в своей жизни поэт наконец обретает подлинную родину в новой демократической Германии («Dein Eigentum, Bodenloser, Dein Asyl, das du bebautest Mit schattenden Baumen und Wein Ist volkseigen; Und deine Hoffnung, gesiedelt Gegen die symmetrische Welt») [подробно об этом – 29]. В этом контексте жестокой самоиронией звучат строки написанного вслед за поспешным объединением Германии названного выше стихотворения, в котором лирический герой оказывается сам на «колонизированных», отчужденных землях:

Da bin ich noch: mein Land geht
in den Westen.
KRIEG DEN HÜTTEN FRIEDE
DEN PALÄSTEN.
Ich selber habe ihm den Tritt versetzt.
Es wirft sich weg und seine magre Zierde.
Dem Winter folgt der Sommer der Begierde.
Und ich kann bleiben wo der Pfeffer wächst.
Und unverständlich wird mein ganzer Text.
Was ich niemals besaβ; wird mir entrissen.
Was ich nicht lebte, werd ich ewig missen.
Die Hoffnung lag im Weg wie eine Falle.
Mein Eigentum, jetzt habt ihrs auf der Kralle.
Wann sag ich wieder mein und meine alle [28].

Объявлен МИР ДВОРЦАМ,
ВОЙНА ЛАЧУГАМ.
Страна на Запад сваливает цугом.
Я ей вдогонку сам всадил пинка –
Униженно снимавшей украшенья.
Сменяет зиму лето вожделенья.
Я остаюсь у черта на рогах,
и сломит ногу черт в моих стихах.
Вот впереди чужой рассвет забрезжил.
Как будет не хватать того, чем не жил!
Ловушек много в вашем арсенале –
как ловко собственность к рукам
прибрали.
О личном – наше! вновь скажу едва ли.

Вслед за первой импульсивной и горькой реакцией на неравноправное объединение Германии появляется не менее эмоциональный стихотворный драматический отрывок «Ифигения на свободе» (Volker Braun «Iphigenie in Freiheit», 1991), часть из которого была опубликована в 1991 г. в газете

«Фрайтаг» (по «свежим следам» событий) [30]. Провал этой инсценировки на территории бывшей Западной Германии (Франкфурт на Майне) и бешеный успех на Востоке страны (Котбус) в 1992, а затем бурное обсуждение в критике [31–33] еще более подчеркнули насущные проблемы, вызванные объединением. Реквиемом по утопии социализма и саркастическим памфлетом на объединение Германии назвал Рольф Михаэлис «Ифигению на свободе» как последнее произведение литературы ГДР [33].

Сочинение Ф. Брауна – хаотическое чередование отрывков потока сознания героев, построенное в традициях одновременно и абсурдистского, и постмодернистского письма, перенасыщенного реминисценциями, аллюзиями и интертекстуальными отсылками. Читатель, осмысливая прочитанное, должен учитывать художественный опыт тетралогии об Атридах Г. Гауптмана, «Филоктета» и «Геракла-5» Хайнера Мюллера, «Омфалу» Петера Хакса, «Страдания юного В.» У. Пленцдорфа, «Антигону», «Электру» Софокла, «Ифигению в Тавриде» Еврипида, перевод трагедии Шекспира «Гамлет» Л. Тиком и Шлегелем, но прежде всего драму «Ифигения в Тавриде» И. В. Гете. Перед нами не вульгарная пародия или фамильярная травестия по мотивам пьесы Гете, а горькие раздумья писателя после падения Берлинской стены о том, что идеал «чистой человечности», созданный Гете по канонам Винкельмана в качестве образца для исправления нравов современности, так и остался прекрасной мечтой человечества, которая вряд ли когда-нибудь сбудется. Не случайно в поток сознания героев включена известная поговорка («Твои слова да Богу в уши»), грубо перефразированная как: «DEIN WORT IN GOETHES OHR» («ТВОЕ СЛОВО В УХО ГЕТЕ»).

В стихотворном драматическом отрывке (как определяет автор его жанр) Фолькера Брауна тенденции дегероизации, демифологизации и гротескного переосмыслениея классического материала доведена до своего апогея. Четыре «акта» произведения занимают всего 27 страниц [34], включая комментарии. Первая часть носит название «Spiegelzelt» (дословно «зеркальная палатка», что напоминает об аттракционе в зеркальной комнате, когда подлинное отображение человека теряется среди гротескно преломленных), содержит искаженные реминисценции из «Электры» Софокла и передает атмосферу растерянности в момент перелома истории, когда Орест возвращается не в родные пенаты («Verwandtschaft»), а в израненное, кровоточащее пространство («Verwundtschaft»). Более того, перед нами как бы один персонаж Орестэлектра-Электраорест, одинаково виновный в преступлении («MÖRDERMUTTER MUTTERMÖRDER») и предпочитающий не убивать, а быть убитым («Ich will lieber erschossen werden als schießen»). В этом своеобразном эпизоде можно увидеть призыв автора в ситуации, когда политики и общественные деятели ФРГ открыли кампанию обличения против многих немцев ГДР, как общественных деятелей, так и обыкновенных граждан, роясь в архивах «штази», фабрикуя компромат, задуматься о том, что трагедия Германии XX в. – результат ее исторического развития. Вторая часть стихотворного отрывка носит название, аналогичное общему заглавию произведения, и вместе с третьей «Geländspiel» («Территория игры») составляет его основное содержание. Последняя часть «Antikensaal» («Античный зал») содержит внесценический прозаический комментарий и замечания автора критического и

политического характера. Основная часть представляет собой своеобразный трагический («злой») эпилог – возможный, с точки зрения автора, вариант развития событий после известных слов гетевского Фоанта: «Счастливый путь!» Место действия обозначено автором как «Kyrillische Küste. Eine Statue» («Кириллический берег. Статуя»), что недвусмысленно указывает на политические взаимосвязи ГДР и Советского Союза. Перед нами внутренний монолог Ифигении, однако об этом читатель догадывается не сразу. Поток сознания героини, построенный на причудливых внутренних ассоциациях, литературных аллюзиях (прежде всего из Гете) и иронически переосмысленных современных политических лозунгах (PROST GORBATSCHOW), постоянно прерывается репликами и отрывками из монологов и диалогов, споров Ореста, Пилада и Фоанта. Ф. Браун не стремится изложить события в их логической и хронологической последовательности, для него важнее воссоздание эмоциональной атмосферы абсурдной нелепости самой ситуации, в которую попадают герои и в которой они пытаются решить собственные проблемы. Так, принадлежность реплик определить достаточно трудно, поскольку перед читателем представлен сплошной текст. Наиболее просто идентифицируется внутренний монолог Ифигении, набранный строчными буквами. Текст, набранный прописными буквами – реплики Ореста, Пилада и Фоанта, перебивающие поток сознания героини, лишенные зачастую последовательности, логики и ведущие лишь к путанице и неразберихе: «Мой брат и его непроницаемый друг / Совершенно не замаскированные перед глазами врага. / ЗДЕСЬ ОНА. ИФИГЕНИЯ. В СОХРАННОСТИ. / Они осторожно и боязливо вступают на красную площадь / Под светлым небом, разверзающимся кровью. / НЕМНОЖКО ПОТРЕПАННАЯ ВАРВАРАМИ. / ЭТО БЫЛА ЖЕСТКАЯ ПОСТЕЛЬ. ЖЕСТКИЙ ХЛЕБ» («Mein Bruder und sein undurchsichtiger Freund / Ganz unverkleidet vor dem Aug des Feinds, / HIER IST SIE. IPHIGENIE. WOHLBEHALTEN. / Sie trefen angstlos auf den roten Platz / Unter dem hellen Himmel der wie Blut sturzt. / EIN WENIG ABGESCHABT VON DEN BARBAREN. / WAR ES EIN HARTES BETT. EIN HARTES BROT/») [30, s. 19; здесь и далее перевод на русский язык отрывков из «Ифигения на свободе» – Т. Шарыпина].

В драматическом отрывке Фолькера Брауна прибытие Ореста и Пилада в Тавриду, чтобы «освободить» Ифигению, выглядит сомнительно. Как явствует из ремарок, они появляются перед Железным Занавесом, а затем ступают по «красной площади», что позволяет провести аналогию с событиями из недавнего прошлого и представить Ифигению жительницей Восточной Германии, мечтающей о воссоединении немцев и о желанной свободе. Ф. Браун предельно вульгаризирует цитаты из Гете или привычные афоризмы эпохи Веймарского классицизма. Так, известная фраза из «Ифигении в Тавриде» Гете «искать душой Элладу» («Das Land der Griechen mit der Seele suchend») превращается в реплику «пялиться через море на Грецию. На Запад» («STARREND NACH GRIECHENLAND. / NACH WESTEN»). Вопрос о свободе и возможности самоопределения личности – центральный в обоих произведениях. Фолькер Браун поворачивает этот вопрос своеобразно: а какая свобода нужна Ифигении? И могут ли желанную свободу принести Ифигении Орест и Пилад? По характеристике журналиста, берущего интервью у писателя, это

«зловещие типы, дельцы, спекулирующие на понятии о свободе», персонажи с повадками гангстеров, «два жирных маклера», желающие усадить ее за кассу супермаркета («Zwei fette Makler, Gangster auf dem Markt / Komm an die Kasse, Sehwester. An mein Herz») [30, s. 19].

Героиня Фолькера Брауна откажется от псевдоплодов цивилизации. Ключевой в концепции произведения станет следующая фраза: «А хочу ли я быть *так* освобожденной моим братом. Брат, который выведет меня в свет. Украшенная, наряженная Ифигения. Ифигения в супермаркете. Манекен Ифигения» («Will ich befreit sein von meinem Bruder / Ein Bruder der mich ausführt in die Welt Geschminkt gekleidet Iphigenie. / Iphigenie im Supermarkt. / Schaufensterpeppe Iphigenie») [30, s. 19].

Внутренний монолог Ифигении Ф. Браун характеризует как «пробу на разрыв», мучительную борьбу желаний, чувств и фактов. Она сделает свой выбор, она не желает быть освобожденной насильно. Героиня Брауна не произносит в слух ни одного слова и остается в бездействии вплоть до финального эпизода, о котором нам в традициях античного театра повествует очевидец. Она «молчалива и упряма», как характеризуют ее Орест и Пилад, или, с точки зрения писателя, обладает «плебейским упрямством, утверждающим «внепарламентскую точку зрения на действительность». Это внутреннее сопротивление молчащей Ифигении, за которым скрывается внутренняя сила, вызывает бурную реакцию «освободителей», удивляющихся «неблагодарности» этой «потаскухи, лгуньи, убийцы в гнусном одеянии» («DIE HURE LUGNERIN UND MORDERIN. / IN IHREM SCHMIERIGEN GEWAND») [30, s. 19]. По сути, молчаливое упорство Ифигении – это доведенная до логического финала пассивная созерцательность Ифигении Гете. Не случайно доведенные до бешенства «спасители» злобно именуют ее на прощание «невестой Гете». Гротескный намек на утерянные идеалы классической Греции и винкельмановскую концепцию эллинского мировосприятия можно усмотреть в сцене, предшествующей финалу. Читатель и зритель может только догадываться, что скрывается за репликами героев. Скорее всего Орест и Пилад применяют силу, пытаясь «убедить» Ифигению в необходимости «свободы», а следовательно льется кровь: «ДЕРЖИ ЕЕ, ОРЕСТ. / ЧТО ЭТО ТАКОЕ. МРАМОР. СТАТУЯ. / ИЗ ГИПСА. О ПИЛАД. / ДЕЙСТВИТЕЛЬНО. МЕРТВА. / ИЛИ АНТИЧНА. АНТИЧНОСТЬ. / КАК ОНА ТЕПЕРЬ ТРАКТУЕТСЯ <…> НЕВЕСТА ГЕТЕ». / («HALTE SIE, OREST. WAS IST DAS. MARMOR. EINE STATUE. / AUS GIPS. O PYLADES. / TATSACHLICH, TOT. / ODER ANTIK. EINE ANTIQUITAT. / WIE MAN SIE HANDELT JETZT. WIE MAN SIE AUFLIEST <…> GOETHES BRAUT») [30, s. 19].

Рассуждая о политических событиях современности, Фолькер Браун настаивает на том, что современная действительность со всеми ее катаклизмами и историческими поворотами не может отменить классические гуманистические идеалы человечества. Однако вневременные образы литературы и искусства в целом воспринимаются читателем и зрителем в категориях противоречивой реальности конца XX – начала XXI в. Интертекстуальные параллели, реминисценции и аллюзии, мотивы и образы классической литературы прошлого создают особое поле художественной условности, генерализуя новый постнеклассический философский смысл и формируя сам текст основанных на них произведений.

Список литературы

1. **Piehler, H.** Jenseits von Ostalgie und Popliteratur: über einen Sonderband der Reihe “Text + Kritik” zur “DDR-Literatur der neunziger Jahre” / H. Piehler // Literaturkritik.de. – 2002. – № 3. – URL: http://www.literaturkritik.de/public/rezension.php?rez_id=4725/ (дата обращения: 31.10. 2015).
2. **Michel, P.** Das Schweigen der Gewissenlosen: zum Tod von Dieter Rex (02.01.1936–20.11.2002) / P. Michel // Unsere Zeit. – 2002. – 20 Dezember. – № 51/52. – S. 8.
3. **Korte, H.** “Wenn ein staat ins gras beißt, singen die dichter”. DDR-Lyrik der neunziger Jahre / H. Korte // DDR-Literatur der neunziger Jahre / hrsg. von Heinz L. Arnold. – München, 2000. – S. 121–136.
4. **Rühmkorf, P.** Einheitslied zum Fertigsingen / P. Rühmkorf // Wenn – aber dann: vorletzte Gedichte. – Reinbek bei Hamburg, 1999. – S. 99–100.
5. **Verbeek, L.** Frühling 1990 / L. Verbeek // Von einem Land und vom andern: Gedichte zur deutschen Wende 1989–1990 / K. O. Conrady. – Frankfurt a. M., 1993. – S. 50.
6. **Enzensberger, H. M.** Aufbruchsstimmung / H. M. Enzensberger // Von einem Land und vom andern: Gedichte zur deutschen Wende 1989/1990 / K. O. Conrady. – Frankfurt a. M., 1993. – S. 31–32.
7. **Heise, H.-J.** Schwer rumpelt die Erdkugel / H.-J. Heise // Von einem Land und vom andern: Gedichte zur deutschen Wende 1989–1990 / K. O. Conrady. – Frankfurt a. M., 1993. – S. 44.
8. **Buth, M.** Zwischenbilanz / M. Buth // Der neue Conrady. Das große deutsche Gedichtbuch. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. – Düsseldorf ; Zürich, 2000. – S. 1173.
9. **Demuth, V.** Stalinallee, nach und nach / V. Demuth // Bits and Bones. – Weilerwist, 2001.
10. **Kolbe, U.** Vineta: Gedichte / U. Kolbe. – Frankfurt a. M., 1998. – S. 22.
11. **Kirsch, S.** Aus dem HaikuGebiet / S. Kirsch // Erlkönigs Tochter: Gedichte. – Stuttgart, 1992. – S. 5.
12. **Grünbein, D.** Schädelbasislektion. Gedichte / D. Grünbein. – Frankfurt a. M., 1991. – 154 s.
13. **Schlesak, D.** Landsehn. Gedichte / D. Schlesak. – Berlin, 1997. – 112 s.
14. **Bernhardt, R.** Auf der Suche nach verlorenen freundlichen Zeiten: zu Wilhelm Bartschs Gedichtauswahl 1978–2005 Geisterbahn / R. Bernhardt // Unsere Zeit. – 2006. – 20 Januar. – S. 13.
15. **Seiler, L.** Altes objekt / L. Seiler // Vierzig kilometer nacht. Gedichte. – Frankfurt a. M., 2003. – S. 79.
16. **Drawert, K.** Geständnis / K. Drawert // Wo es war: Gedichte. – Frankfurt a. M., 1996. – S. 17.
17. **Drawert, K.** Heimatgedicht. D-Dur / K. Drawert // Wo es war Gedichte. – Frankfurt a. M., 1996. – S. 35.
18. **Thulin, M.** Das Unikat-Syndrom / M. Thulin // Vogel oder Käfig sein: Kunst und Literatur aus unabhängigen Zeitschriften in der DDR 1979–1989 / K. Michael, Th. Wohlfahrt. – Berlin, 1992. – S. 298.
19. **Elm, Th.** Lyrik der neunziger Jahre / Th. Elm. – Stuttgart, 2000. – 218 s.
20. **Grünbein, D.** Niemands Land Stimmen / D. Grünbein // Von der üblen Seite: Gedichte 1985–1991. – Frankfurt a. M. – S. 110.
21. **Кудрявцева, Т. В.** Новейшая немецкая поэзия (1990-е – 2000-е гг.): основные тенденции и художественные ориентиры / Т. В. Кудрявцева. – М. : ИМЛИ РАН, 2008.
22. **Endler, A.** Der Pudding der Apokalypse: Gedichte 1963–1998 / A. Endler. – Frankfurt a. M., 1999. – 213 s.

23. **Köhler, K.** Von der Posse zum Staatsakt: Kai Köhler über Peter Hacks “Die späten Stücke” / K. Köhler // Literaturkritik.de. – 2000. – № 2. – S. 102–105.
24. **Biermann, W.** Paradies uff Erden. Ein Berliner Bilderbogen / W. Biermann. – Köln, 1999. – 159 s.
25. **Kuhligk, B.** Genosse, die Hose klemmt… / B. Kuhligk // Politik und Poesie. Gedichte gegen Gewalt / A. G. Leitner. – Weßling bei München, 2002/2003. – S. 87.
26. **Lafleur, S.** Neue Heimat / S. Lafleur. – Köln, 2004. – 80 s.
27. **Hummelt, N.** Stille Quellen. Gedichte / N. Hummelt. – München, 2004. – 462 s.
28. **Браун, Фолькер.** Собственность / Фолькер Браун. – URL: http://fabulae.ru/poems_b.php?id=105020 (дата обращения: 13.03.2016).
29. **Синило, Г. В.** Традиция философской лирики Гельдерлина в поэзии ГДР (И. Р. Бехер, Г. Маурер) / Г. В. Синило. – URL: http://cheloveknauka.com/traditsiya-filosofskoy-liriki-gelderlina-v-poezii-gdr-i-r-beher-g-maurer#ixzz42isnEISO (дата обращения: 13.03.2016).
30. **Braun, V.** Iphigenie in Freiheit / V. Braun // Freitag. – 1991. – 21 Juni. – № 26.
31. **Grub, F. T.** “Wende” und “Einheit” im Spiegel der deutschsprachigen Literatur. Ein Handbuch. Band 1: Untersuchungen / F. T. Grub ; Walter de Gruyter. – New York, 2003. – 690 s.
32. **Weder, K.** Nach Goethes Iphigenie. Zur Iphigenie-Rezeption bei Gerhart Hauptmann, Jochen Berg und Volker Braun / K. Weder ; Lizentiatsarbeit der Philosophischen Fakultät der Universität Zürich Neuere Deutsche Literatur Referent: Prof. Dr. Peter von Matt. – 2000. – Mai. – URL: http://www.katharineweder.ch/draft/weder-iphigenie.pdf
33. **Michaelis, R.** Dein Wort in Goethes Ohr!ZEIT ONLINE / R. Michaelis. – URL: http://www.zeit.de/angebote/buchtipp/zeh/index (10 April 1992).
34. **Braun, V.** Iphigenie in Freiheit / V. Braun. – Frankfurt a. M. : Suhrkamp-Verl., 1992. – 30 s.

References

1. Piehler H. *Literaturkritik.de*. 2002, no. 3. Available at: http://www.literaturkritik.de/public/rezension.php?rez_id=4725/ (accessed October 31, 2015).
2. Michel P. *Unsere Zeit* [Our time]. 2002, 20 December, no. 51/52, p. 8.
3. Korte H. *DDR-Literatur der neunziger Jahre* [GDR literature of 1990s]. München, 2000, pp. 121–136.
4. Rühmkorf P. *Wenn – aber dann: vorletzte Gedichte* [If – but then: penultimate poems]. Reinbek bei Hamburg, 1999, pp. 99–100.
5. Verbeek L. *Von einem Land und vom andern: Gedichte zur deutschen Wende 1989–1990* [From one country and from others: poems about the German turnover 1989–1990]. Frankfurt a. M., 1993, p. 50.
6. Enzensberger H. M. *Von einem Land und vom andern: Gedichte zur deutschen Wende 1989/1990* [From one country and from others: poems about the German turnover 1989/1990]. Frankfurt a. M., 1993, pp. 31–32.
7. Heise H.-J. *Von einem Land und vom andern: Gedichte zur deutschen Wende 1989–1990* [From one country and from others: poems about the German turnover 1989–1990]. Frankfurt a. M., 1993, p. 44.
8. Buth M. *Der neue Conrady. Das große deutsche Gedichtbuch. Von den Anfängen bis zur Gegenwart* [New Conrady. The great German poetry book. From the beginning till nowadays]. Düsseldorf; Zürich, 2000, p. 1173.
9. Demuth V. *Bits and Bones*. Weilerwist, 2001.
10. Kolbe U. *Vineta: Gedichte* [Vineta: poem]. Frankfurt a. M., 1998, p. 22.
11. Kirsch S. *Erlkönigs Tochter: Gedichte* [The Erlking’s daughter: poem]. Stuttgart, 1992, p. 5.
12. Grünbein D. *Schädelbasislektion. Gedichte* [*Lesson* at the Base of the Skull. Poem]. Frankfurt a. M., 1991, 154 p.

13. Schlesak D. *Landsehn. Gedichte* [Landsehn. Poem]. Berlin, 1997, 112 p.
14. Bernhardt R. *Unsere Zeit* [Our time]. 2006, 20 Januar, p. 13.
15. Seiler L. *Vierzig kilometer nacht. Gedichte* [40 kilometers of night. Poem]. Frankfurt a. M., 2003, p. 79.
16. Drawert K. *Wo es war: Gedichte* [Where was it: poem]. Frankfurt a. M., 1996, p. 17.
17. Drawert K. *Wo es war Gedichte* [Where was it: poem]. Frankfurt a. M., 1996, p. 35.
18. Thulin M., Michael K. *Vogel oder Käfig sein: Kunst und Literatur aus unabhängigen Zeitschriften in der DDR 1979–1989* [To be a bird or a cage: art and literature from independent journals of GDR 1979–1989]. Berlin, 1992, p. 298.
19. Elm Th. *Lyrik der neunziger Jahre* [Poetry of 1990s]. Stuttgart, 2000, 218 p.
20. Grünbein D. *Von der üblen Seite: Gedichte 1985–1991* [From the evil side: Poems 1985–1991]. Frankfurt a. M., p. 110.
21. Kudryavtseva T. V. *Noveyshaya nemetskaya poeziya (1990-e – 2000-e gg.): osnovnye tendentsii i khudozhestvennye orientiry* [Contemporary German poetry (1990s–2000s): main trends and artistic reference points]. Moscow: IMLI RAN, 2008.
22. Endler A. *Der Pudding der Apokalypse: Gedichte 1963–1998* [The pudding of apocalypse]. Frankfurt a. M., 1999, 213 p.
23. Köhler K. *Literaturkritik.de*. 2000, no. 2, pp. 102–105.
24. Biermann W. *Paradies uff Erden. Ein Berliner Bilderbogen* [Paradise on earth. The Berlin reproduction]. Köln, 1999, 159 p.
25. Kuhligk B. *Politik und Poesie. Gedichte gegen Gewalt* [Politics and poetry. Poetry against violence]. Weßling bei München, 2002/2003, p. 87.
26. Lafleur S. *Neue Heimat* [New home]. Köln, 2004, 80 p.
27. Hummelt N. *Stille Quellen. Gedichte* [Silent springs]. München, 2004, 462 p.
28. Braun Fol'ker. *Sobstvennost'* [Property]. Available at: http://fabulae.ru/poems_b.php?id=105020 (accessed April 13, 2016).
29. Sinilo G. V. *Traditsiya filosofskoy liriki Gel'derlina v poezii GDR (I. R. Bekher, G. Maurer)* [Traditions of Gelderlin's philosophical poetry in GDR]. Available at: http://cheloveknauka.com/traditsiya-filosofskoy-liriki-gelderlina-v-poezii-gdr-i-r-beher-g-maurer#ixzz42isnEISO (accessed April 13, 2016).
30. Braun V. *Freitag* [Friday]. 1991, 21 June, no. 26.
31. Grub F. T. *"Wende" und "Einheit" im Spiegel der deutschsprachigen Literatur. Ein Handbuch. Band 1: Untersuchungen* [The "Turnover" and "unity" in the mirror of German literature. Reference book. Vol. 1: research]. New York, 2003, 690 p.
32. Weder K. *Nach Goethes Iphigenie. Zur Iphigenie-Rezeption bei Gerhart Hauptmann, Jochen Berg und Volker Braun* [On Goethe's Iphigenie. Iphigenie's reception by Gerhart Hauptmann, Jochen Berg and Volker Braun]. Lizentiatsarbeit der Philosophischen Fakultät der Universität Zürich Neuere Deutsche Literatur Referent: Prof. Dr. Peter von Matt. 2000. Mai. Available at: http://www.katharineweder.ch/draft/weder-iphigenie.pdf
33. Michaelis R. *Dein Wort in Goethes Ohr!ZEIT ONLINE* [Your word into Goethe's ear! The Time online]. Available at: http://www.zeit.de/angebote/buchtipp/zeh/index (10 April 1992).
34. Braun V. *Iphigenie in Freiheit* [Iphigenie at large]. Frankfurt a. M.: Suhrkamp-Verl., 1992, 30 p.

Кудрявцева Тамара Викторовна
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
(Россия, г. Москва, ул. Поварская, 25а)

Kudryavtseva Tamara Viktorovna
Doctor of philological sciences, leading researcher, Institute of world literature named after A. M. Gorky of RAS
(25a Povarskaya street, Moscow, Russia)

E-mail: muchina@yandex.ru

Шарыпина Татьяна Александровна
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
(Россия, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37)

E-mail: swawa@yandex.ru

Sharypina Tatiana Aleksandrovna
Doctor of philological sciences, professor, head of sub-department of foreign literature, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
(37 Bolshaya Pokrovskaya street, Nizhny Novgorod, Russia)

УДК 316.1
Кудрявцева, Т. В.

Проблемно-тематический комплекс «ОСИ-ВЕСИ» в литературе воссоединенной Германии (на примере поэзии 1990–2000-х гг.) / Т. В. Кудрявцева, Т. А. Шарыпина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 105–118. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-10

УДК 821.111
DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-11

А. И. Черемисина

ЖЕНСКИЕ АРХЕТИПЫ В РОМАНАХ Дж. МАКДОНАЛЬДА «ФАНТАСТЕС» И «ЛИЛИТ»

Аннотация.

Актуальность и цели. Проблема художественного воплощения архетипов в литературном произведении остается актуальной для современного литературоведения. Кроме того, творчество самобытного шотландского писателя Дж. Макдональда нуждается в глубоком изучении. Целью работы является анализ архетипов Великой Матери и Вечной Женственности в их реализации в конкретных литературных образах.

Материалы и методы. Материалом исследования стали романы шотландского писателя Джорджа Макдональда «Фантастес» (1858) и «Лилит» (1895). В работе использованы историко-литературный и сравнительно-типологический методы исследования.

Результаты. В статье рассмотрены женские образы указанных произведений, воплощающие архетипы Великой Матери и Вечной Женственности. Проанализированы характерные черты женских образов, их соотношение с образом главного героя. Отмечена роль женщины в философско-религиозной системе взглядов автора.

Выводы. В указанных произведениях архетипы Великой Матери и Вечной Женственности творчески переосмысляются в контексте христианской концепции автора. По Дж. Макдональду идеал женщины воплощается в архетипе Великой Матери, поэтому Вечная Жена (Женственность) должна переродиться в Великую Мать. Соответственно, героини, воплощающие архетип Вечной Женственности, претерпевают изменение, перерождение. Женские архетипы в романах Дж. Макдональда также способствуют раскрытию образа главного героя (мужчины).

Ключевые слова: Джордж Макдональд, архетип, миф, Великая Мать, Вечная Женственность.

A. I. Cheremisina

FEMALE ARCHETYPES IN G. MACDONALD'S NOVELS "PHANTASTES" AND "LILITH"

Abstract.

Background. The problem of art realization of archetypes in literary works is of current importance in modern philology. Besides, the works by original Scottish writer G. MacDonald require deep analysis. The goal of the research is to analyze the archetypes of the Great Mother and the Eternal Feminity in their realization in specific literary images.

Materials and methods. The materials of the research are "Phantastes" (1858) and "Lilith" (1895) by Scottish writer George MacDonald. Historical-literary and comparative-typological methods were used in the research.

Results. The article considers female images representing the archetypes of the Great Mother and the Eternal Feminity in the novels. Female images' features and their relation to the protagonist image has been analyzed. The role of a woman in the author's religious and philosophical conception has been pointed out.

Conclusions. The archetypes of the Great Mother and the Eternal Feminity are interpreted in the context of the author's Christian conception. According to G. MacDonald, the ideal woman is represented in the archetype of the Great Mother, therefore the Eternal Wife (Feminity) should regenerate into the Great Mother. The heroines representing the archetype of the Eternal Feminity experience changes, rebirth. Also female archetypes of G. MacDonald's novels contribute to comprehension of the protagonist (male) image.

Key words: George MacDonald, archetype, myth, the Great Mother, the Eternal Feminity.

Проблема художественного воплощения архетипов в литературном произведении остается актуальной для современного литературоведения. Архетипы как проявление коллективного бессознательного отражаются в мифологии, религии, искусстве. Многие художественные образы формируются на базе определенной архетипической модели, «системы кристалла» [1]. Теорией архетипа занимались К. Г. Юнг, Дж. Кэмпбелл, Н. Фрай, М. Бодкин, М. Элиаде, Е. М. Мелетинский, В. Н. Топоров, С. С. Аверинцев и многие другие ученые. В настоящей работе под архетипами мы понимаем наиболее общие и фундаментальные первообразы, имеющие общечеловеческий смысл, врожденные универсальные модели, запечатленные в менталитете, сознании больших социальных групп.

В качестве важнейших архетипов К. Г. Юнг выделяет архетипы Матери, Дитяти, Тени, Анимуса, Анимы, Мудрого Старика и Мудрой Старухи. Е. М. Мелетинский в статье «Аналитическая психология и проблема происхождения архетипических сюжетов» подчеркивает, что указанные К. Г. Юнгом архетипы выражают «ступени процесса индивидуации», т.е. «постепенного выделения индивидуального сознания из коллективно-бессознательного, изменения соотношения сознательного и бессознательного в человеческой личности до их окончательной гармонизации в конце жизни» [2]. К. Г. Юнг в статье «Психологические аспекты архетипа Матери» указывает, что, как и каждый архетип, «архетип матери имеет невообразимое множество аспектов», а именно женщина, родоначальница, богиня, дева, возлюбленная, цель страстного избавления (царство Божие и др.), земля, вода и многие другие. Сущностное свойство архетипа матери, по К. Г. Юнгу, – «нечто "материнское"… нечто благостное, нечто дающее пристанище… нечто обольщающее и отравляющее» [1]. Ученый формулирует оппозицию любящей и устрашающей матери и в качестве исторической параллели приводит образ Марии, матери Иисуса Христа. Н. А. Хафизова в статье «Архетипы Великой Матери и Вечной Женственности как способы производства женской идентичности» обращает внимание на бинарность проявлений любого архетипа. Исследователь выделяет архетипы Великой Матери и Вечной Женственности (Вечной Жены), наиболее полно воплотившиеся в иудео-христианских образах Евы и Лилит [3].

Ева – жена Адама, созданная из его ребра, Великая Мать, дарующая жизнь. Ее любовь – любовь-филия (дружеская любовь), любовь-агапэ (жертвенная любовь). Лилит в иудео-христианской культуре – первая жена Адама, демоническая женщина, убивающая детей и соблазняющая, губящая душу мужчины. Для нее характерны такие формы любви, как любовь-эрос и любовь-агапэ. По мнению Н. А. Хафизовой, любовь Евы – это самоутверждение,

она любит «себя-в-другом»; любовь Лилит – это любовь-служение, вдохновение, она любит «другого-в-себе». «Ева печется о выживании, о заботе по жизни, а Лилит – о преображении духа» [3, с. 105].

В настоящей работе мы будем рассматривать архетипы Великой Матери и Вечной Женственности в их реализации в конкретных литературных образах на материале романов Дж. Макдональда «Фантастес» и «Лилит».

Джордж Макдональд – шотландский писатель и проповедник XIX в. В каждом из исследуемых романов главным героем является юноша, притом повествование ведется от первого лица. Таким образом, дается мужской взгляд на описываемые события. Это имеет важное значение при анализе произведения с гендерного аспекта, в частности при анализе женских архетипов. К. Г. Юнг замечает, что мужчина склонен идеализировать мать, при этом «идеализация есть скрытый амулет; идеализируют там, где нужно изгнать страх; угрожающим является бессознательное и его магическое влияние» [1].

Архетип Великой Матери в романах Дж. Макдональда «Фантастес» и «Лилит» воплощается в трех основных женских образах: в образе бабушки («вечной» матери), в образе женщины (матери) и в образе девочки (будущей матери). Данным женским образам сопутствуют эпитеты «заботливая», «добрая» и т.п. По К. Г. Юнгу, «с пробуждением Я-сознания… возникает отделение Я от матери… Отпадают от ее образа все присочиненные и полные таинственности свойства, они смещаются на близлежащую виртуальность – на бабушку. Она – как мать матери – “больше” последней. Она, собственно, и есть “великая мать”. Нередко она перенимает черты мудрости, так же как и черты колдовской ворожбы» [1]. Так, в романе «Фантастес» бабушкой Анодоса оказывается фея из Волшебной страны. В том же произведении возникает образ древней старухи, хозяйки хижины на острове, в котором наиболее полно воплотились черты архетипа Великой Матери. Главный герой рыдает на груди старухи, она жалеет его, называет дитем и кормит с ложки. «Она… обеими руками гладила меня по голове, разговаривая со мной, как мать разговаривает со своим малышом…» [4, с. 163]. Затем старуха отправляет его в дорогу с напутствием совершить «что-нибудь достойное». Исследователь Ф. Сото замечает: «Именно такую заповедь герои обычно получали от своих покровительниц-богинь где-то во время перехода от матриархального к патриархальному мышлению. Эти ранние матриархальные, безмужние богини, Матери или Девы, относятся к героям-мужчинам с высоким благородством и мягкостью, хотя это отношение, пожалуй, нельзя назвать женственным в современном понимании этого слова. … Они требуют от него не любви и обожания, а великих свершений…» (пер. О. Лукмановой) [5, с. 38].

В романах «Фантастес» и «Лилит» присутствуют образы помогающих женщин, матерей, которые встречаются на пути главного героя. Данные образы также являются воплощением архетипа Великой Матери. Так, в романе «Фантастес» Анодос путешествует по Волшебной стране, останавливаясь на ночлег у гостеприимных деревенских женщин, которые «с материнским участием» кормят его и называют «бедным мальчиком». Не только люди, но и сказочные существа воспринимают юношу как ребенка: так, Буковая Дева называет Анодоса малышом, дает защитный амулет и нехотя отпускает в дальнейший путь. В романе «Лилит» присутствует помогающий женский персонаж по имени Мара. Постоянный эпитет этой героини – «мать скорбей

человеческих». Но ключевые черты архетипа Великой Матери наиболее полно воплотились в образе Евы. Постоянные эпитеты этой героини – «мать всего сущего», «мать всех матерей». Главная характеристика Евы – «живые глаза»: «В глазах ее лучилась жизнь, которой достало бы целому народу» [6, с. 35]. Красота героини описывается как «неотразимая», «всепоглощающая». По Н. А. Хафизовой, цель Евы как архетипического образа – деторождение, удержание мужчины: «Мужчина с ней впадает в состояние внутриутробной защищенности. Но это тоже форма власти над мужчиной» [3, с. 102]. Однако Ева в романе Дж. Макдональда, как и старуха из «Фантастес», отпускает героя в путь, хотя и ожидает его возвращения домой.

В каждом из исследуемых романов присутствует образ взрослеющей девочки, будущей матери. В романе «Фантастес» Анодос встречает женщину, которой нанес обиду много лет назад (разбил ее музыкальный шар). Теперь эта женщина освобождает его из темницы своей песней: «Я… узнал черты юной девочки, прославленные и возвышенные в облике прекрасной женщины» [4, с. 188]. В романе «Лилит» возникает образ Лоны – дочери Адама и Лилит, которая является предводительницей «маленького народца» (Малышей). «Однако в Лоне ослепительная красота Лилит была смягчена детской простотой и невинностью и оттенена полнотой материнской любви» [6, с. 204]. Постоянно подчеркивается материнская роль Лоны: она знает, как обращаться с младенцами, которых дети находят в лесу, у нее всегда на руках ребенок. Главный герой Вейн замечает: «Какой чудесной женщиной и матерью она, должно быть, станет, когда вырастет» [6, с. 77]. Когда Вейн видит, как Лона общается с детьми, он вспоминает свою мать, а также «ласковых тетушек и бабушек» [6, с. 215]. В то же время старуха из романа «Фантастес» улыбается «так светло и невинно, как улыбаются только дети» [4, с. 153]. Вейн называет Лону «подругой и женой своего сердца» [6, с. 215] (это любовь-филия, характерная для Евы).

В романах «Фантастес» и «Лилит» архетип Великой Матери воплощается не только в конкретных женских образах, но и в образе природы. В произведениях Дж. Макдональда часто возникает антропоморфный образ «Матушки Природы» (*Mother Nature*), заботящейся о главном герое: «Я заснул в своей речной люльке, где Матушка Природа качала свое уставшее дитя» [4, с. 76]. В финале романа «Фантастес» Анодос, находясь в состоянии символической смерти, лежит в земле и ощущает материнскую энергию природы: «Я чувствовал, как в мое сердце стучится великое сердце Матери, кормящей меня собственной жизнью, всей глубиной своего естества и бытия» [4, с. 206].

Архетип Вечной Женственности в романах Дж. Макдональда наиболее полно воплощается в образах Мраморной Девы («Фантастес») и Лилит («Лилит»). Это тип прекрасной, роковой женщины, гордой царевны. Путь главного героя во многом определятся поисками царевны, в то время как она постоянно от него убегает. Герой испытывает «страстное желание», «страстное влечение», «жгучую нестерпимую потребность» увидеть ее снова. Так, Анодос говорит о Мраморной Деве: «Я готов был уйти в небытие ради одного слова любви с единственных на свете уст» [4, с. 75]. Вейн молит Лилит: «Я готов вечно служить вам!» [6, с. 136]. В романе «Лилит» приводятся стихи об одноименной героине: «Во мне – все в мире женщины. Дана // Мне власть над всеми душами мужскими» [6, с. 179].

Образ Мраморной Девы сакрализуется Анодосом: герой поет песню об откровении чудных тайн, за которыми нужно взойти по священной лестнице. Он чувствует, как его душа вознеслась, возвысилась одной лишь песней о Мраморной Деве. Н. А. Хафизова, говоря об архетипе Вечной Женственности, отмечает: «Лилит – это сама спонтанность. Мужчина с ней испытывает катарсис и тела, и души, очищение, возвышение, озарение, получение опыта мистического переживания не столько телесного единения с женщиной, сколько себя самого через нее. Это и есть форма служения мужчине, но служения, несущего неуспокоенность» [3, с. 102].

И Анодос, и Вейн испытывают собственническое чувство, пытаются овладеть героинями, воплощающими собой архетип Вечной Женственности, однако им это не удается. Лилит не верит мужчинам: «Многие мужчины добивались моей любви, я же не любила ни одного из них. Им хотелось лишь поработить меня, завладеть мною, как драгоценной жемчужиной…» [6, с. 162]. Лилит пытается соблазнить Вейна и использовать его в своих целях (возвращение в мир людей). В романе «Фантастес» эта черта архетипа Вечной Женственности реализуется в образе «ложной» Мраморной Девы – Девы Ольхи, которая стремится соблазнить и погубить героя. «Ольха никого не любит, но обожает, когда любят ее. Какой бы мужчина ни оказался в ее власти, она страстно жаждет очаровать его и добиться его любви. Сама его любовь ей ни к чему; ей нужно лишь еще раз убедиться в своей обольстительности, увидеть свою красоту в его восторженных глазах» [4, с. 58].

И образ Ольхи, и образ Лилит связаны с мотивом смерти. Так, Лилит сравнивается с Евой: у них есть общая черта – бездонные черные глаза («огромные глаза, темные, как беззвездная ночь» [6, с. 128], «зрачки вобрали в себя ночное небо» [6, с. 35]). Но если глаза Евы лучатся жизнью, то глаза Лилит мертвы. У Ольхи также мертвые глаза и нет сердца, она буквально пустая внутри (и даже сравнивается с гробом) и постепенно разрушается, тлеет. Аналогично сердце Лилит «сухое и мертвое», на левой стороне груди заметны признаки тления – собственная жестокость и колдовство разрушают ее. В одноименном романе Дж. Макдональда Лилит, как и в мифологии, питается кровью младенцев, «преисполнена зла и очень в чести у Князя, господствующего в воздухе» (т.е. Сатаны) [6, с. 93]. Сама она называет себя «царицей ада и властительницей всех миров на свете» [6, с. 255]. И Анодос, и Вейн удивляются, как в героинях неземная красота сочетается с невероятной жесткостью.

Лилит, убивающая детей, – это антипод Евы, дарующей жизнь. В христианской традиции идеальная женщина – это прежде всего мать. Все, что связано с чувственностью, – от Сатаны, и в образе Лилит выражается сатанинское начало женщины. Как известно, в христианстве тело – это «темница», из которой должна освободиться душа. Тело, природа ассоциируются с женщиной, а дух – с мужчиной. Н. А. Хафизова замечает, что «достижение женского идеала связывается с беспощадным подавлением, искоренением Лилит, ибо нужна только Ева – та, что дает жизнь родами. Нужна Ева, и она, как производное мужской культуры, должна быть как на ладони, ее чувственность – под мужским контролем, ибо Лилит, дающая жизнь душе, вдохновляя ее на свершения, сокрыта в недрах женской психики и потому не подконтрольна» [3, с. 106].

В философско-религиозной концепции Дж. Макдональда идеал женщины воплощается в архетипе Великой Матери. В романе «Лилит» Адам говорит о Еве как об идеальной женщине, матери: «Моя Ева раскаялась, и теперь она прекраснее всех женщин и ангелов на свете, а ее стенающий и страждущий мир стал огромной детской, где подрастают сыновья и дочери нашего Отца» [6, с. 184]. Лона описывается как будущая идеальная женщина, идеальная мать. Ее образ архетипичен, что подчеркивается словами Вейна: «Я почти не помнил своей матери, но теперь в моем представлении она всегда была похожа на Лону, а когда я придумывал себе сестру или дочь, у них тоже были эти родные и милые мне черты» [6, с. 215]. Адам уточняет характер материнской власти Лоны: «Власть ее проявляется лишь в заботливом внимании и непрестанной готовности служить и помогать» [6, с. 187]. Другая важная роль идеальной женщины – всегда быть рядом с мужчиной, смиренно поддерживать его во всем. Любовь идеальной женщины «не в ласках, а в необыкновенной близости и понимании, которые можно сравнить, пожалуй, лишь с преданностью какого-то высшего животного, четвероногого друга, оказавшегося на Небесах рядом с хозяином» [6, с. 216]. То есть мужчина – это хозяин женщины (что, к примеру, немыслимо для Лилит). Любовь к идеальной женщине облагораживает мужчину. Вейн говорит о Лоне: «Любовь к ней лишь усиливала во мне чувство долга. Мне казалось, что любить ее и исполнять свой долг – это две части единого, неразделимого целого» [6, с. 216].

Поскольку, по Дж. Макдональду, идеал женщины воплощается в архетипе Великой Матери, то Вечная Жена (Женственность) должна переродиться в Великую Мать. Прекрасная гордая царевна должна стать обыкновенной женщиной. Так, в романе «Фантастес» Мраморная Дева превращается в обычную земную женщину, преданную супругу рыцаря. Встречая мужа, она восклицает: «Любимый мой! Ты здесь, и я счастлива!» [4, с. 157] – помогает ему раздеться и садится у его ног. А Дева Ольха не хочет измениться, и поэтому обречена на гибель. Лилит в одноименном романе отреклась от Бога и стала «обиталищем непреходящей смерти» [6, с. 256]. Однако даже она, согласно пророчеству Адама, спасется через чадородие. Благодаря жертве Лоны, своей дочери, Лилит с помощью Мары, Адама и Евы начинает переосмысливать свою сущность и погружается в сон-смерть, чтобы проснуться в новой жизни, переродиться.

Женские архетипы в романах Дж. Макдональда также способствуют раскрытию образа главного героя (мужчины). И Анодос, и Вейн пытаются объяснить, оправдать то, что они поддались чарам героинь, воплощающих архетип Вечной Женственности: они были уверены, что внешняя красота непременно свидетельствует о красоте внутренней; они испытывали гордыню и собственническое чувство от того, что пробудили к жизни, воскресили своих Прекрасных Дам. В романе «Фантастес» гордыня и тщеславие олицетворяются в образе Тени, от которой пытается избавиться главный герой. Анодос так описывает одну из своих духовных смертей: «Словно бледный дух, исходящий из мертвого тела, из моей прошлой, безгласной и раздавленной самости появилось новое “я”. Конечно, ему тоже придется умереть, быть погребенным, а потом взлететь из своей могилы на крыльях нового рождения – но пока все это еще впереди» [4, с. 189]. Герой отказывается от Самости (в понимании К. Г. Юнга) и возвращается к Великой Матери и Отцу (Богу). Так,

Вейн в своих снах, желаниях ощущает себя ребенком, прижавшимся к груди своей матери. Анодос не хочет расставаться со старухой, воплощающей архетип Великой Матери: «Мне казалось, что другая, великая и богатая душа нежно поддерживает, обнимает, окутывает мою душу всей своей полнотой и щедростью. Мне чудилось, что она может дать мне все, чего я когда-либо желал, что мне уже никогда не захочется расстаться с ней, что я был бы счастлив вечно слушать ее песни и есть ее похлебку день за днем, сколько бы ни прошло лет» [4, с. 153].

Таким образом, в романах Дж. Макдональда «Фантастес» и «Лилит» архетипы Великой Матери и Вечной Женственности творчески переосмысляются в контексте христианской концепции автора. Мифопоэтические произведения Дж. Макдональда уже многие годы привлекают внимание читателей и исследователей. С. С. Аверинцев писал: «Тайна воздействия искусства состоит в особой способности художника почувствовать архетипические формы и точно реализовать их в своих произведениях». «Тот, кто говорит архетипами, глаголет как бы тысячей голосов…, он подымает изображаемое им из мира единократного и преходящего в сферу вечного» (К. Г. Юнг) [7, с. 111].

Список литературы

1. **Юнг, К. Г.** Структура психики и процесс индивидуации : сб. ст. / К. Г. Юнг. – М. : Наука, 1996. – 269 с.
2. **Мелетинский, Е. М.** Аналитическая психология и проблема происхождения архетипических сюжетов / Е. М. Мелетинский // Бессознательное : сб. – Новочеркасск, 1994. – С. 159–167.
3. **Хафизова, Н. А.** Архетипы Великой Матери и Вечной Женственности как способы производства женской идентичности / Н. А. Хафизова // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. – 2014. – № 1. – С. 100–110.
4. **Макдональд, Дж.** Фантастес / Дж. Макдональд ; пер. с англ. О. Лукмановой. – Нижний Новгород : Агапе, 2005. – 240 с.
5. **Soto, F.** Chthonic Aspects of MacDonald's *Phantastes*: From the Rising of the Goddess to the *Anodos* of Anodos / F. Soto // North Wind. – 2000. – № 19. – P. 19–49.
6. **Макдональд, Дж.** Лилит / Дж. Макдональд ; пер. с англ. О. Лукмановой. – Нижний Новгород : Агапе, 2004. – 320 с.
7. **Аверинцев, С. С.** Архетипы / С. С. Аверинцев // Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. – М. : Совет. энцикл., 1980. – Т. 1. – С. 110–111.

References

1. Yung K. G. *Struktura psikhiki i protsess individuatsii: sb. st.* [The structure of psyche and the process of individuation: collected articles]. Moscow: Nauka, 1996, 269 p.
2. Meletinskiy E. M. *Bessoznatel'noe: sb.* [The unconscious: collected works]. Novocherkassk, 1994, pp. 159–167.
3. Khafizova N. A. *Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo* [Bulletin of PNIPU. Culture. History. Philosophy. Law]. 2014, no. 1, pp. 100–110.
4. Makdonal'd Dzh. *Fantastes*. Transl. from Engl. by O. Lukmanova. Nizhniy Novgorod: Agape, 2005, 240 p.
5. Soto F. *North Wind*. 2000, no. 19, pp. 19–49.
6. Makdonal'd Dzh. *Lilit*. Transl. from Engl. by O. Lukmanova. Nizhniy Novgorod: Agape, 2004, 320 p.
7. Averintsev S. S. *Mify narodov mira: entsikl.: v 2 t.* [Myths of the peoples of the world: encyclopedia: in 2 volumes]. Moscow: Sovet. entsikl., 1980, vol. 1, pp. 110–111.

Черемисина Анна Ивановна
аспирант, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Россия, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37)

E-mail: trina_des@mail.ru

Cheremisina Anna Ivanovna
Postgraduate student, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (37 Bolshaya Pokrovskaya street, Nizhny Novgorod, Russia)

УДК 821.111
Черемисина, А. И.
Женские архетипы в романах Дж. Макдональда «Фантастес» и «Лилит» / А. И. Черемисина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 119–126. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-11

УДК 882\09
DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-12

Н. В. Алексеева

ИГРОВОЙ МОДУС ПОВЕСТВОВАНИЯ В РОМАНЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО «МАСКИ»

Аннотация.

Актуальность и цели. Актуальность исследования объясняется тем, что проблемы игрового начала недостаточно разработаны в теории литературы и практике литературоведческого анализа, а также необходимостью совершенствования инструментария, адекватного игровой природе словесного творчества. Цель исследования – выявить пути и способы реализации игрового модуса повествования в романе «Маски».

Материалы и методы. Предмет анализа – ситуативно-событийный пласт «Масок», связанный с «сюжетом Мандро», одним из центральных персонажей романа. В процессе рассмотрения художественного текста использованы приемы и методы историко-литературного, проблемно-типологического, структурно-семиотического анализа. Сюжет структурирован на контрасте трагического/комического и разыгран как фантасмагорическое представление в двух актах. Автор выступает в роли режиссера, сценариста, сценографа. Господство театрализованной стилистики проявляется в смене масок, ситуативных положений, мизансцен, в речевой организации диалогов, в сценическом пространстве, в авторских ремарках. Игра и реальность «сдвинуты», смещены.

Результаты. Аналитический принцип медленного чтения дает возможность проследить, как через случайное обнаруживается логика развития сюжета, ход авторской мысли. Трагикомические приемы поэтики маскарада, площадных жанров народной культуры отражают состояние перевернутого мира, воссоздают авторскую картину русской жизни в канун катастрофического слома эпох. Художественная реальность «Масок» рассчитана на восприятие «читающего зрителя».

Выводы. Проведенный анализ убеждает в том, что игровой модус организации романа «Маски» – новая форма для создания новой модели мира в эстетической системе Андрея Белого. Дальнейшее изучение игрового модуса повествования в литературе позволит уточнить и конкретизировать общетеоретические и культурологические подходы к игровой природе искусства, обогатит представление о поэтике русской «новой прозы» первой трети XX в.

Ключевые слова: игровое начало, игровой модус, маска, поэтика жанра, маскарад, балаган, фарс, клоунада.

N. V. Alexejeva

THE PLAY NARRATION MODE IN ANDREI BELY'S "MASKS"

Abstract.

Background. The problem statement is explained by the fact that the problem of the play origin has not been yet studied in the literary theory or the literary analysis praxis, as well as by the demand for enhancement of the tools relevant to the play nature of the written word. The research objective is to reveal the ways of the play narration mode implementation in the "Masks" novel.

Materials and methods. The research subject is the contextual and event-related layer of "Masks" associated with the "Mandro plot" – one of the key characters in

the novel. The literary text is analyzed through historic-and-literary, problem-and-typological, structural-and-semiotic analyses. The plot is structured by the contrast of the tragic/comic, and is enacted as a phantasmagoric two-act performance. The author appears as a stage-manager, a play writer, and a set designer. The predominance of a theatricalized style reveals in the succession of the masks, situations, acting areas, the speech arrangement of the dialogues, the "stage" space, and the stage directions. The game and the reality are "shifted", displaced.

Results. The analytical principle of "slow reading" makes it possible to observe how the logics of the movement, the flow of the author's thought manifest themselves through "extrinsicality". The seriocomic approaches of the masquerade poetics, the vulgar genres of the folk culture reflect the shape of the inverse world, and replicate the author's impression of the Russian existence on the eve of the disastrous destruction of the epochs. The artistic reality of "Masks" is tailored for a "reading spectator" apperception.

Conclusions. The research makes it clear that the play mode of "Masks" novel structuring is a new form of building a new world model within the aesthetic system of Andrei Bely. The further study of the play narration mode in literature will provide means for determining and defining general-theoretical and cultural approaches to the game nature of art, and will enrich the idea of the first third XX century "new Russian prose" poetics.

Key words: play opening, play mode, mask, genre poetics, masquerade, knock about comedy, farce, clownary.

Мир не является ни автоматом, ни хаосом…
Наш мир не поддается описанию одной истиной.
И. Пригожин

Я – режиссер, – знаю лучше течение драмы.
Андрей Белый

Игровое начало, присущее и первым двум книгам романа А. Белого «Москва» («Московский чудак» – 1926, «Москва под ударом» – 1927), в «Масках» (1931) становится всепоглощающим свойством художественного мышления, игровым модусом повествования.

Ко времени создания «Масок» (1928–1930) у Белого был уже опыт работы над драматургической формой. В 1924–1926 гг. он активно сотрудничает с М. Чеховым над постановкой переработанного в драму романа «Петербург», с Вс. Мейерхольдом – над постановкой романа «Московский чудак». Воодушевленный сценой, в 1924 г. он пишет Р. Иванову-Разумнику: «В будущем мечтаю писать драмы» [1, с. 18]; в 1930 г.: «Читаю (перечитываю) Шекспира: мысли о драме» [1, с. 131]. Драму, как известно, Белый не написал, однако роман «Маски» по насыщенности приемами драматургического письма можно отнести к явлениям какого-то нового, пограничного с драмой жанра. «"Маски" – это не русская и не европейская проза, а что-то новое», – говорил Ю. Олеша [1, с. 162]. Созданию «театрализованного» романа способствовала и врожденная склонность Белого к лицедейству [2]. Гениальным актером называл его Г. Чулков. «Ах, какой он лгун!.. И какой он Актер!», – восклицал М. Булгаков [1, с. 55, 136]. В этом ряду следует рассматривать и увлеченное собирание (игра!) знаменитых коктебельских камушков и кучинских «листиков», которые дали писателю и мозаичность композиционной структуры, и колорит словесной живописи – «цвета Москвы» [1, с. 20]. И еще

одно обстоятельство, позволяющее понять карнавальное пиршество фантасмагорического действа и звучащего, расцвеченного игрового слова в романе. Речь об энергетике «временной асимметрии» (термин И. Пригожина), локализованной в уникальном творческом пространстве Андрея Белого[1]. «Кучинский отшельник», которого «вытолкали из всех обителей русской культуры»[2], оказывается в центре литературно-художественной жизни 20-х гг. «Горизонт друзей» писателя представляет едва ли не всю палитру многообразных творческих направлений и неординарно мыслящих художников тех лет. Андрей Белый сотрудничает с М. Чеховым и Вс. Мейерхольдом, дружит с Ф. Гладковым, «видается» с Ф. Сологубом, гостит у М. Волошина, Т. Табидзе, М. Сарьяна, ведет активную переписку и встречается на литературных вечерах и на обсуждениях своих и «чужих» произведений с Р. Ивановым-Разумником, Б. Пастернаком, Ю. Олешей, М. Булгаковым, М. Пришвиным, Б. Пильняком, М. Кузминым, А. Воронским, А. Толстым, В. Шишковым, М. Шагинян и др. Как всегда поражает тематическое разнообразие и количество книг («мыслей больших людей», по Белому), которые он читает, живой интерес к произведениям своих современников[3]. В совокупности названные обстоятельства в какой-то мере могут объяснить рождение новой формы поэтической организации романа – игрового модуса повествования – для создания новой модели мира в канун исторического слома. Отчетливо осознавая, что «для «Масок» в теперешней России нет читателя», А. Белый не мог и «не хотел пользоваться штампами», «писать под Белого» [1, с. 146].

Предметом анализа в данной статье является рассмотрение игрового модуса повествования в романе «Маски» через театрализованный ситуативно-событийный пласт романа, связанный с «сюжетом Мандро».

Мандро, один из центральных персонажей романа, – игрок по натуре, по судьбе, по образу жизни, по душевному призванию («гадил вполне бескорыстно», «гадил для гадости»). Свое имя «голоштанник» из захолустной провинции получил по воли случая от «крупной свиньи», у которой какое-то время состоял «для позорных услуг». В «кривоугольных узорах» жизни новоявленного фон-Мандро – разврат, насилие, грабежи, убийства, предательство. На страницах «Масок» он предстает в своей последней личине – журналиста из Парижа. Два с половиной года назад, после зверского истязания профессора Коробкина, ему удалось уйти от расплаты. В тюремной больнице под номером Мандро похоронили другого, действительно сумасшедшего, а настоя-

[1] «С одной стороны, мы как сущности можем быть охарактеризованы одним внутренним миром, с другой – как члены группы (социума), принадлежащие к более высокому уровню внутреннего времени, в котором активно действуем. Наши проблемы, возможно, обусловлены конфликтом между масштабами внутреннего времени в нас самих и масштабами внешнего времени в окружающем нас мире» [3].

[2] «Так, как поступили со мной, хуже расстрела: живого, полного энергии человека заживо закопали. Но он из своего гроба создал себе новое воскресение, он вышел из социального гроба в отшельничество, уселся за книги, за мысли. И стал еще живей, чем прежде… Меня похоронили, связали руки и рот, а я воскрес, став отшельником. Я – “Кучинский отшельник”» (из письма к Вс. Мейерхольду от 03.03.1926) [1, с. 68].

[3] Выводы сделаны на основании дневниковых записей и писем Андрея Белого, свидетельств современников, приведенных в [1].

щий Мандро с помощью более крупных негодяев скрывался в разных странах. Теперь он снова появился в Москве, но уже не как германский, а как английский шпион; и не Эдуард Мандро, а Друа-Домардэн. В условиях политических игр в тылу и на фронтах войны бывший палач сам становится жертвой. Фантасмагорическое представление, составившее основную часть сюжетно-детективной фабулы игрового пространства романа, блестяще срежиссировано автором: ход драмы выверен до мелочей.

Первые знаки ее приближения уловил доморощенный Холмс, брат профессора – Никанор. В «разодетой дамочке» (широкополая черная шляпа, «черное, током, перо», лицо под черной вуалью), выскочившей из ворот на встречу с офицером, он неожиданно для себя узнал Леоночку (Элеонору Леоновну Тителеву, Лизашу). А главное – уловил: в этой тайной встрече «не интрига хорошенькой дамы, не флирт офицера, а дело, связавшее их против воли» [4, с. 398][1]. С этого момента начинается бесконечная смена личин: по возвращении домой с «разодетой дамочки» слетел весь изыск и стала она похожа на «шута горохового». Произошедшую метаморфозу заметил и Тителев, но, делая вид, что ничего не происходит и что удивляться нечему, – «в темки *заиграли*: все трое» (400). «Не стоит, голубчик, допытываться», – сквозь «дымочки» бросает Леоночка Никанору. И почти рядом: «Не доверяйтесь: предательница!» (402). Такого рода «сигналы» (своеобразные опережающие ремарки) будут нередко сопровождать событийный ход драмы.

А буквально через несколько страниц (в тот же вечер или в другой) «щелкнул подъезд: точно мыщерка, – черная дамочка – с плоским листом, как у *кобры,* конечности… закрыв лицо муфточкой –

– *вылизнула,* –

– *как змея,* –

на *змеящемся*

хвостике, – а не на шлейфе» (407).

Квартира Тигроватко, куда отправилась мадам Тителева, – маскарадная площадка, на которой разворачивается первый акт трагикомической фантасмагории на сюжет «Мандро – Друа-Домардэн».

Ощущение тайны, какой-то бредовой реальности разлито во всей атмосфере дома. Восемь короткометражек второй главы «Журналист из Парижа» (439–451) с кинематографической быстротой превращаются в движущееся сценическое пространство. Цветовая гамма стен, мебели, портьер, абажуров, драпри – всех элементов маскарадного антуража, эхом звучащих в имени хозяйки (*Лео*-кадия *Лео*-нар(-*пар*)довна *Тигро*-ватко), напоминает окрас тропических хищников: боа, тигра, леопарда. Желтеющие стены в передней: с черным, серым, зеленым крапом; густо-черные пятна на бронзовом, напоминающие шкуру боа, – в «коридорчике»; «драпри, абажуры под цвет леопарда, пестримого дикими пятнами; древнее выцветом, серо-пожухлое золото гостиной: цвет леопардовый, съеденный мертвыми пятнами, точно покрытый дымящимся еле износом» (440). Все это не просто маскарадный дизайн, а семантически нагруженное пространство дико-тупого обморока, кошмара, где-то когда-то виденного и «как бы вызывающего вздрог: леопард этот – умер

[1] В дальнейшем все цитаты приводятся по данному изданию с указанием страниц в круглых скобках. Курсив всюду наш. – Н. А.

ли? Может, сидит в мягких пуфах?» Действительность, где все и вся мимикрирует, где даже горничная по прихоти хозяйки в соответствии с календарем может быть Аделиной, Лилишей, Парашей, Наташей, – «эта действительность переросла всякий бред» (442).

«Не входите: здесь, в пятнах, в выцветах, рыскает – злой леопард» (440). Опережающая ремарка предварит появление Друа-Домардэна, когда тот, «встав в пороге», интуитивно ощутит «вздрог» от «леопардового, съеденного мертвым пятном» цвета гостиной. «Не входите!» – «Вошел!» (444). На этот раз в роли английского шпиона под маской журналиста из Парижа. Из диалогов – а все происходящее не только зримо: в цвете, жестах, смене декораций, в расположении мизансцен, но и слышимо – мы понимаем, сколь тщательно выверена, дозирована, отрепетирована его новая «роль, продуманная до мелочей» (454). Симулируя иллюзийную реальность как реальную, Мандро словно врос в свою новую химерическую личность. Но в какой-то миг («Все – миг!»), узнав в головке дамочки под полями черной шляпы свою Лизашу, он инстинктивно дернулся рукой – «к губам: дергать, мазаться пальцем о палец» – привычный жест Мандро-«богушки» (448). Тайна Друа-Домардэна была раскрыта. А еще один миг («Да, да: это – он!» – в каком-то отчаянии вскрикнет Леоночка-Лизаша) решит его судьбу: от жизни к смерти. И внешнее сходство «черной дамочки» со «змеей на змеящемся хвостике», которая «вылизнула» из подъезда своего дома, а теперь такой же змейкой «вылизнула из гостиной», наполнится символикой предательства, смертельно разящего удара кобры. Вспомним: «Не доверяйтесь: предательница!», – предварял автор выход мадам Тителевой из дома. «Признание вырвали», – скажет она Никанору по возвращении домой. Как бы случайная «маленькая оговорка» «чуть-чуть» кардинально сдвигает нравственные критерии [2, с. 490; 5][1].

Происходящие с персонажами перевоплощения, «переюрки» отражают состояние перевернутого, распадающегося времени, в котором реальность и игра «сдвинуты», смещены. «Подобие больше не считает себя подобием… ряженый сам верит в реальность своей роли, костюма и маски. Он больше не *играет* того *другого*, которого изображает <…>, забывает, кто он есть на самом деле. Утрата своей глубинной личности – таково наказание тех, кто не умеет ограничить одной лишь игрой свою склонность приписывать себе *чужую* личность» [6, с. 81].

Врастание в химерическую личность объясняется у Белого состоянием распадающейся, химерической действительности: «Переворох на дворах; разворохи в квартирах; и – ворох сознаний, сметаемых в кучи, как листья бульвара» (439). «Под вывизги рыва планеты швыряемой» (389) здесь все «перезадряпано и расшарапано», все в «пепельных плевелах» (370).

Маскарад, разыгранный в квартире Тигроватко и составивший первый акт трагической фантасмагории, обернется далеко идущими последствиями. В «Московском чудаке» и в «Москве под ударом» Лизаша Мандро примеряла

[1] Ср. с аналогичным использованием приема в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина». В сцене гибели Бориса Варавки читаем: «Клим, взвизгнув,… *выпустил* ремень из рук, а на вопрос Лидии ответил: “Ремень он *вырвал*”». А. Белый рассматривает «чуть-чуть упущение» не только как прием, но и как глобальную проблему, «отделяющую дела бездарные от гениальных», «проваливающую гениальный замысел в бездарицу выполнения».

не враждующие друг с другом лирические роли сестрицы Аленушки и русалочки, создававшие декадентски изломанный, но трогательный образ. Пребывание мадам Тителевой в полярных, несовместимых масках-личинах светской дамы, какой она могла быть в прежней жизни, и девочки-мамы, девочки-жены приводят к трагическому разладу с собой. «Ношение маски, – пишет Кайуа, – снимает ограничения» [6, с. 99]. И Леоночка, сама того не желая, в один миг – «Да-да: это – он!» – предает отца, мужа («Они отыскали меня; значит, – Тира открыт»), дом в его мифологическом и пространственно-локальном значении: чудовищный удар, взорвавший дом, как это ни прискорбно, тоже отчасти следствие предательства. «Разоблачающие Домардэна, – разоблачены», – поморщившись, подытожит Сослепецкий.

При кажущейся чересполосице, бесконечных разрывах-перескоках в «Масках» все просчитано и выверено до мельчайших подробностей: чеховское ружье обязательно стреляет; случайное обнаруживает логику движения. После событий, разыгравшихся на квартире Тигроватко, сюжет Мандро-Домардэн, казалось бы, сходит на нет. Однако в многосюжетной мозаичной структуре обширного текстового пространства романа (первый акт разворачивается во второй главе, с. 439–451; второй – в главе десятой, с. 744–751) можно и должно вычленить пространственно-временной континуум «антракта», относящегося к сюжету драматургического действа и готовящего потенциального «читающего зрителя» к развитию драматургической коллизии, наметившейся в «маскараде».

Из «случайных» фраз, ситуаций складывается понимание спланированной расправы над Домардэном: «Положили убить». И не потому, что «выжег глаз, изнасиловал дочь». Все это – «пустяк» (584). Суть в том, что он, «пусть ненароком, – узнал слишком много». Значит, необходимо убрать, чтобы Мандро-Домардэн, «точно секретный пакет, ускользнул от английских шпионов» (696): «стибрить» и притащить в Ставку в «запакованном ящике» (585). Такова канва детективного сюжета, который может показаться чудовищным бредом, пока не становится реальностью. Белый-художник развивает этот явно игровой сюжет не только на поведенческом, но и на метафизическом уровне, происходящем в возрождающемся сознании профессора Коробкина, выстрадавшего свои понятия о принципах человеческого мироустройства. Они заявлены как нравственный абсолют сквозь авторскую трактовку евангелистской притчи об Авеле и Каине («И Авель, став Каином, Каина, ставшего Авелем, тою же мерой убивши, – убийству подвергнется» (624)) и обретают статус неопровержимого закона. Странный случай, посадивший профессора в лечебницу, а Мандро – в тринадцатый номер отеля, «в корне взять», – логичен. «Я ссуженное вами же – вам возвращаю», – говорит он Мандро, разумея при этом «муки, Мандро приготовленные». В то время как Мандро, слушая Коробкина, «думал, что речь – о спасении: от ожидаемой кары» (715).

В статье «Театр и современная драма», размышляя над пьесами Ибсена, Белый писал: «События подготавливаются у него полутонами». «Ибсен весьма экономен на объяснения; вскользь брошенное замечание, повторенное, быть может, только через несколько явлений, лучше характеризует душу героя, нежели пространное объяснение» [7]. Этот принцип «вскользь брошенных замечаний», опережающих события, чрезвычайно важен для понимания

игрового модуса повествования А. Белого. Сразу же после бегства Мандро с профессором Коробкиным Велес-Непещевич отдает предельно четкие распоряжения:

– протелефонить Тигроватко: очистить квартиру, поставить ящик (тот самый, из подглавки «Ящик, веревку, мешок и клещи» (594–595)), «оставить ключ, а самой – чтоб ноги… не было»;

– в другую трубку: «подать машину, с молодым офицером: из мальчиков… розовощеких, да… поконфузливей», и «чтоб он и не знал»;

– подать машины «три: к Тигроватко – раз; да от нее – два; с вокзала нам – три»;

– подготовить двойника Домардэна: парик, белила и прочее.

Они-то и составят сценографию второго акта.

Однако прежде о балаганном зрелище, которое разыгралось в доме Тителевых, куда, как известно, профессор привез украденного им из тринадцатого номера Мандро, полагая, что отцу и дочери «пора объясниться друг с другом» (724), и которое предваряет трагифарс второго акта.

С аналогичной композиционной структурой – на контрасте комического/трагического – встречаемся в «Москве под ударом» (гл. 14, с. 734–737). Балаганное шествие неожиданно встает на пути профессора к своей московской квартире, где и произойдет над ним чудовищная расправа. В «разгласье с собою» тащит он своего палача Мандро, разыгрывающего под маской деда Мордана роль забулдыги в стиле К. С. Станиславского (331). Интуитивно Коробкин предчувствует таящуюся смертельную опасность. В криках извозчиков у вокзала: «Вам!.. – Далеко!... – На Варварку!» ему чудится: «Не его, но Варр… – Варвар… – Распни!...» (333). Ощущение «поддельности», «искусственности» во всем облике и поведении спутника («головак балаганный», мысленно называет он его) не покидает профессора. Встреченный на подступах к дому балаганный «джирбамбан»: разноцветье одежды, лай барабанов, блеск литавр, визги, крики отовсюду валившей толпы – предвещает невозможное, ставшее неизбежным: «Бред попросился быть в быль» (335).

Итак, устроив свидание отца с дочерью, профессор, «точно бравый солдат», держит «караул при дверях», к которым пытается пробиться брат Никанор, «укокошить мерзавца Мандро». «В ярком, как тропик, халате», с разлохматившимися, «как бурьяники, космами», жонглирует он «половой огромной щеткой, как алебардой». Брат Никанор, «серенький, рябенький», машет кочергой. Серафима, «точно Эриния», подобно «грому арф», обрушивается на профессора. Суматоха, «крики, топы», «ор», «добродушная наглость», неразбериха – все создает атмосферу балагана. «Кто-то там бьет кочергой: и визжит, и дерутся; как на кумачей балагана, в бывалое он безобразие выставил ухо; и – пеструю, плюшевую финтифлюшку схватил со стола, как паяц» (731). Шутовской характер передан и лексически (паяц, балаган, эфиопская морда), и поведенчески (бросаются, как в бой, держат караул, ударяют в бубны, закатывают глазами затрещины), и даже ритмико-рифмически, как, например, в блестяще разработанном диалоге между братьями.

«Он (Никанор – Н. А.) ногой, как копытом, махал:

– Я – мерзавца…

– Ты? Никогда-с!

– Он тебе – глаз!

– Да-с?
– Глаз!
– Никогда-с!

И Коробкины, яростные, закатили друг другу *глазами затрещины*» (737).

В итоге главный «затейник» всей этой клоунады, профессор Коробкин, чувствует себя «провинившимся псом». Благая цель – «всем доказать: состраданием испепеляется злоба» – порождает противоположный эффект: «друга сразил, отнимая открытие; дрался с братом; малютке нанес оскорбление: щеткой <…>. Пал глубоко полосатый паяц в балаганный свой люк!» (753).

Спонтанно разыгравшийся балаганный фарс заканчивается так же неожиданно, как и начался, а по времени совпадает с финалом происходящего на втором плане (свидание отца с дочерью) и является прологом спланированной над Мандро расправы. Держащиеся за руки отец и дочь видят и слышат, как на счастливо рокочащем моторе подлетает к дому «офицерик» (точь в точь как заказанный когда-то Велес-Непещевичем по телефону) – «розовый мальчик, блестя серебром», «конфузливый», «симпатичный» (733). Оконное стекло, как «миг, заключающий вечность», пока отделяет вестника смерти от живых, которые еще не знают, что ожидающая Мандро остановка у Пса (ассоциация с символико-космогоническим образом из Сна о кабине) чревата смерчем, который «крыши срывает и валит деревья; под куполом – тьма; град – с яйцо» (734). Этот «миголет, мимопад» и разыгран на заранее подготовленной сценической площадке квартиры Тигроватко. Декорации – те же, что и в первом акте, – напоминают «неприятный весьма эпизод, здесь начавшийся». «Цвет леопардовый; фон – желто-пепльный: бурые пятна; а посредине ковра – столик, ломберный, перенесенный сюда на короткое время (стоять ему глупо тут); стул: тоже глупо стоять» (745) и «зачем-то поставленный ящик… веревка… мешок…» (744). В этих, казалось бы, тех же и все-таки иных обстоятельствах отразилась кардинальная смена ролей. Эдуард Эдуардович Мандро, лишенный защитной маски журналиста из Парижа, превращается в тень, напоминая мумию, музейный экспонат из эпохи фараона Рамзеса Второго. Происходит утрата личности Друа-Домардэна (вторичной маски Мандро) в результате ее насильственного раздвоения. И один, подлинный, – «без челюсти, без парика, без очков» – «о н о»; а другой – «в парике, в челюстях и в очках» – «самозванец», но документально удостоверенный, «прошел под портьеру» (за занавес), как настоящий. «Что документы: за деньги спирают и души!» (747).

Догадываясь и все еще до конца не осознавая происходящего, Мандро-Домардэн бросается со «сцены» в коридор, «но, споткнувшись о ящик (заранее приготовленный, как и положено в театрализованном действе), – в него; две махалися пятки: над паклею» (748). Вслед за этим действие стремительно разворачивается по законам цирковой клоунады. «Перетаращенный мешок», в который зашили Домардэна, «как громадная желтая рожа, без глаз и без носа, без рук и без ног», ощутив под собой пол, «немо хохочущий», выдавив дверь, «дергал уже по площадке, как зрячий, имея намеренье скоком… перечесав все ступени, чесать балаганною пляской в толпе» (749). Смертельную точку в «балаганной пляске» ставит Лебрейль, бывшая секретарша Домардэна. «Точно циркистка», бросается она «на плечи скачущего мешка, панталончиками бирюзовыми горло сжимая… с риском пасть меж перилами в про-

пасть» (749). Своеобразный эпилог разыгранного Белым двухактного представления – афишированный спешный отъезд из Москвы уже не существующего «публициста из Парижа»: в машине, в ногах у Лебрейль и «того, кто был в шубе Друа-Домардэна», стоял «ящик, зашитый в рогожу». А в газетах прошло оставшееся незамеченным известие о смерти «от пули шальной» публициста Домардэна.

Итак, игровое начало пронизывает практически все слагаемые поэтики романа: систему персонажей, его ситуативно-событийную, сюжетно-композиционную, пространственно-временную, речевую организацию, вплоть до мельчайших ее элементов. Разыгрывая сюжет, автор выступает в роли режиссера, сценариста, сценографа. Господство театрализованной стилистики обнаруживает себя в многообразии и постоянной смене масок, личин, амплуа; в семантически нагруженной цветописи декораций, в динамике «сценического» пространстве, бесконечной смене ситуативных положений, мизансцен, диалогов и многом другом. Новая, игровая форма повествования, в которой Белый активно использует приемы поэтики площадных жанров народной культуры: балагана, фарса, клоунады, создает новую авторскую картину русской жизни в канун катастрофического слома эпох. Художественная реальность «Масок» остро конфликтна, зрима, слышима, рассчитана на «читающего зрителя».

Результаты проведенного анализа дают право утверждать, что игровой модус организации романа «Маски» – это поэтическая стратегия художника, новая форма для создания новой модели мира в постоянно меняющейся эстетической системе А. Белого. Дальнейшее исследование игрового модуса повествования как научной проблемы, конкретный анализ многообразия форм и способов его воплощения в литературных произведениях позволит углубить и конкретизировать общетеоретические, философские, культурологические подходы к игре как генетически присущему свойству искусства, обогатить представление о поэтике русской «новой прозы» первой трети XX в.

Список литературы

1. **Сотникова, Н.** Кучинский дневник Андрея Белого. В событиях, письмах, стихах и воспоминаниях / Н. Сотникова. – М., 2010. – 253 с.
2. **Белый, А.** Почему я стал символистом… / А. Белый // Символизм как миропонимание. – М. : Республика, 1994. – С. 422–425.
3. **Пригожин, И.** От существующего к возникающему: время и сложность в физических науках / И. Пригожин. – М., 1985. – 324 с.
4. **Белый, А.** Маски / А. Белый // Москва / А. Белый. – М. : Советская Россия, 1989. – 766 с.
5. **Горький, М.** Собрание сочинений : в 30 т. / М. Горький. – Т. 19. – С. 82–84.
6. **Кайуа, Роже.** Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры / Роже Кайуа. – М. : ОГИ, 2007. – 393 с.
7. **Белый, А.** Театр и современная драма / А. Белый // Символизм как миропонимание. – С. 232.

References

1. Sotnikova N. *Kuchinskiy dnevnik Andreya Belogo. V sobytiyakh, pis'makh, stikhakh i vospominaniyakh* [Kuchinsky diary of of Andrey Bely. In events, letters, poems and memories]. Moscow, 2010, 253 p.

2. Belyy A. *Simvolizm kak miroponimanie* [Symbolism as a world view]. Moscow: Respublika, 1994, pp. 422–425.
3. Prigozhin I. *Ot sushchestvuyushchego k voznikayushchemu: vremya i slozhnost' v fizicheskikh naukakh* [From the sympathetic to the emergent: time and complextity in physical sciences]. Moscow, 1985, 324 p.
4. Belyy A. *Moskva* [Moscow]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1989, 766 p.
5. Gor'kiy M. *Sobranie sochineniy: v 30 t.* [Collected works: in 30 volumes]. Vol. 19, pp. 82–84.
6. Kayua Rozhe. *Igry i lyudi. Stat'i i esse po sotsiologii kul'tury* [Games and people. Articles and essays on culture sociology]. Moscow: OGI, 2007, 393 p.
7. Belyy A. *Simvolizm kak miroponimanie* [Symbolism as a world view]. P. 232.

Алексеева Надежда Васильевна
доктор филологических наук, профессор, кафедра литературы, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова
(Россия, г. Ульяновск, пл. 100-летия В. И. Ленина, 4)

E-mail: alexejeva31@mail.ru

Alexejeva Nadezhda Vasiljevna
Doctor of philological sciences, professor, sub-department of literature, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov
(4 100-letiya V. I. Lenina square, Ulyanovsk, Russia)

УДК 882\09

Алексеева, Н. В.

Игровой модус повествования в романе Андрея Белого «Маски» / Н. В. Алексеева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 127–136. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-12

УДК 811.161.1
DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-13

К. В. Сморчкова

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЦВЕТА И СВЕТА В РОМАНЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ВАДИМ»

Аннотация.

Актуальность и цели. Являясь частью общей поэтики произведения, колоративная лексика играет значительную роль в раскрытии идеи романа М. Ю. Лермонтова «Вадим» и создании его образной системы. Актуальность исследования обусловлена неразработанностью в современном литературоведении вопросов, связанных с передачей свето-цветовой структуры лермонтовской поэтики. Целью научного исследования является разработка фрагмента филологического анализа романа «Вадим», направленного на выявление специфики лермонтовской передачи цвета и света.

Материалы и методы. Материалом для научного анализа послужили 200 свето- и цветообозначений, полученных методом сплошной выборки из романа «Вадим». Ведущим методом исследования является метод филологического анализа и его основной приём – приём культурно-исторической интерпретации. Кроме того, в исследовании широко применяется количественно-симптоматический метод.

Результаты. В романе «Вадим» выявлены две основные категории способов передачи цвета и света: традиционные и индивидуально-авторские, составляющие основу и своеобразие колористики лермонтовского произведения. К последним относятся сравнение, метафора, описание и лексическое окружение. Индивидуально-авторские способы передачи свето-цветовой структуры поэтики романа значительно обогащают его цветовую палитру, способствуя раскрытию центральных образов.

Выводы. Специфика свето-цветовой структуры поэтики романа «Вадим» заключается в использовании индивидуально-авторских способов передачи цвета и света. Дальнейшей разработки требует лексическое окружение как ведущий способ передачи света и цвета.

Ключевые слова: цветообозначение, светообозначение, способ передачи цвета и света, традиционные колоративы, сравнение, метафора, описание, лексическое окружение.

C. V. Smorchkova

MEANS OF DESCRIBING COLOR AND LIGHT IN M. Y. LERMONTOV'S NOVEL "VADIM"

Abstract.

Background. Being a part of the common poetics of the work, the *color* vocabulary plays a considerable role in discovering the idea of M. U. Lermontov's novel "Vadim" and creating its figurative system. The actuality of the research depends on the non-treatment in the current study of literature questions, connected with description of the light-color structure of Lermontov poetics. The goal of the scientific research is to work out a fragment of the philological analysis of the novel "Vadim" directed to showing Lermontov's specificity of the light and color depiction.

Materials and methods. The material for the scientific analysis was 200 light-and-color symbols which were taken from the novel "Vadim" by the method of con-

tinuous sampling. The key research method was a method of philological analysis and its main instrument was cultural-historical interpretation. Besides, the quantitative-symptomatic method was widely used in the research.

Results. There are two main categories of the light and color description ways noted in the novel "Vadim". They are traditional and author's original ones. They compose the basis and peculiarity of Lermontov's writing coloristic. The author's original ways of depicting the light and color are comparison, metaphor, description and lexical surrounding. They greatly enrich the novel's color palette, promoting the discovery of the central images.

Conclusions. The specificity of the light and color poetics structure of the novel "Vadim" is concluded in using the author's original ways of light and color description. The lexical surrounding demands further working out as it is the leading way of light and color depiction.

Key words: color symbol, light symbol, way of light and color description, traditional coloratives, comparison, metaphor, description, lexical surrounding.

Прошло более 180 лет со времени выхода в свет первого романа М. Ю. Лермонтова «Вадим» (1832–1834). Первый прозаический опыт писателя показал, насколько тесно произведение связано с литературным наследием предшествующих эпох.

В. В. Виноградов отмечал, что Лермонтов активно разрабатывал в своих произведениях специфические черты стиля романтической прозы, который «представлял собой сложное смешение приёмов выражения, отчасти унаследованных от Карамзина и его школы, от романтической поэмы 20-х гг., от бытовых и нравоучительных очерков XVIII и начала XIX в., от русской и переводной повести и романа предшествующей эпохи, отчасти вновь образуемых на основе влияния стилей западноевропейской романтической литературы и на основе расширяющегося знакомства с живой русской речью и её диалектами» [1, с. 523].

По мнению Б. В. Томашевского, на язык ранней прозы Лермонтова повлияли произведения сентименталистов и романтиков (В. А. Жуковского, А. А. Бестужева-Марлинского, В. Гюго, Р. Шатобриана, Ж. Жанена) [2, с. 470, 475, 476]. Кроме того, в «Вадиме» намечается, но ещё не до конца осуществляется переход к реализму.

Все эти особенности отразились в языке романа, в том числе в колоративной лексике. Научный интерес представляет колоративная лексика, активно использованная в романе, но до сих пор недостаточно изученная как в литературоведении, так и в лингвистике.

В романе «Вадим» использовано около 200 колоративов (так мы будем называть слова, называющие световые переходы и цветовые оттенки), которые встречаются около 600 раз. Общий «рисунок» романа многоцветный. Для Лермонтова характерно использование лексики цвета и света. В романе около 150 цветообозначений (далее в тексте – ЦО), употреблённых около 440 раз. Л. Б. Перльмуттер пишет, что широкое употребление цветолексем является следствием влияния романтических тенденций в литературе, когда «словарь цветов и оттенков, бывший до того в пренебрежении, входит в общелитературный язык, обогащает его, а затем переходит к писателям-реалистам» [3, с. 320]. Писатель использовал также около 50 светообозначений (далее в тексте – СО), употреблённых около 160 раз. Тот факт, что световые лексе-

мы составляют ¼ всех колоративов в романе, позволяет сделать вывод, что для Лермонтова они имеют большое значение. Это связано с особым отношением писателя к использованию в творчестве света и освещения. Л. Б. Перльмуттер отмечает, что для Лермонтова свойственно использование как естественного, так и искусственного освещения, которое служит для подчёркивания важных психологических деталей. На это указывает и Б. Эйхенбаум [4, с. 132]. При этом Лермонтов не ограничивается светотенью, «он подмечает в озарённой солнцем природе миллионы блесков отражённого света» [5, с. 208].

Способы передачи цвета и света, применяемые М. Ю. Лермонтовым, очень разнообразны. Их можно разделить на традиционные и индивидуально-авторские.

Традиционные способы свето-цветовой передачи используются, как правило, в трёх случаях: 1) когда зарисовка выполняется в реалистической манере и важно только создать фон, на котором разворачиваются события; 2) когда Лермонтову необходимо задать общий мотив повествования, очертить основные детали, цветовая визуализация которых будет уточняться; 3) когда автору важно подчеркнуть ключевую деталь образа, внимание на которой акцентируется за счёт неоднократных повторений.

Использование классического или традиционного свето- и цветонаименования имеет ряд особенностей, среди которых можно отметить разнообразие колоративов по частеречной принадлежности. Колоративы могут быть выражены именами прилагательными (около 50 ЦО и СО, около 150 употреблений), глаголами вместе с причастиями и деепричастиями (21–34 употребления), именами существительными (10–18 употреблений), наречиями (3–5 употреблений). Имена прилагательные преобладают, так как цвет – это «свойство тела вызывать зрительное ощущение в соответствии со спектральным составом отражаемого или испускаемого им видимого излучения; окраска» [6, с. 634], т.е. признак предмета, а в русском языке признак традиционно выражается именем прилагательным. При этом Лермонтов использует прилагательные простые и сложные. Простых большинство (около 140). Сложных немного, их особенность в том, что они выражают сразу ряд оттенков. Н. Б. Бахилина пишет, что сложные прилагательные возникли ещё в древнерусский период и их появление связано со стремлением человека к сравнению предметов и явлений [7, с. 9–10].

Система традиционных способов передачи цвета и света связана с использованием однословных прямых цветонаименований. Лексемы, передающие цвет прямо, употребляются более 200 раз. Традиционной колористической лексикой передано убранство дома Палицына: «Палицын взошёл в дом – в зале было *темно*; оконницы дрожали от ветра и сильного дождя; в гостиной стояла *свеча*; эта комната была совершенно отделана во вкусе 18-го века: *разноцветные* обои, три круглые стола; перед каждым небольшое канапе; глухая стена, находящаяся между двумя высокими печьми, на которых стояли безобразные статуйки, была вся *измалёвана*; на ней изображался *завядшими красками* торжественный въезд Петра I в Москву после Полтавы: эту картину можно бы назвать рисованной программой» [здесь и далее текст романа передан по источнику 8]; «Смерклось; подали *свеч*; поставили на стол разные закуски и *медный* самовар; Борис Петрович был в восхищении, жена его не

знала, как угостить милого приезжего; дверь в гостиную, до половины растворённая, пропускала *яркую* полосу *света* в соседнюю комнату, где по стенам *чернели* высокие шкафы, наполненные домашней посудой». Автор не заостряет внимание на цветовом оформлении быта помещика. Он подчёркивает тем самым его схожесть с бытом других крепостников.

Портреты, созданные Лермонтовым, также насыщены цветом. При этом стоит отметить, что персонажи наделены рядом константных колоративов. Например, в портретных зарисовках Вадима: «Вадим дико захохотал и, стараясь умолкнуть, укусил нижнюю губу свою так крепко, что *кровь* потекла; он похож был в это мгновенье на вампира, глядящего на издыхающую жертву»; «Одна его рука была за пазухой, а ногти его по какому-то судорожному движению так глубоко врезались в тело, что когда он вынул руку, то пальцы были в *крови*... он как безумный посмотрел на них, молча стряхнул *кровавые* капли на землю и вышел».

Ольга – символ чистоты и надежды главного героя на перерождение. Поэтому Лермонтов насыщает её портрет светлыми красками: «Её грудь тихо колебалась, порой она нагибала голову, всматриваясь в свою работу, и длинные космы волос вырывались из-за ушей и падали на глаза; тогда выходила на свет *белая* рука с продолговатыми пальцами; одна такая рука могла бы быть целою картиной!»; «Ольга молчала – но вся *вспыхнула*... наконец она взошла: в *малиновом* сарафане, с богатой повязкой; её *тёмная* коса упадала между плечми до половины спины; круглота, *белизна* её шеи были удивительны»; «Не заметив брата, Ольга тихо стала перед образом, *бледна* и прекрасна»; «Вадим взошёл, торжественно запер за собою дверь и остановился... на полу стоял фонарь... и возле него сидела, приклонив *бледную* голову к дубовой скамье... Ольга!..».

Исследование показывает, что одной из специфических черт колоративной системы романа «Вадим» является неоднократное повторение основных цветообозначений, свойственных главным героям, причем цвет передаётся традиционными простыми по составу колоративами.

В реалистическом пейзаже строго очерчен круг предметов, на фоне которых разворачиваются основные события: автор указывает на *голубое* небо, *глинистый* берег Суры, её *синие* волны, *зелёные* мхи. Однако и здесь наблюдается особенный подход Лермонтова к решению реалистического сюжета: он одним цветообозначением обрисовывает общую картину и затем насыщает её цветовыми деталями.

Большинство световых оттенков и ряд цветовых, на которых Лермонтов акцентирует внимание, передано индивидуально-авторскими способами. К ним можно отнести передачу цвета и света через сравнение, метафору, описание и лексическое окружение. Отметим, что внутри данной группы возможно вторичное деление способов на две категории: передача цвета, связанная с контекстом (описание и лексическое окружение), и функционально-экспрессивная, связанная с изобразительно-выразительными средствами. Иногда трудно разграничить, где цвет передан через изобразительно-выразительное средство, а где он является основой для образования этого средства. Трудности связаны с природой мыслительных процессов, лежащих в основе генерации языковых элементов.

Рассмотрим индивидуально-авторские способы передачи цвета, связанные с контекстом: описание и лексическое окружение.

В романе «Вадим» 23 раза цвет передаётся через описание. Основная цель использования описательного оборота – обогащение и поэтизация элементов действительности. Кроме того, однословный колоратив не всегда способен передать всю гамму оттенков, которую желает использовать автор. Таким способом Лермонтов-художник расширяет цветовую палитру. Используя описание как способ передачи цвета, Лермонтов детализирует объект внимания и даёт ему авторскую оценку.

Обратимся к тексту: «День был жаркий, *серебряные облака тяжелели* ежечасно; и синие, *покрытые туманом,* уже показывались на дальнем небосклоне». В лермонтовском изображении облака имеют не просто синий привычный цвет. Они покрыты дымкой из тумана, которая наслаивается на синюю основу цвета, делая его светлее, приглушённее, придавая облаку таинственный вид, свойственный романтической традиции. Глагол *тяжелели* показывает, как меняется густота, насыщенность цвета.

Специфической чертой лермонтовской прозы является повышенный интерес автора к миру природы. И. Анненский называл его «певцом природы» [9], верно отмечая суть лермонтовской духовности, которая проявляется в его отношении к окружающему миру: для Лермонтова в природе нет второстепенных деталей, всё в ней сотворено Господом и всё достойно восхищения. Уникальные пейзажи выходят из-под пера Лермонтова: «Наконец лес начинал редеть, сквозь забор тёмных дерев начинало проглядывать голубое небо, и вдруг открывалась круглая луговина, обведённая лесом, как волшебным очерком, *блистающая светлою зеленью* и *пёстрыми высокими цветами*, как островок среди угрюмого моря, – на ней во время осени всегда являлся высокий стог сена, воздвигнутый трудолюбием какого-нибудь бедного мужика». Луговина, открывшаяся взору, не просто светла, она блистает светлой зеленью и усыпана высокими цветами. Перед читателем разворачивается картина, на которой светло-зелёный травяной ковер испещрён яркими, блестящими искрами.

Большое многоцветное полотно, достойное кисти Рембрандта, пишет Лермонтов в сцене, предшествующей переломному моменту в судьбе Вадима: «Он [Вадим – *наше прим.*] полусонный лег на траву – и нечаянно взор его упал на лиловый колокольчик, над которым вились две бабочки, одна *серая с чёрными крапинками,* другая *испещрённая всеми красками радуги*; как будто *воздушный цветок или рубин с изумрудными крыльями, отделанный в золото и оживлённый какою-нибудь волшебницей*». Вся зарисовка бабочек, кружащих над Вадимом, построена на основе описания, в котором использовано сравнение. Писатель акцентирует внимание на каждой детали окружающего мира, относясь к нему с любовью и трепетом.

Место описанию находим также в портретах. Обратимся к изображению главной героини романа Ольги. Как мы уже говорили, константными цветовыми деталями её образа являются оттенки светлого тона. Внимание на них акцентируется благодаря повтору. Но есть особые цветовые и световые элементы в её портрете, которые писатель передаёт благодаря описанию: «Перед иконой богоматери упала Ольга на колени, спина и плечи ее *отделяемы были бледнеющим светом зари* от тёмных стен, а *красноватый блеск*

дрожащей лампады озарял её лицо». В данном фрагменте присутствуют сразу два описательных оборота. Свет, которым озарена Ольга, имеет разную природу – он и естественный, и искусственный.

Необходимо отметить образ народа. Народная среда породила главного героя романа, поэтому и Вадим, и крестьяне наделены рядом схожих ключевых черт. Большое внимание здесь уделяется образу крови, который играет важную роль в раскрытии основной идеи произведения. Описывая народ, Лермонтов передаёт цвет крови описательным способом, стремясь таким образом поэтически представить действительность. «Ужасна была эта ночь, – толпа шумела почти до рассвета и кровавые потешные огни встретили первый луч восходящего светила; множество нищих, *обезображенных кровью, вином и грязью,* валялось на поляне, иные из них уж собирались кучками и расходились». Лермонтов не просто указывает на то, что лица бунтарей в крови. Он расширяет описание, говоря, что они были «обезображены кровью, вином и грязью». Благодаря передаче цвета через описание усиливается психологический эффект. Кроме того, писатель таким образом даёт оценку происходящему.

Вторым способом передачи цвета, связанным с контекстом, является лексическое окружение. Специфика лермонтовской поэтики проявляется в том, что такой способ передачи цвета используется автором при передаче основных колоративных локусов: светлого, чёрного и примыкающих к нему красного, синего и серого.

Обратимся к тексту романа и сравним ряд фрагментов: «…Их лодка скользила неприметно вдоль по реке, оставляя *белый* змеистый след за собою между тёмными волнами; вёсла, будто крылья чёрной птицы, махали по обеим сторонам их лодки». В данном случае Лермонтов использует один из своих излюбленных цветов – белый. Но это не чистый белый, он имеет оттенки, которыми наделена вода в реке, а сама белая волна здесь будет иметь неоднородную структуру. На это указывает лексема *змеистый*. Для сравнения рассмотрим другой фрагмент с тем же цветообозначением: «В избе, где он ночевал, была одна хозяйка, вдова, солдатка лет 30, довольно *белая*, здоровая, большая, русая, черноглазая, полногрудая, опрятная – и потому вы легко отгадаете, что старый наш прелюбодей, несмотря на серебристую оттенку волос своих и на рождающиеся признаки будущей подагры, не смотрел на неё философическим взглядом, а старался всячески выиграть её благосклонность, что и удалось ему довольно скоро и без больших убытков и хлопот». В данном случае говорится о белом цвете, который стоит рассматривать в противопоставлении со смуглым оттенком, поскольку речь идёт о цвете кожи. Здесь Лермонтов сосредоточивает внимание на том, что белизна кожи свидетельствует о здоровье её носителя и подтверждает эту мысль лексемой *здоровая*. Чистый ахроматический белый использован автором в следующем фрагменте: «Тогда, кинув глаза в ту сторону, откуда ветер принёс сии новые звуки, можно заметить крутой и глубокий овраг; его берег обсажен наклонившимися берёзами, коих *белые* нагие корни, обмытые дождями весенними, висят над бездной длинными хвостами». На то, что в данном случае белый цвет не имеет каких-либо оттеночных вкраплений, указывает причастный оборот *обмытые дождями весенними.* Всё, что могло бы изменить цвет корней, смыли дожди, а теперь они представлены в натуральном виде – чистыми.

Особого внимания при рассмотрении данной проблемы заслуживает система цветообозначений тёмного тона, особенно ядро соответствующего цветового локуса – ЦО *чёрный*: в чёрный цвет окрашены, во-первых, ключевые детали романа, связанные в первую очередь с образом Вадима (взгляд, пепел крестьянских костров), и, во-вторых, лермонтовские излюбленные объекты описания (облака, тучи, тени).

Образ Вадима создавался как романтический, поэтому Лермонтов акцентирует внимание на его взгляде: «Между тем горбатый нищий молча приблизился и устремил яркие *чёрные* глаза на великодушного господина».

Для Лермонтова примечательно использование образа облака и тучи. В романе они окрашены в разные тона, однако, когда эти объекты природы предвещают развёртывание драмы, то облекаются писателем в чёрный цвет. Но стоит отметить, что в отличие от описания глаз это уже другой чёрный. Он не так ярок, имеет приглушённый оттенок: «Луна, всплывая на синее небо, осеребрила струи виющейся речки и туманную отдалённость; *чёрные* облака медленно проходили мимо неё, как ночной сторож ходит взад и вперед мимо пылающего маяка...» Контекст, в который помещено цветообозначение, подчёркивает, что это не яркий, пугающий чёрный. Мирно протекая по небу, облака создают атмосферу тишины и покоя.

Колоративное гнездо красного тона обозначает различные оттенки, однако собственно красный, составляющий ядро локуса, является доминирующим. С помощью лексического окружения этот цвет передан в романе семь раз. Такое разнообразие оттенков связано с повышенной функциональной нагрузкой колоратива *красный*: он используется при описании сцены поругания чести Ольги: «Она слышала, как стучало её испуганное сердце и чувствовала странную боль в шее; бедная девушка! немного повыше круглого плеча её виднелось *красное* пятно, оставленное губами пьяного старика... Сколько прелестей было измято его могильными руками! сколько ненависти родилось от его поцелуев!.. встал месяц; скользя вдоль стены, его луч пробрался в тесную комнату, и крестообразные рамы окна отделились на бледном полу... и этот луч упал на лицо Ольги – но ничего не прибавил к её бледности, и *красное* пятно не могло утонуть в его сияньи...» Благодаря тому, что Лермонтов подчёркивает бледность Ольги и сияние луча, красный цвет подан на контрасте, он ярок и насыщен.

Выше мы говорили, что для Лермонтова важно естественное освещение. Большое внимание он придаёт дневному и ночному свету. В романе красными тонами окрашивается солнце, будь то рассвет, пылающий полдень или закат. При этом всякий раз красный имеет разные оттенки. Писатель за счёт контекста расширяет цветовую палитру. Сравним ряд фрагментов: «День угасал, лиловые облака, протягиваясь по западу, едва пропускали *красные* лучи, которые отражались на черепицах башен и ярких главах монастыря»; «…студеная влага с лёгким шумом всплескивала, порою озаряясь фосфорическим блеском; и потом уступала, оставляя быстрые круги, которые постепенно исчезали в темноте; – на западе была еще *красная* черта, граница дня и ночи; зарница, как алмаз, отделялась на синем своде, и свежая роса уж падала на опустелый берег <Суры>»; «К тому же в теперешние времена злодеи и убийцы не боятся смотреть на *красное* солнце, не стыдятся показывать свои лица в народе...» Контекст помогает Лермонтову по необходимости

приглушать тона или делать их яркими и контрастными. В последнем фрагменте речь идёт о народном поэтическом образе солнца, которое освещает всю землю, обнажая пороки и страсти человеческие. Примеры показывают, что контекстная передача цвета значительно способствует расширению цветовой палитры.

В качестве способов передачи цвета выступают изобразительно-выразительные средства – сравнение и метафора. Как отмечает Л. Б. Перльмуттер, «язык “Вадима” – это ещё метафорический язык романтика. С первой же страницы повести мы встречаем фразеологию, которая имеет место и в юношеской поэзии Лермонтова» [3, с. 312]. Наиболее богато представлено сравнение как средство передачи цвета. В романе оно встречается 19 раз. Сравнение может быть выражено неоднородно: через сравнительную степень имени прилагательного (2 ЦО) и через компаративный оборот (17 ЦО и СО).

Сравнение как термин поэтики выражается в сочетании слов, где «один предмет уподобляется другому» [6, с. 236]. «Сравнение часто рассматривается как особая синтаксическая форма выражения метафоры, когда последняя соединяется с выражаемым ею предметом посредством грамматической связки “как”, “будто”, “словно”, “точно” и т.п., причём в русском языке эти союзы могут быть опущены, а подлежащее сравнению выражено творительным падежом» [10, с. 135]. Однако это определение не исчерпывает всей природы сравнения.

Передача цвета через сравнение известна с древних времён. Н. Б. Бахилина отмечает, что в истории русского языка «чрезвычайно часты были сравнения для белого цвета: белый, как снег, как волна, как руно, как молоко, как сыр. Позднее круг сравнений расширяется, их необыкновенно много, вместе с прежними употребляются белый, как мрамор, как пена, как бумага, как полотно, как вата, как гипс, как чеснок и многие другие» [7, с. 9]. Лермонтов продолжает эту традицию, передавая через сравнение белый цвет в образе Ольги.

Конструкции с компаративной семантикой изучались в отечественной и зарубежной лингвистике. Н. Д. Арутюнова пишет, что «для сравнения характерна свобода в сочетаемости с предикатами разных значений, указывающими на те действия, состояния и аспекты объекта, которые стимулировали уподобление» [11, с. 353]: «широкий лоб его был *жёлт*, как лоб учёного, *мрачен,* как облако, покрывающее солнце в день бури» [8, с. 8]; «два мягкие шара, *белые* и хладные, как снег» [8, с. 91].

Сравнение имеет ряд форм выражения. В романе «Вадим» присутствуют следующие: 1) сравнительная степень имени прилагательного и наречия; 2) обороты с союзами «как», «словно», «будто», «подобно»; 3) форма творительного падежа имени существительного.

Первый вариант выражения сравнения представлен в романе незначительно – всего двумя цветообозначениями: «Их радость была исступление; озарённые трепетным, багровым отблеском огня, они составляли первый план картины; за ними всё было *мрачнее* и неопределительнее, люди двигались, как резкие, грубые тени»; «Их одежды были изображения их душ: черные, изорванные. Лучи заката останавливались на головах, плечах и согнутых костистых коленах; углубления в лицах казались *чернее* обыкновенного; у каждого на челе было написано вечными буквами нищета! – хотя бы ма-

лейший знак, малейший остаток гордости отделился в глазах или в улыбке!». Такая форма передачи сравнения в системе колоративов встречается только в описании нищих, к числу которых относился главный герой романа. Важно отличать эти сравнительные формы по происхождению: они созданы на базе имени прилагательного или наречия. В. В. Виноградов указывает на «двойственность их природы» [12, с. 218].

Одно цветообозначение в романе выражено через сравнительную степень имени прилагательного, употреблённого с объектом сравнения: «На дне оврага, если подойти к самому краю и наклониться, придерживаясь за надёжные дерева, можно различить небольшой родник, но чрезвычайно быстро катящийся, покрывающийся по временам пеною, которая *белее пуха лебяжьего* останавливается клубами у берегов, держится несколько минут и вновь, увлечена стремлением, исчезает в камнях и рассыпается об них радужными брызгами».

Большой пласт составляют компаративы, которые выражены сравнительным оборотом с союзами «как», «словно», «будто», «подобно»: «*зарница*, как алмаз, отделялась на синем своде»; «позолоченный оклад, искусно выделанный, *сиял*, как жар»; «это были слезы... одна из них не удержалась на густой реснице, *блеснула*, как алмаз, и упала».

Сравнение может быть выражено формой творительного падежа: «Тут ковш ещё раз пропутешествовал по рукам и сухой вернулся к своему источнику!.. умы заклокотали сильнее, и лица *разгорелись* кровавым заревом».

К сравнению как к способу передачи цвета примыкает метафора, которая является свёрнутым сравнением, где, в отличие от собственно компаративной конструкции, слова «как», «словно», «как будто» и т.д. отсутствуют, но они предполагаются. Н. Д. Арутюнова пишет, что «отсутствие этой компаративной связки часто считается основным приёмом создания метафоры» [11, с. 353]. В данном случае объект сравнения входит в состав составного именного сказуемого. В. П. Москвин говорит о том, что метафора «в узком смысле предполагает перенесение признаков одного объекта на другой» [13, с. 14], Н. Д. Арутюнова расширяет понятие, говоря, что «метафора – это прежде всего “стремление уловить индивидуальность конкретного предмета или явления” через его признаки» [11, с. 348].

Не до конца изученным остаётся вопрос о том, что является первичным: колоративы как база создания изобразительно-выразительных средств или наоборот. Для анализа мы отобрали те фрагменты, где наиболее очевидна первичная функция элемента поэтики. Таких примеров в романе 12. Как правило, метафора передаёт цвет в портретах главных героев и пейзажах. Отметим, что из 12 случаев использования метафоры как способа цвето- и светопередачи в 9 речь идёт о световых оттенках (свет, излучаемый героями, проявляющийся во взгляде; свет в пейзажах, изображающих рождение или угасание дня).

«“Какой красавец сын моего злодея”, – думала Ольга; и эта простая мысль всю ночь являлась ей с разных сторон, под разными видами: она не могла прогнать других, только покрыла их полусветлой пеленою, – но пропасть, *одетая утренним туманом*, хотя не так черна, зато кажется вдвое обширнее бедному путнику». В данном фрагменте цвет, переданный через метафору, создаёт психологический параллелизм. Мысли, связанные с Юрием,

представляются Ольге чёрной пропастью, закрытой туманной дымкой, которая едва пропускает свет и смягчает тёмные тона. Подобный приём распространён в романтической литературе и в то же время является индивидуально-авторской лермонтовской чертой. Являясь прямым последователем романтиков, он вырабатывает особый принцип психологизма, который всегда будет отличать Лермонтова от его предшественников и последователей в литературе.

«Этот взор был остановившаяся *молния*», – говорит писатель о взгляде Вадима. Лексема *молния* не относится к традиционным колоративам, однако мы можем говорить о передаче света с её помощью: речь идёт о том, каким светом озаряются глаза героя, находящегося в смятении. Одно употреблённое светообозначение даёт представление о сверкающих жёлтым огнём глазах.

То же касается и Ольги: «Когда она поднимала большие глаза свои, то иногда две *искры* света отделялись в темноте; это лицо было одно из тех, какие мы видим во сне редко, а наяву почти никогда». В данном фрагменте Лермонтов также не использует сравнительный оборот в классическом виде, однако читатель обращает внимание на созданный образ, представляя горящие глаза. Такое скрытое сравнение передаёт душевное состояние героини и является подтверждением идеи о том, что глаза – зеркало души, так как они отражают её внутренние переживания. Позже автор напишет: «И когда Ольга вторично подняла взор, то в нём заметна была перемена, довольно странная; *удивительный блеск* заменил прежнюю томность; это были слезы... одна из них не удержалась на густой реснице, блеснула, как алмаз, и упала». Лермонтов поэтизирует образ девушки и отдаёт предпочтение метафоре – слёзы названы блеском. Этот элемент поэтики способен выразить и передать малейшие движения души героини: «Ольга хотела что-то сказать, но удержалась; презрение изобразилось на лице её; *мрачный пламень*, пробуждённый в глазах, потерялся в опущенных ресницах».

Когда речь заходит о красоте природного освещения, Лермонтов также активно использует метафору: «Пока он ел и отдыхал, прошёл час, драгоценный час; восток белел неприметно; и уже дальние края туманных облаков начинали *одеваться в утреннюю свою парчу*».

Таким образом, писатель создаёт уникальную поэтику романа «Вадим», важную роль в которой играет колоративная лексика. Среди способов передачи свето-цветовой нюансировки произведения выделяются традиционные и индивидуально-авторские. Чаще всего цвет и свет передаются индивидуально-авторскими способами, среди которых чётко проявляются способы, связанные с контекстом, – описание и лексическое окружение и передача свето-цветовых оттенков через изобразительно-выразительные средства – сравнение и метафору. Самым распространённым способом передачи свето-цветовых ощущений в романе «Вадим» является лексическое окружение. Роман буквально пронизан обрамлением цветовой лексемы с целью уточнить и бесконечно нюансировать оттенок света и цвета. За лексическим обрамлением по активности следуют сравнение и описание. Реже используется метафора.

Список литературы

1. **Виноградов, В. В.** Стиль прозы Лермонтова / В. В. Виноградов // М. Ю. Лермонтов. – М. : Изд-во АН СССР, 1941. – Кн. I. – С. 517–628.

2. **Томашевский, Б. В.** Проза Лермонтова и западноевропейская литературная традиция / Б. В. Томашевский // М. Ю. Лермонтов. – М. : Изд-во АН СССР, 1941. – Кн. I. – С. 469–516.
3. **Перльмуттер, Л. Б.** Язык прозы М. Ю. Лермонтова / Л. Б. Перльмуттер // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исследования и материалы: Сборник первый. – М. : ОГИЗ : Гос. изд-во худ. лит., 1941. – С. 310–355.
4. **Эйхенбаум, Б. В.** Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки / Б. В. Эйхенбаум. – Л. : Гос. изд-во, 1924. – 168 с.
5. **Фишер, В. М.** Поэтика Лермонтова / В. М. Фишер // Венок М. Ю. Лермонтову : юбилей. сб. – М. ; Петроград : Изд. т-ва «В. В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. – С. 196–236.
6. Словарь русского языка : в 4 т. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999.
7. **Бахилина, Н. Б.** История цветообозначений в русском языке / Н. Б. Бахилина. – М. : Наука, 1975. – 288 с.
8. **Лермонтов, М. Ю.** Вадим / М. Ю. Лермонтов // Сочинения : в 6 т. / М. Ю. Лермонтов ; под ред. Н. Ф. Бельчикова, Б. П. Городецкого, Б. В. Томашевского. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954–1957. – С. 7–121.
9. **Анненский, И. Ф.** Об эстетическом отношении Лермонтова к природе / И. Ф. Анненский // Книги отражений. – М., 1979. – С. 242–251.
10. **Туровский, В. В.** Как, похож, напоминать, творительный сравнения: толкование для группы квазисинонимов / В. В. Туровский // Референция и проблемы текстообразования. – М., 1988. – С. 130–145.
11. **Арутюнова, Н. Д.** Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Языки русской культуры, 1999. – I–XV. – 896 с.
12. **Виноградов, В. В.** Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов ; под ред. Г. А. Золотовой. – 4-е изд. – М. : Рус. яз., 2001. – 720 с.
13. **Москвин, В. П.** Русская метафора: очерк семиотической теории / В. П. Москвин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Ленанд, 2006. – 184 с.

References

1. Vinogradov V. V. *M. Yu. Lermontov*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1941, bk. I, pp. 517–628.
2. Tomashevskiy B. V. *M. Yu. Lermontov*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1941, bk. I, pp. 469–516.
3. Perl'mutter L. B. *Zhizn' i tvorchestvo M. Yu. Lermontova: Issledovaniya i materialy: Sbornik pervyy* [Life and works of M. Y. Lermontov: Research and materials: Collection 1]. Moscow: OGIZ: Gos. izd-vo khud. lit., 1941, pp. 310–355.
4. Eykhenbaum B. V. *Lermontov: Opyt istoriko-literaturnoy otsenki* [Lermontov: the experience of historical-literary estimation]. Leningrad: Gos. izd-vo, 1924, 168 p.
5. Fisher V. M. *Venok M. Yu. Lermontovu: yubiley. sb.* [A wreath to M. Y. Lermontov: anniversary collection]. Moscow; Petrograd: Izd. t-va “V. V. Dumnov, nasledniki br. Salaevykh”, 1914, pp. 196–236.
6. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. – 4-e izd., ster.* [Russian language dictionary: in 4 volumes – 4th edition]. Moscow: Rus. yaz.: Poligrafresursy, 1999.
7. Bakhilina N. B. *Istoriya tsvetooboznacheniy v russkom yazyke* [History of color designation in Russian language]. Moscow: Nauka, 1975, 288 p.
8. Lermontov M. Yu. *Sochineniya: v 6 t.* [Works: in 6 volumes]. Eds. N. F. Bel'chikov, B. P. Gorodetskiy, B. V. Tomashevskiy. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1954–1957, pp. 7–121.
9. Annenskiy I. F. *Knigi otrazheniy* [Books of reflections]. Moscow, 1979, pp. 242–251.
10. Turovskiy V. V. *Referentsiya i problemy tekstoobrazovaniya* [Reference and problems of text formation]. Moscow, 1988, pp. 130–145.

11. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Human language and world]. 2nd ed. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1999, I–XV, 896 p.
12. Vinogradov V. V. *Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (Grammatical doctrine of speech)]. 4th ed. Moscow: Rus. yaz., 2001, 720 p.
13. Moskvin V. P. *Russkaya metafora: ocherk semioticheskoy teorii* [Russian metaphor: an essay of semiotic theory]. 2nd ed. Moscow: Lenand, 2006, 184 p.

Сморчкова Кристина Владимировна
аспирант, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Smorchkova Christina Vladimirovna
Postgraduate student, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: agata_christie90@mail.ru

УДК 811.161.1

Сморчкова, К. В.

Способы передачи цвета и света в романе М. Ю. Лермонтова «Вадим» / К. В. Сморчкова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 137–148. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-13

УДК 81
DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-14

Е. А. Осинцева-Раевская

КОЛОРОНИМЫ В СКАЗКАХ А. С. ПУШКИНА

Аннотация.

Актуальность и цели. Несмотря на огромное количество работ, посвященных творчеству А. С. Пушкина, принципы использования парадигмы, восходящей к лексико-семантическому полю «цвет», в эстетической системе поэта до сих пор не получили глубокого лингвистического осмысления. В данной статье с точки зрения когнитивного подхода к исследованию языковых фактов рассматриваются особенности функционирования колоронимов и специфика их репрезентации в художественном пространстве сказок А. С. Пушкина.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили сказки А. С. Пушкина. Основным методом стал структурно-семантический, также использованы элементы контекстуального и компонентного анализов.

Результаты. Сплошная выборка слов-цветообозначений из сказок А. С. Пушкина позволяет говорить о насыщенности текста колористическими словами и определить наиболее употребительные из них. Представлена классификация колористической лексики с целью раскрытия субъективной авторской системы реального мира на основе лексических и семантических критериев и совместной встречаемости. Исходя из принципов построения ассоциативно-вербальной сети рассмотрению подвергаются наиболее частотные лексемы.

Выводы. На примере анализа особенностей использования цветовой символики в сказках А. С. Пушкина устанавливается, что здесь одновременно раскрываются и основные значения цветов, и их вторичные значения, что придает повествованию глубину и экспрессивность.

Ключевые слова: цветообозначение, цветообраз, колороним, аксиологическая категория.

E. A. Osintseva-Raevskaya

COLOURONIMS IN A. S. PUSHKIN'S FAIRY TAILS

Abstract.

Background. Despite a great number of works devoted to the study of A. S. Pushkin's literary activities, the principles of the use of the lexico-semantic field "colour" in the poet's aesthetic system have not gained due recognition and understanding. The present article considers the functioning of colour terms and the specificity of their representation in the artistic space of A. S. Pushkin's fairy tales from the perspective of the cognitive approach to the study of linguistic facts.

Materials and methods. Fairy tales of A. S. Pushkin served as the research material. The methodological potential included the structural and semantic method and elements of contextual and component analyses.

Results. A solid selection of colour terms used in the fairy tales demonstrates the poet's wide range of expressive means and distinguishes the most common ones. The classification of colouronims aimed at revealing the poet's individual system of dividing the real world on the basis of lexical and semantic criteria and co-occurrence is presented. On the basis of the principle of constructing verbal associative network, the most frequently used colouronims have been considered.

Conclusions. The analysis of A. S. Pushkin's fairy tales has revealed that the specificity of the writer's colour symbolism consists in simultaneous use of primary

and secondary meanings of colouronims adding profoundness and expressiveness to the narrative.

Key words: colour term, colour image, colouronim, axiological category.

Как объект когнитивной лингвистики различные картины мира, в том числе и художественные, в их языковой репрезентации все чаще привлекают внимание ученых. И здесь нельзя не учитывать тот факт, что чем значимее личность писателя в духовной культуре народа, тем больший интерес вызывает отраженная в его творчестве художественная картина мира. Непосредственным объектом анализа в данной статье является один из фрагментов языковой картины мира А. С. Пушкина, отражающий специфику цветописи поэта в сказках.

Использование цвета в литературном произведении является дополнительным средством выявления своеобразия в стилистике как единичного произведения, так и творчества писателя в целом. Цвет в литературе, в отличие от цвета в живописи, – функция неосознанная, интуитивная.

Отличительная особенность колорита А. С. Пушкина – разнообразие цветовых решений в разных жанрах. Лирика, поэмы, сказки, драматические произведения находят у А. С. Пушкина своеобразные и мало схожие между собой цветовые решения. Каждый из жанров, разрабатываемых А. С. Пушкиным, решен им своеобразно: цветовой спектр одного жанра резко отличается от цветового спектра другого. Колористические изыскания А. С. Пушкина отличаются необычайной многосторонностью. Такой широкой амплитуды в использовании цвета не встречается ни у кого из крупных русских писателей XIX в. В своем творчестве А. С. Пушкин наметил глубокие цветовые решения фактически всем основным жанрам литературы.

По отношению к произведениям поэта невозможно говорить о едином цветовом спектре в его произведениях. Он принадлежит к числу тех редких писателей, которые изменяют колорит своих произведений в зависимости от жанра и тех задач, которые решаются. В данной статье обратимся к исследованию цветового спектра сказок.

Наше исследование построено на выделении и характеристике состава основных групп колоронимов в сказках А. С. Пушкина; выявлении объема лексических значений, присущих тому или иному колорониму в анализируемых текстах; представлении колоронимов в виде многослойной структуры, имеющей центр (ядро) и периферию. Сплошная выборка слов-цветообозначений позволила выявить состав и структуру лексико-семантического поля «цвет» в языке сказок А. С. Пушкина. Оно включает 102 колоронима, делится на ахроматические и хроматические цвета и состоит из 5 микрополей (микрополе со значением *красного* тона, *синего* тона, *желтого* тона, *зеленого* тона и микрополя ахроматических тонов).

О значимости колоронимов в поэтической системе сказок свидетельствует частотность их употребления. Микрополе колоронимов со значением *красного* тона в сказках А. С. Пушкина представлено следующими лексемами: *красный, розовый, румяный, кровавый*. Количество зафиксированных словоупотреблений со значением красного тона – 13 (*красный* (7), *розовый* (1), *румяный* (3), *кровавый* (2)). Доминантной единицей является лексема *красный*. Микрополе *синего* тона представлено колоронимами *синий* (16), *лазоре-*

вый (2) и *сивый* (1). Колоронимы микрополя *желтого* тона встречаются в сказках А. С. Пушкина 28 раз и представлены колоронимом *золотой*. Микрополе *зеленого тона* представлено единственным колоронимом *зеленый*, который употребляется 3 раза в соотнесенности с реалией «растительность». Ахроматическое поле колоронимов представлено следующими лексемами: *черный* (6), *белый* (27), *серый* (2), *седой* (1), *бурый-чернобурый* (3).

По количеству употреблений колоронимов сказки располагаются в следующем порядке: «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» (32); «Сказка о рыбаке и рыбке» (29); «Сказка о царе Салтане» (26); «Сказка о медведихе» (8); «Сказка о золотом петушке» (5); «Сказка о попе и работнике его Балде» (2); «Амур и Гименей» (0) (рис. 1).

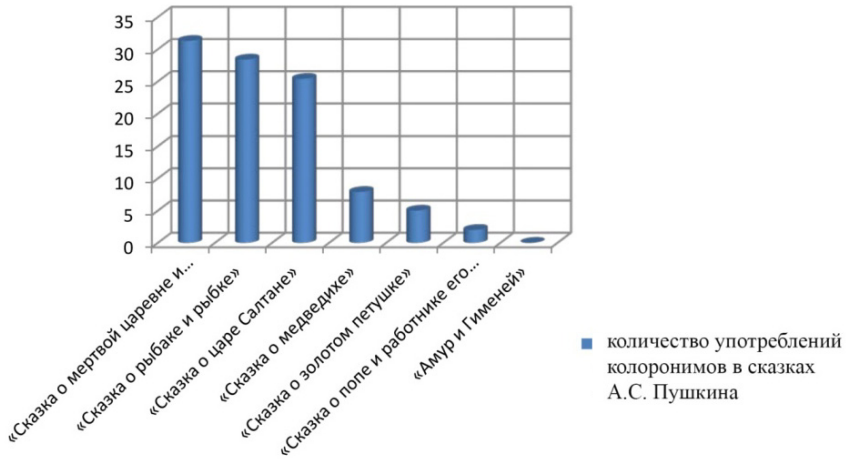

Рис. 1. Количество употреблений колоронимов
в сказках А. С. Пушкина

Для описания внешности человека в сказках А. С. Пушкина колоронимы используются 16 раз, бытовых понятий – 5, природы – 31, животного мира – 27, человеческих эмоциональных состояний – 2, прочего – 8 (рис. 2).

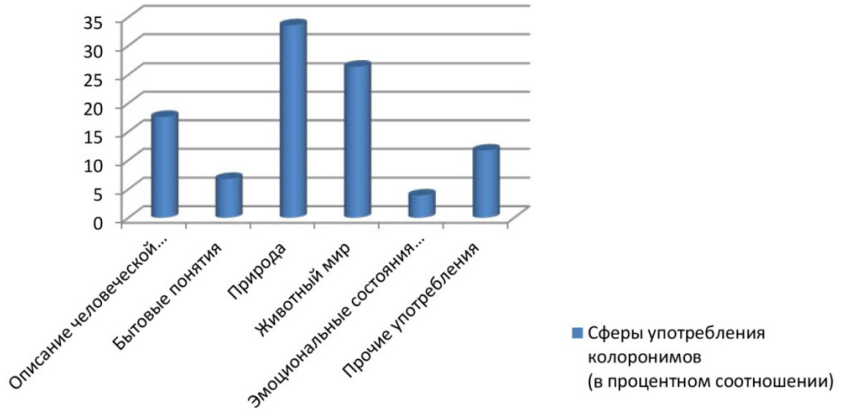

Рис. 2. Сферы употребления колоронимов
(в процентном соотношении)

В сказках очень много *золота*. Приведем здесь высказывание одного из самых известных исследователей русских народных сказок В. Я. Проппа: «Золото фигурирует так часто, так ярко, в сказках, в таких разнообразных формах, что можно с полным правом назвать сказочное царство золотым царством» [1, с. 37]. «Золотая окраска предметов, связанных со сказочным царством, есть окраска солнца. Народы, не знающие религии солнца, не знают золотой окраски волшебных предметов». Золото олицетворяло счастье, богатство, чистоту и красоту. А. С. Пушкин заметил, что в народных сказках господствует золотой цвет, и отразил это в своих произведениях. Согласно гипотезе В. Я. Проппа, золотая окраска есть печать иного царства, он доказывал это на материале волшебных сказок. Таким образом, сказочные диковинки – золотые дворцы, пояса, короны, туфли – и желание обладать ими объясняются стремлением к обладанию атрибутами-посредниками между людьми и священным миром, что обеспечивает долголетие, бессмертие и т.д. (*золотые яблоки, золотая рыбка* и проч.). Так, в «Сказке о царе Салтане» А. С. Пушкин пишет широко и обобщенно: «Весь сияя в злате, / Царь Салтан сидит в палате», а тридцать три богатыря выходят на берег, «В чешуе, как жар горя». Постройки также сверкают золотом: «Корабельщики... На знакомом острову / Чудо видят наяву: город новый, златоглавый. / Пристань с крепкою заставой». Или ср.: «Петушок мой золотой будет верный сторож твой»; «В колымагах золотых / Пышный двор встречает их…»; «Белка песенки поет / Да орешки все грызет, / А орешки не простые, все скорлупки золотые…»[1]. Эпитет златоглавый имеет прямое значение. Издавна на Руси купола церквей, соборов принято покрывать золотом, что свидетельствовало о чистоте, святости, величии этого места.

В описании внешности человека преобладает *золотой* цвет как символ благополучия, бытовые понятия и домашний уклад также представлены *золотым* цветом – символом сказочной безотказности и изобилия. Ср.: «Видит, весь сияя в злате, / Царь Салтан сидит в палате…» («Сказка о царе Салтане»); «На руках золотые перстни, / На ногах красные сапожки…» («Сказка о рыбаке и рыбке»).

В значении фантастического, нечеловеческого могущества, волшебства выступает *золотой* цвет, который относится к животным. Ср.: «Петушок мой золотой / Будет верный сторож твой…» («Сказка о золотом петушке»).

Можно говорить о том, что *золотой* у А. С. Пушкина – это цветообраз, несущий в себе положительный эмоциональный смысл. И что бы то ни было: *ряды облаков золотые* или *золотое яблочко* («И к царевне наливное, / Молодое, золотое / Прямо яблочко летит…» («Сказка о прекрасной царевне и семи богатырях»), – они излучают приятный для глаз блеск, дают представление о прекрасном в природе.

Целый ряд репрезентаций представляет лексема *красный.* Согласно словарям *красный* – «имеющий окраску одного из цветов радуги, цвета крови и его близких оттенков» [3]; «имеющий окраску одного из основных цветов спектра, идущего перед оранжевым, цвета крови» [4]; «имеющий окраску одного из основных цветов радуги, ряда оттенков от розового до коричневого» [5]. Указанный колороним используется в сказках 13 раз. Красный цвет считался в народе самым красивым, ярким, праздничным. На праздники пар-

[1] Все цитаты из сказок А. С. Пушкина даются по [2].

ни надевали вышитые красные рубахи, а девушки – красные сарафаны и ленты. Например: «Здравствуй, красная девица, – / Говорит он, – будь царица»; «На руках золотые перстни, / На ногах красные сапожки»; «Я ль на свете всех милее, / Всех румяней и белее?»; «Входят семь богатырей, / Семь румяных усачей…»; «Но царевна всех милее, / Всех румяней и белее».

Обладает *красный* цвет и символом величия. Сочетание *красно солнышко* взято из древней поэзии и означает «мудрое», «любимое». Недаром *Красным Солнышком* называли в Древней Руси князя Владимира. У А. С. Пушкина красно солнышко тоже играет роль мудрого советчика: «К красну солнцу наконец / Обратился молодец. / "Свет наш Солнышко! Ты ходишь / Круглый год по небу, сводишь…"».

Красный цвет в сказках А. С. Пушкина также может нести в себе и значение лжи, несчастья, смерти. Ср.: «Вдруг она, моя душа, / Пошатнулась не дыша, / Белы ручки опустила, / Плод румяный уронила…» («Сказка о мертвой царевне»); «Бродят кони их средь луга, / По притоптанной траве, / По кровавой мураве…» («Сказка о золотом петушке»); «Тот уж когти распустил, / Клев кровавый навострил…» («Сказка о царе Салтане»).

Широко представлены в сказках поэта лексемы белого цвета: «Глядь – поверх текучих вод / Лебедь белая плывет»; «Лебедь белая молчит / И, подумав, говорит»; «Высока, стройна, бела / И умом, и всем взяла»; «Разболелись глядючи / С белой зори до ночи». Если в «Сказке о царе Салтане» и «Сказке о рыбаке и рыбке» преимущественно *синий* и *золотой* цвета, то в «Сказке о мертвой царевне» – *белый*. После отъезда мужа царица смотрит в поле: «С белой зори до ночи... Только видит... / Снег валится на поля, / Вся белешенька земля». И царица-мачеха «высока, стройна, бела». Но и молодая царевна тоже «белолица». «И не диво, что бела», – говорит о ней мачеха. А далее следует десятикратное повторение вопроса: «Я ли всех белее?». «Свет мой, зеркальце! Скажи, / Да всю правду доложи: / Я ль на свете всех милее / Всех румяней и белее?». А ей зеркальце в ответ: «Ты, царица, всех милее / Всех румяней и белее». Повторы поддерживают этот белый расстилающийся тон всей сказки.

А. С. Пушкин часто использует *белый* цвет в фольклорном значении – красивый. Ср.: «Правду молвить, молодица / Уж и впрямь была царица: / Высока, стройна, бела / И умом и всем взяла»; «Между тем росла, росла, / Поднялась и расцвела / Белолица, черноброва…»; «Ты, конечно, спору нет; / Ты, царица, всех милее, / Всех румяней и белее…» («Сказка о мертвой царевне»); «Князь царевну обнимает, / К белой груди прижимает…» («Сказка о царе Салтане»). В значении «сияющий» – «Смотрит в поле, инда очи / Разболелись глядючи / С белой зори до ночи» («Сказка о мертвой царевне»).

Также поэт использует колороним *белый* в его прямом цветовом значении. Ср.: «Глядь – поверх текущих вод / Лебедь белая плывет…» («Сказка о царе Салтане»). Этот цвет А. С. Пушкин использует и при описании города Гвидона: «Стены с частыми зубцами, / И за белыми стенами / Блещут маковки церквей…», и при описании терема из «Сказки о рыбаке и рыбке»: «Перед ним изба со светелкой, / С кирпичною, беленою трубою…». *Белый* цвет в сказках А. С. Пушкина – это цвет радости, благости и красоты.

Природа представлена в основном *синим* цветом, который меняет свои оттенки в зависимости от изменения характера повествования, отношений

между действующими лицами, психологического состояния персонажей. Ср.: «Князь у синя моря ходит, / С синя моря глаз не сводит»; «Ветер, ветер! Ты могуч, / Ты гоняешь стаи туч / Ты волнуешь сине море…»; «И в лазоревой дали показались корабли».

Синий цвет – символ спокойствия, могущества, молодости, скромности, возвышенности, глубины морского простора. Ср.: «Ветер, ветер! Ты могуч, / Ты гоняешь стаи туч, / Ты волнуешь сине море …» («Сказка о мертвой царевне»); «Князь у синя моря ходит, / С синя моря глаз не сводит…»; «В синем небе звезды блещут, / В синем море волны хлещут…»; «И в лазоревой дали / Показались корабли» («Сказка о царе Салтане»).

Зеленый – один из основных цветов спектра, «средний между голубым и желтым, имеющий окраску свежих листьев, травы» [2]. Как было указано выше, колороним *зеленый* упоминается в сказках трижды: «Море синее кругом, / Дуб зеленый под холмом»; «Но живет без всякой славы, / Средь зеленые дубравы»; «От зеленого вина / Отрекалася она».

Черный цвет в сказках А. С. Пушкина символизирует горе, печаль, несчастье. Ср.: «Не хочу быть черной крестьянкой, / Хочу быть столбовою дворянкой» («Сказка о рыбаке и рыбке»); «Видит, на море черная буря: / Так и вздулись сердитые волны, / Так и ходят, так воем и воют» («Сказка о рыбаке и рыбке»).

Устойчивые, прикрепленные эпитеты создают в сказках впечатление плотности и насыщенности небольшого числа красок.

Спектр сказок характеризуется резким преобладанием в нем трех цветов – *белого, золотого* и *синего*.

«Трехкрасочная» палитра сближает сказки А. С. Пушкина со «Словом о полку Игореве». Столь же схож колорит сказок с колоритом устного народного творчества» [6, с. 25].

Таким образом, в сказках цветовую символику А. С. Пушкин использует преимущественно для описания природы, животного мира (неотъемлемой части природы) и человеческой внешности. Можно говорить о том, что использование колоронимов в описании природы, животного мира и внешности человека является в процентном соотношении самым частотным при сопоставлении с другими функциональными сферами. При описании сказочного героя выделяется конкретная группа колоронимов, представители которой главным образом связаны с компонентом-соматизмом, т.е. с описанием человеческого тела (лица, рук). При этом используются постоянные эпитеты, которые при многократном повторении приобретают символическое метафорическое значение: «руки белы», «золотые перстни», «красные сапожки», «лебедь белая», «красное солнце», «рыбка золотая», «сивая кобыла», «бурая медведица», «золотой петушок», «зайка серенький» и др.

На примере анализа особенностей использования цветовой символики в сказках А. С. Пушкина было установлено, что здесь одновременно раскрываются и основные значения цветов, и их вторичные значения, что придает повествованию глубину и экспрессивность. С помощью богатой цветовой палитры автор создает емкие, оценочно богатые эпитеты, а также яркие символы, без которых невозможно в полной мере понять героев и произведение в целом.

Среди символических цветов, которые использует А. С. Пушкин в сказках, преобладает символическая триада *золотого*, *красного* и *синего*,

которая отличается постоянством. Все ее цветовые образы опираются на богатство традиционных символических осмыслений.

В составе общего лексического фонда колоронимов в сказках А. С. Пушкина выделяется ряд лексем, структура, частота и особенности функционирования, а также семантические оттенки которых, позволяют причислить их к так называемым устойчивым эпитетам колоронимов фольклорной сказочной традиции.

Делая вывод, можно сказать, что в составе устойчивых колоронимов, использованных в сказках А. С. Пушкина, проявляется существенное количество элементов славянской цветовой символики, характеризующих прежде всего сферу природы и человеческой жизнедеятельности.

Список литературы

1. **Пропп, В. Я.** Морфология сказки / В. Я. Пропп. – Л. : Academia, 1928.
2. **Пушкин, А. С.** Полное собрание сочинений : в 9 т. / А. С. Пушкин. – М., 1936.
3. Словарь современного русского литературного языка (БАС). – М. ; Л., 1948–1965. – Т. I–XVII.
4. Словарь русского языка (МАС). – М., 1957–1961. – Т. I–IV.
5. Толковый словарь русского языка (СУ) / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935–1940.
6. **Соловьев, С. М.** Цвет и жанр в произведениях Пушкина / С. М. Соловьев // Русская речь. – М., 1976. – № 3. – С. 24–28.

References

1. Propp V. Ya. *Morfologiya skazki* [Morphology of fairy tales]. Leningrad: Academia, 1928.
2. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 9 t.* [Complete works: in 9 volumes]. Moscow, 1936.
3. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka (BAS)* [Contemporary Russian literary; language dictionary]. Moscow; Leningrad, 1948–1965, vol. I–XVII.
4. *Slovar' russkogo yazyka (MAS)* [Russian language dictionary]. Moscow, 1957–1961, vol. I–IV.
5. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka (SU)* [Explanatory dictionary of Russian language]. Ed. by D. N. Ushakov. Moscow, 1935–1940.
6. Solov'ev S. M. *Russkaya rech'* [Russian speech]. Moscow, 1976, no. 3, pp. 24–28.

Осинцева-Раевская
Екатерина Анатольевна
аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта
(Россия, г. Калининград, ул. А. Невского, 14)

E-mail: solom_ka@mail.ru

Osintseva-Raevskaya
Ekaterina Anatol'evna
Postgraduate student, I. Kant Baltic Federal University
(14 A. Nevskogo street, Kaliningrad, Russia)

УДК 81

Осинцева-Раевская, Е. А.

Колоронимы в сказках А. С. Пушкина / Е. А. Осинцева-Раевская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 149–155. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-14

УДК 81
DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-15

Г. Е. Маханова

ЯДЕРНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОДНОГО ИЗ МИКРОПОЛЕЙ КОНЦЕПТА «СКУКА»

Аннотация.

Актуальность и цели. Концепт «скука», один из компонентов русской концептосферы, рассматривается как отражение смысловых и структурных элементов ментального мира в текстах А. П. Чехова. Установленные языковые единицы, номинирующие концепт и его признаки в текстах писателя, служат материалом для построения когнитивной модели концепта «скука», его макрополя. В статье выявляются и анализируются средства экспликации концептуального ядра.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужила картотека, составленная методом сплошной выборки из художественных текстов и писем А. П. Чехова, а также лексикографические источники. Ведущие методы исследования – дефиниционный и семантико-когнитивный анализ, позволяющие рассмотреть способы языковой реализации концепта и смоделировать его структуру по полевому принципу с выделением ядра и периферии.

Результаты. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы в практике интерпретации текста, а также послужить материалом для дальнейшего изучения концепта.

Выводы. Изучение репрезентации конкретного концепта на материале художественных произведений и писем национального писателя важно для понимания особенностей его мировоззрении и системы ценностей, дополняет представление об особенностях русского языкового сознания.

Ключевые слова: концепт «скука», семантика ядра, когнитивные признаки.

G. E. Makhanova

NUCLEAR CONTENT OF ONE OF MICROFIELDS OF THE CONCEPT OF “BOREDOM”

Abstract.

Background. The concept of “boredom”, one of components of the Russian concept sphere, is considered as a reflection of semantic and structural elements of the mental world in A. P. Chekhov’s texts. The established language units nominating the concept and its signs in texts of the writer serve as a material for creation of a cognitive model of the concept of “boredom”, its macrofields. The paper identifies and analyzes the means of conceptual nucleus explication.

Materials and methods. The card file, made by the method of continuous selection of art texts and A. P. Chekhov’s letters, and also lexicographic sources served as the research material. The leading methods of research were definitional and semantic-cognitive analyses allowing to consider ways of language realization of the concept and to simulate its structure by the field principle with allocation of a kernel and the periphery.

Results. The research results can be used in practice of text interpretation, and also serve as a material for further studying of the concept.

Conclusions. Studying of representation of the particular concept on the material of works of art and letters of the national writer is important for understanding the

features of his outlook and systems of values; it supplements the understanding of features of the Russian language consciousness.

Key words: concept of “boredom”, semantic kernel, cognitive signs.

Интеграция междисциплинарных подходов к осмыслению сложного феномена скуки, рассматриваемого психологами как эмоция и соответствующее психо-эмоциональное состояние (Е. П. Ильин, К. Э. Изард, Н. Д. Левитов и др.), а с социально-философских воззрений как социокультурное явление, некий экзистенциал (Л. Свендсен, В. В. Глебкин, Э. Р. Макогон, Б. Хюбнер и др.), позволяет говорить о концептуализации данного явления действительности. В лингвистическом понимании этот мыслительный процесс (концептуализация) связан с преломлением в сознании человека не только сущностей внешнего мира, но также с осмыслением и собственного внутреннего мира человека [1, с. 14]. Результатом такого познавательного процесса является ментальная единица знания, именуемая концептом и имеющая воплощение в вербальных единицах (Н. Н. Болдырев, Г. Г. Слышкин, М. В. Пименова и др.).

Показателями актуальности концепта «скука» в языковом и когнитивном сознании народа служит его номинативная плотность и рекуррентность [подробнее см. 2]. Несмотря на неоднократные указания на значимость *скуки* для русской культуры (Ю. М. Лотман, В. Н. Базылев, О. Балла, В. В. Глебкин, Э. Р. Макогон), до настоящего времени данный концепт не подвергался целостному лингвокогнитивному описанию. Получить доступ к постижению смыслов этого концепта, как и других концептов русской концептосферы, возможно через анализ семантики языковых репрезентантов, выступающих средством материализации.

Одним из уровней вербальной формы бытия концепта «скука» выступает индивидуально-авторский текст, причем, как показывает материал, *скука* как явление обладает особым статусом в картине мира А. П. Чехова, что подтверждается исследованиями литературоведов (А. Семкин, И. Н. Сухих, Л. П. Якимова, Л. Шестов и др.).

Среди различных подходов к выявлению структуры концепта, разработанных когнитивистами (Ю. С. Степанов, В. И. Карасик, В. В. Колесов, Г. Г. Слышкин и др.), мы берем за основу исследования полевую модель концепта, представленную теорией З. Д. Поповой, И. А. Стернина [2]. Данная модель, с нашей точки зрения, позволяет наиболее полно описать сложную многослойную и многокомпонентную организацию.

Исходя из наблюдений над конкретным языковым материалом и используя в концептуальных описаниях достижения смежных наук (психологии, философии, культурологии), представим макрополе концепта в виде системы двух пересекающихся микрополей – «психическое» и «экзистенциальное», каждое из которых структурировано по ядерно-периферийному принципу. Отнесение признаков к ядру или периферии основано на критериях значимости, яркости, их определяющей роли в концептуализации явления.

Рассмотрим ядерное содержание микрополя «психическое», выявив образующие его признаки посредством семантико-когнитивного анализа языковых средств, объективирующих концепт.

Семантический центр данного микрополя составляют прямые репрезентанты концепта разной частеречной принадлежности (*скука, скучный, скучать, скучно*), являющиеся нейтральными с точки зрения стилистической окрашенности. Доминантой поля выступает ключевая лексема *скука*. Благодаря субстантивной форме, обеспечивающей широту номинативного охвата денотата, исследуемый концепт получает наиболее полную реализацию [2, с. 177–178].

Обращение к словарной статье как отправной точке в анализе концепта помогает установить базисное смысловое содержание ментальной единицы. Результат сравнительно-сопоставительного изучения лексикографических материалов показал, что в словарных толкованиях понятийно-дефиниционная составляющая данной области концепта содержит компоненты, характеризующие скуку по внутреннему ощущению и каузирующим ее факторам: «томление/тягостное», «состояние/чувство» – «отсутствие дела, интереса, веселья». Соответственно, обозначим два когнитивных классификатора как «внутренняя ощущаемость» и «причинность».

В текстуальном пространстве Чехова прямые лексические репрезентанты концепта расширяют представление о признаковом составе центра микрополя, актуализируя ядерные семы (*дело, интерес, веселье, однообразие; томление, тяжесть)*, отсылающие к конкретным причинам возникновения скуки или протеканию, и дополняя содержание набором других ядерных сем, отражающих когнитивные признаки концепта по тому или иному классификационному признаку.

Представим три основополагающих каузативных признака в виде бинарных оппозиций ключевому номинанту. Такая стратегия, с нашей точки зрения, раскрывает причинно-следственные связи в основании психического явления *скуки*.

Скуке противопоставлен *интерес*, помогающий ее избежать, а уж удовлетворение интереса зависит от индивидуальных потребностей:

«Когда из золотых рам глядели генералы и дамы, которые в сумерках казались живыми, **слушать рассказ** про беднягу-чиновника, который ел крыжовник, **было скучно**. Хотелось почему-то говорить и слушать про изящных людей, про женщин» (Крыжовник)[1];

«– Лидочка, кому это ты так много пишешь? – спрашивает Сомов, видя, как его жена начинает строчить по шестому листку.

– К сестре Варе...

– Гм... длинно! **Дай-ка скуки ради почитать**!

– Возьми, читай, только тут ничего нет интересного...» (Розовый чулок);

(Речь о Суворинной) «Обладает необыкновенным талантом безумолку болтать вздор, болтать талантливо и интересно, так что **ее можно слушать** весь день **без скуки**, как канарейку» (Чеховым, 22–23 июля 1888 г. Феодосия).

Интерес помогает сосредоточить внимание, активизирует работу мысли. Пробудить интерес способно как что-то новое (информация, новые люди), так и то, что объединяет людей:

«Что новенького? Черкните мне, пожалуйста. **Не дайте околеть со скуки»** (М. Горькому, 28 сентября 1900 г. Ялта);

[1] Здесь и далее цитаты из произведений и писем Чехова приводятся по [3].

«Что ж? **В городе** томительно **скучно**... Не с кем слова сказать, некого послушать. Новых людей нет. Впрочем, приехал недавно молодой врач Хоботов» (Палата № 6);

«Знакомых у него на вечере не было, и он **от скуки подошел** к Щепоткину» (Вверх по лестнице);

«В последнее время мое здоровье сильно пошатнулось. **Прибавьте к этому скуку**, постоянное безденежье... отсутствие людей и общих интересов...» (Дуэль).

Но все новое имеет свойство закономерно переходить в качественное состояние хорошо известного, что влечет за собой ослабление интереса или его утрату, а в результате и приводит к скуке:

«Николай Ильич Беляев, петербургский домовладелец, бывающий часто на скачках, человек молодой, лет тридцати двух, упитанный, розовый, както под вечер зашел к госпоже Ирниной, Ольге Ивановне, с которою он жил, или, по его выражению, **тянул скучный и длинный роман**. И в самом деле, первые страницы этого романа, интересные и вдохновенные, давно уже были прочтены; теперь страницы тянулись и всё тянулись, не представляя ничего ни нового, ни интересного» (Житейская мелочь).

Признак «интерес» получает реализацию в емком обобщенно-целостном значении фразеологической единицы *скуки ради*, которая с когнитивной точки зрения обладает «синергетическим взаимодействием языкового, коммуникативного, прагматического, психического и культурного факторов» [4, с. 6]: «Узелков пошагал из угла в угол, подумал и решил, **скуки ради**, повидаться с Шапкиным» (Старость).

Формальным семантическим критерием возникновения скуки является отсутствие любого дела, заполняющего свободное время, причем не ставится вопрос о качестве этого занятия. *Скука* отождествляется со смыслом «бездеятельность, безделье»:

«Я засел дома, позволяя себе выходить и выезжать только по делам службы. Дел у меня накопилось пропасть, а потому **скучать было невозможно»** (Драма на охоте);

«Ученики, каждый день ждавшие роспуска перед экзаменами, ничего не делали, томились, **шалили от скуки»** (Учитель словесности);

«Какие были деньги, свои и женины, он пролечил, кормиться было уже не на что, **стало скучно без дела**, и он решил, что, должно быть, надо ехать к себе домой, в деревню. Дома и хворать легче, и жить дешевле; и недаром говорится: дома стены помогают» (Мужики).

Но скука может быть и при наличии дела. Постоянная работа как вынужденная и необходимая занятость в результате ежедневных повторов утрачивает свою новизну, становится неинтересной и вызывает скуку:

«Как хороший врач-практик, которому **скучно лечить неинтересную болезнь**, он мельком и нехотя оглядел мой тарантас, коротко и ясно поставил диагноз, подумал и, ни слова не сказав мне, лениво поплелся по дороге…» (Из Сибири);

«Сначала мне было невыразимо **скучно разбирать размашистые почерки приставов**, но потом мое внимание мало-помалу фиксировалось на краже со взломом, и я стал работать с наслаждением» (Драма на охоте);

«У меня работы по горло, но **по обыкновению скучно** и грустно. Пишу, пишу, немножко лечу, опять пишу и по обязанности хожу к добрым знакомым, которые мне надоели» (Е. М. Линтваревой, 23 ноября 1888 г. Москва).

Так, признак «дело», поддерживаясь «интересом», способен нейтрализовать скуку. С этим можно связать появление семантического ответвления в значении ключевой глагольной лексемы: направленность чувства скуки (в значении «болезненно переживать отсутствие чего-либо», развившемся в 30-е гг. XIX в. [см. 5]) на деятельность, пробуждающую внутренний интерес:

«С мая по сентябрь не буду писать ничего крупного. Займусь мелкой работой, **по коей скучаю**» (Ал. П. Чехову, между 18 и 24 апреля 1888 г. Москва).

Другим ведущим оппозиционным признаком, объединяющим смыслы «развлечение», «разнообразие», «занимательность», выступает «веселье»:

«Если **дома скучно**, то ступай в клуб или на гулянье...» (Конь и трепетная лань);

«Она часто **меняет сожителей**, выбирая тех, кто побогаче или у кого есть водка, или меняет просто **от скуки**, для разнообразия» (Остров Сахалин);

«Скучно в нашем богоспасаемом городе! Признаюсь, дорогой мой, – добавил он со вздохом, – я очень рад, что вы наконец нашли себе развлечение» (Три года).

Признак «веселье» также не существует в чистом виде и тесно переплетается с «делом» и «интересом»:

«– Ну, что? – спросил у него на другой день редактор. – Были на балу? Понравилось?

– Так себе... Ничего особенного... (т.е. «необычного, значительного», что могло бы вызвать интерес) – сказал он, **делая скучающее лицо**. – Вяло (без «живости, яркости, энергии» – без веселья). **Скучно**. Я написал заметку в двести строк. Немножко браню наше общество за то, что оно не умеет веселиться» (Сон репортера);

«Вы, говорю, **чтобы скучно не было**, служите... хозяйством занимайтесь... («дело»). Хозяйство превосходное, дивное... Говорят, что они намерены заняться хозяйством, **но все-таки скучно**... Нет у них, так сказать, увеселяющего, возбуждающего элемента. Нет этого... как бы так выразиться... ээ... того... сильных ощущений...» (Драма на охоте).

Так, образованные когнитивно-семантические оппозиции с причинно-следственными отношениями (*скука – интерес; скука – дело; скука – веселье)* позволяют вывести семантическую формулу слагаемых компонентов *скуки*: *скука = нет (интереса + дела + веселья)*.

Основанием для *скуки* может стать любой повод, повлекший за собой личную неудовлетворенность. Значительную группу семантических компонентов-каузаторов можно объединить смысловой областью концептуального признака – «родное, близкое, привычное» (человек и предмет, конкретное и абстрактное). Данный признак сформирован на основе обобщенного лексикографического значения частеречных репрезентантов концепта: «испытывать состояние душевного томления из-за отсутствия кого/чего-либо». Ср:

1) родные, близкие люди: «Значит, опять… отказ в паспорте, письма, круглое одиночество, **скука по ней**, а через пять лет старость, седые воло-

сы...» (Жена); «Вам **скучно без** вашего **друга**. Надо послать за ним в поле» (Страх);

2) родное, привычное (материальные и нематериальные вещи): «**Без самовара** в избе Чикильдеевых **стало** совсем **скучно»** (Мужики); «Это оттого, вероятно, что за границей он сильно **соскучился по родине»** (Ариадна).

Сложная природа скуки проявляется в неосознанности причины ее наступления – беспричинности: **«Неизвестно отчего, им овладела скука**, и от праздничной радости в груди не осталось ничего, как будто ее и не было» (Казак).

В состоянии *скуки* как психическом явлении находит отражение взаимодействие человека с жизненной средой. Поэтому помимо перечисленных признаков, в большей степени обусловленных индивидуально-психологическими свойствами личности, необходимо выделить признаки внешних факторов.

К внешним условиям, способствующим возникновению субъективного состояния, можно отнести вынужденное, невольное лишение связи с окружающим миром и людьми по объективным причинам (болезнь, непогода, перемена места жительства, отсутствие социальных контактов, положительных эмоциональных связей с близкими, знакомыми и др.). Из анализа «внешнего смысла» вытекают взаимодополняемые когнитивные признаки «физической изоляции» и «одиночества»:

«За бабьим летом следует хмурое, ненастное время. Днем и ночью идет дождь, голые деревья плачут, ветер сыр и холоден. Собаки, лошади, куры – все мокро, уныло, робко. Гулять негде, из дому выходить нельзя, целый день приходится шагать из угла в угол и тоскливо поглядывать на пасмурные окна. **Скучно!»** (Выигрышный билет);

«Конечно, я здесь **скучаю отчаянно**. Днем работаю, а к вечеру начинаю вопрошать себя, что делать, куда идти, – и в то время, как у вас в театре идет второе действие, я уже лежу в постели» (Вл. И. Немировичу-Данченко, 24 ноября 1899 г. Ялта);

«Терезе часто приходилось сидеть одной в часовне св. Франциска и **томиться** ожиданием и **скукой»** (Ненужная победа);

«Я дома одна, – сказала она, когда сквозь зелень акаций показалась ее дача. – Муж всегда в городе и возвращается только ночью, да и то не каждый день, и **у меня**, признаться, такая **скука**, что просто смерть» (Огни).

Но одиночество может быть как условием, в силу сложившихся обстоятельств, так и внутренним ощущением, каузирующим другое состояние – скуку: «У себя наверху Юлия обошла все комнаты и перекрестила все окна и двери; ветер завывал, и казалось, что кто-то ходит по крыше. **Никогда еще не было так скучно**, никогда она не чувствовала себя такою одинокой» (Три года).

Чувствительность к воздействию внешних стимулов во многом продиктована смысловой значимостью происходящего для личности. Постоянно повторяющиеся, неизменные процессы приводят к потере живого интереса. Раскроем составляющие смыслы обобщенного признака «однообразие», которым также характеризуется звуковое воздействие на человека, что наглядно демонстрируется следующими контекстами:

«Подсудимый сначала нервно покашливал в рукав и бледнел, но скоро тишина, общая монотонность и **скука сообщились и ему»** (В суде);

«В зале окружного суда идет заседание. На скамье подсудимых господин средних лет, с испитым лицом, обвиняемый в растрате и подлогах. Тощий, узкогрудый секретарь читает тихим тенорком обвинительный акт. Он не признает ни точек, ни запятых, и его монотонное чтение похоже на жужжание пчел или журчанье ручейка. Под такое чтение хорошо мечтать, вспоминать, спать... Судьи, присяжные и публика **нахохлились от скуки**... Тишина. Изредка только донесутся чьи-нибудь мерные шаги из судейского коридора или осторожно кашлянет в кулак зевающий присяжный...» (Сонная одурь).

Это так называемое переживание «ситуативной скуки», вызванное суммой компонентов в определенных обстоятельствах, дополняемой в данных случаях вынужденной пассивностью и сознанием неинтересности.

Возникает эмоциональное состояние скуки и на пересечении с окружающей человека природной средой, где в качестве провоцирующих факторов, входящих в семный состав признака «однообразие», выступают звуковая монотонность, цветовая невыразительность пейзажа. Субъективность чувства подчеркнута перцептивно-эмоциональным ракурсом в отображении конкретной физической среды:

«Меланхолически-однообразная трескотня кузнечиков, дерганье коростеля и крик перепела не нарушали ночной тишины, а, напротив, придавали ей еще большую монотонность. Казалось, тихо звучали и чаровали слух не птицы, не насекомые, а звезды, глядевшие на нас с неба...

Первый нарушил молчание Савка. Он медленно перевел глаза с черной Кутьки на меня и сказал:

– **Вам, барин, я вижу, скучно**. Давайте ужинать» (Агафья);

«Друзья мои тунгусы! **Кама – прескучнейшая река**. Чтобы постигать ее красоты, надо быть печенегом, сидеть неподвижно на барже около бочки с нефтью или куля с воблой и не переставая тянуть сиволдай. Берега голые, деревья голые, земля бурая, тянутся полосы снега, а ветер такой, что сам черт не сумеет дуть так резко и противно. Когда дует холодный ветер и рябит воду, имеющую теперь после половодья цвет кофейных помоев, то **становится и холодно, и скучно**, и жутко; звуки береговых гармоник кажутся унылыми, фигуры в рваных тулупах, стоящие неподвижно на встречных баржах, представляются застывшими от горя, которому нет конца» (Чеховым, 29 апреля 1890 г. Екатеринбург).

Скука во взаимодействии с причинным признаком «однообразие» также преодолевается семантически противопоставленными базовыми признаками – «интерес» и «веселье»: «Когда в губернском городе С. **приезжие жаловались на скуку и однообразие жизни**, то местные жители, как бы оправдываясь, говорили, что, напротив, в С. очень хорошо, что в С. есть библиотека («интерес»), театр, клуб, бывают балы («веселье» – развлечение), что, наконец, есть умные, интересные, приятные семьи («интерес»), с которыми можно завести знакомства» (Ионыч).

Практическое бытие человека пронизано бытовой сферой, являющейся формой естественного существования. «Быт – это вещи, которые окружают нас, наши привычки и каждодневное поведение», но также это и «обычаи, весь ритуал ежедневного поведения, тот строй жизни, который определяет распорядок дня, время различных занятий, характер труда и досуга, формы

отдыха, игры, любовный ритуал и ритуал похорон» [6, с. 10–12]. В мире повседневности благодаря повторяемости стандартизованных отношений, стереотипности поддерживается стабильность жизнедеятельности общества, одним из условий которой является понятность и предсказуемость действительности, что в свою очередь несет уверенность, спокойствие и уют [см. 7].

Оборотная сторона размеренной обыденной жизни – порождение привычки и пресыщения, что и воплощается в переживании скуки. Знакомый и привычный, устоявшийся повседневный круговорот начинает тяготить, угнетать, восприниматься как рутинный, безрадостный и неинтересный. Именно во взгляде на повседневную действительность, оцениваемую субъектом положительно или отрицательно, кроются субъективные компоненты психического состояния скуки. В результате анализа контекстуальной информации, относящейся к характеристике внешней среды, складывается перечень когнитивных признаков, составляющих содержание концепта «скука»: *однообразие, повторяемость, ритуальность, обрядовость, привычность, предсказуемость*.

Яркой иллюстрацией признаков с репрезентантом в сильной позиции, заглавии, служит повесть «Скучная история» о жизни профессора медицины Николая Степановича, в каждом дне которого повторяется все «одно и то же», все действия разворачиваются «по обыкновению». Смысл томительно-однообразного круговорота неизменяемой бытовой жизни, раскладываемый по нескольким признакам, реализуется в семантике значительного количества повторяющих лексем: *обычно, обычный, обыкновенный, постоянно, постоянный, знакомый, всегда, непременно, всякий раз* и др.

«Входит, **по обыкновению**, жена…» (однообразие, повторяемость); «Я не пророк, но **заранее знаю**, о чем будет речь. **Каждое утро одно и то же**» (однообразие, повторяемость, предсказуемость); «Кончается наш разговор **всегда одинаково**» (однообразие, повторяемость); «<…> то жена пройдет через залу со свечой и **непременно** уронит коробку со спичками <…>» (т.е. «неизменно», «неизбежно» – предсказуемость); «Одеваюсь и иду по дороге, которая **знакома** мне **уже 30 лет** <…>».

Способствует поддержанию гнетуще-тягостного состояния скуки и усвоенный порядок действий и поведения, выполняемый по привычке, автоматически: «Как и прежде, **по привычке**, ровно в полночь я раздеваюсь и ложусь в постель»; «В полдень я встаю и сажусь **по привычке** за свой стол <…>» (привычность, обрядовость).

В других случаях привычка помогает снизить уровень ощущаемости скуки: «Житье мое по-прежнему хмурое, сонное и однотонное («однообразие»). День идет за днем, ночь за ночью («однообразие», «повторяемость»). Впрочем, **уже не так скучно**, как было раньше. Я привык рано ложиться, учусь рисовать и выпиливаю всякие безделушки» (Нытье).

Проистекает скука и от следования принятым культурным установкам, сложившимся традициям светского поведения. «Ритуальность», «обрядовость» превратили семейный обед в бездушную светскую церемонию, которая не вызывает «ничего, кроме **скуки** и **раздражения**». Если раньше «обед был временем отдыха и свидания, а для жены и детей праздником… светлым и радостным», то теперь «описывать обед также невкусно, как есть его» (Скучная история). Признаки аккумулируют смыслы «несвободы», «неис-

кренности»: «…нет прежней веселости, непринужденных разговоров, шуток, смеха, нет взаимных ласк и той радости, какая волновала детей, жену и меня…» (там же). Через описательную конструкцию «скука, когда нет…», построенную на отрицательном перечислении, выводится оппозитивный признак «веселье», которым преодолевается состояние скуки.

О наскучившей повседневности в сфере частной жизни идет речь, когда наступает ощущение эмоциональной и смысловой пустоты, исчезает взаимный интерес, растет разобщенность. Здесь также показательна реализация ключевой оппозиции «скука – интерес»:

«Моя вторая семья, то есть жена Наталья Гавриловна, жила в нижнем этаже, в котором занимала все комнаты. Обедала, спала и гостей своих принимала она у себя внизу, **совсем не интересуясь** тем, как обедаю, как сплю и кого принимаю я. **Отношения** наши были просты и не натянуты, но **холодны, бессодержательны и скучны**, как у людей, которые давно уже **далеки друг другу**, так что даже их жизнь в смежных этажах не походила на близость» (Жена).

Конкретное наполнение смысла «скучного», заключенного в оценочной характеристике отношений, уточняется как эксплицированной семой «интерес», так и семами значений предшествующего ряда однородных прилагательных: ***холодные*** – не только «лишенные душевной теплоты», но и без проявления интереса, «равнодушные, безразличные» [8]; ***бессодержательные*** – «бедные содержанием, неинтересные, пустые» [9].

В подтверждение приведем еще один контекст, объективирующий противительный признак «интерес» наряду с признаками «однообразие», «повторение», которые на лексико-семантическом уровне выводятся из словарной дефиниции глагола *прискучать – надоедать* [10] – *надоесть* [8]: стать неприятным, скучным от однообразия, повторения и т.п., перестать интересовать:

«– Да-с, – говорил Иван Абрамыч, задумчиво глядя в окно. – Жениться никогда не поздно. Я сам женился, когда мне было сорок восемь лет, говорили – поздно, а вышло не поздно и не рано, а так, лучше бы вовсе не жениться. Жена скоро прискучает всякому, да не всякий правду скажет, потому что, знаете ли, несчастной семейной жизни стыдятся и скрывают ее. Иной около жены – “Маня, Маня”, а если бы его воля, то он бы эту Маню в мешок да в воду. **С женой скука**, одна глупость» (Печенег).

Рассмотренные актуальные в данном плане семантические компоненты содержания концепта комплексно выносятся на языковую поверхность адъективными выражениями *обыденная, будничная скука*, в общем виде указывая на скуку повседневности от рутинности, приевшегося быта:

«– Какой я несчастный! – забормотал он. – Боже, какой я несчастный! И радость уступила свое место **обыденной скуке** и чувству невозвратимой потери» (Тиф);

«Со времени описанных событий прошло уже более восьми лет. Одни участники драмы умерли и уже сгнили, другие несут наказание за свой грех, третьи влачат жизнь, **борясь с будничной скукой** и ожидая смерти со дня на день» (Драма на охоте).

Ядерная семантика концепта «скука» также раскрывается признаком «внутренней ощущаемости», в который входит характеристика протекания

эмоционального переживания. Опорой для вычленения признаков служат лексические конкретизаторы:

– **внезапность**: «Утолив голод, он повеселел и стал со смехом рассказывать что-то о семье Биршовых, но, заметив, что это скучно и что Зинаида Федоровна не смеется, замолчал. **И как-то вдруг стало скучно»** (Рассказ неизвестного человека);

– **периодичность/повторяемость: «**Впрочем, **он скучал не каждую ночь»** (Начальник станции);

– **фазовость: «Саша** в середине июня **стал вдруг скучать** и засобирался в Москву» (Невеста); «Милостивый государь глядел на нее и ухмылялся... Он **уж не чувствовал скуки**...» (Баран и барышня);

– **томительность, тягостность: «**Красивая, точно из мрамора высеченная, вся в черном, она слонялась в пестрой толпе пожирателей, от одного артиста к другому, всеми силами стараясь отделаться от своей **томительной скуки»** (Ненужная победа); «**Скука удручающая** («тягостная, гнетущая» – МАС). Жениться что ли?» (М. В. Киселевой, 13 сентября 1887 г. Москва);

– **степень интенсивности и тяжести: «Я** грустил и **немножко скучал»** (Огни); «**Я ужасно скучаю»** (Ненужная победа); «Обыкновенно он приходил перед вечером, ложился и ждал его прихода терпеливо, **не ощущая ни малейшей скуки»** (нулевая степень признака) (Три года).

Помимо выявленных сем и на их основе сформулированных признаков, отражающих когнитивное содержание концепта, зафиксирована экспликация семы «болезнь», содержащейся в одном из диалектных значений в словаре В. Даля («хворать, болеть») [11]:

«Урбенин сел и поглядел на меня благодарными глазами. Вечно здоровый и веселый, он **показался** мне на этот раз **больным, скучающим**. Лицо его было точно помято, сонно, и глаза глядели на нас лениво, нехотя...» (Драма на охоте); «Э-э-эх! И что это за жизнь? **Скука, болен весь... и грудь болит и живот болит**...» (Живой товар).

В современном русском языке это значение утратило свою актуальность, а вот скрытое присутствие семантического компонента невольно подразумевается, подчеркивая томительность и тяжесть в переживании чувства.

Рассмотренный признаковый состав ядерной зоны концептуального микрополя, сформированный комбинацией двух типов анализа – лексикографического и текстового, задает перспективу для дальнейшего вычленения периферийных признаков.

Список литературы

1. **Кубрякова, Е. С.** О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии / Е. С. Кубрякова // Реальность, язык и сознание. – Тамбов, 2002. – Вып. 2. – С. 5–15.
2. **Попова, З. Д.** Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 314 с.
3. **Чехов, А. П.** Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1974–1983. – URL: http://az.lib.ru/c/chehow_a_p
4. **Алефиренко, Н. Ф.** Фразеология в свете современных лингвистических парадигм : моногр. / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Элпис, 2008. – 271 с.
5. **Муравенко, Е. В.** Система и узус в истории глагола «скучать» / Е. В. Муравенко, М. Калюга // Вестник ПСТГУ. Филология. – 2008. – Вып. 3 (13). – С. 72–84.

6. **Лотман, Ю. М.** Беседы о русской культуре (Быт и традиции русского дворянства XVIII – начала XIX века) / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство, 1994. – 399 с.
7. **Золотухина-Аболина, Е. В.** Повседневность: философские загадки / Е. В. Золотухина-Аболина. – Киев : Ника-Центр, 2006. – 256 с.
8. Словарь русского языка (МАС) : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1981–1984. – URL: http://slovari.ru
9. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – URL: http://ushakov dictionary.ru/word.php?wordid=2383
10. **Ефремова, Т. Ф.** Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М., 2000. – URL: http://www.efremova.info/word/prixoditsja.html#.U0-zozWjWts
11. **Даль, В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М., 1994. – Т. 4. – URL: http://slovari.ru

References

1. Kubryakova E. S. *Real'nost', yazyk i soznanie* [Reality, language and consciousness]. Tambov, 2002, iss. 2, pp. 5–15.
2. Popova Z. D., Sternin I. A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: AST: Vostok-Zapad, 2007, 314 p.
3. Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete works and letters: in 30 volumes]. Moscow: Nauka, 1974–1983. Available at: http://az.lib.ru/c/chehow_a_p
4. Alefirenko N. F. *Frazeologiya v svete sovremennykh lingvisticheskikh paradigm: monogr.* [Phraseology in the light of modern linguistic paradigms]. Moscow: Elpis, 2008, 271 p.
5. Muravenko E. V., Kalyuga M. *Vestnik PSTGU. Filologiya* [Bulletin of PSTGU. Philology]. 2008, iss. 3 (13), pp. 72–84.
6. Lotman Yu. M. *Besedy o russkoy kul'ture (Byt i traditsii russkogo dvoryanstva XVIII – nachala XIX veka)* [Discussions on Russian culture (Way of life and traditions of Russian nobility in XVIII – early XIX centuries)]. Saint-Petersburg: Iskusstvo, 1994, 399 p.
7. Zolotukhina-Abolina E. V. *Povsednevnost': filosofskie zagadki* [Everyday life: philosophical puzzles]. Kiev: Nika-Tsentr, 2006, 256 p.
8. *Slovar' russkogo yazyka (MAS): v 4 t.* [Russian language dictionary: in 4 volumes]. Ed. by A. P. Evgen'eva. Moscow, 1981–1984. Available at: http://slovari.ru
9. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of Russian language]. Ed. by D. N. Ushakov. Available at: http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=2383
10. Efremova T. F. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New Russian language dictionary]. Moscow, 2000. Available at: http://www.efremova.info/word/prixoditsja.html#.U0-zozWjWts
11. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the great Russian language]. Moscow, 1994, vol. 4. Available at: http://slovari.ru

Маханова Галина Евгеньевна
аспирант, Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского
(Россия, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14)

Makhanova Galina Evgenyevna
Postgraduate student, Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky
(14 Bezhitskaya street, Bryansk, Russia)

E-mail: magaev-mge@yandex.ru

УДК 81
Маханова, Г. Е.
Ядерное содержание одного из микрополей концепта «скука» / Г. Е. Маханова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 156–167. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-15

УДК 378.046.4
DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-16

В. С. Мкртчян, Л. А. Белянина

НЕПРЕРЫВНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЗРОСЛЫХ: ВОЗМОЖНОСТИ ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЫ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ НА ОСНОВЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ АГЕНТОВ-АВАТАРОВ[1]

Аннотация.

Актуальность и цели. Развитие свободного обучения видоизменило взаимосвязи между обучающимся, обучающим и самим обучением. Обучающимися становятся взрослые, а обучение осуществляется непрерывно на протяжении всей жизни. Цели обучения взрослых тесно связаны с определенными социально-психологическими, профессиональными, бытовыми, личностными проблемами, или факторами, или условиями, с достаточно ясными представлениями о дальнейшем применении полученных знаний, умений, навыков и качеств. Условия обучения взрослых часто детерминированы временными, пространственными, бытовыми, профессиональными (у работающих людей) и социальными факторами, которые могут способствовать обучению, но в большинстве случаев существенно усложняют или даже затрудняют учебную деятельность обучающихся. Как правило, обучение взрослых происходит в условиях кратковременных периодов интенсивного обучения. Широкое распространение в последнее время получили дистанционные формы обучения.

Материалы и методы. Анализ литературы и иных научных источников позволил сформулировать принципы обучения, определяющие деятельность обучающихся по организации процесса своего обучения. Особенности обучения взрослых нами были изучены при непосредственном общении со слушателями курсов повышения квалификации на базе ГАОУ АО ДПО «Астраханский институт повышения квалификации и переподготовки».

Результаты. Были выделены основополагающие характеристики взрослых обучающихся. Спроектирована модель организации процесса обучения, включающая основные операции диагностики, планирования, описания условий реализации процесса обучения, оценивания, коррекции процесса обучения, разработана концепция обучения с помощью технологии «ННН»-интеллектуальных агентов, определен новый формат преподавания и обучения за счет перевода реального взаимодействия учащийся-преподаватель в цифровую плоскость.

Выводы. Использование платформы (PaaS), созданной в Университете управления, информационных наук и технологий (Сидней, Австралия), позволит ввести цифровые методы управления форматом получения знаний, в том числе учащиеся при взаимодействии с виртуальной образовательной средой смогут самостоятельно генерировать определенные события (выбор траектории обучения, предмета, методических материалов, заданий и др.).

Ключевые слова: обучение взрослых, принципы обучения взрослых, технология «ННН»-интеллектуальных агентов.

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (научный проект № 15-07-01553).

V. S. Mkrttchian, L. A. Belyanina

CONTINUOUS PROFESSIONAL ADULT EDUCATION: CAPACITIES OF VIRTUAL ENVIRONMENT AND EDUCATIONAL TECHNOLOGY USING INTELLECTUAL AGENTS-AVATARS

Abstract.

Background. Development of free training has altered the relationship between students, teachers and learning itself. Learners are adults, and training continues throughout life. The purpose of adult education is closely associated with certain socio-psychological, occupational, household, personal problems or factors or conditions with a sufficiently clear idea about the future use of the acquired knowledge, skills and qualities. Terms of adult learning are often determined by temporal, spatial, household, professional (for working people) and social factors that can contribute to learning, but in most cases, significantly complicate or even impede the learning activities of students. Typically, adult learning occurs in short periods of intense training. E-Learning systems have become widespread in recent years.

Materials and methods. The analysis of literature and other sources led to formulation of scientific learning principles governing students on how to organize their training. The authors studied the features of adult learning, in direct communication with advanced training students on the basis of the Astrakhan Institute Advanced training and retraining.

Results. The researchers identified fundamental characteristics of adult learners, designed a model of learning process organization, including basic operations of diagnosis, planning, description of learning process conditions implementation, evaluation, correction of the learning process, the concept of learning through the "HHH"-intelligent agents technology, as well as defined a new format for teaching and learning on the basis of transferring the real student-teacher interaction in the digital plane.

Conclusions. Using the platform (PaaS), created at the University of Control, Information Science and Technology - HHH University (Sydney, Australia), will introduce the format of digital control techniques of learning, including a capability of students to generate certain events (selection trajectory learning object, learning materials, assignments, etc.) on their own when interacting with the virtual learning environment.

Key words: adult education, adult learning principles, "hhh"-intelligent agents technology.

На рубеже веков происходят значительные изменения во всех областях жизни человечества. Возникают новые идеи, приходят новые люди, формируется новая ментальность практически во всех уголках земного шара. Первая декада XXI в. характеризуется усилением борьбы в разных сферах духовной жизни человека, обострением проблем защиты и сохранения культурного наследия, появлением и мощным развитием новых направлений в науке и в социальной практике, что в свою очередь требует от каждого скорейшей и результативной адаптации к условиям существования, форсированного овладения новыми знаниями, которые позволят быть достойными велениям времени.

Необходимым условием деятельности человека в различных сферах жизни для постепенно эволюционирующего развития человеческого общест-

ва становится обучение на протяжении всей жизни. А это предполагает расширение и изменение всей системы образования, необходимы эффективные и оптимальные в конкретных исторических условиях методологические основы, технологии и методики.

Одновременно образование из социального института стремительно превращается в сферу услуг. Государство лишь от части может оказывать свое влияние. Появляются образовательные институты, выполняющие заказ субъектов общественного развития.

Развитие образования с конца XX в. проходит по закономерностям, определенным концепциями свободного (открытого) обучения – open learning, непрерывного образования, а также различных форм образования взрослых: непрерывного образования – continuing-education, последующего образования – further education (англ.) и т.п. Вектор развития образования определился как путь преодоления жесткой детерминированности посредством расширения рамок традиционных систем образования, устранения ограничений, приобретения большей открытости и гибкости, раскрепощения индивида в процессе своего обучения [1, с. 39].

В связи с развитием свободного обучения видоизменились взаимосвязи между обучающимся, обучающим и самим обучением. Обучающимися становятся взрослые, а обучение осуществляется непрерывно на протяжении всей жизни.

Цели обучения взрослых отличны от таковых у подростков, чаще связаны со стремлением человека организовать свой внутренний мир, достичь целостности собственной личности, т.е. они детерминированы социально-психологическими, профессиональными или бытовыми проблемами.

Условия обучения взрослых часто определяются временными, пространственными, бытовыми, профессиональными (у работающих людей) и социальными факторами, которые могут способствовать обучению, но в большинстве случаев существенно усложняют или даже затрудняют учебную деятельность обучающихся. Как правило, обучение взрослых происходит в условиях кратковременных периодов интенсивного обучения.

Анализ литературы и иных научных источников позволил сформулировать принципы обучения в системе дополнительного профессионального образования, определяющие деятельность обучающихся по организации процесса своего обучения:

1. Принцип свободы выбора. Современная система образования вариативна. Она позволяет обучающемуся выбирать время и место, продолжительности и стоимость обучения. Программы обучения реализуются в очной, дистанционной, очно-заочной форме. Обучение может быть электронным или виртуальным. Обучающие выполняют функции консультантов, наставников, тьюторов, преподавателей.

Благодаря разнообразию форм, методов, образовательных технологий, средств обучения постепенно происходит преодоление дистанцирования субъектов образовательного процесса.

2. Принцип опоры на опыт обучающегося. Предполагает использование жизненного, социального и профессионального опыта обучающегося в качестве источника обучения.

3. Принцип актуализации результатов обучения. Предполагает безотлагательное применение на практике приобретенных обучающимся знаний, умений, навыков, качеств.

4. Принцип контекстности обучения (термин А. А. Вербицкого). В соответствии с этим принципом обучение, с одной стороны, преследует конкретные жизненно важные для обучающегося цели, ориентировано на выполнение им социальных ролей или совершенствование личности, а с другой – строится с учетом профессиональной, социальной, бытовой деятельности обучающегося и его пространственных, временных, профессиональных, бытовых факторов [2].

5. Принцип развития образовательных потребностей [3]. Оценивание результатов обучения осуществляется путем выявления реальной степени освоения учебного материала и определения тех материалов, без освоения которых невозможно достижение поставленной цели обучения; процесс обучения строится по принципу формирования у обучающихся новых образовательных потребностей, конкретизация которых осуществляется после достижения определенной цели обучения.

6. Принцип осознанности обучения. Взрослый человек чаще всего приходит к решению пройти дополнительное обучение осознанно. Субъектные взаимоотношения между обучающим и обучающимся позволяют осознать весь образовательный процесс от цели до планируемого результата.

7. Принцип совместной деятельности. Важный принцип обучения взрослых. Только совместная деятельность всех субъектов образовательного процесса позволяет результативно решать задачи по планированию, реализации, оцениванию и коррекции процесса обучения.

Особенности обучения взрослых нами были изучены не только в литературе, но и при непосредственном общении со слушателями курсов повышения квалификации на базе ГАОУ АО ДПО «Астраханский институт повышения квалификации и переподготовки».

Мы обратили внимание на то, что жизненный и образовательный опыт, аккумулируемый человеком в течение жизни, со временем может быть использован в качестве источника обучения как самого обучающегося, так и других людей. Задача обучающего (тьютора, преподавателя) – оказать помощь обучающемуся в выявлении его собственного опыта и применении в новой ситуации.

Обучение взрослых можно представить в виде двух процессов: формальное обучение (например, повышение квалификации) и неформальное обучение, связанное с потребностью в изучении чего-либо для решения конкретных жизненных проблем (чувство собственной несостоятельности при освоении инноваций, потеря работы и, как следствие, получение новой квалификации или освоение новой профессии).

Таким образом, одной из главных особенностей обучения взрослых становится учет жизненного и образовательного опыта взрослого обучающегося.

Другой особенностью обучения взрослых можно считать учет вида и уровня мотивации. Мотивы могут быть внешние или внутренние, побудительные или смыслообразующие. Психолого-педагогические исследования ученых Л. И. Божович, М. С. Неймарка, Е. И. Савонько, В. Э. Чудновского и других убедительно доказывают, что различные мотивы имеют неодинаковую силу влияния на результаты учебного процесса.

В процессе наблюдений и анкетирования слушателей мы установили, что в условиях формального обучения преобладает внешняя мотивация, как правило подкрепляемая нормативными документами (например, обязательное повышение квалификации), при неформальном обучении уровень внешней мотивации выше. Готовность взрослых обучающихся учиться играет ведущую роль в формировании мотивации и определении целей собственного обучения.

Осознание этого положения стимулирует образовательные организации, осуществляющие дополнительное образование взрослых, реализовывать индивидуализацию обучения, разрабатывать индивидуальные программы с учетом конкретных целей обучения каждого обучающегося.

Учебные программы должны быть построены с учетом личностно ориентированного подхода и направлены не только на получение новых компетенций, но и на готовность к дальнейшему обучению на протяжении всей жизни. Для этого необходимо создание обучающемуся благоприятных условий для обучения, обеспечение его необходимыми методическим и психологическим инструментарием, который поможет выяснить потребности в обучении и оценить достигнутые результаты.

Еще одной особенностью обучающихся взрослых является потребность в получении необходимых компетенций в кротчайшие сроки и стремлении применить полученные знания и навыки безотлагательно, особенно в вопросах собственной эффективности и продуктивности. Следовательно, обучение необходимо строить на основе развития востребованных компетенций обучающихся и ориентироваться на решение их жизненных задач. Обучающий оказывает помощь обучающемуся в отборе необходимых ему знаний, умений, навыков и качеств.

Все вышесказанное позволяет выделить основополагающие характеристики взрослых обучающихся: осознание себя самостоятельной, самоуправляемой личностью; наличие большого жизненного, профессионального, образовательного опыта; уровень внутренней мотивации и готовность к обучению в значительной степени обусловлена временными, пространственными, бытовыми, профессиональными, социальными факторами.

Модель организации процесса обучения включает ряд этапов: диагностика, планирование, создание условий реализации процесса обучения, реализация процесса обучения, оценивание, коррекция процесса обучения.

Диагностика позволяет определить основные социально-психологические и познавательные возможности и особенности обучения, осуществить планирование процесса обучения. Немаловажную роль играет создание необходимых благоприятных условий для эффективного осуществления процесса обучения. Далее осуществляется собственно процесс обучения, главная роль в котором принадлежит активным элементам – обучающемуся и обучающему. Всякий спланированный процесс должен быть оценен, и в случае необходимости вносятся определенные коррективы.

Эти этапы зачастую не осознаются участниками процесса обучения или осуществляются интуитивно, но в том или ином виде, с той или иной степенью полноты обязательно присутствуют в каждом образовательном акте.

В данной работе подробно опишем этап диагностики. При обучении взрослых этот этап может проводиться в начале, в процессе или в заключи-

тельной части образовательного процесса. Традиционно диагностика – это предварительная совместная работа обучающихся и обучающих, проводимая до начала процесса обучения, направленная на выяснение индивидуальных психологических, физических и физиологических особенностей обучающихся, их уровня осведомленности в тех или иных вопросах, компетентности в сфере профессиональной деятельности.

Однако процесс диагностики протекает не всегда гладко и не дает искомого результата. Причин несколько.

Американский психолог А. Маслоу отмечал, что у взрослого человека «потребность в знании... интегрируется со страхом перед знанием, с тревогой, с потребностью в безопасности и уверенности». В процессе обучения, считает ученый, происходит «диалектическое взаимодействие стремления вперед и движения назад, которое одновременно является битвой между страхом и мужеством» [2].

Обучающиеся взрослые, стремясь достичь положительных изменений в жизни, работе, социальном положении, порой испытывают страх, неловкость, неуверенность, оказываясь за партой в роли ученика. Их беспокоят сомнения в собственных способностях к обучению; страх, что в процессе обучения выявится их неграмотность, неумение учиться, что неизбежное сравнение с другими обучающимися будет не в их пользу. Иногда чувство дискомфорта вызывает одна мысль о возвращении за школьную парту. Потенциальный «ученик» испытывает стресс, на который реакция у людей разных типов темперамента различна. Чаще всего это препятствует формированию устойчивой мотивации, снижает степень уверенности в принятом решении, что в свою очередь вынуждает отступить от намеченного пути обучения, человек пугается многочисленных негативных моментов, сопровождающих возобновление обучения.

В массовом образовании учесть тонкости стресс-реакции всех субъектов образовательного процесса практически невозможно. Можно постараться продумать стратегию поведения «преподавателя», методику представления обучающего материала, проведения практических занятий, тренингов и стажировок.

Для этого на этапе диагностики перед началом обучения необходимо определить образовательные потребности и когнитивный стиль каждого обучающегося, объем и характер их жизненного опыта. В среднем это пятнадцать и более человек со своими жизненными и профессиональными проблемами, потребностями, мотивами. Вероятно, при длительном изучении их можно сгруппировать. Например, приобретение или усовершенствование профессиональных навыков, развитие собственной личности, улучшение качества семейной жизни и др. И если образовательные потребности лежат в области самоусовершенствования и профессионального саморазвития, то достаточно выбрать определенный курс обучения; по возможности преподавателя, если это имеет значение с точки зрения психологического комфорта, – форму обучения.

Если же потребность в позитивных изменениях лежит в социальной или личностной сфере, на первый план выходит задача построения профессиограммы или описания компетенций, овладев которыми он сможет эффективно решать стоящие перед ним проблемы.

Требуется построение индивидуальной траектории обучения, адаптация всего процесса обучения к выявленным психофизиологическим особенностям и образовательным потребностям конкретного обучающегося.

Для организации продуктивного обучения необходимо определить социальный и профессиональный опыт обучающегося, а также исходный уровень компетенции в области предполагаемого образования.

Целесообразно выявить условия, в которых будет осуществляться обучение, и их влияние на процесс и результат образовательной деятельности: место проживания, работы, условия труда, степень утомляемости на работе, условия быта, жизненная ситуация, общественная деятельность и т.п.

Сравнительный анализ имеющихся у обучающегося знаний и компетенций с востребованными, более высокого уровня, позволит выявить недостающие обучающемуся знания и компетенции, требующиеся для решения его жизненных и профессиональных проблем.

Продолжать перечисление направлений диагностики можно еще не одну страницу, например рассмотрев индивидуальные особенности восприятия, обработки и овладения информации, т.е. учебный стиль обучающегося, который в свою очередь теснейшим образом связан с когнитивным стилем, представляющим индивидуальные особенности познавательной деятельности человека.

Для наглядности мы представили этап диагностики в виде алгоритма. В нашем случае будет важна полнота шагов, но не их последовательность, поэтому цифры обозначают лишь новый этап диагностики:

1. Диагностировать (определить) образовательные потребности: обучаемого при диагностике, обучающего при самодиагностике (далее оба процесса будут повторяться, обозначим этот момент знаком «*»).

2. Сформулировать цели обучения*.

3. Диагностировать (выявить) объем и характер жизненного опыта потенциального обучающегося (или самого себя).

4. Диагностировать (выяснить) физиологические и психологические особенности*.

5. Определить когнитивный и учебный стиль обучающегося и наметить источники, средства обучения и действия*.

В теории все логично. Однако даже беглый взгляд на перечень предстоящей работы позволяет говорить о большой, кропотливой и сложной подготовительной работе, которую должен провести либо обучающий перед началом курса обучения, либо сам обучающийся. Безусловно, эта работа потребует не только времени, но и знаний в области психологии, педагогики, социологии и других смежных наук.

Обнаруживаются явные противоречие между потребностью в построении индивидуальной образовательной траектории обучающегося и отсутствием достаточного количества специалистов для осуществления вышеперечисленной работы; между значительной продолжительностью аналитической работы и потребностью в осуществлении обучения в кротчайшие сроки; между потребностью в вариативном обучении и разноплановыми ограничениями при разработке образовательного контента под «индивидуального потребителя».

Названные противоречия определили проблему нашего исследования, которая состоит в разработке модели непрерывного профессионального образования взрослых с учетом возможностей виртуальной среды и технологии обучения на основе интеллектуальных агентов-аватаров.

В настоящее время наиболее часто непрерывное образование взрослых ассоциируется с дистанционным образованием. Однако обучение, использующее общепринятые технологии дистанционного образования, мало эффективно, так как оно ведется преподавателями, не имеющими специальной профессиональной подготовки обучения в виртуальной среде.

Наши исследования показали, что для повышения эффективности непрерывного образования с применением средств электронного обучения необходимо создание экспертов дистанционного образования (Distance Education Expert – Mkrttchian, 2015). При этом эксперты должны одинаково владеть информационными науками и педагогическими технологиями, а курсы обучения быть открытыми и прозрачными, соответствующими международным стандартам.

Анализируя процесс обучения, который осуществлялся в дистанционном формате с применением традиционных технологий, мы обнаружили отсутствие социально-эмоциональных связей между обучающим и обучающимся. Все участники, реализующие технологию обучения в виртуальном пространстве, в том числе и родители обучающихся, имеют трудности психологического характера.

Перечислим лишь некоторые из них: отсутствие в коммуникации невербальных компонентов; непривычно затянут обмен сообщениями; контакты субъектов образовательного процесса эмоционально бедны.

В настоящее время нами разработана концепция обучения с помощью технологии «ННН»-интеллектуальных агентов [4]. Эта технология позволяет проводить обучение и контроль знаний в парадигме, отличающейся от современных форм преподавания любых дисциплин. Достоинством предлагаемой концепции является независимость от уровня знаний преподавателя, что существенно снижает зависимость обучающегося от уровня знаний преподавателя, психологических факторов и др.

В дальнейшем для реализации разработанной концепции необходимы разработка эксперта дистанционного образования и построение виртуальной реальности – технологии 3D с человеко-машинным интерфейсом, в котором все участники процесса находятся в интерактивном режиме взаимодействия и все объекты виртуальные.

Новые формы обучения предназначены для повышения уровня знаний, и предлагаемый нами подход относится к этому направлению. Подход не предназначен для полной замены такого формата обучения, как преподаватель – студент, однако он должен способствовать заинтересованности в обучении, получении знаний через компьютерное обучение, осуществление непрерывного обучения на протяжении всей жизни [5, 6].

Структура процесса обучения может быть представлена следующим образом: студент – эксперт – преподаватель – эксперт – студент. Рассматривая данную схему на примере диагностики, отметим, что эксперт – это интеллектуальный агент, способный собирать, обрабатывать и преобразовывать заложенную информацию, создавая индивидуальную траекторию и вирту-

альную образовательную среду с учетом всех ранее описанных и иных параметров.

Каждый из участников процесса получения знаний имеет доступ к информации, представляющей адресные знания внутри сообщества себе равных. Понятно, что скорость усвоения знаний в такой иерархии существенно определяется личными качествами участвующих сторон. С точки зрения обучающегося ценным становится осознание реальности собственной успешности посредством множественного общения, сопричастности в построении собственного образовательного пространства. А перед образовательной системой возникает проблема модернизации методов и технологий обучения в виртуальной среде.

Это обстоятельство подталкивает к формированию новой концепции образования, когда в центре технологии обучения находится студент; ведущей идеей технологии обучения становится развитие способности к самообучению; субъект образовательного процесса играет активную роль в обучении, которое осуществляется через обмен информацией и добровольное сотрудничество.

В этой связи представляется перспективным использование облачной инфраструктуры, надстроенной над образовательной средой «HHH», которую можно рассмотреть как некую платформу с соответствующими сервисами.

В созданной образовательной платформе учитываются особенности обучающейся аудитории и, как правило, ограниченные возможности ИТ-специалистов образовательных учреждений, которые обеспечивают упрощенный доступ и использование платформы, ее административное управление и сервисное сопровождение.

На созданной платформе единственным конечным устройством – браузером – обеспечивается непосредственный доступ к среде «HHH», не нужны специальные навыки управления системой, не нужны обновления программного обеспечения на рабочих местах, а администраторы контролируют только центральную облачную часть платформы.

Анализируя возможности использования подключаемых аватарами «HHH», следует отметить открывающиеся перспективы создания интегрированной среды обучения с выбранными заранее специальными программными приложениями, соответствующими не только академическим требованиям, но и индивидуальным возможностям, способностям и интересам каждого обучающегося, полноценному обучению в системе дистанционного образования [7].

Смоделированная виртуальная среда дает возможность создать новую траекторию обучения, имеет место переход от реального взаимодействия обущающего и обучающихся в цифровой формат, что в свою очередь позволяет построить систему, инвариантную к внешним возмущениям, и использовать достоинства управления в скользящем режиме [8–10].

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что использование платформы (PaaS), созданной в Университете управления информационных наук и технологий (Сидней, Австралия), позволит оптимизировать процедуру диагностики обучающихся, снять ряд психологических барьеров у слушателей курсов повышения квалификации и переподготовки; ввести цифровые методы управления форматом получения знаний, в том числе обучающиеся

при взаимодействии с виртуальной образовательной средой смогут самостоятельно генерировать определенные события (выбор траектории обучения, предмета, методических материалов, заданий и др.).

Список литературы

1. **Змеёв, С. И.** Андрагогика: основы теории, истории и технологии обучения взрослых / С. И. Змеёв. – М. : ПЕР СЭ, 2007. – 272 с.
2. Основы андрагогики. Терминологический словарь-справочник для студентов социально-гуманитарных специальностей / сост. В. В. Маслова. – Мариуполь, 2004. – 19 с.
3. **Коджаспирова, Г. М.** Педагогическая антропология : учеб. пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 031000 «Педагогика и психология» / Г. М. Коджаспирова. – URL: http://www.bestreferat.ru/referat-136655.html
4. **Mkrttchian, V.** Avatars “HHH”-Technology Education Cloud Platform on Sliding Mode Based Plug-Ontology as a Gateway to Improvement of Feedback Control Online Society / V. Mkrttchian, M. Kataev, T. Shih, P. Misra, A. Fedotova // International Journal of Information Communication Technologies and Human Development. – Hershey : PA, IGI Global Press, 2014. – July – September. – № 6 (3). – P. 13–31.
5. **Mkrttchian, V.** Training of Avatar Moderator in Sliding Mode Control / V. Mkrttchian, G. Stephanova // Enterprise Resource Planning: Concepts, Methodologies, Tools, and Applications. – Hershey : PA, IRMA & IGI Global Press, 2013. – P. 1376–1451.
6. **Mkrttchian, V.** Using Plug-Avatars “HHH”-Technology Education as Service-Oriented Virtual Learning Environment in Sliding Mode / V. Mkrttchian, M. Kataev, W. Hwang, S. Bedi, A. Fedotova // Handbook of Emerging Priorities and Trends in Distance Education: Communication, Pedagogy, and Technology. – Hershey : PA, IGI Global Press, 2014. – P. 43–55.
7. **Mkrttchian, V.** Use “HHH”-Technology in the Transformative Models of Online Education / V. Mkrttchian // Handbook of Research on Transformative Online Education and Liberation: Models for Social Equality. – Hershey : PA, IGI Global Press, 2011. – P. 340–351.
8. **Mkrttchian, V.** Modeling using of Triple H-Avatar Technology in online Multi-Cloud Platform Lab. / V. Mkrttchian // Encyclopedia of Information Science and Technology. – 3rd ed. – Hershey : PA, IGI Global Press, 2015. – P. 4162–4170.
9. **Mkrttchian, V.** Model in SM of DEE Based on Service Oriented Interactions at Dynamic Software Product Lines / V. Mkrttchian, A. Bershadsky, A. Bozhday, L. Fionova // Identification, Evaluation, and Perceptions of Distance Education Experts / eds. by G. Eby, T. Vokan Yuzer. – Hershey : PA, IGI Global Press, 2015. – P. 231–248.
10. **Mkrttchian, V.** The Pedagogical and Engineering Features of E- and Blended-Learning of Adults Using Triple H-Avatar in Russian Federation / V. Mkrttchian, L. Beljanina // Handbook of Research on Estimation and Control Techniques in E-Learning Systems. – Hershey : PA, IGI Global Press, 2016. – P. 61–77.

References

1. Zmeev S. I. *Andragogika: osnovy teorii, istorii i tekhnologii obucheniya vzroslykh* [Andragogy: foundation sof theory, history and technology of adult training]. Moscow: PER SE, 2007, 272 s.
2. *Osnovy andragogiki. Terminologicheskiy slovar'-spravochnik dlya studentov sotsial'no-gumanitarnykh spetsial'nostey* [Andragogy foundations. Terminological reference dictionary for students of sociohumanitarian specialties]. Compiled by V. V. Maslov. Mariupol, 2004, 19 p.
3. Kodzhaspirova G. M. *Pedagogicheckaya antpopologiya: ucheb. posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti 031000 «Pedago-*

gika i psikhologiya» [Pedagogical anthropology: tutorial for university students majoring in “Pedagogy and psychology”]. Available at: http://www.bestreferat.ru/referat-136655.html
4. Mkrttchian V., Kataev M., Shih T., Misra P., Fedotova A. *International Journal of Information Communication Technologies and Human Development*. Hershey: PA, IGI Global Press, 2014, July – September, no. 6 (3), pp. 13–31.
5. Mkrttchian V., Stephanova G. *Enterprise Resource Planning: Concepts, Methodologies, Tools, and Applications*. Hershey: PA, IRMA & IGI Global Press, 2013, pp. 1376–1451.
6. Mkrttchian V., Kataev M., Hwang W., Bedi S., Fedotova A. *Handbook of Emerging Priorities and Trends in Distance Education: Communication, Pedagogy, and Technology*. Hershey: PA, IGI Global Press, 2014, pp. 43–55.
7. Mkrttchian V. *Handbook of Research on Transformative Online Education and Liberation: Models for Social Equality*. Hershey: PA, IGI Global Press, 2011, pp. 340–351.
8. Mkrttchian V. *Encyclopedia of Information Science and Technology*. 3rd ed. Hershey: PA, IGI Global Press, 2015, pp. 4162–4170.
9. Mkrttchian V., Bershadsky A., Bozhday A., Fionova L. *Identification, Evaluation, and Perceptions of Distance Education Experts*. Hershey: PA, IGI Global Press, 2015, pp. 231–248.
10. Mkrttchian V., Beljanina L. *Handbook of Research on Estimation and Control Techniques in E-Learning Systems*. Hershey: PA, IGI Global Press, 2016, pp. 61–77.

Мкртчян Вардан Суренович
доктор технических наук, профессор, кафедра электротехники, электроники и автоматики, Астраханский государственный университет
(Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а)

E-mail: hhhuniversity@hotmail.com

Mkrttchian Vardan Surenovich
Doctor of engineering sciences, professor, sub-department of electrical engineering, electronics and automation, Astrakhan State University
(20a Tatishcheva street, Astrakhan, Russia)

Белянина Любовь Алексеевна
кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой методики и предметных технологий, Институт развития образования
(Россия, г. Астрахань, ул. Ульяновых, 4)

E-mail: aipkp-po@mail.ru

Belyanina Lyubov' Alekseevna
Candidate of pedagogical sciences, associate professor, head of sub-department of methodology and subject technologies, Institute of Education Development
(4 Ulyanovikh street, Astrakhan, Russia)

УДК 378.046.4
Мкртчян, В. С.

Непрерывное профессиональное образование взрослых: возможности виртуальной среды и технологии обучения на основе интеллектуальных агентов-аватаров / В. С. Мкртчян, Л. А. Белянина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 168–178. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-16

УДК 378
DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-17

О. Н. Пономарёва, А. А. Целыковских, М. А. Пятин, И. И. Грачёв

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ТЕСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ ЭКОЛОГО-ОРИЕНТИРОВАННОГО СОДЕРЖАНИЯ

Аннотация.

Актуальность и цели. Педагогическое тестирование – элемент обязательной процедуры оценки качества обучения в образовательном пространстве России в начале XXI в. В высшем образовании контроль и оценка уровней усвоения знаний обучающихся представлены разнообразными видами и формами контрольно-измерительных средств. В числе востребованных – сертифицированные дидактические тесты, которые в текущем контроле можно использовать в форме предъявления заданий для индивидуальной работы и работы в малых группах, а в промежуточном контроле – предложить индивидуально. Цель данной статьи – сконструировать разнообразные виды эколого-ориентированных тестовых заданий для высшего образования в соответствии с правилами тестологии и с учётом типологии педагогических тестов. Представлены перечень «экологических» компетенций подготовки выпускника по военной специальности и примеры педагогических тестов (кейс-заданий) текущего и промежуточного контроля по эколого-ориентированным дисциплинам высшего образования. В статье приведена типология тестовых заданий, примеры тестовых заданий по эколого-ориентированным дисциплинам высшего образования, рекомендуемые в комплект оценочных средств вуза.

Материалы и методы. Представлены авторские формулировки педагогических тестов широкого спектра применения, апробированные в системе подготовки преподавателей и военных специалистов. Все предложенные задания сделаны по правилам тестологии.

Результаты. Предложены оригинальные варианты тестовых заданий для осуществления текущего и промежуточного контроля при определении качества подготовки в высшей профессиональной школе. Примеры приведённых контрольно-измерительных материалов можно включить в фонд оценочных средств вуза для определения «остаточных» знаний на этапе промежуточного контроля по экологии, экологическим основам природопользования и др.

Выводы. В статье приведены примеры тестовых заданий эколого-ориентированного содержания в высшей школе, которые являются разнообразными вариантами для работы обучающихся в малых группах (текущий контроль). Предложенные тесты могут быть использованы индивидуально на этапе промежуточного контроля. Универсальность заданий позволяет применять их в большом диапазоне эколого-ориентированных учебных дисциплин («Безопасность жизнедеятельности», «Химия», «Экологические основы природопользования»), внеаудиторной работе в системе подготовки «Года экологии-2017» в Российской Федерации.

Ключевые слова: высшее образование, высшее военное образование, экологически ориентированные дисциплины, тест.

O. N. Ponomariova, A. A. Tselykovskikh, M. A. Pjatin, I. I. Gratchiov

HIGHER EDUCATION: TESTS WITH ECOLOGY-ORIENTED CONTENT

Abstract.

Background. Pedagogical testing is an element of obligatory educational quality procedure in the Russian educational environment in the beginning of the XXI cen-

tury. In higher education the control and estimation of students knowledge digestion levels are presented by various kinds and forms of facility instrumentations. Among requested ones there are certified didactic tests which in ongoing monitoring may be used in the form of tasks presentation for individual execution and execution in small groups, and in intermediate monitoring they may be offered individually. The aim of this article is to construct various kinds of ecology-oriented test tasks for higher education in accordance with the principles of testology and typology of pedagogical tests. The list of "ecological" competences of graduates training in military specialities and examples of pedagogical tests (case situation) of intermediate and ongoing monitoring in ecology-oriented disciplines of higher education are represented. In the article the test task typology, test task examples in ecology-oriented disciplines of higher education recommended for the package of estimate means of higher educational institutions are described.

Materials and methods. The proprietary formulations of wide range application pedagogical tests, proven in the training system of teachers and military specialists, are presented. All offered tasks are made according to the rules of testology.

Results. The original variants of test tasks for carrying out the ongoing and intermediate monitoring of training quality in higher vocational schools are recommended. The examples of given instrumentation materials may be included into estimate means funds of higher educational institution for estimation of "the residual" knowledge at the stage of intermediate monitoring in Ecology, Nature Management Ecological Basis and others.

Conclusions. In the article the test task examples with ecology-oriented content for higher schools, which consist of various variants for students' execution in small groups (ongoing monitoring) are given. The recommended tests may be used individually at the stage of intermediate monitoring. The tasks omnitude allows using them in a broad range of ecology-oriented classroom disciplines ("Life Safety", "Chemistry", "Nature Management Ecological Basis"), in extracurricular activities in the training system for the program "The year of Ecology-2017 in the Russian Federation".

Key words: higher education, higher military education, ecologically oriented disciplines, test.

В январе 2016 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал Указ № 7 о проведении «Года экологии» в 2017 г., цель которого – привлечение внимания общества к вопросам экологического развития Российской Федерации, сохранения биологического разнообразия и обеспечения экологической безопасности. Это обстоятельство – дополнительный стимул для совершенствования экологической подготовки студентов, курсантов, магистров в высшей школе.

Система российского высшего образования находится в атмосфере поиска перспектив развития, которые намечены внутригосударственными и внешнеполитическими условиями. Присоединяемся к мнению коллег, считающих, что сегодня высшее образование в России скорее требует модификации[1], а не реформирования и модернизации. Суть использования нами тер-

[1] **Модификация** – преобразование, усовершенствование, видоизменение чего-либо с приобретением новых свойств. Модификации – качественно различные состояния или разновидности чего-либо.

Модернизация (англ. modern – современный быстрый рост научных знаний): 1) обновление объекта, приведение его в соответствие с новыми требованиями и нормами, техническими условиями, показателями качества; модернизируются обыч-

мина «модификация» – не «слом» и «переделывание», а приведение в соответствие с «вызовами времени» накопленного и наработанного в отечественной высшей профессиональной (в том числе военной) школе солидного дидактического багажа.

В числе существенных модификаций в теории и практике педагогического процесса – пересмотр негативного отношения учёных и преподавателей-практиков к созданию и систематическому использованию сертифицированных дидактических тестов, позволяющих получить квалиметрическую оценку уровней усвоения знаний обучающихся. Такие тесты должны быть созданы по канонам тестологии, чтобы учитывать «хрупкость» и нюансы мыслительного процесса, быть достаточно объективными, а не отражать ситуативность [1, 2]. Многочисленные публикации характеризуют процесс и результаты внедрения тестового контроля.

Разработчику для конструирования тестов необходимо:

– выделить содержательную основу по изучаемым дисциплинам;

– учесть направления (специальность) подготовки в высшей школе;

– ориентироваться на конкретные общепрофессиональные и профессиональные компетенции и др.

В современных условиях существования человеческой цивилизации востребованы компетенции, которые условно можно назвать «экологическими». Это отражено в Федеральных государственных стандартах среднего (общего и профессионального) и высшего образования. Например, в соответствии с ориентирами ФГОС ВО третьего поколения и квалификационными требованиями (КТ) к военно-профессиональной подготовке выпускников военных образовательных организаций можно отнести следующие компетенции, в которых можно выделить экологическую составляющую: ОК-1; ОК-3; ОК-7; ОК-8; ПК-2; ПК-4; ПК-5; ПК-6; ПК-7; ВПК.ОП-3; ВПК.ОП-5; ВПК.ОП-6; ВПК.П-7; ВПК.П-11; ВПК.П-14 [3–6]. Указанные компетенции являются результатом, формируемым несколькими учебными дисциплинами (УД). Для каждой УД должен быть собран «пакет» оценочных средств, отражающий специфику и целостное содержание дисциплины. Например, контрольно-измерительные материалы (КИМ) могут включать разнообразные варианты: тестовые задания (ТЗ), кейс-задания, тематику эссе и исследовательских проектов и др. [5, 6].

КИМ эколого-ориентированного содержания могут быть использованы на всех этапах подготовки бакалавра, специалиста, магистра (все виды контроля – текущий, тематический, рубежный, промежуточный). Ряд УД подготовки современных специалистов имеет междисциплинарные связи именно через экологическую составляющую. Поэтому так активно преподаватели УД вузов разного профессионального профиля ищут «новенькое» в педагогических тестах и междисциплинарные ТЗ сразу «включаются» в комплект оценочных средств. Наша работа – из этой «серии».

но машины, оборудование, технологические процессы; 2) историческое значение – макропроцесс перехода от аграрного общества к индустриальному; 3) процесс реконструкции общественной системы, полной или частичной, с целью ускорения развития. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 28.03.2016).

Реформирование – переработка; перестройка, переустройство, пересоздание, переделывание, перекраивание.

Напомним правила тестологии, которые ниже проиллюстрируем примерами наших тестовых заданий (ТЗ).

Итак, при составлении ТЗ разработчик должен руководствоваться:

1) *научным* (в том числе объективно-значимым, профессионально нацеленным) *содержанием учебной дисциплины*. Достаточно остро стоит проблема отбора изучаемого материала, поскольку ФГОС жёстко не регламентирует преподавателей на составление программ УД. Важно отметить, что во времена СССР все учебные программы (школьного и вузовского уровней образования) были результатом работы профессионалов высочайшего уровня. Программы проходили экспертную оценку других профессионалов, и только после этого от имени Министерства образования СССР направлялись в учебные заведения и вводились в учебный процесс в целом по стране. Сегодня следует признать, что далеко не всегда программы учебных дисциплин соответствуют хотя бы «усреднённому» показателю качества, зато гордо именуются «авторскими». Возможно, это одна из причин нынешнего снижения уровня образования в среднем и высшем звене. Выскажем нашу позицию: научное знание – это знание причин. Только поэтому научное знание обладает, как говорил И. П. Павлов, «предсказанием и властностью». Следовательно, предлагаемые обучающимся ТЗ (чтобы не вызывать «эффекта отторжения»: «а зачем это мне надо?») должны быть однозначно понимаемыми и, желательно, должны сразу вызывать у курсантов (студентов) ответную реакцию «мне это понятно, мне это профессионально пригодится», «мне это нужно»;

2) *правилами составления тестовых заданий*. Нередко ТЗ создаются преподавателями практически «стихийно»: нашёл подходящий абзац в тексте того или иного учебника, «быстренько придумал», «слепил» «один из двух», «один из трёх». В России отработаны правила составления педагогических тестов. Мы используем подход, изложенный К. Д. Дятловой [2]. Приведённые ниже примеры педагогических тестов для текущего контроля выполнены по правилам тестологии, в табл. 1 указан тип ТЗ. **Тестовые задания** могут быть использованы в качестве ТЗ для определения «остаточных знаний» междисциплинарного характера.

Таблица 1

Типология форм тестовых заданий (по К. Д. Дятловой)

1. *Закрытые* тестовые задания множественного выбора одного правильного ответа из предложенных вариантов:
1.1. *ТЗ множественного выбора*, созданные по принципам однородности, кумуляции, сочетания понятий, удвоенного противопоставления понятий, градуирования в вариантах ответов.
1.2. *ТЗ множественного выбора* на установление соответствия.
1.3. *ТЗ множественного выбора* на установление последовательности.
1.4. *ТЗ множественного выбора* на установление аналогии.
2. *Закрытые* тестовые задания множественного выбора нескольких правильных ответов из предложенных вариантов.
3. *Закрытые* тестовые задания альтернативных ответов.
4. *Открытые* тестовые задания дополнения:
4.1. *ТЗ дополнения* в виде незаконченного предложения, или предложения с пропущенным словом, или вопроса.

Окончание табл. 1

4.2. *ТЗ дополнения* на установление соответствия.
4.3. *ТЗ дополнения* на установление последовательности.
4.4. *ТЗ дополнения* на нахождение аналогии.
5. *Открытые* тестовые задания свободного изложения.

Примечание: верные ответы в ТЗ выделены жирным шрифтом.

ТЗ 1.1. *Множественный выбор одного правильного ответа*

Инструкция: *Выберите один правильный ответ из предложенных.*

Примеры тестовых заданий *на выявление уровня кругозора и начитанности курсантов* (в том числе для включения ТЗ в контекст лекции):

➢ Сжигание нефти сравнивал со сжиганием ассигнаций…

а) А. М. Бутлеров; б) И. М. Губкин; **в) Д. И. Менделеев;** г) Н. Н. Семёнов.

➢ Об охране лесов размышлял герой пьесы А. П. Чехова…

а) «Вишнёвый сад»; **б) «Дядя Ваня»;** в) «Три сестры»; г) «Чайка».

Примеры тестовых заданий для текущего и промежуточного контроля.

➢ Рост плотности популяции ограничивают факторы:

1) территориальность; 2) наличие паразитов; 3) недостаток пищевого ресурса; 4) накопление продуктов обмена; 5) хищничество.

а) 1; б) 2, 3, 5; в) 3; г) 1, 2, 3, 5; **д) 1, 2, 3, 4, 5.**

➢ В состав биоценоза входят:

а) растения; б) растения и животные; **в) растения, животные и микроорганизмы;** г) растения, животные, микроорганизмы и элементы неживой природы.

➢ Известно, что кислотные дожди – это осадки, содержащие серную и азотную кислоту, которые образуются в результате попадания в атмосферу оксидов серы и азота из труб промышленных предприятий. Воздействие кислотных дождей на природные экосистемы связано с…

а) изменением солнечной радиации; б) образованием смога; **в) увеличением подвижности Ca и некоторых других металлов, реагирующих на pH;** г) увеличением озона в атмосфере.

➢ Учёные математически доказали, что после крупномасштабного ядерного конфликта на Земле станет значительно…

а) более влажно; б) жарче; в) суше; **г) холоднее.**

➢ Отрицательное воздействие вырубки лесов на климат связано с…

а) развитием травяного покрова; **б) сокращением испарения воды;** в) сокращением фотосинтеза; г) усилением испарения воды.

➢ При вырубке леса в низине почва скорее всего будет…

а) засоляться; **б) заболачиваться;** в) сохнуть; г) оподзоливаться.

➢ При вырубке леса на возвышенности почва скорее всего будет…

а) заболачиваться; б) засоляться; в) оподзоливаться; г**) сохнуть.**

➢ Парниковый эффект связан с тем, что углекислый газ поглощает…

а) инфракрасное излучение; б) радиоволны; в) свет; г) ультрафиолетовое излучение.

➢ В качестве топлива на тепловых электростанциях используют…

а) бензин; б) керосин; **в) мазут;** г) гудрон.

➢ При бомбардировке Югославии США использовали боеприпасы, содержавшие…

а) галлий; б) кадмий; **в) уран;** г) цирконий.

➢ Рельеф, климат относят к экологическим факторам…

а) абиотическим; б) антропогенным; в) биотическим; г) комплексным.

Последнее ТЗ может быть дано в другой форме (1.2. по типологии из табл. 1) – *на установление соответствия.* В таких заданиях проверяют знание связей между элементами двух множеств.

Задание состоит из двух столбцов слов (предложений): слева – элементы задающего множества, содержащие постановку проблемы (обобщающие понятия, определения). Справа – элементы, подлежащие выбору: части, объекты, явления. Обучающийся устанавливает соответствие элементов одного столбца элементам другого. Если предъявлены для выбора *готовые варианты ответов* (облегчение понимания задачи), то этот вид ТЗ соответствует пункту **1.2.** (см. табл. 1). Если обучающемуся то же задание предъявляют без готовых вариантов ответа, то ТЗ по классификации относят к пункту **4.2.** (см. табл. 1).

ТЗ 1.2. *Множественный выбор на установление соответствия*

Инструкция: *Установите соответствие. Из представленных вариантов ответов выберите один правильный.*

Задание А-1.

Экологические факторы	Компоненты окружающей среды
I. Биотические	а) Вытаптывание
II. Абиотические	б) Кровососущие насекомые
III. Антропогенные	в) Почва
	г) Рельеф
	д) Солёность воды
	е) Строительство зданий
	ж) Хищники

Варианты ответов:

1) I – аб; II – вгж; III – де; **2) I – бж; II – вгд; III – ае;** 3) I – ае; II – бд; III – вгж; 4) I – бж; II – авг; III – де.

Задание А-2.

Экологические факторы	Компоненты окружающей среды
I. Биотические	а) Весенние разливы рек
II. Абиотические	б) Вспашка целинных земель
III. Антропогенные	в) Вырубка леса
	г) Климат
	д) Применение ядохимикатов на поле
	е) Ультрафиолетовое излучение
	ж) Хищники

Варианты ответов:

1) I – вж; II – агд; III – бе; 2) I – беж; II – аг; III – вд; 3) I – аб; II – вж; III – где; **4) I – ж; II – аге; II – бвд**.

Примечание: необходимое условие составления ТЗ на установление соответствия является неодинаковое число элементов двух списков (*разная длина левого и правого столбцов*). Элементы левого столбца рассматривают как постоянные, а правого – как переменные (меняющиеся).

ТЗ на установление соответствия (как *закрытые*, так и *открытые*) рекомендуют применять при текущем и тематическом контроле знаний, а также для самостоятельной работы обучающихся.

ТЗ 2. *Множественный выбор нескольких правильных ответов*

Инструкция: *Выберите несколько верных ответов из предложенных.*

➢ К абиотическим факторам среды (биотическим или антропогенным) можно отнести следующие экологические явления, воздействующие на организмы:

а) влажность воздуха; б) выброс углекислого газа заводом; в) вырубка лесов; **г) давление воздуха;** д) конкуренция; **е) наводнение; ж) оползни;** з) паразитизм; и) рекультивация земель; **к) свет;** л) строительство зданий; **м) температура воздуха; н) солёность воды;** о) хищничество.

➢ Следующие экологические явления можно отнести к биотическим факторам среды:

а) влажность воздуха; б) выброс углекислого газа заводом; в) вырубка лесов; г) давление воздуха; **д) конкуренция;** е) наводнение; ж) оползни; **з) паразитизм;** и) рекультивация земель; к) свет; л) строительство зданий; м) температура воздуха; н) солёность воды; **о) хищничество.**

ТЗ 3. *Закрытые тестовые задания альтернативных ответов*

Закрытые ТЗ **альтернативных ответов** включают подборку нескольких утверждений, каждое из которых имеет только два варианта ответа: «да» или «нет», «верно-неверно». Обучающийся должен выбрать один из них. ТЗ этого типа применяют в текущем контроле, а также для проверки эффективности самостоятельной работы.

Инструкция: *Выберите вариант ответа «да» или «нет» (внесите в бланк, если верное утверждение, «да», если неверное – «нет»).*

Утверждения	Да	Нет
Фотосинтез и хемосинтез – способы автотрофного питания (**да**)		
Потребление готового органического вещества – это гетеротрофное питание (**да**)		
Для проведения фотосинтеза требуется энергия света (**да**)		
Для проведения хемосинтеза («чёрные курильщики» в Чёрном море) требуется энергия света (**нет**)		
Животные взаимодействуют с биотическими компонентами окружающей среды, а с абиотическими не взаимодействуют (**нет**)		
Совокупность морфологических, поведенческих и других особенностей данного вида, помогающая ему выживать и размножаться в определённых условиях среды, называется метаболизмом (**нет**)		
Все организмы подчиняются законам термодинамики: они получают, запасают и преобразуют энергию (**да**)		
Способность живых организмов противостоять изменениям и сохранять относительное постоянство внутренней среды называется адаптацией (**нет**)		
Все живые организмы на планете Земле – это «солнечная батарея», мощность которой превышает нынешнее энергопотребление человечества по меньшей мере в 100 раз (**да**)		

Примечание: **недостаток** данного типа ТЗ – **низкая технологичность**, то есть сложность проверки с помощью технических средств. Компьютерное тестирование в диалоговом режиме снимает этот недостаток. Ручная проверка при использовании бланковой формы проводится наложением матрицы правильных ответов на сетку «да-нет».

ТЗ 4.1. *ТЗ дополнения в виде предложения с пропущенным словом*

Инструкция: *Вставьте пропущенные слова в предложения.*

Комплекс совместно обитающих и связанных между собой видов называют… (**биоценоз**). Положение, которое занимает вид в биоценозе, называют… (**экологической нишей**). Её характеризуют диапазоны условий, в которых нормально живут организмы этого вида, характер связей с другими видами, образ жизни. Совместно живущие виды могут иметь частично перекрываемые… (**экологические ниши**), однако полностью они никогда не совпадают, так как при этом вступает в силу закон… (**конкурентного исключения Гаузе**) и один вид вытесняет другой из… (**сообщества**).

ТЗ 4.2. *ТЗ дополнения на установление соответствия*

Инструкция: *Из терминов и предложений составьте пары таким образом, чтобы получились правильные определения.*

Наименование	Химические вещества
1) гербициды	а) химические вещества, удаляющие листья;
2) дефолианты	б) химические вещества, отпугивающие животных;
3) инсектициды	в) химические вещества, избирательно уничтожающие сорняки;
4) репелленты	г) химические вещества, уничтожающие насекомых;
5) родентициды	д) химические вещества, уничтожающие грызунов.

Примечание:

1. Это ТЗ *открытого* типа, т.е. обучающиеся не получают вариантов, из которых нужно выбрать правильный ответ, и потому составляют ответ сами. Правильный ответ: **1 – в; 2 – а; 3 – г; 4 – а; 5 – д.**

2. Дополнительный «плюс» подобного типа ТЗ – их ярко выраженный междисциплинарный характер. Например, кроме правильно указанных пар определений предложить привести примеры воздействия химических факторов как экологических последствий военных действий. Например, дефолианты были активно использованы войсками США при обработке вечнозелёных лесов Вьетнама для обнаружения партизан, их «точек базирования» в джунглях. Следует отметить, что последствия применения дефолиантов (среди которых 2,4 Д препараты) сказались не только на здоровье вьетнамского населения, но также на здоровье американских лётчиков, наполнявших баки своих самолётов химикатами (несоблюдение техники безопасности при обращении с особо опасными веществами).

Заметим, что практически все учебные дисциплины естественно-научного и математического цикла подготовки гражданских и военных специалистов имеют потенциал формирования экологической культуры обучающихся. Полагаем, что перспективным в плане организации и осуществления эффективного экологического образования в высшей школе является создание

(в фонде оценочных средств – ФОС) «копилки» тестовых заданий для каждой учебной дисциплины с учётом специфики:

– образовательной организации;

– приобретаемой специальности с использованием многоуровневой оценки усвоения знаний обучающихся. Так, главный критерий значимости подобного рода ФОС ТЗ, предназначенных для военных вузов, – формирование на проверяемом содержании учебной дисциплины компонентов экологической культуры военного специалиста («знаниево-умениевые» аспекты), позволяющие обеспечить экологическую безопасность вооружений, военной техники, военных объектов и личного состава Вооружённых сил Российской Федерации.

Список литературы

1. **Аванесов, В. С.** Композиция тестовых заданий / В. С. Аванесов. – М. : Центр тестирования, 2002. – 239 с.
2. **Дятлова, К. Д.** Система разработки и анализа педагогических текстов по биологии : дис. … д-ра пед. наук / Дятлова К. Д. – СПб., 2007. – 413 с.
3. О развёртывании системы экологического обучения и воспитания в Вооружённых Силах Российской Федерации : приказ Министра обороны Российской Федерации от 15.04.2000 № 180. – URL: http://voenprav.ru/doc-1070-1.htm (дата обращения: 28.03.2016).
4. Об утверждении и введении в действие Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 17.04.00 «Стрелково-пушечное, артиллерийское и ракетное оружие» (квалификация «специалист») : приказ Министерства образования и науки РФ от 17.01.2011 № 51 (Зарегистрировано в Минюсте РФ 31.03.2011 № 20354). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112901/ (дата обращения: 28.03.2016).
5. **Евдокимова, О. В.** Формирование общекультурных компетенций в военных образовательных организациях высшего образования Министерства обороны Российской Федерации : моногр. / О. В. Евдокимова, О. Н. Пономарёва, И. И. Грачёв ; под общ. ред. О. Н. Пономарёвой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2015. – 320 с.
6. **Пономарёва, О. Н.** Учебная дисциплина «Экология» в военном вузе / О. Н. Пономарёва, И. И. Грачёв, Ю. Б. Шпагин, Д. А. Шпынев // Молодёжь. Образование. Наука : сб. ст. XI Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов, адъюнктов, молодых преподавателей и учёных (г. Пенза, 27 января 2016 г.) / под общ. ред. О. В. Варниковой, О. Н. Пономарёвой, И. И. Грачёва, В. А. Худякова. – Пенза : Филиал ВА МТО, Пенз. арт. инж. ин-т, 2016. – С. 110–120.

References

1. Avanesov V. S. *Kompozitsiya testovykh zadaniy* [Composition of test tasks]. Moscow: Tsentr testirovaniya, 2002, 239 p.
2. Dyatlova K. D. *Sistema razrabotki i analiza pedagogicheskikh tekstov po biologii: dis. d-ra ped. nauk* [The system of pedagogical biology texts development and analysis]. Saint-Petersburg, 2007, 413 p.
3. *O razvertyvanii sistemy ekologicheskogo obucheniya i vospitaniya v Vooruzhennykh Silakh Rossiyskoy Federatsii: prikaz Ministra oborony Rossiyskoy Federatsii ot 15.04.2000 № 180* [On development of the system of ecological training and teaching in the Russian Federation Army: the decree of the Ministry of Defence of the Russian Federation from 15.04.2000 № 180]. Available at: http://voenprav.ru/doc-1070-1.htm (accessed April 28, 2016).

4. *Ob utverzhdenii i vvedenii v deystvie Federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego professional'nogo obrazovaniya po napravleniyu podgotovki (spetsial'nosti) 17.04.00 «Strelkovo-pushechnoe, artilleriyskoe i raketnoe oruzhie» (kvalifikatsiya «spetsialist»): prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 17.01.2011 № 51 (Zaregistrirovano v Minyuste RF 31.03.2011 № 20354)* [On adoption and enactment of the Federal State Educational Standard of professional training in the "Small gun-cannon, artillery and rocket weapons" specialist program: the order of the RF Ministry of Education and Science from 17.01.2011 № 51]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112901/ (accessed April 28, 2016).
5. Evdokimova O. V., Ponomareva O. N., Grachev I. I. *Formirovanie obshchekul'turnykh kompetentsiy v voennykh obrazovatel'nykh organizatsiyakh vysshego obrazovaniya Ministerstva oborony Rossiyskoy Federatsii: monogr.* [Formation of general cultural competences at military educational institutions of higher education of the Ministry of Defence of the Russian Federation]. Penza: Izd-vo PGU, 2015, 320 p.
6. Ponomareva O. N., Grachev I. I., Shpagin Yu. B., Shpynev D. A. *Molodezh'. Obrazovanie. Nauka: sb. st. XI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. studentov, aspirantov, ad"yunktov, molodykh prepodavateley i uchenykh (g. Penza, 27 yanvarya 2016 g.)* [Youth. Education. Science: proceedings of XI International scientific and practical conference of students, postgraduate students, military institution students, young teachers and scientists (Penza, 27 the January 2016)]. Penza: Filial VA MTO, Penz. art. inzh. in-t, 2016, pp. 110–120.

Пономарёва Ольга Николаевна
доктор педагогических наук, профессор, кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Пензенский артиллерийский инженерный институт
(Россия, г. Пенза-5, военный городок)

E-mail: olga-viktoria2010@yandex.ru

Ponomariova Olga Nikolayevna
Doctor of pedagogical sciences, professor, sub-department of humanities and socioeconomic subjects, Penza Artillery Engineering Institute
(Military town, Penza-5, Russia)

Целыковских
Александр Александрович
доктор военных наук, профессор, заместитель начальника академии по учебной и научной работе, Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва
(Россия, г. Санкт-Петербург, набережная Макарова, 8)

E-mail: vatt@mil.ru

Tselykovskikh
Aleksandr Aleksandrovich
Doctor of military sciences, professor, deputy director for academic affairs and research, Military Academy of Material Support named after army general A. V. Khrulev
(8 Makarova embankment, Saint-Petersburg, Russia)

Пятин Михаил Александрович
кандидат биологических наук, доцент, кафедра теории и методики начального образования, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: k.estestvoznanie@yandex.ru

Pyatin Michail Aleksandrovich
Candidate of biological sciences, associate professor, sub-department of theory and methods of primary education, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Грачёв Иван Иванович
кандидат технических наук, доцент, заместитель начальника института по учебной и научной работе, Пензенский артиллерийский инженерный институт
(Россия, г. Пенза-5, военный городок)

E-mail: paii@mil.ru

Grachiov Ivan Ivanovich
Candidate of engineering sciences, associate professor, deputy director for academic affairs and research, Penza Artillery Engineering Institute
(Military town, Penza-5, Russia)

УДК 378
Пономарёва, О. Н.

Высшее образование: тестовые задания эколого-ориентированного содержания / О. Н. Пономарёва, А. А. Целыковских, М. А. Пятин, И. И. Грачёв // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 179–189. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-17

УДК 37.011
DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-18

Л. Ю. Боликова, А. Н. Жалдыбина, Н. Н. Таньков

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «КОМПЕТЕНТНОСТЬ» – «КОМПЕТЕНЦИЯ» – «ЭРУДИЦИЯ»

Аннотация.

Актуальность цели. Отсутствие однозначности в формулировках понятий «компетентность» и «компетенция» может привести к ошибкам в постановке целей обучения иностранному языку. Данная проблема, на наш взгляд, может быть решена путем соотнесения смысла вышеупомянутых понятий с понятием «эрудиция». Цель исследования – раскрыть характер связи между понятиями «компетентность», «компетенция», «эрудиция», дать определение понятию «социокультурная эрудиция».

Материалы и методы. Исследовательские задачи были решены путем изучения педагогической, научно-методической литературы, а также словарных статей.

Результаты. Определен и представлен графически характер связи эрудиции, компетентности и компетенции. Раскрыто понятие «социокультурная эрудиция».

Выводы. Компетентность представляет собой комплексное понятие, включающее в свой состав несколько элементов, а именно эрудицию и компетенцию. Эрудиция (когнитивно-мотивационный компонент) – это такая составляющая компетентности, которая указывает на информированность и кругозор человека в определенной сфере. Компетенция (деятельностный компонент) же позволяет решать круг определенных вопросов. Оба элемента компетентности взаимовлияют друг на друга. Социокультурная эрудиция – это осведомленность индивида в вопросах культуры, а также общественных отношений в стране изучаемого языка.

Ключевые слова: компетентность, компетенция, социокультурная эрудиция школьников.

L. Yu. Bolikova, A. N. Zhaldybina, N. N. Tankov

ABOUT THE CORRELATION BETWEEN THE CONCEPTS “COMPETENCE” – “COMPETENCY” – “ERUDITION”

Abstract.

Background. The absence of unambiguous interpretation of concepts “competence” and “competency” can lead to the incorrect statement of foreign language teaching purposes. In our opinion this problem can be solved by relating the meaning of the above-mentioned concepts with the concept of “erudition”. The paper aims to reveal the character of the relationship between the concepts “competence”, “competency”, “erudition” to define the concept of “socio-cultural erudition”.

Materials and methods. The authors studied scientific works related to pedagogy, teaching methods issues, and vocabulary entries.

Results. The authors revealed the special character of the relationship between the concepts “competence”, “competency”, “erudition”. They also presented this relationship graphically. The concept “sociocultural erudition” is opened.

Conclusions. Competence is the complex concept including several elements in the structure namely: erudition and competency. Erudition (a cognitive and motiva-

tional component) is such component of competence which indicates knowledge and an outlook of the person in a certain sphere. Competency (an activity component) allows to resolve a circle of certain issues. Both elements of competence contribute to the functioning of each other.

Key words: competence, competency, sociocultural erudition of pupils.

В настоящее время понятия «компетентность» и «компетенция» прочно закрепились в теории педагогики и практике образования. Это обусловлено широким использованием компетентностного подхода во всех видах образования – общем, профессиональном, дополнительном. Зачастую одно понятие подменяется или заменяется другим. В связи с этим мы предлагаем использование понятия «эрудиция» как термина, позволяющего соотнести смысл и назначение использования двух вышеприведенных – «компетентность» и «компетенция».

Поэтому в первую очередь необходимо детерминировать понятие «эрудиция». Обратимся к его определениям в различных источниках.

Учитывая тот факт, что слово «эрудиция» имеет иноязычное происхождение, в первую очередь обратимся к Словарю иностранных слов: эрудиция (фр. erudition, лат. eruditio ученость, просвещенность) – глубокие познания в какой-нибудь области или во многих областях. Эрудитом принято считать человека, который «обладает большой эрудицией» [1, с. 1196]. Аналогичные определения мы можем найти в Словаре русского языка, Большом толковом словаре русского языка, Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. В Словаре русского языка приводится пример использования слова «эрудиция» в художественной литературе: «Ворцель был математик, лингвист, знакомый с пятью-шестью литературами; с ранних лет приобрел он огромную эрудицию». Данный пример иллюстрирует «основательные познания» человека в разных областях человеческого знания [2, с. 635]. Д. Н. Ушаков определяет эрудицию как «ученость, начитанность, познания в какой-нибудь области науки» [3, с. 1271].

С целью установления смыслового поля слова «эрудиция» считаем целесообразным ознакомиться с близкими ему по значению словами. В Словаре синонимов представлены следующие синонимы: знаточество, знание, кругозор, всезнание, ученость, эрудированность, осведомленность, бездна премудрости, всезнайство [4].

Согласно словарю слово «знание» является синонимом к слову «эрудиция». Обратимся к коннотативным значениям самого слова «знание»: эрудиция, осведомленность, компетентность, информированность. Из представленного синонимичного ряда мы видим, что термины «эрудиция» и «компетентность» являются коннотативными значениями слова «знание». Данный факт позволяет нам прийти к выводу о непосредственной связи этих понятий.

Опираясь на данные определения, мы можем сделать вывод, что эрудиция, под которой принято понимать серьезные глубокие познания человека в одной или нескольких областях знания, является личностной характеристикой. Эрудиция – это комплекс знаний, которые человек усваивает за свою жизнь и которым он может воспользоваться для решения возникающих на его пути проблем. Причем «эрудиция» не является научным термином, а скорее представляет собой оценочно-описательное существительное. Изучение

смыслового поля слова «эрудиция» позволило нам выявить связь этого понятия с такими понятиями, как «компетенция» и «компетентность». В связи с этим принципиально важным представляется подробное изучение характера данной связи.

В рамках компетентностного подхода существуют два понятия «компетенция» и «компетентность». Несмотря на то что они уже довольно давно утвердились в педагогике, до сих пор отсутствует однозначность трактовки данных понятий. И. А Зимняя рассматривает два варианта толкования понятий: их отождествление и дифференциация. Согласно первому варианту определение дается понятию «компетенция» и при этом указывается, что компетентность употребляется в тех же значениях. Одно из таких значений – «способность делать что-либо хорошо или эффективно» [5, с. 12]. Мы разделяем точку зрения И. А. Зимней, которая выступает за разделение этих понятий. Наше мнение является не безосновательным. Так, еще в 1996 г. В. Хутмахер в своем докладе на симпозиуме в Берлине отметил, что термин «компетенция» входит в понятие «компетентность» [5, с. 10]. Предлагаем также подробнее рассмотреть определения данных терминов. Толковый словарь С. И. Ожегова трактует понятия «компетентный» и «компетенция» следующим образом:

– «компетентный – знающий, осведомленный, авторитетный в какой-нибудь области; обладающий компетенцией»;

– «компетенция – это круг вопросов, в которых кто-нибудь хорошо осведомлен, или круг чьих-нибудь полномочий, прав» [6].

А. В. Хуторской раскрывает смысл понятий «компетенция» и «компетентность» следующим образом. Компетенция включает совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним [7].

Компетентность – владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности. Она состоит из интеллектуального и навыкового компонентов. В Стратегии модернизации содержания общего образования подчеркивается, что «компетентность не следует противопоставлять знаниям или умениям и навыкам, понятие шире понятия знания, или умения, или навыка, оно включает их в [8]. Понятие “компетентность” включает не только когнитивную и операционально-технологическую составляющие, но и мотивационную, этическую, социальную и поведенческую». Из определений видно, что компетенция и компетентность не являются константами, они напрямую зависят от того времени, в которое осуществляется определенная деятельность. А следовательно, важнейшие качества данных понятий – это гибкость и ситуативность.

А. И. Ионова и М. П. Пушкова сходятся во мнении, что компетенция является составляющей компетентности. Компетентность они характеризуют как комплекс знаний, умений и навыков, тогда как компетенция определяет сферу их применения [9, 10].

С. В. Кузнецова приходит к выводу, что «компетентность – это владение человеком соответствующими компетенциями» [11, с. 53]. Принципиально важным считаем, что компетентности невозможно научить, ее можно

только сформировать. Каждый обучающийся в процессе обучения идет по своей определенной траектории, которая зависит от его представлений о жизни, нравственных ориентиров. В соответствии с этим мы поддерживаем точку зрения Н. В. Кузьминой о том, что компетентность – это «интегративное свойство личности». Слово «интегративное» указывает на то, что свойство базируется на различных сторонах личности [12].

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что компетентность – это более обширное понятие, чем компетенция, которое, являясь свойством личности, объединяет всю систему знаний, умений и навыков, приобретенных школьником, которые способны обеспечить ему успешное существование в условиях рыночной экономики. Компетенция ближе к терминологическому полю «знаю, как» [5, с. 16]. Другими словами, компетенция – это такой элемент компетентности, который позволяет решать круг определенных вопросов. В соответствии с этим мы можем заключить, что эрудицию можно сопоставить с компетентностью. Эрудиция, как и компетентность, является личностной характеристикой. Однако это не говорит о том, что данные понятия являются полностью синонимичными. Эрудицию скорее нужно рассматривать как составляющую часть компетентности, которая указывает на информированность и кругозор человека в определенной сфере. Другими словами, эрудиция выступает интеллектуальной составляющей компетентности. Выше указывалось, что компетенция также входит в состав компетентности. В нашем понимании отношение между понятиями «компетентность», «компетенция» и «эрудиция» можно представить следующим образом (рис. 1).

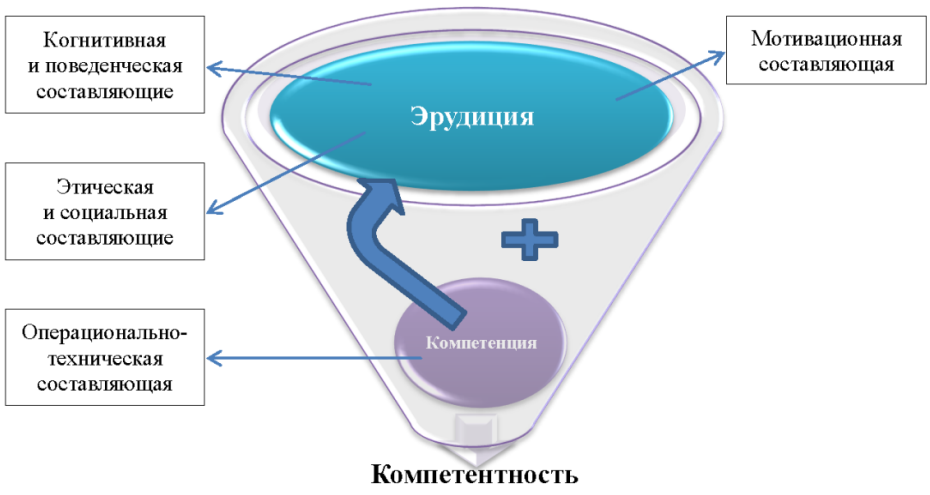

Рис. 1. Компоненты и составляющие компетентности

Ранее было отмечено, что согласно Стратегии модернизации содержания общего образования компетентность имеет сложную структуру, которую образуют шесть составляющих. На наш взгляд, основными компонентами компетентности являются эрудиция (когнитивно-мотивационный компонент) и компетенция (деятельностный компонент), которые включают в себя другие шесть составляющих. В состав эрудиции входят:

– когнитивная и поведенческая составляющие (подразумевают наличие определенного багажа знаний, способность к умозаключениям);

– этическая и социальная составляющие (нравственные установки, система ценностей);

– мотивационная составляющая (стремление к приобретению знаний, необходимых для решения определенных задач, осознание необходимости саморазвития и самосовершенствования). Из схемы видно, что компетенция зависит от эрудиции, так как решение круга вопросов происходит с опорой на имеющиеся знания. Компетенция в свою очередь отвечает за операционально-техническую составляющую (владение способами анализа, синтеза, выделения, обобщения информации и умениями планирования). Путем слияния вышеописанных компонентов происходит формирование компетентности.

Альтернативой вышеприведенной схеме соотношения понятий «компетентность», «компетенция», «эрудиция» является рис. 2.

Рис. 2. Соотношение понятий «компетентность», «компетенция», «эрудиция»

Рис. 2. показывает, что компетентность основана на эрудиции и на компетенции, одновременно она вбирает их в себя в качестве непременных атрибутов. В случае с эрудицией и компетенцией одно способствует функционированию другого.

Проведенная работа позволила нам выйти на анализ понятия «коммуникативная компетентность», состоящего из комплекса компетенций. Предметом нашего исследования является социокультурная эрудиция, формируемая в процессе обучения иностранному языку. Поэтому в первую очередь нас интересовала социокультурная компетенция, позволяющая создать социокультурный портрет родной страны на иностранном языке, поскольку коммуникативную компетентность невозможно сформировать без знаний социокультурного фона.

В. В. Сафонова, П. В. Сысоева, Г. В. Елизарова, Г. А. Воробьева рассматривали социокультурную компетенцию как компонент коммуникативной компетенции. Социокультурная компетенция – совокупность определенных

знаний, умений, навыков, способностей и качеств, формируемых в процессе формальной или неформальной языковой подготовки к межкультурному общению. В. В. Сафонова отмечает важность социокультурной компетенции для развития личности обучаемого.

Н. Г. Муравьева отмечает, что социокультурная компетенция предполагает готовность и способность осуществления адекватного взаимодействия с носителями изучаемого языка [13].

И. Л. Бим рассматривает социокультурную компетенцию как поведенческую, основанную на знании социокультурного контекста [14]. Социокультурный контекст понимается как совокупность культурных элементов: традиций, обычаев, ценностей; и социальных элементов, в число которых входят нормы речевого и неречевого поведения членов общества как представителей определенных социальных групп [15, с. 25–26]. А. Флиер подчеркивает, что социокультурная (культурная) компетентность – это та «степень социализированности личности, которая позволяет ей свободно понимать, использовать и вариативно интерпретировать всю сумму обыденных (неспециализированных) знаний, а отчасти и специализированных, но вошедших в обыденный обиход, составляющих норму общесоциальной эрудированности человека» [16]. Данное определение еще раз доказывает связь эрудиции и компетентности. Под социокультурной компетентностью подразумевается умение выстраивать эффективные взаимоотношения на основе знаний собственной культуры и системы ценностей, а также понимания культурных особенностей партнера.

В таком случае социокультурная компетентность будет представлять собой синтез когнитивно-мотивационного компонента (социокультурной эрудиции) и деятельностного компонента (социокультурной компетенции как умения применить знания с целью решения социокультурных задач). Другими словами, под социокультурной эрудицией мы понимаем знания различных аспектов культуры, а социокультурная компетенция – это способность синтезировать эти знания с целью осуществления адекватного взаимодействия с представителями изучаемого языка. Следовательно, выделенные В. В. Сафоновой компоненты социокультурной компетентности можно назвать компонентами социокультурной эрудиции, так как в расшифровке каждого компонента присутствует слово «знание», которое подразумевает теоретическое владение материалом. Итак, по В. В. Сафоновой существуют четыре компонента социокультурной эрудиции (компетентности):

1) общекультурный компонент (знания основных научных достижений, представления о художественных ценностях);

2) страноведческий компонент (система различных знаний о стране изучаемого языка);

3) лингвострановедческий компонент (знание лексических единиц, имеющих национально-культурную семантику);

4) социолингвистический компонент (знание особенностей применения полученных знаний с учетом ситуации, при которой осуществляется взаимодействие, паралингвистические и экстралингвистические элементы речевого общения) [17].

Мы под социокультурной эрудицией подразумеваем широкие познания индивида в культурной сфере, а также понимание динамики общественных

отношений в стране изучаемого языка. В ходе анализа словарных статей мы выявили, что эрудиция, являясь одним из коннотативных значений слова «знание», имеет связь с понятиями «компетенция», «компетентность». Изучив определения данных понятий, мы пришли к выводу о том, что в некоторых случаях понятия «эрудиция» и «компетентность» являются синонимичными. Компетентность, однако, включает в себя не просто знания в определенной сфере человеческой деятельности, но и этическую, операционально-технологическую, мотивационную, социальную и поведенческую составляющие. В этом и заключается ее отличие от эрудиции. Эрудиция представляет собой когнитивный компонент компетентности. Другим важным компонентом компетентности является компетенция как способность применить когнитивные знания для осуществления реального взаимодействия.

Социокультурная компетентность рассматривается как умение выстраивать эффективные взаимоотношения на основе знаний собственной культуры, а также понимания культурных особенностей партнера. Это говорит о том, что социокультурная компетентность является неким синтезом когнитивно-мотивационного компонента (социокультурной эрудиции) и деятельностного компонента (социокультурной компетенции как умения применить знания с целью решения социокультурных задач).

Сложившееся у нас представление о сущности понятий «компетентность» – «компетенция» – «эрудиция» и их соотношение, а также «социокультурная компетенция» и «социокультурная эрудиция» послужат основой для дальнейших исследований проблем формирования коммуникативной компетентности обучающихся.

Список литературы

1. **Крысин, Л. П.** Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – 3-е изд., доп. – М. : Русский язык, 2005. – 1210 с.
2. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981–1984. – Т. 4. С-Я, 1984. – 794 с.
3. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Советская энциклопедия : ОГИЗ : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935–1940. – 1562 с.
4. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / под ред. Н. Абрамова. – М. : Русские словари, 1999. – 638 с.
5. **Зимняя, И. А.** Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Авторская версия / И. А. Зимняя. – М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 42 с.
6. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
7. **Хуторской, А. В.** Определение общепредметного содержания и ключевых компетенций как характеристика нового подхода к конструированию образовательных стандартов / А. В. Хуторской. – URL: http://www.eidos.ru/journal/2002/0423.htm
8. Стратегия модернизации содержания общего образования. Материалы для разработки документов по обновлению общего образования. – М. : Мир книги, 2001. – 104 с.

9. **Ионова, А. И.** Этика и культура государственного управления : учеб. пособие / А. И. Ионова. – 2-е изд. – М. : Изд-во РАГС, 2005. – 176 с.
10. **Пушкова, М. П.** Педагогические основы развития социокультурной компетенции будущего учителя : дис. … канд. пед. наук : 13.00.01 / Пушкова М. П. – Иркутск, 2001. – 185 с.
11. **Кузнецова, В. С.** Формирование профессионально-коммуникативной компетентности студентов экономических специальностей вузов в процессе обучения иностранному языку : дис. … канд. пед. наук : 13.00.08 / Кузнецова В. С. – Пенза, 2008. – 179 с.
12. **Татур, Ю. Г.** Компетентностный подход в описании результатов и проектировании стандартов высшего профессионального образования : материалы ко второму заседанию методологического семинара. Авторская версия / Ю. Г. Татур. – М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 18 с.
13. **Муравьева, Н. Г.** Понятие социокультурной компетенции в современной науке и образовательной практике / Н. Г. Муравьева // Вестник Тюменского государственного университета. – 2011. – № 9. – С. 141–148.
14. **Бим, И. Л.** Некоторые актуальные проблемы современного обучения иностранным языкам / И. Л. Бим // Иностранные языки в школе. – 2001. – № 4. – С. 5–7.
15. **Лукьянова, Л. А.** Формирование функционально-содержательной основы социокультурной компетенции учащихся 10–11 классов общеобразовательной школы (на материале английского языка) : дис. … канд. пед. наук : 13.00.02 / Лукьянова Л. А. – СПб., 2014. – 186 с.
16. **Флиер, А. Я.** Культурная компетентность личности: между проблемами образования и национальной политики / А. Я. Флиер // Общественные науки и современность. – 2000. – № 2. – С. 151–165.
17. **Сафонова, В. В.** Коммуникативная компетенция: современные подходы к многоуровневому описанию в методических целях. Серия: О чем спорят в языковой педагогике / В. В. Сафонова. – М. : Еврошкола, 2004. – С. 236.

References

1. Krysin L. P. *Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory dictionary of foreign words]. 3rd ed. Moscow: Russkiy yazyk, 2005, 1210 p.
2. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Russian language dictionary: in 4 volumes]. AN SSSR; In-t rus. yaz.; ed. by A. P. Evgen'eva. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk, 1981–1984, vol. 4, S-Ya, 1984, 794 p.
3. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of Russian language: in 4 volumes]. Ed. by D. N. Ushakov. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya: OGIZ: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey, 1935–1940, 1562 p.
4. *Slovar' russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazheniy* [Dictionary of Russian synonyms and phrazes with similar meanings]. Ed. by N. Abramov. Moscow: Russkie slovari, 1999, 638 p.
5. Zimnyaya I. A. *Klyuchevye kompetentnosti kak rezul'tativno-tselevaya osnova kompetentnostnogo podkhoda v obrazovanii. Avtorskaya versiya* [Key cmpetences as a result-target foundation of the compentency approach in education. The author's edition]. Moscow: Issledovatel'skiy tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov, 2004, 42 p.
6. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory dictionary of Russian language: 80 000 words and phrazes]. 4th ed. Moscow: Azbukovnik, 1999, 944 p.
7. Khutorskoy A. V. *Opredelenie obshchepredmetnogo soderzhaniya i klyuchevykh kompetentsiy kak kharakteristika novogo podkhoda k konstruirovaniyu obrazovatel'nykh standartov* [Determining the composition of general subjects and key competencies as

a charachteristics of a new approach to constructing educational standards]. Available at: http://www.eidos.ru/journal/2002/0423.htm

8. *Strategiya modernizatsii soderzhaniya obshchego obrazovaniya. Materialy dlya razrabotki dokumentov po obnovleniyu obshchego obrazovaniya* [The strategy of general education's composition modernization. Materials for developing documents of general education renovation]. Moscow: Mir knigi, 2001, 104 p.
9. Ionova A. I. *Etika i kul'tura gosudarstvennogo upravleniya: ucheb. posobie* [Ethics and culture of state administration: tutorial]. 2nd ed. Moscow: Izd-vo RAGS, 2005, 176 p.
10. Pushkova M. P. *Pedagogicheskie osnovy razvitiya sotsiokul'turnoy kompetentsii budushchego uchitelya: dis. kand. ped. nauk: 13.00.01* [Pedagogical bases of developments of future teachers' sociocultural competencies: dissertation to apply for the degree of the candidate of pedagogical sciences]. Irkutsk, 2001, 185 p.
11. Kuznetsova V. S. *Formirovanie professional'no-kommunikativnoy kompetentnosti studentov ekonomicheskikh spetsial'nostey vuzov v protsesse obucheniya inostrannomu yazyku: dis. kand. ped. nauk: 13.00.08* [Formation of the professional communicative competence in students of university economic programs in the process of foreign language training: dissertation to apply for the degree of the candidate of pedagogical sciences]. Penza, 2008, 179 p.
12. Tatur Yu. G. *Kompetentnostnyy podkhod v opisanii rezul'tatov i proektirovanii standartov vysshego professional'nogo obrazovaniya: materialy ko vtoromu zasedaniyu metodologicheskogo seminara. Avtorskaya versiya* [The competence approach to describing and creating standards of higher professional education: proceedings of the second meeting of the methodological seminar. The author's edition]. Moscow: Issledovatel'skiy tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov, 2004, 18 p.
13. Murav'eva N. G. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tyumen State University]. 2011, no. 9, pp. 141–148.
14. Bim I. L. *Inostrannye yazyki v shkole* [Foreign languages at school]. 2001, no. 4, pp. 5–7.
15. Luk'yanova L. A. *Formirovanie funktsional'no-soderzhatel'noy osnovy sotsiokul'turnoy kompetentsii uchashchikhsya 10–11 klassov obshcheobrazovatel'noy shkoly (na materiale angliyskogo yazyka): dis. kand. ped. nauk: 13.00.02* [Formation of the functional substantial basis of the sociocultural competence of senior high school students (by materials of English language classes): dissertation to apply for the degree of the candidate of pedagogical sciences]. Saint-Petersburg, 2014, 186 p.
16. Flier A. Ya. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modern times]. 2000, no. 2, pp. 151–165.
17. Safonova V. V. *Kommunikativnaya kompetentsiya: sovremennye podkhody k mnogourovnevomu opisaniyu v metodicheskikh tselyakh. Seriya: O chem sporyat v yazykovoy pedagogike* [Communicative competence: modern approaches to multi-level description with the methodological purpose: Dispute occasions in linguistic pedagogy]. Moscow: Evroshkola, 2004, p. 236.

Боликова Людмила Юрьевна
кандидат педагогических наук, доцент, кафедра педагогики, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Bolikova Lyudmila Yur`evna
Candidate of pedagogical sciences, associate professor, sub-department of pedagogy, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: bolikova@bk.ru

Жалдыбина Анастасия Николаевна
студентка, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40);
учитель иностранных языков
МБОУ СОШ № 19 г. Пензы
(Россия, г. Пенза, ул. Ягодная, 11)

E-mail: nas.balandina2010@yandex.ru

Zhaldybina Anastasiya Nikolaevna
Student, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia);
Foreign language teacher, secondary school № 19 of Penza
(11 Yagodnaya street, Penza, Russia)

Таньков Николай Николаевич
кандидат педагогических наук, доцент, кафедра романо-германской филологии, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: tankovnn@gmail.com

Tankov Nikolai Nikolayevich
Candidate of pedagogical sciences, associate professor, sub-department of Germanic and Romance philology, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 37.011
Боликова, Л. Ю.

О соотношении понятий «компетентность» – «компетенция» – «эрудиция» / Л. Ю. Боликова, А. Н. Жалдыбина, Н. Н. Таньков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 190–199. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-18

УДК 378.12:51
DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-19

В. М. Федосеев, М. А. Родионов

ИНТЕГРАЦИЯ ИНЖЕНЕРНОЙ И МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ КАК ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Аннотация.

Актуальность и цели. Сочетание инновационных подходов с классическими традициями стало императивом реформ современного инженерного образования. Поиск новых методов обучения актуализировал историко-педагогические исследования в этой области. Цель работы – показать актуальность имеющихся исторических материалов при рассмотрении проблемы интеграции инженерной и математической подготовки в техническом вузе.

Материалы и методы. Задачи исследования выполнялись на основе исторических источников, работ по истории инженерного и математического образования, тенденций развития профессионального образования. Были использованы метод историко-педагогического исследования, аналитический метод.

Результаты. Показано значение проблемы интеграции математики с инженерными науками в современном техническом образовании. Проанализированы существовавшие методы решения проблемы интеграции в истории инженерного образования, выделены основные дидактические принципы преподавания математики инженерам. Обнаружены значимые для педагогической науки и практики параллели истории и современности, показана актуальность рассматриваемых методологических подходов.

Выводы. Несмотря на применяемые инновации, педагогика инженерного образования всё-таки должна строиться на классических традициях, сложившихся в XIX и укрепившихся в начале XX в. Применительно к решению проблемы интеграции математической и инженерной подготовки историко-педагогический подход позволяет сформулировать концептуальные основы преподавания математики инженерам, даёт примеры методики их практической реализации. В этом смысле использование историко-педагогического метода оправдано и целесообразно.

Ключевые слова: математика в истории инженерного образования, интеграция математической и инженерной подготовки.

V. M. Fedoseyev, M. A. Rodionov

INTEGRATION OF ENGINEERING AND MATHEMATICAL TRAINING AS A HISTORICAL AND PEDAGOGICAL PROBLEM

Abstract.

Background. The combination of innovative approaches to classical traditions has become an imperative of reforms of modern engineering education. Searching of new methods of training has satirized historical and pedagogical researches in this area. The work purpose is to show the relevance of the available historical materials by consideration of a problem of integration of engineering and mathematical training at technical colleges.

Materials and methods. The research tasks were implemented on the basis of historical sources, works on history of engineering and mathematical education, ten-

dencies of development of professional education. The method of historical and pedagogical research and the analytical method were used.

Results. The value of the problem of integration of mathematics with engineering sciences in modern technical education is shown. The existing methods of solution of the problem of integration in the history of engineering education are analysed. Parallels of history and the present are found, the relevance of historical methodological approaches is revealed.

Conclusions. Despite the applied innovations, the pedagogy of engineering education after all has to be based on the classical traditions, developed in XIX and strengthened at the beginning of the XX century. In relation to the solution of the problem of integration of mathematical and engineering training, the historical and pedagogical approach allows to formulate conceptual bases of teaching mathematics to engineers and gives examples of the technique of their practical realization. In this sense, using of the historical and pedagogical method is justified and it is expedient.

Key words: mathematics in the history of engineering education, integration of mathematical and engineering training.

Постановка проблемы

Математика традиционно занимает важное место в системе инженерного образования. Считается, что инженер должен получить достаточно серьёзную математическую подготовку как по причине потребности в математических знаниях для овладения техническими науками, так и в силу того, что методология математики эффективно способствует воспитанию профессиональных качеств инженера, к числу которых относят системность мышления, «дисциплину ума», изобретательские способности и другие. К этим выводам пришли на основании многих опытов, включающих несколько веков использования математики для улучшения подготовки инженеров. В. Мрочек и Ф. Филиппович писали: «Наполеоновская армия с воспитанниками Политехнической школы во главе не замедлили показать Европе всё превосходство математической культуры» [1, с. 33]. Однако в последние десятилетия становится заметно, что отношение к математике, по крайней мере со стороны инженеров и техников, меняется, всё чаще и чаще приобретая негативные черты. Судим об этом по собственному опыту и по опыту своих коллег.

При обсуждении вопросов преподавания математики более всего претензий вызывает тот факт, что зачастую оно носит изолированный характер [2, с. 61]. По этому поводу в среде математиков не без иронии даже был сформулирован так называемый «принцип Гельфанда – Цейтлина» о минимизации взаимодействия [3, с. 4], передающий сложившуюся в настоящее время тенденцию ослабления связей математики с приложениями и реальностью. Нередко приходится слышать, что такая математика инженеру не нужна, и поэтому в современных методических трудах и нормативных документах, регламентирующих профессиональное образование, ставится задача интеграции математической и специальной подготовки будущих инженеров. Теперь уже мало у кого вызывает сомнение то, что учебные планы вуза должны быть интегрированными. Но каким образом это может быть достигнуто на практике в случае конкретной учебной дисциплины? На какой методологической основе? Какие для этого существуют методические приёмы? В отношении предмета математики, предназначенного студентам технического вуза, все эти вопросы пока ещё в значительной степени остаются от-

крытыми и нуждаются в специальном исследовании. О месте математики и исторических путях её интеграции в систему инженерного образования, о специальных вопросах интеграции математической и профессиональной подготовки авторы уже писали в работах [4, 5]. В настоящей статье данная тема обсуждается в ракурсе того, насколько оправданным является здесь использование исторического метода с точки зрения современных концепций инженерного образования.

Известный учёный и историк науки С. П. Тимошенко в своей специальной работе, посвящённой истории инженерного образования [6], многократно обращается к постановке математической подготовки инженера и всячески подчёркивает её значение. Он замечает, что в истории инженерного образования не раз бывали случаи, когда преподавание математики вступало в противоречие с потребностями инженерной науки и практики, приобретая характер противостояния. В этом смысле им указаны две такие ситуации: 1) на рубеже XVIII–XIX вв.; 2) в конце XIX в. [6, с. 37–38]. Для целей настоящей статьи представляет интерес то, что в те времена предпринимались активные действия для того, чтобы приблизить преподавание математики к потребностям инженерных наук. И, соответственно, многие относящиеся к этой теме вопросы получали методологическое обоснование и методическую разработку. Выделим те из них, которые более всего имеют отношение к проблеме интеграции инженерной и математической подготовки в техническом вузе и не потеряли своей актуальности до настоящего времени.

Цели преподавания математики будущим инженерам

Когда во второй половине XIX в. устанавливали главной целью математического образования будущих инженеров развитие их логического мышления, то это вызывало возражения со стороны представителей технических наук и методистов математики. А. Н. Крылов писал о том, что в вопросе о целях обучения математике в вузе «следовало бы несколько более сообразоваться с практическими целями преподавания, а не задаваться превыспренней и недостижимой целью развития способности точного логического мышления» [7, «Учение о пределах, как оно изложено у Ньютона»].

Аналогичное высказывание находим у Е. С. Вентцель в более поздней работе о методологии прикладной математики: «То и дело раздаются голоса, утверждающие, будто главная задача обучения математике в школе и вузе – это научить людей логически мыслить. Отсюда чрезмерная формализация математических дисциплин, изложение их в отрыве от задач практики. Слов нет, привычка к логическому мышлению – хорошее дело, но у математики есть и другие задачи: активного вмешательства в практику, разумной организации производственных и иных процессов» [8, с. 22, 23].

Замечания А. Н. Крылова и Е. С. Вентцель о назначении математики в инженерном образовании в научно-педагогических кругах прямых возражений не вызывали. Но и в XIX и XX в. вопрос о цели воспитания – способности логически мыслить (аргумент – она ум в порядок приводит) в методической литературе поднимался неоднократно и в зависимости от того, какие преобладали тогда настроения: классицизм (рационализм) или реализм, склонялся в ту или иную сторону. В уже цитированном сочинении по педагогике

математики, относящемуся к началу XX в. [1, с. 208], о целях математики как учебного предмета сказано следующее:

а) «Практическая цель – научить применять математику к житейским вопросам; научить применять математические методы и выводы к изучению явлений природы.

б) Образовательная цель – далеко не столько развить формальное мышление, сколько дать мир идей, оперируя над материалом, имеющим научную и культурную ценность. Это может быть достигнуто главным образом путём проявления идеи закономерности, смутно сознаваемой всеми; путём углубления этой идеи и перехода её в стройную идею функциональной зависимости; наконец, путём ознакомления с сущностью и пределами применения математического метода вообще, того символического метода, который стремится выразить всякую зависимость в виде уравнения, с тем чтобы дальше это уравнение за нас думало.

в) Воспитательная цель – приучить к экономии мышления, к сосредоточиванию внимания целесообразнейшим образом; воспитать осторожность суждения, его последовательность и достаточную обоснованность. Это может быть достигнуто путём не обучения, а изучения. А изучать – значит узнать генезис явления и проследить его связь с другими».

Такое представление о предназначении предмета математики существовало в период наивысшего расцвета классической концепции инженерного образования. Заметим, что в приведённом отрывке очень сдержанно говорится о воспитательных целях математического образования, а на первое место ставится его объективное значение.

Сочетание фундаментальной и прикладной научной подготовки выпускников

По мнению историков науки и образования (Ф. Клейн, С. П. Тимошенко, Н. В. Карлов), именно принципу сочетания в обучении фундаментального и прикладного направлений была обязана своими успехами знаменитая французская Политехническая школа. Школа ставила себе целью формирование широко образованных инженеров, не связанных узкой специализацией и способных к самой разнообразной деятельности. В связи с этим место математики в Политехнической школе было исключительно высоко. Её студенты получали достаточно обширное математическое образование, притом из самых современных областей науки того времени. Взаимодействие теоретического и прикладного обучения обеспечивалось большим объёмом времени, отводимым на практические занятия, и поддерживалось тем, что учёные-математики участвовали в разработке инженерных дисциплин, а инженеры создавали новые направления математической науки. Воспитанники Школы активно привлекались к проектировочным работам и научным исследованиям.

Импульс, приданный развитию математического образования в стенах Политехнической школы, был столь велик, что в технических вузах в первой половине XIX в., по свидетельству С. П. Тимошенко [5, с. 8], давали даже больший объём математических знаний, чем на математических отделениях университетов.

Логика и особенности дидактики «инженерной» математики

Принципы методологии математического образования, сформировавшиеся в XIX столетии в стенах французской Политехнической школы, были обобщены А. Пуанкаре в работах по философии науки: «Наука и гипотеза», «Ценность науки», «Наука и метод» и др. Эти работы были объединены в сборник [9] и переизданы на русском языке в 1983 г. Пуанкаре считает, что в математике все её части нужны и взаимно дополняют друг друга. Но в зависимости от характера решаемых задач он выделяет два противоположных направления, в которых происходит развитие её методов: математика для себя самой и математика, нацеленная на изучение природы. Подчёркивая различие между ними, Пуанкаре замечает, что решение задачи, которое удовлетворяет математика, может оказаться совершенно неподходящим для инженера. Инженеру от математики нужны не теоретические рассуждения, а такой ответ, который поможет окончить сооружение к намеченному сроку. Конечно, хорошо иметь в своём распоряжении аналитическое решение задачи, но во многих случаях оно не возможно; инженера же вполне удовлетворило бы приближённое решение. Отсюда важно понимать, что собственно нужно инженеру от задачи [9, с. 302–303].

Рассматривая методологию математики, Пуанкаре выделяет и анализирует принципиальное противоречие, существующее между чистой математикой и прикладными науками. Математики изучают не предметы, а отношения между ними. Для них не важно материальное содержание, их интересует только форма. Однако с точки зрения приложений то, что математика при таком подходе выиграла в логической строгости, она потеряла в объективности. Можно подняться к логическому идеалу, только потеряв те связи, которые соединяют её с реальностью. Математика приобрела совершенную чистоту, но она может оставаться такою, только замыкаясь в свою раковину. При малейшем же применении ей нужно выходить оттуда.

В прикладных вопросах мы не можем ограничиваться одними математическими истинами. Только опыт может убедить нас в справедливости математического суждения, отнесённого к реальному объекту. Это указывает на то, что недостаточно одной логики; наука доказывать не есть ещё вся наука, и интуиция должна сохранять свою роль как дополнение или противовес логики. Без неё молодые умы не могли бы проникнуться пониманием математики, без неё они никогда не сделались бы способными применять её, потому что благодаря ей мир математических образов остаётся в соприкосновении с реальным миром [9, с. 23, 164, 357, 359].

По Пуанкаре интуиция особенно важна в математике, особенно для тех, кто собирается её применять для решения прикладных задач. Как же в таком случае следует поступать в обучении? Можно ли развивать научную интуицию? На этот счёт им были высказаны следующие соображения. Для того чтобы интуиция в преподавании занимала подобающее ей место, последнее должно строиться на экспериментальной основе. Только при таком методе обучения можно сделать понятным генезис науки, а это необходимо для полного понимания самой науки. При первом ознакомлении с принципами особенно уместно подходить к ним с их объективной стороны; это можно сделать, только двигаясь от частного к общему, но не наоборот. В этом деле ма-

тематика многое заимствует от метода индуктивных наук. Такое явление Пуанкаре считает совершенно естественным, так как математике свойственны не только дедуктивные, но и индуктивные рассуждения [9, с. 8].

Пуанкаре также указывает на важность использования эвристических методов в математике и её преподавании, указывая на их творческую силу и изобретательские возможности. Подробнее он останавливается на одном из них – на аналогии. Аналогия для него это нечто связанное со способом проявления и передачи интуитивных представлений, метод придать им убедительную силу в рассуждении. В качестве примера Пуанкаре приводит использование физической аналогии Ф. Клейном, когда тот применил электростатику для исследования одного вопроса, относящегося к свойствам поверхностей Римана [9, с. 226].

Наглядность и прикладная направленность обучения

М. Я. Выгодский в работе по истории дифференциальной геометрии [10, с. 22], рассматривая научный вклад, сделанный школой Монжа в геометрию, замечает: «Стиль Эйлера (аналитический) не мог быть господствующим как потому, что он не обладал достаточной популярностью, так и потому, что он не удовлетворял складывающимся на базе технической практики особенностям мышления и эстетическим потребностям».

Методологическую особенность научных работ, написанных инженерами, он видит в преобладании синтетических построений над аналитическими операциями. На неё также указывает Ф. Клейн, обсуждая результаты, полученные представителями школы Монжа [11, с. 91–98]. По их содержанию он приходит к выводу, что аналитическая формула являлась для них не самоцелью, а лишь предельно сжатым выражением реально воспринимаемых геометрических образов. Дальнейшее развитие теории они производили на основе пространственных построений. Аналогичная позиция, свойственная Монжу, Пуассону, Понселе и др., прослеживается при изложении учебных курсов в стремлении придать абстрактным формулировкам смысловое значение.

У Н. В. Бугаева [12, с. 209] мы находим сведения о том, что выпускник Политехнической школы Г. Ламе, долгое время преподававший в Санкт-Петербургском институте инженеров путей сообщения, советовал при преподавании математики относить её понятия к соответствующим разделам механики и физики.

Клейн симпатизирует подобному педагогическому направлению. Он приводит пример, характеризующий метод преподавания математического анализа В. Томсона: «Однажды, войдя в аудиторию, он внезапно обратился к студентам с вопросом: что такое $\frac{dx}{dt}$? В ответ он получил все, какие только можно придумать строгие логические определения. Все они были отклонены: «Вовсе нет. Оставьте вы этого Тодхантера (представитель чистой математики в Кембридже); $\frac{dx}{dt}$ – скорость!» [11, с. 264].

В другом месте, показывая различие подходов чистой и прикладной математики в вопросах преподавания, Клейн ссылается на учебник Э. Рауса [11, с. 232]. Его методической особенностью является то, что общие положе-

ния здесь хотя и присутствуют, но они всегда окружены большим количеством конкретных частных приложений.

Сравнивая направления дидактики математического образования, ориентированные на потребности чистой математики и её приложений, Клейн высказывает следующее мнение. Если математикой заниматься только в её абстрактной форме, то оказывается неразвитым чутьё к конкретному частному случаю, а вместе с тем и способность правильно подойти к стоящей в данный момент проблеме и добиться полного её решения. А это особенно важно для физиков и инженеров. «Теории (для инженеров) представляют собой, так сказать, схему с пустыми клетками, в которые должен быть уложен пёстрый мир явлений, чтобы придать им смысл и значение» [11, с. 233].

А. Ридлер (1850–1936) – немецкий инженер, ректор Берлинского политехнического института. В начале XX в. им были опубликованы работы «Германские высшие технические заведения и запросы двадцатого столетия» и «Цели высших технических школ», в которых он останавливается на особенностях инженерного образования. По мнению Ридлера, образование инженера методологически должно отличаться от университетского. Чтобы оно было успешным, важно учитывать специфику инженерной деятельности и мышления. Ридлер предупреждает о господствующей в науке переоценки аналитических методов. По его мнению, зло коренится в «лишённой реальных представлений общности, излишестве отвлечённых методов». Поэтому так важно для инженера «обучение видеть» и «изобразить в чертеже или наброске», развитие «способности созерцания».

Исходя из всех этих соображений, по мысли Ридлера, и должно строиться инженерное образование, цель которого – «выработать научнообразованных и общеобразованных практических инженеров» [13, с. 20].

Обсуждение

Таковы в общих чертах соображения, к которым пришли авторы XIX – начала XX в. в своём стремлении обосновать преподавание математики с учётом потребностей и психологии инженерной профессии. В истории профессионального образования несколько раз предпринимались попытки широкомасштабных преобразований форм и методов обучения математике инженера. Причём в качестве «движителя» реформ часто выступало желание устранения противоречий между содержанием математической и инженерной подготовки, а в качестве цели ставилась интеграция математики в систему технических наук. На этот счёт накоплен достаточно богатый исторический опыт в виде организационных форм и методов обучения, методических разработок, работ по методологии и психологии инженерного образования и др. Но насколько имеющийся исторический опыт востребован сегодня? Насколько актуальна в современном техническом образовании сама проблема интеграции математической и инженерной подготовки? Попробуем разобраться в этих вопросах с учётом существующих тенденций и мнений известных специалистов.

В. П. Рыжов [14] и Д. Л. Сапрыкин [15] считают, что концепция инженерного образования в начале XXI в. переменилась. По своим целям и содержанию оно стало приближаться к классическому типу, который сложился в XIX и получил наибольшее развитие в первой половине XX в. Его харак-

терными чертами тогда являлись гармоническое единство науки и практики, теории и эксперимента, логики и интуиции. В сочетании этих черт ныне вновь видится идеал образованности инженера. Соответственно, перед высшим профессиональным образованием ставится задача воспитания инженера нового типа – гармонично развитой, творческой личности, способной к инновационной деятельности. Данная задача может быть решена только путём синтеза гуманитарного, математического, естественнонаучного и технического знания [14, с. 84]. Поиск путей и средств интеграции указанных видов знаний в конкретном учебно-образовательном процессе становится задачей номер один для педагогики высшей школы.

Проблемы современного инженерного образования обсуждались на 42 Международном симпозиуме IGIP по инженерному образованию (Казань, 25 сентября 2013 г.). По поводу глобальных вызовов, стоящих перед инженерным образованием, и путей решения возникших проблем его участники в целом высказали мнение об актуализации на современном этапе классической концепции и о сохранении базовых принципов инженерной педагогики [16, с. 3].

Международный проект реформирования инженерного образования «Всемирная инициатива CDIO (Conceive – Design – Implement – Operate)» действует начиная с 2000 г. Его концептуальные установки предполагают организационное и методическое обеспечение контактов теоретической и практической подготовки. Элементы философии CDIO находят всё большее распространение в мировом инженерном образовании, включая и Россию. Судя по нормативным документам, они, очевидно, использованы в новых версиях отечественных образовательных стандартов по техническим специальностям (ФГОС 3+) и потому непосредственным образом уже затронули содержание математической подготовки будущего инженера.

В 2011 г. были приняты стандарты CDIO инженерного образования. В соответствии с указанными выше целями и методологическими установками ими утверждаются принципы интегрированного обучения (стандарты 3, 5, 7) и активного обучения (стандарт 8). В качестве методического средства интеграции предлагается включение в учебный план интегрированных учебно-практических заданий (ИУЗ), имеющих междисциплинарное содержание (стандарт 5 [17, с. 9]). Применительно к математике ИУЗ должно иметь форму технического проекта и сочетать инженерную в своей постановке задачу с математическими методами исследования. Очевидно, образовательная концепция CDIO вобрала в себя многое из научно-педагогического наследия, о котором говорилось выше. При этом она привела содержание обучения к единому понятию – интегрированному обучению, подразумевая под последним эффективное взаимодействие в учебном процессе математики с практикой и инженерными науками. Как видим, мысль – совершенно в духе Г. Монжа и Ф. Клейна и А. Пуанкаре.

В. И. Арнольд в ряде своих статей по методологии математики и математического образования обвинил современное математическое образование в отходе от реалистических традиций, в нарушении системных связей, замкнутости и изоляционизме. На эту тему Арнольд писал: «Продолжающийся более полувека процесс алгебраизации и аксиоматизации математики привёл к опасному разрыву между языком современной математической литературы

и естествознанием». И далее, обращаясь к математической общественности, спрашивает: «Не пора ли в преподавании вернуться на почву исходных конкретных понятий?» [18]. В целях исправления сложившейся негативной ситуации Арнольд предлагает в вопросах преподавания рассматривать математику как часть физики. Потому что схема построения математической теории совершенно такая же, как в любой естественной науке. В возвращении преподавания математики на всех уровнях к изложению важной естественнонаучной области он видит насущную задачу образования [18]. Философские представления Арнольда о природе математики передаёт следующая цитата: «Математика – это содержательная наука об устройстве мира, она, как и физика, – экспериментальная наука и сознательное сложение простых дробей 1/2 и 1/3 – стандартный элемент общечеловеческой культуры» [18, с. 1322]. По Арнольду отход от подобных представлений разрушает мотивацию обучения математике. А понять немотивированное определение психологически невозможно. Потому-то современные учебники математики так трудны для понимания. Технология внешнего контроля правильности математических утверждений экспериментами или наблюдениями такая же, как и в любой экспериментальной науке, и ей следует с самого начала учить школьников младших классов. Общий вывод о математическом образовании: «Попытки обойтись без вмешательства физики и реальности в математику – сектантство и изоляционизм, разрушающий образ математики как полезной человеческой деятельности в глазах всех разумных людей» [19, с. 232].

Приведённые критические замечания В. И. Арнольда, его предложения о реформировании современного математического образования перекликаются с аналогичными рассуждениями А. Пуанкаре. Мысли Пуанкаре Арнольд неоднократно цитирует в своих статьях, ссылается на них, сетуя на то, что в современной Франции они незаслуженно забыты, и в отходе от методологических принципов, утверждаемых Пуанкаре, видит причину недостатков математического образования нынешней Франции.

Выводы

Таким образом, мы видим, что высказанные 200 лет тому назад положения о том, каким образом должно быть построено математическое образование инженера, не утратили своего значения до настоящего времени. Они вновь востребованы и поэтому при решении проблем современного инженерного образования целесообразно обращение к имеющимся историческим образцам.

Результаты выполненного исследования свидетельствуют о целесообразности исторического подхода к рассмотрению указанной проблемы. За более чем 200-летнюю историю инженерного образования накоплен значительный методический опыт преподавания математики инженерам. Существует много учебников, написанных физиками и инженерами и отражающих их точку зрения на преподавание математики. Имеется опыт построения методической системы обучения алгебре и анализу на основе логики прикладной математики. Специально разрабатывались организационно-методические формы, стремящиеся приблизить преподавание математики к запросам инженерной науки и практики.

Исходя из существующего опыта, можно выделить следующие дидактические принципы, которые целесообразно положить в основу современной математической подготовки инженера:

– принцип целеполагания, учитывающий профессиональные интересы и психологические особенности инженера;

– принцип сочетания фундаментальной и прикладной научной подготовки выпускников;

– принцип «индукции»;

– принцип преобладания синтетических построений над аналитическими процедурами.

Указанные принципы имеют непосредственное отношение к решению проблемы интеграции математической и инженерной подготовки. Целесообразность их практического использования прошла историческую проверку.

Список литературы

1. **Мрочек, В.** Педагогика математики. Исторические и методические этюды / В. Мрочек, Ф. Филиппович. – СПб., 1910. – 384 с.
2. **Фройденталь, Г.** Математика как педагогическая задача / Г. Фройденталь. – М. : Просвещение, 1982. – Ч. 1. – 208 с.
3. **Болибрух, А. А.** Воспоминания и размышления о давно прошедшем / А. А. Болибрух. – М. : МЦНМО, 2013. – 128 с.
4. **Федосеев, В. М.** Математика в истории инженерного образования: поиски оснований интеграции с инженерными дисциплинами / В. М. Федосеев. – Пенза : Изд-во Пенз. гос. технол. ун-та, 2015. – 186 с.
5. **Родионов, М. А.** Роль математического образования в формировании инновационной активности будущего врача / М. А. Родионов, П. Г. Пичугина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 2 (30). – С. 219–227.
6. **Тимошенко, С. П.** Инженерное образование в России / С. П. Тимошенко. – Люберцы : Изд-во ВИНИТИ, 1997. – URL: http://www.emomi.com/download/timoshenko_obrasovanie/
7. **Крылов, А. Н.** Собрание трудов / А. Н. Крылов. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936–1956. – Т. 1, ч. 2. – URL: http://ilib.mccme.ru/krylov/
8. **Вентцель, Е. С.** Методологические особенности прикладной математики на современном этапе / Е. С. Вентцель // Математики о математике. – М. : Знание, 1982. – С. 37–54.
9. **Пуанкаре, А.** О науке / А. Пуанкаре. – М. : Наука, 1983. – 560 с.
10. **Выгодский, М. Я.** Возникновение дифференциальной геометрии : вводная статья к книге / М. Я. Выгодский // Приложения анализа к геометрии / Г. Монж. – М. ; Л. : ОНТИ, 1936. – С. 12–70.
11. **Клейн, Ф.** Лекции о развитии математики в XIX столетии / Ф. Клейн. – М. : Наука, 1989. – 456 с.
12. **Бугаев, Н. В.** Математика как орудие научное и педагогическое / Н. В. Бугаев // Математический сборник. – 1868. – Т. 3, № 4. – С. 183–216.
13. Философия техники: история и современность. – М. : ИФ РАН, 1997. – 283 с.
14. **Рыжов, В. П.** Инженерное творчество и проблемы современного инженерного образования / В. П. Рыжов // Открытое образование. – 2005. – № 5. – С. 80–84.
15. **Сапрыкин, Д. Л.** Инженерное образование в России: история, концепции, перспективы / Д. Л. Сапрыкин // Высшее образование в России. – 2012. – № 1. – С. 125–134.
16. В Казани обсудили глобальные вызовы инженерного образования // Вузовский вестник. – 2013. – № 20 (188). – С. 1, 8, 9.

17. Всемирная инициатива CDIO : материалы для участников Междунар. семинара по вопросам инноваций и реформированию инженерного образования / под ред. Н. М. Золотарёвой, А. Ю. Умарова. – М. : Изд. дом МИСиС, 2011. – 60 с.
18. **Арнольд, В. И.** Математика и физика: родитель и дитя или сёстры? / В. И. Арнольд // Успехи физических наук. – 1999. – Т. 169, № 12. – С. 1311–1322.
19. **Арнольд, В. И.** О преподавании математики / В. И. Арнольд // Успехи математических наук. – 1998. – Т. 53, № 1. – С. 229–234.

References

1. Mrochek V., Filippovich F. *Pedagogika matematiki. Istoricheskie i metodicheskie etyudy* [Mathematics teaching. Historical and methodological studies]. Saint-Petersburg, 1910, 384 p.
2. Froydental' G. *Matematika kak pedagogicheskaya zadacha* [Mathematics as a pedagogical problems]. Moscow: Prosveshchenie, 1982, part 1, 208 p.
3. Bolibrukh A. A. *Vospominaniya i razmyshleniya o davno proshedshem* [Memoirs and reflections on the far gone]. Moscow: MTsNMO, 2013, 128 p.
4. Fedoseev V. M. *Matematika v istorii inzhenernogo obrazovaniya: poiski osnovaniy integratsii s inzhenernymi distsiplinami* [Mathematics in the history of engineering educations: searching bases for integration with engineering disciplines]. Penza: Izd-vo Penz. gos. tekhnol. un-ta, 2015, 186 p.
5. Rodionov M. A., Pichugina P. G. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2014, no. 2 (30), pp. 219–227.
6. Timoshenko S. P. *Inzhenernoe obrazovanie v Rossii* [Engineering education in Russia]. Lyubertsy: Izd-vo VINITI, 1997. Available at: http://www.emomi.com/download/timoshenko_obrasovanie/
7. Krylov A. N. *Sobranie trudov* [Collected works]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1936–1956, vol. 1, part 2. Available at: http://ilib.mccme.ru/krylov/
8. Venttsel' E. S. *Matematiki o matematike* [Mathematicians on mathematics]. Moscow: Znanie, 1982, pp. 37–54.
9. Puankare A. *O nauke* [About science]. Moscow: Nauka, 1983, 560 p.
10. Vygodskiy M. Ya. *Prilozheniya analiza k geometrii* [Analysis applications to geometry]. Moscow; Leningrad: ONTI, 1936, pp. 12–70.
11. Kleyn F. *Lektsii o razvitii matematiki v XIX stoletii* [Lectures about mathematics development in XIX century]. Moscow: Nauka, 1989, 456 p.
12. Bugaev N. V. *Matematicheskiy sbornik* [Mathematical collection]. 1868, vol. 3, no. 4, pp. 183–216.
13. *Filosofiya tekhniki: istoriya i sovremennost'* [Engineering philosophy: history and modern times]. Moscow: IF RAN, 1997, 283 p.
14. Ryzhov V. P. *Otkrytoe obrazovanie* [Open education]. 2005, no. 5, pp. 80–84.
15. Saprykin D. L. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia]. 2012, no. 1, pp. 125–134.
16. *Vuzovskiy vestnik* [University bulletin]. 2013, no. 20 (188), pp. 1, 8, 9.
17. *Vsemirnaya initsiativa CDIO: materialy dlya uchastnikov Mezhdunar. seminara po voprosam innovatsiy i reformirovaniyu inzhenernogo obrazovaniya* [CDIO world initative: proceedngs of the International seminar on problems of innovations and reforming of engineering education]. Eds. N. M. Zolotareva, A. Yu. Umarov. Moscow: Izd. dom MISiS, 2011, 60 p.
18. Arnol'd V. I. *Uspekhi fizicheskikh nauk* [Advances of physical sciences]. 1999, vol. 169, no. 12, pp. 1311–1322.
19. Arnol'd V. I. *Uspekhi matematicheskikh nauk* [Advances of mathematical sciences]. 1998, vol. 53, no. 1, pp. 229–234.

Федосеев Виктор Михайлович
кандидат технических наук, доцент, профессор кафедры математики, Пензенский государственный технологический университет (Россия, г. Пенза, проезд Байдукова / ул. Гагарина, 1а/11)

E-mail: fedoseev_vik@mail.ru

Fedoseyev Victor Mikhaylovich
Candidate of engineering sciences, associate professor, professor at sub-department of mathematics, Penza State Technological University (1a/11Baydukova lane / Gagarina street, Penza, Russia)

Родионов Михаил Алексеевич
доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой алгебры и методики обучения математике и информатике, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: do7tor@mail.ru

Rodionov Mikhail Alekseevich
Doctor of pedagogical sciences, professor, head of sub-department of algebra and mathematics/informatics teaching methods, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 378.12:51
Федосеев, В. М.
Интеграция инженерной и математической подготовки как историко-педагогическая проблема / В. М. Федосеев, М. А. Родионов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 200–211. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-19

УДК 377
DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-20

Л. Ю. Королева

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ КРЕАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ В ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация.

Актуальность и цели. Сегодня педагогика проявляет повышенное внимание к творческому потенциалу человека и нацелена на развитие креативности будущих специалистов, их способности творчески и наиболее эффективно применить профессиональные знания и умения. Однако творческая деятельность человека, как отмечают исследователи в разных областях науки, остается непознанной сферой. Цель исследования – выявить характеристики креативной личности и факторы, влияющие на развитие креативности.

Материалы и методы. Реализация целей исследования достигнута на основе изучения научной психолого-педагогической литературы по проблеме развития креативной личности. Проведен анализ исследований в области изучения качеств креативной личности (Б. Г. Ананьев, А. М. Матюшкин, Л. С. Подымова, В. А. Сластенин, Е. П. Торренс и др.); мотивационных характеристик креативности (Э. Боно, Е. С. Рапацевич, К. Роджерс, В. Ю. Сапугольцев, К. Юнг и др.); Я-концепции творческой личности (В. И. Андреев, Е. Д. Беспанская, Т. А. Барышева, С. А. Новоселов, Л. С. Попова и др.); взаимосвязи деятельности и креативности (Б. М. Теплов, С. Л. Рубинштейн и др.); влияния среды на развитие креативности (В. Н. Дружинин, Д. Саймонтон и др.).

Результаты. В материалах статьи представлен анализ литературных источников, посвященных формированию креативной личности. Выявлены характеристики креативной личности, факторы, влияющие на развитие креативности.

Выводы. Выявленные факторы развития креативности могут лечь в основу организации образовательной среды и деятельности, разработки педагогических методов и средств, направленных на развитие креативности студента как качества, способствующего личностному и профессиональному становлению.

Ключевые слова: творческое развитие, творчество, креативность, развитие креативности, дизайн-образование.

L. Y. Koroleva

THE PROBLEM OF CREATIVE PERSONALITY FORMING IN PSYCHOLOGICAL AND EDUCATIONAL RESEARCH

Abstract.

Background. Nowadays, pedagogy is very interested in human creative potential. Educators seek to develop creativity of future experts and their ability to effectively apply professional knowledge and skills. However, different researcher from different fields of science note that human creativity hasn't been studied up to the end. The purpose of the study is to identify the characteristics of a creative personality and creativity development factors.

Materials and methods. The research objectives were implemented through studying scientific psychological and pedagogical literature on the problem of development of a creative personality. The author analyzed research works about qualities of a creative personality (B. G. Ananyev, A. M. Matyushkin, L. S. Podymova,

V. A. Slastenin, E. P. Torrance etc.); motivational characteristics of creativity (E. Bono, E. S. Rapatsevich, K. Rogers, V. Y. Apogolize, K. Jung etc.); the self-concept of a creative personality (V. I. Andreev, E. D. Bespanskaya, T. A. Barysheva, S. A. Novoselov, L. S. Popova etc.); relationships and creativity (B. M. Teplov, S. L. Rubinstein etc.); the influence of environment on development of creativity (V. N. Druzhinin, D. Simonton etc.).

Results. The article presents the analysis of the literature on formation of a creative personality, as well as reveals the characteristics of creative individuals, factors of creativity development.

Conclusions. The factors of creativity development can be the basis of organization of educational environment and activities, pedagogical methods and tools of creativity development.

Key words: development of creativity, design education.

Сегодня работодателями многих отраслей деятельности ценятся работники с развитой креативностью. Творческий человек быстрее адаптируется к изменениям в науке и на производстве, быстрее осваивает и эффективнее выполняет свою работу, привносит новые идеи, новый опыт, новые перспективы предприятию. В связи с этим пристальное внимание современного профессионального образования обращено к творческому развитию учащихся.

Развивая креативность молодого специалиста, прежде всего необходимо обратиться к его личности. Студенческий возраст выпадает на начало периода, который имеет специфические закономерности и является важным этапом развития личности. Этот период характеризуется определенными особенностями: самоутверждение личности, самосознание, разнообразие ценного жизненного опыта; формирование ценностных ориентаций, формирование своего особого мировоззрения [1]. Студенчество отличается активным познанием новых информационных областей, углублением познания в известных областях, освоением способов репродуктивной и творческой деятельности, дающих положительную мотивацию на формирование познавательного интереса студентов в профессиональной деятельности [2].

Ряд исследователей полагает, что наиболее благоприятным возрастным периодом для развития креативности является старший дошкольный возраст. Однако мы придерживаемся взгляда ученых, имеющих иное мнение о том, что развивать креативность можно и необходимо в любом возрасте (Г. С. Альтшуллер [3]). Кроме того, каждый человек обладает коллосальными возможностями развития творческих способностей, если для этого будут созданы определенные условия [4, 5].

Проведенный нами анализ основных подходов, посвященных формированию креативности студентов и молодых специалистов, указывает на существование взаимосвязи личностных особенностей и проявления творческого отношения к выполняемой деятельности. На развитие креативности, как подчеркивают ученые, большое влияние оказывают личностные особенности индивида, его эмоциональные и мотивационные факторы. В. А. Сластенин и Л. С. Подымова [6] выделяют личностные черты креативных людей:

– интеллектуальная активность;
– самокритичность;
– оптимизм;
– самоуважение;

– трудолюбие (целеустремленность, планомерность работы, усидчивость, аккуратность);

– любознательность;

– склонность к риску;

– авантюризм.

К личностным чертам, не способствующим развитию креативности, В. А. Сластенин и Л. С. Подымова относят следующие:

– интеллектуальная пассивность;

– стеснительность;

– самонадеянность;

– агрессивность;

– самодовольство;

– леность;

– непризнание социальных ограничений и чужих мнений;

– неуверенность в себе, низкая самооценка.

Особая роль, по мнению исследователей, отводится таким личностным параметрам, как самооценка, на которую влияет уровень притязаний и удовлетворенность деятельностью; значение и смысл деятельности; ответственность перед собой и обществом за результаты деятельности; коммуникативные качества. На проявление и развитие креативности оказывает влияние также воображение, интуиция, неосознаваемые компоненты умственной активности [6].

Б. Г. Ананьевым среди свойств творческой личности выделены следующие: глубина и острота мысли, необычность постановки вопроса и его решения, интеллектуальная инициатива [7]. Е. П. Торренс указывает на черты, характерные для любой творческой личности: потребность в развитии, постоянном росте, устойчивая направленность на творчество, мотивационно-творческая активность, которая проявляется в единстве с высоким уровнем творческих способностей и позволяет личности достигнуть прогрессивных социально или лично значимых творческих результатов [8].

Мотивационно-ценностный компонент в структуре креативности выделяют множество ученых, считающих человеческое стремление к самоактуализации и реализации своего потенциала основными источниками креативности. По мнению К. Роджерса, эта тенденция существует у каждого и ожидает только подходящих условий, чтобы выразиться и реализоваться [9]. Доктор Эдвард де Боно также подчеркивает, что научиться быть креативным может любой человек – для этого ему нужна мотивация, а также комплекс приемов, помогающих формировать способность находить новые сочетания элементов или рассматривать их с неожиданных точек зрения [10]. Таким образом, наличие мотивации является необходимым условием для развития креативности будущих дизайнеров.

Мотивация развития творческих способностей – одна из центральных проблем практической педагогики. В. А. Сластенин и Л. С. Подымова высказывают две точки зрения в отношении мотивационных характеристик креативности, обе из которых, по мнению ученых, выражают верные индивидуальные варианты развития мотивационной сферы креативных людей. Согласно одной точке зрения мотивация креативных людей основана на стремлении наилучшим образом реализовать себя, максимально соответствовать своим

возможностям, выполнить новые способы деятельности. Согласно другой точке зрения креативный человек испытывает постоянную тягу к риску, к проверке предела своих возможностей [6].

Ученые разделяют мотивацию на внешнюю и внутреннюю. Внешняя мотивация, согласно Е. С. Рапацевичу, исходит от форм ценностной ориентации исследователя-творца. «Эти формы (жажда славы, материальных преимуществ, высокой социальной позиции и т.п.) могут быть для него в высшей степени значимы, могут быть представлены в самых глубинах его личности, и тем не менее они являются внешними по отношению к развивающейся науке (технике или искусству), в которой живет творец со всеми своими привязанностями, страстями и надеждами» [11, с. 763–764]. Среди внешних мотивов Е. С. Рапацевич выделяет также честолюбие, «поскольку творческая деятельность, им мотивируемая, выступает для творца в виде средства достижения целей» [11, с. 764].

К внешним мотивам относится социальная фасилитация – эффект, при котором происходит повышение скорости или продуктивности творческой деятельности человека в присутствии воображаемых или реальных людей, выступающих в качестве соперника или наблюдателя за его действиями. Здесь также уместно упомянуть такие понятия, как «творческий коллектив» или «творческий климат». В современных условиях роста коллективного творчества особенно актуально изучение психологического климата в творческих коллективах. Система взаимодействия в таком коллективе должна исключать давление: исследования психологов подтверждают, что оно угнетает творческую активность. Творческий климат предполагает устойчивые положительные эмоции у всех членов коллектива, высокий уровень взаимоуважения, взаимопонимания и доверия, требовательности и принципиальности, чуткости и предупредительности, признание заслуг, эффективные деловые контакты и устранение психологических барьеров [12].

Среди внешних мотивов значительное место занимает нравственно-психологическая сторона творческой деятельности: сознание социальной важности и значимости проводимой работы; чувство нравственного долга творческих личностей перед своим народом и человечеством.

Непривлекательными стимулом для творчества считается зависть, подталкивающая человека к совершению враждебных действий по отношению к объекту зависти и оказывающая разрушающее воздействие на саму личность завидующего. Однако существует понятие так называемой «белой зависти», когда чужой успех оказывается для индивида стимулом творческой активности и стремления к соревнованию, «толчком», побуждающим к самосовершенствованию и улучшению собственной деятельности. В данном случае зависть может оказать положительное влияние на творчество. Важно, чтобы зависть не ограничивала мотивацию достижением именно той цели, которой кто-то уже достиг, не сужала мышление до потребности чужого успеха. Это приводит к потере идентификации и стремлению к чужим целям, а следовательно, к личностному провалу [13].

Внутренние мотивы творчества – это интеллектуальные и эстетические чувства, возникающие в процессе творческой деятельности: любознательность, удивление, чувство новизны, сомнение или уверенность в правильности направления поиска, чувство юмора и иронии. К. Юнг выделил пять ин-

стинктов у человека, среди которых есть творческий инстинкт [14]. Творческая личность поступает согласно своей природе – инстинктивно. Она испытывает непроизвольное влечение к творчеству, находя удовольствие не столько в творческом продукте, сколько в самом процессе творческой деятельности.

У творческих людей в высшей степени развито стремление уменьшить степень неведения об окружающем мире. Этот внутренний мотив сродни инстинкту утоления жажды [15]. Утоляя жажду познания, творческая личность испытывает большое наслаждение. Эстетическое наслаждение процессом и результатом творческой деятельности – еще один внутренний мотив творчества. Эстетическое удовлетворение повышает творческую энергию человека и стимулирует деятельность.

Внутренние и внешние виды мотивации тесно связаны между собой, однако внешние мотивы могут служить двигателем творческой деятельности только посредством внутренней мотивации. Таким образом, проведенное исследование указывает на то, что творческая активность и креативность – это сущностная характеристика всех видов человеческой деятельности.

Здесь необходимо отметить основные моменты концепции С. Л. Рубинштейна по изучению проблемы деятельности личности [16]. На начальном этапе своих исследований он подчеркивает преимущественное влияние деятельности на развитие и проявление личности, психику человека можно изучать через ее проявления в практической деятельности [17]. Это подтверждают и слова Н. Г. Чернышевского, о том, что достоверные сведения об уме и характере человека приобретаются только изучением поступков этого человека [18]. На втором этапе своих исследований С. Л. Рубинштейн говорит об активности в личности, о деятельной личности [17]. В первом случае указывается на роль деятельности в развитии личности, во втором – на роль самой личности, ее активности. Эту мысль развивал также и А. С. Макаренко и на примере трудовой колонии доказал, что разумно организованная деятельность, глубоко продуманная система воспитательных мер и воздействий на воспитанников этой колонии формировали у них ценные качества личности [18]. Личность, одновременно осуществляя себя в деятельности, получает свое становление и развитие через деятельность.

Выделение мотивационного компонента творческой деятельности составляет особую значимость для нашего исследования, однако немаловажным является и выявление внутренних барьеров, тормозящих творческие усилия. А. Н. Лук указывает на следующие человеческие чувства, негативно сказывающиеся на проявлении творческой активности:

– страх (боязнь провала), по мнению исследователя, – самый опасный враг творчества. Он сковывает воображение и инициативу;

– чрезмерная самокритичность. Слишком придирчивая самооценка, как считает ученый, приводит к творческому параличу;

– лень [19].

Ю. В. Асоскова, О. Н. Кинякина, О. Г. Овчинникова [20] в качестве барьеров творческой деятельности выделяют плохое самочувствие человека, его неуверенность в собственных силах, закомплексованность (боязнь неудачи, критики, неспособность отстоять свою точку зрения), ощущение себя неполноценным, пессимизм. Исследователи считают, что человеку для прояв-

ления творческих способностей необходимо относиться к себе с уважением и не стесняться проявлять эмоции и чувства. Человек постоянно нуждается в чувстве одобрения, оно порождает чувство успеха, оказывает стимулирующее воздействие. Под воздействием различных внешних факторов у человека складывается мнение о самом себе, многие люди пытаются соответствовать некому идеалу, навязанному мнением окружающих. Несоответствие этому идеалу делает человека напряженным, неуравновешенным, недовольным собой. Негативное отношение к окружающему миру и себе не способствует раскрытию креативных качеств. Такой человек подвержен внешним влияниям, выполняет команды других, а с себя старается снять ответственность, он действует с оглядкой на прошлое, выполняет действия, следуя привычному для него алгоритму.

Таким образом, чтобы помочь человеку проявить творческие способности, необходимо формирование у него позитивного отношения к себе, самоуважения, принятия себя, ощущения собственной ценности. Перечисленные характеристики составляют позитивную Я-концепцию личности. На взаимосвязь позитивной Я-концепции и креативности указывают исследования Е. Д. Беспанской, Т. А Барышевой, С. А. Новоселова, Л. С. Поповой [21, 22]. В. И. Андреевым разработана «Я-концепция творческого саморазвития» [23].

Я-концепция по Р. Бернсу – это совокупность всех представлений человека о самом себе, сопряженная с их оценкой [24]. Формирование позитивной Я-концепции имеет особую важность в студенческие годы, поскольку профессиональное и личностное самоопределение являются основной проблемой в этом возрасте. Студенческие годы – это пора, когда развитию самосознания личности сопутствует формирование таких важных качеств, как социальная ответственность и независимость в выборе путей развития, что органически сопряжено с профессиональным становлением [25]. Поскольку в юношеские годы роль оценок окружающих в формировании самооценки личности еще высока, наиболее важно общение человека со значимыми лицами, в котором юноши и девушки нередко получают о себе прямую информацию в оценочных терминах [26]. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы относительно влияния Я-концепции личности на проявление креативности:

1. Каждый человек испытывает потребность в положительном «Я образе». Человек с негативной Я-концепцией подвержен влиянию окружающих, тревожен, стремится снять с себя ответственность (экстернальность), не испытывает потребности в достижениях, не уверен в собственных силах, боится высказывать собственное мнение и проявлять индивидуальность, склонен действовать по однажды выбранному шаблону, что негативно сказывается на творческой деятельности.

2. Позитивная Я-концепция личности характеризуется уверенностью личности в собственных силах, высокой мотивацией к творчеству, потребностью в достижениях, самовосприятием, самоутверждением, проявлением высокой ответственности за жизненные ситуации (интернальность). Человек с позитивной Я-концепцией дает правильную оценку действительности, не поддается влиянию окружающих, проявляет инициативу, что положительно сказывается на творческой деятельности.

3. Я-концепция должна отражать действительность, а не формировать завышенную самооценку, в противном случае принятые человеком за креативные решения в действительности не будут таковыми.

Ученые выделяют также генетические предпосылки творчества: задатки, порог реагирования и познавательные потребности. Развитая на этих предпосылках креативность называется генотипической [12]. Задатки как врожденные анатомо-физиологические особенности имеют значение для развития способностей. Однако, как отмечает в своих исследованиях Б. П. Никитин, богатство возможностей развития способностей скрыто не в природе наследственности, а в методах и условиях развития личности [5]. Важной, на наш взгляд, характеристикой креативности является порог реагирования на новизну. Согласно мнению А. М. Матюшкина эта заложенная генетически характеристика человека изначально определяет способность человека к творческой деятельности. Люди, для которых порог реагирования на новизну не велик (не нужны мощные раздражители, достаточно небольшого отличия нового от старого), входят в число криэйторов, лидеров, новаторов [27].

Обусловленная влиянием природных факторов креативность проявляется в деятельности. Деятельность креативов заметно отличается от деятельности окружающих его людей – она осуществляется быстрее, качественнее, оригинальнее. Для нашего исследования принципиально важно отметить обратную взаимосвязь между деятельностью и креативностью. Креативность проявляется исключительно в деятельности и развивается в ней. Б. М. Теплов писал: «Не в том дело, что способности проявляются в деятельности, а в том, что они создаются в этой деятельности» [28, с. 15]. При этом говорят о развивающей личностно значимой деятельности для индивида, вокруг которой сосредотачиваются и реализуются все его возможности. Главные отличия значимости деятельности заключаются в том, что человек выполняет ее с большой радостью и желанием; деятельность носит не воспроизводящий, а творческий характер; ведется на повышенном уровне сложности. Развивающая деятельность опережает развитие, ведя за собой человека, ориентируя его на те компоненты способностей, которые еще не полностью сформировались.

Очевидно, что творческое начало личности дизайнера лежит в его индивидуальных психических особенностях, основывается на совокупности его ценностных ориентаций. Вместе с тем креативность личности опирается на ее общую эрудицую и культуру, которые она избирательно черпает из окружающей среды.

На вопрос о влиянии среды на креативность существуют две точки зрения. Д. Саймонтон и ряд других ученых придерживаются мнения, что для развития креативности максимально благоприятной является социально и политически не стабильная среда [29].

По мнению представителей средового подхода, креативность личности не может проявляться по принуждению. Исследования ученых данного направления указывают на то, что в случае угрозы со стороны окружения человек проявляет заторможенность и осмотрительность, что приводит к боязни свободно выражать свои мысли и идеи. Наличие гармоничных отношений, по их мнению, – необходимое условие развития креативности. Среда, благоприятная для развития и проявления креативности, характеризуется не только ее принятием, но и стимулированием членов окружения друг другом. Она также

должна подкреплять креативное поведение, представлять образцы творческого поведения для подражания (В. Н. Дружинин) [29]. Мы опираемся на идею Б. М. Теплова о первостепенности влияния ценностей культуры на развитие личности [28]. Среда воздействует на человека тем сильнее, чем более насыщена она эстетическим и духовным содержанием. Нам близка мысль ученого о том, что «переживание выступает главной категорией учения о личности, обозначающей основную единицу ее построения и развития» [28]. Переживание выступает как особая форма невербального знания, неразрывно связанная с эмоциональной, смысловой и деятельностной составляющими.

Мы считаем, что креативность дизайнера не возможна без когнитивной составляющей. Выделение когнитивного компонента креативности будущих дизайнеров связано с таким феноменом, как конкурентоспособность. Ряд ученых полагает, что «знание сегодня становится единственным источником долговременного устойчивого конкурентного преимущества, поскольку все остальное выпадает из уравнения конкуренции» [30, с. 19]. Естественно, приобретение одних лишь знаний сегодня не достаточно, чтобы стать хорошим специалистом, однако нам близка мысль ученых о том, что тем разнообразнее подходы человека к решению новых, нестандартных задач и проблем, чем больше знаний им усвоено. Поскольку знание сегодня активно развивается, необходимо привить студенту желание постоянно познавать новое, т.е. желание исследовать.

Итак, анализ, представленный в материалах данной статьи, позволяет нам сделать следующие выводы:

– креативность как личностное образование проявляется образом жизни и деятельности человека и изменяется с изменением его жизнедеятельности; в развитии креативности решающую роль играют внешние условия: обучение, воспитание и те виды деятельности, которые выполняет человек;

– креативная деятельность должна носить творческий характер, а не репродуктивный; т.е. должны доминировать ситуации незавершенности или открытости;

– креативная деятельность должна проходить на повышенном уровне сложности, носить проблемный характер, обеспечивать переживание и потрясения и ориентироваться на формирование тех компонентов способностей, которые еще не сформировались;

– креативная деятельность должна быть положительно мотивированной;

– креативность развивается в процессе усвоения и приумножения знания, в процессе исследовательской деятельности. Чем больше знаний усвоено человеком, тем разнообразнее его подходы к решению новых нестандартных задач и проблем;

– развитию креативности препятствуют: негативное отношение к себе и своей деятельности, неуверенность в себе, тревожность, страх провала, стремление снять с себя ответственность, боязнь проявить индивидуальность, лень, стереотипы в мышлении, конформность, следование за авторитетом, неодобрительные оценки окружающих по отношению к деятельности, ее продуктам и личности творца;

– для проявления креативности необходима благоприятная, непринужденная атмосфера, стимулирующая мотивацию к творчеству, положительное

отношение к себе и своей деятельности, подкрепленная образцом креативного поведения (преподавателем).

Формирование креативности выпускников вузов не просто важно, но и необходимо, поскольку это поможет их личностному и профессиональному становлению, сможет задать темп для дальнейшего непрерывного творческого самосовершенствования, что благотворно скажется на развитии общества в целом.

Список литературы

1. **Винославська, А. В.** Психология : учеб. пособие / А. В. Винославська, О. А. Бреусенко-Кузнецов, В. Л. Зливков, А. Ш. Апишева, О. С. Васильева. – Киев : ИНКОС, 2005. – 351 с.
2. **Варлакова, Ю. Р.** Развитие креативности будущих бакалавров педагогического образования : дис. … канд. пед. наук / Варлакова Ю. Р. ; Красноярский государственный педагогический университет. – Красноярск, 2013. – 208 с.
3. **Альтшуллер, Г. С.** Найти идею: Введение в ТРИЗ – теорию решения изобретательских задач / Г. С. Альтшуллер. – 2-е изд. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2008. – 400 с.
4. **Боно, Э.** Учите своего ребенка мыслить / Э. Боно ; пер. с англ. – 2-е изд. – Минск : Попурри, 2008. – 432 с.
5. **Никитин, Б. П.** Способный ребенок не дар природы (Теория возникновения творческих способностей) / Б. П. Никитин. – URL: http://nikitiny.ru/sites/default/files/books/%20возникновения%20и%20развития%20творческих%20способностей.pdf (дата обращения: 02.02.2015).
6. **Сластенин, В. А.** Педагогика: Инновационная деятельность / В. А. Сластенин, Л. С. Подымова. – М. : Магистр, 1997. – 224 с.
7. **Ананьев, Б. Г.** Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – М. : Наука, 2000. – 351 с.
8. **Torrance, E. P.** The nature of creativity as manifest in the testing / E. P. Torrance // The nature of creativity / eds. by R. Sternberg, T. Tardif. – Cambridge : Cambr. Press, 1988. – P. 43–75.
9. **Роджерс, К.** Творчество как усиление себя / К. Роджерс // Вопросы психологии. – 1990. – № 1. – С. 164–168.
10. **Боно, Э.** Курсы развития мышления / Э. Боно. – Минск : Попурри, 2012. – 128 с.
11. Современный словарь по педагогике / сост. Е. С. Рапацевич. – М. : Современное слово, 2001. – 928 с.
12. **Сапугольцев, В. Ю.** Развитие креативности будущих дизайнеров костюма : дис. … канд. пед. наук / Сапугольцев В. Ю. ; Оренбургский государственный университет. – Оренбург, 2011. – 244 с.
13. **Карепова, Э.** Феномен зависти: палач и жертва в одном чувстве // «ПСИ-ФАКТОР» – информационный ресурсный центр по научной и практической психологии. – URL: http://psyfactor.org/lib/envy.htm (дата обращения: 02.02.2015).
14. **Хиллман, Д.** Миф анализа: Три очерка по архетипической психологии / Д. Хиллман. – М. : Когито-Центр, 2005. – 352 с.
15. **Матюшкин, А. М.** Проблемные ситуации в мышлении и обучении / А. М. Матюшкин. – М. : Педагогика, 1972. – 168 с.
16. **Рубинштейн, С. Л.** Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2005. – 720 с.
17. **Абульханова, К. А.** Диалектика человеческой деятельности / К. А. Абульханова. – М. : Наука, 1979. – 224 с.
18. **Гоноболин, Ф. Н.** Психология / Ф. Н. Гоноболин. – М. : Просвещение, 1973. – 124 с.

19. **Лук, А. Н.** Мышление и творчество / А. Н. Лук. – М. : Политиздат, 1976. – 144 с.
20. **Кинякина, О.** Мозг на 100 %. Интеллект. Память. Креатив. Интуиция. Интенсив-тренинг по развитию суперспособностей / О. Кинякина, Т. Захарова, П. Лем, Ю. Осокова, О. Овчинникова. – 2-е изд., улучш. и доп. – М. : Эксмо, 2009. – 848 с.
21. **Беспанская, Е. Д.** Я-концепция подростков с различным уровнем креативности и познавательной активности / Е. Д. Беспанская // Электронная библиотека БГУ. – URL: http://elib.bsu.by/handle/123456789/10934 (дата обращения: 02.02.2015).
22. **Новоселов, С. А.** Управление креативностью как фактор профессионального развития личности / С. А. Новоселов, Л. С. Попова // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 3. – С. 58–64.
23. **Андреев, В. И.** Конкурентология: учебный курс для творческого саморазвития конкурентоспособности / В. И. Андреев. – Казань : Центр инновационных технологий, 2006. – 470 с.
24. **Бернс, Р.** Развитие Я-концепции и воспитание / Р. Бернс. – М. : Прогресс, 1986. – 422 с.
25. **Шилов, Ю. Е.** Развитие Я-концепции студентов вуза в процессе профессионального становления : автореф. дис. … канд. психол. наук / Шилов Ю. Е. – Казань, 2006. – 18 с.
26. **Архипова, А. Ю.** Я-концепция в юношеском возрасте / А. Ю. Архипова // Психология в России и за рубежом : материалы Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, октябрь 2011 г.). – СПб. : Реноме, 2011. – С. 16–18.
27. **Еськов, В. М.** Поддержка одаренности – социальная необходимость для поддержки безопасности России : моногр. / В. М. Еськов. – Сургут : Изд-во СурГУ, 2001. – 205 с.
28. **Теплов, Б. М.** Проблемы индивидуальных различий / Б. М. Теплов. – М., 1961. – 536 с.
29. **Дружинин, В. Н.** Психология общих способностей : моногр. / В. Н. Дружинин. – 3-е изд. – СПб. : Питер, 2007. – 368 с.
30. **Зникина, Л. С.** Условия формирования профессиональной компетентности специалистов / Л. С. Зникина // Профессиональное образование. Приложение «Педагогическая наука – практике». Новые исследования. – 2004. – № 4. – С. 18–20.

References

1. Vinoslavs'ka A. V., Breusenko-Kuznetsov O. A., Zlivkov V. L., Apisheva A. Sh., Vasil'eva O. S. *Psikhologiya: ucheb. posobie* [Psychology: tutorial]. Kiev: INKOS, 2005, 351 p.
2. Varlakova Yu. R. *Razvitie kreativnosti budushchikh bakalavrov pedagogicheskogo obrazovaniya: dis. kand. ped. nauk* [Creativity development of future bachelors in pedagogy: dissertation to apply for the degree of the candidate of pedagogical sciences]. Krasnoyarskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. Krasnoyarsk, 2013, 208 p.
3. Al'tshuller G. S. *Nayti ideyu: Vvedenie v TRIZ – teoriyu resheniya izobretatel'skikh zadach* [Finding an idea: Introduction into the theory of inventive problem solving]. 2nd ed. Moscow: Al'pina Biznes Buks, 2008, 400 p.
4. Bono E. *Uchite svoego rebenka myslit'* [Teach your children to think]. Transl. from Engl. 2nd ed. Minsk: Popurri, 2008, 432 p.
5. Nikitin B. P. *Sposobnyy rebenok ne dar prirody (Teoriya vozniknoveniya tvorcheskikh sposobnostey)* [A capable child is not a gift of nature (The theory of creative abilities occurrence)]. Available at: http://nikitiny.ru/sites/default/files/books/%20vozniknoveniya%20i%20razvitiya%20tvorcheskikh%20sposobnostey.pdf (accessed February 2, 2015).
6. Slastenin V. A., Podymova L. S. *Pedagogika: Innovatsionnaya deyatel'nost'* [Pedagogy: innovation activity]. Moscow: Magistr, 1997, 224 p.

7. Anan'ev B. G. *Chelovek kak predmet poznaniya* [Human as a subject of cognition]. Moscow: Nauka, 2000, 351 p.
8. Torrance E. P. *The nature of creativity*. Eds. R. Sternberg, T. Tardif. Cambridge: Cambr. Press, 1988, pp. 43–75.
9. Rodzhers K. *Voprosy psikhologii* [Problems of psychology]. 1990, no. 1, pp. 164–168.
10. Bono E. *Kursy razvitiya myshleniya* [Thinking development courses]. Minsk: Popurri, 2012, 128 p.
11. *Covremennyy slovar' po pedagogike* [Modern pedagogical dictionary]. Compiled by E. S. Rapatsevich. Moscow: Sovremennoe slovo, 2001, 928 p.
12. Sapugol'tsev V. Yu. *Razvitie kreativnosti budushchikh dizaynerov kostyuma: dis. kand. ped. nauk* [Creativity development of future costume designers: dissertation to apply for the degree of the candidate of pedagogical sciences]. Orenburgskiy gosudarstvennyy universitet. Orenburg, 2011, 244 p.
13. Karepova E. *«PSI-FAKTOR» – informatsionnyy resursnyy tsentr po nauchnoy i prakticheskoy psikhologii* [PSY-FACTOR – the information resource center of scientific and practical psychology]. Available at: http://psyfactor.org/lib/envy.htm (accessed February 2, 2015).
14. Khillman D. *Mif analiza: Tri ocherka po arkhetipicheskoy psikhologii* [The myth of analysis: Three essays on architype psychology]. Moscow: Kogito-Tsentr, 2005, 352 p.
15. Matyushkin A. M. *Problemnye situatsii v myshlenii i obuchenii* [Problem situation in thinking and teaching]. Moscow: Pedagogika, 1972, 168 p.
16. Rubinshteyn S. L. *Osnovy obshchey psikhologii* [Foundations of general psychology]. Saint-Petersburg: Piter, 2005, 720 p.
17. Abul'khanova K. A. *Dialektika chelovecheskoy deyatel'nosti* [Dialectics of human activity]. Moscow: Nauka, 1979, 224 p.
18. Gonobolin F. N. *Psikhologiya* [Psychology]. Moscow: Prosveshchenie, 1973, 124 p.
19. Luk A. N. *Myshlenie i tvorchestvo* [Thinking and creativity]. Moscow: Politizdat, 1976, 144 p.
20. Kinyakina O., Zakharova T., Lem P., Osokova Yu., Ovchinnikova O. *Mozg na 100 %. Intellekt. Pamyat'. Kreativ. Intuitsiya. Intensiv-trening po razvitiyu supersposobnostey* [Brain at 100 %. Intelligence. Memory. Creativity. Intuition. Intensive training in superability development]. 2nd ed. Moscow: Eksmo, 2009, 848 p.
21. Bespanskaya E. D. *Elektronnaya biblioteka BGU* [BSU online library]. Available at: http://elib.bsu.by/handle/123456789/10934 (accessed February 2, 2015).
22. Novoselov S. A., Popova L. S. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia]. 2012, no. 3, pp. 58–64.
23. Andreev V. I. *Konkurentologiya: uchebnyy kurs dlya tvorcheskogo samorazvitiya konkurentosposobnosti* [Competition study: a training course for creative self-development of competitiveness]. Kazan: Tsentr innovatsionnykh tekhnologiy, 2006, 470 p.
24. Berns R. *Razvitie Ya-kontseptsii i vospitanie* [Development of I-concept and teaching]. Moscow: Progress, 1986, 422 p.
25. Shilov Yu. E. *Razvitie Ya-kontseptsii studentov vuza v protsesse professional'nogo stanovleniya: avtoref. dis. kand. psikhol. nauk* [Development of I-concept of university students in the process of professional formation: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of psychological sciences]. Kazan, 2006, 18 p.
26. Arkhipova A. Yu. *Psikhologiya v Rossii i za rubezhom: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, oktyabr' 2011 g.)* [Psychology in Russia and abroad: proceedings of the International scientific conference (Saint-Petersburg, October 2011)]. Saint-Petersburg: Renome, 2011, pp. 16–18.
27. Es'kov V. M. *Podderzhka odarennosti – sotsial'naya neobkhodimost' dlya podderzhki bezopasnosti Rossii: monogr.* [Supporting talent – a social necessity for supporting Russia's safety: monograph]. Surgut: Izd-vo SurGU, 2001, 205 p.

28. Teplov B. M. *Problemy individual'nykh razlichiy* [Problems of individual differences]. Moscow, 1961, 536 p.
29. Druzhinin V. N. *Psikhologiya obshchikh sposobnostey: monogr.* [Psychology of common abilities: monograph]. 3rd ed. Saint-Petersburg: Piter, 2007, 368 p.
30. Znikina L. S. *Professional'noe obrazovanie. Prilozhenie «Pedagogicheskaya nauka – praktike» Novye issledovaniya* [Professional education. Supplement "Pedagogical science to practice". New research]. 2004, no. 4, pp. 18–20.

Королева Ларианна Юрьевна
аспирант, Казанский национальный исследовательский технологический университет
(Россия, г. Казань, ул. К. Маркса, 68)

E-mail: larianna87@gmail.com

Koroleva Larianna Yur'evna
Postgraduate student, Kazan National Research Technological University
(68 K. Marxa street, Kazan, Russia)

УДК 377
Королева, Л. Ю.
Проблема формирования креативной личности в психолого-педагогических исследованиях / Л. Ю. Королева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 212–223. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-20

УДК 378
DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-21

А. И. Влазнев

ПОКАЗАТЕЛИ ОЦЕНИВАНИЯ И АНАЛИЗ РАЗВИТОСТИ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ ВУЗА В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ И ЗАЩИТЫ ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Аннотация.

Актуальность и цели. За последние годы много внимания в педагогике уделяется формированию компетенций у студентов вуза. Отдельные вопросы данной проблемы отражены в научной литературе. Однако можно констатировать, что несмотря на многоплановость подходов, проблема формирования компетенций студентов вуза далека от разрешения. В особенности это касается показателей оценивания выпускной квалификационной работы, анализа развитости компетенций в процессе ее защиты. Цель исследования – разработать критерии оценки выпускной квалификационной работы, провести анализ развитости компетенций исходя из характеристики оценочного средства и пятибалльной шкалы оценивания.

Материалы и методы. Реализация поставленных задач была достигнута на основе анализа психолого-педагогической, методической и научной литературы по изучаемой проблеме.

Результаты. Согласно концепции компетентностного подхода выпускник высшей школы должен обладать как профессиональными, так и общими, универсальными компетенциями. Возникает вопрос, как оценить эти компетенции, особенно на завершающем этапе обучения, при написании выпускной квалификационной работы. В настоящее время оценочные средства для итоговой государственной аттестации находятся в самой начальной стадии разработки. Нами сделана попытка оценить по пятибалльной шкале основные показатели выпускной квалификационной работы (ВКР): актуальность и обоснованность выбора темы, логика работы, самостоятельность, достоверность выводов, оформление ВКР, качество доклада, литература и внедрение, общая оценка. Проведен анализ развитости компетенций в процессе защиты ВКР на примере профиля подготовки «Технология» (педагогическое образование), квалификация выпускника – бакалавр.

Выводы. Изучение и знание вопроса оценивания и анализа развитости компетенций студентов вуза в процессе защиты выпускной квалификационной работы позволяет нацелить выпускника на получение положительного конечного результата.

Ключевые слова: выпускная квалификационная работа, показатель, оценка, компетенции.

A. I. Vlaznev

EVALUATION INDICATORS AND COMPETENCES DEVELOPMENT ANALYSIS OF UNIVERSITY STUDENTS IN THE PROCESS OF DIPLOMA WORK PREPARATION AND DEFENCE

Abstract.

Background. In recent years, a lot of consideration in pedagogy has been given to formation formation of competences in university students. Some aspects of the

said problem are reflected in scientific literature. However, one may ascertain that despite the multiaspect nature of approaches the problem of competences formation in university students is far from being solved. It especially concerns evaluation indicators of diploma works, the analysis of competence's development during diploma works' defence. The aim of the research is to develop diploma work evaluation criteria, to analyze development of competences on the basis of characteristics of evaluative means and the five-point evaluative scale.

Materials and methods. The research tasks were implemented through analyzing psychological and pedagogical, methodological and scientific literature on the problem under consideration.

Results. According to the competence approach conception, a university graduate must possess both professional and general, universal competences. A question arises – how these competences should be evaluated, especially at the final stage of education, during diploma work preparation. At the present time, the means to evaluate the final state examination are at the initial stage of development. The author has attempted to evaluate the general indicators of diploma works according to the five-point scale: topicality and relevance of a topic, work logic, independence, validity of conclusions, diploma work execution, report quality, bibliography and implementation, general mark. The researcher analyzed the level of development of competences during diploma work defence by the example of the "Technology" (teacher training) bachelor degree program.

Conclusions. The study and knowledge of the problem of evaluating and analyzing competence development in university students during diploma work defence allows to direct students to reach the highest final result.

Key words: diploma work, indicator, evaluation, competences.

В современных условиях образование не отвечает в полной мере потребностям динамично изменяющегося общества и человека, живущего в современном мире. Поэтому в мировой образовательной практике ведется активный поиск контуров такого образования, которое позволило бы преодолеть это противоречие. Многие отечественные исследователи (В. И. Байденко, Э. Ф. Зеер, И. А. Зимняя и др.) и зарубежные ученые (B. Mansfild, B. Oskarsson, S. Shaw и др.) видят выход из этой ситуации в модернизации содержания образования, оптимизации технологий образовательного процесса, во введении в образование компетентностного подхода [1–3]. Согласно концепции компетентностного подхода выпускник высшей школы должен обладать как профессиональными, так и общими, универсальными компетенциями. Но тут возникает вопрос, а как и какими показателями их оценить, особенно на завершающем этапе обучения, при написании выпускной квалификационной работы (ВКР). О создании оценочных средств для итоговой государственной аттестации говорится и в приказе Минобрнауки России от 19.12.2013 № 1367 «Об утверждении порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры».

Выпускная квалификационная работа является результатом совместной работы преподавателя и студента вуза по накоплению им компетенций. Поэтому важно, чтобы были разработаны показатели и критерии оценивания ВКР и проведен анализ развитости компетенций в процессе защиты ВКР.

Рассмотрим показатели и критерии оценивания ВКР на примере профиля подготовки бакалавр технологии (педагогическое образование).

Актуальность и обоснованность выбора темы. Работа оценивается отметкой отлично, если она выполнена на актуальную тему с ее внедрением в практику. При этом выявлены противоречия, поставлены цель и задачи работы, сформулирована проблема. Работа оценивается отметкой хорошо, если она выполнена на актуальную тему и может быть внедрена в практику. Поставлены цель и задачи работы. Работа оценивается удовлетворительно, если она выполнена на актуальную тему. Цель и задачи работы поставлены расплывчато. Неудовлетворительная отметка выставляется в том случае, если работа выполнена не в полном объеме, не поставлены цель и задачи работы.

Логика работы. Работа оценивается отметкой отлично, если сформулированные задачи в работе раскрыты в полном объеме и в соответствии с темой. Содержание работы дает полное представление по защищаемой проблеме. Четкая целевая направленность и логическая последовательность в изложении материала. Хорошая отметка может быть поставлена в том случае, если сформулированные задачи в работе раскрыты в соответствии с темой. Содержание работы дает достаточное представление по защищаемой проблеме. Удовлетворительная отметка выставляется в том случае, если сформулированные задачи в работе раскрыты, но содержание работы не дает полного представления по защищаемой проблеме. И в том случае, если содержание работы и тема работы плохо согласуется, не прослеживается логическая последовательность в изложении материала, выставляется неудовлетворительная отметка.

Самостоятельность. Если тема ВКР предложена студентом, самостоятельно определены необходимые для написания источники литературы, самостоятельно сформулированы задачи и поставлена цель работы, то этот показатель оценивается отличной отметкой. Если тема выпускной работы определена совместно с научным руководителем, определены совместно основные литературные источники и частично сформулированы задачи и цель работы, то она оценивается отметкой хорошо. При удовлетворительной отметке тема выпускной работы предложена научным руководителем. Частично оказана помощь в подборе необходимой литературы. Неудовлетворительная отметка ставится за то, что выпускник не проявил никакой самостоятельности. Тема предложена руководителем, а также осуществлен подбор необходимого для написания работы списка литературы.

Достоверность выводов. Выводы по работе дают полное представление о содержании, значимости, обоснованности и достоверности полученных результатов, которые могут быть применены на практике. Такая работа по данному показателю оценивается отлично. При хорошей отметке выводы по работе дают представление о значимости и достоверности полученных результатов с возможным применением на практике. В случае, если выводы по работе сделаны, но недостаточно аргументированы, то такая работа по данному показателю оценивается удовлетворительно. Если плохо прослеживается связь между содержанием работы и сделанными выводами, то она оценивается неудовлетворительно.

Оформление выпускной квалификационной работы. Если текст ВКР, схемы, рисунки, таблицы и другой иллюстративный материал, а также ссылки на использованную литературу оформлены в соответствии с рекомендациями и проведена проверка окончательного текста, то такое оформление

оценивается отличной отметкой. В том случае, если текст, схемы, рисунки, таблицы, а также ссылки на использованную литературу оформлены в соответствии с рекомендациями, но имеются некоторые стилистические погрешности и опечатки, то за такое оформление выставляется хорошая отметка. Если имеются отдельные погрешности по оформлению таблиц, схем и рисунков, а по тексту проведена поверхностная выверка, то такая работа по оформлению ВКР оценивается удовлетворительно. Неудовлетворительно оформленной работой считается та, в которой есть погрешности по тексту, рисунки, схемы, таблицы не отвечают установленным правилам.

Качество доклада. По данному показателю отметка «отлично» ставится в том случае, если доклад раскрывает выполненную работу в полном объеме, содержит выводы по работе, укладывается в нормативы по времени. При хорошей отметке доклад раскрывает выполненную работу, содержит выводы теоретического характера, в целом укладывается в норматив отведенного времени. Если доклад завышен по объему, в недостаточной мере раскрывает выполненную работу и носит теоретический характер, то такой показатель как качество доклада соответствует удовлетворительной отметке. И ставится неудовлетворительная отметка в случае, если доклад расплывчат, не раскрывает содержание работы.

Литература. Количество источников вполне достаточно и все они использованы по содержанию работы. Студент может легко и кратко изложить содержание использованной книги. В этом случает показатель использованной литературы оценивается отлично. При хорошей отметке количество источников достаточно для раскрытия темы, в большинстве случаев они были корректно использованы в тексте ВКР. Студент помнит основные моменты книги. Удовлетворительная отметка выставляется в том случае, если недостаточно ссылок, а студент не всегда может изложить общее содержание книги. Недостаточное количество литературы, необходимой для раскрытия темы, влечет за собой неудовлетворительную отметку по показателю использованной литературы.

Возможности внедрения. При отличной отметке выпускная квалификационная работа рекомендуется для внедрения. Работа оценивается хорошо, если после проверки она может быть использована на практике.

Общая оценка. Глубокое и полное владение материалом, легко ориентируется в ВКР, умеет решать практические задачи, высказывать и обосновывать свои суждения. Все это оценивается отличной отметкой. При хорошей отметке студент владеет материалом ВКР, умеет решать практические задачи, высказывать свои суждения, но не всегда их обосновывая. Удовлетворительная отметка выставляется в том случае, если студент владеет материалом ВКР, но имеются затруднения с обоснованием своих суждений. При слабой ориентации по работе студент получает неудовлетворительную отметку. При этом студент обнаруживает непонимание содержательных основ ВКР, затрудняется применять полученные знания на практике. Защиту строит не связанно, допускает существенные ошибки в теоретическом обосновании. Практическая часть работы выполнена не качественно.

Не менее важным моментом в процессе защиты ВКР является выявление развитости компетенций, которые должны подтверждаться оценочными средствами:

1. Работа является частью научно-исследовательской работы кафедры. В пять баллов этот показатель оценивается тогда, когда студент является участником оплачиваемых научных работ (гранты, целевые программы). В четыре балла оценивается в том случае, если студент является участником исследовательских работ руководителя. В случае, если студент не является участником исследовательских работ, но участвовал в студенческой конференции с обзорным материалом, по этому показателю получает три балла. И два балла – если студент не является участником исследовательских работ и не участвует в конференции. Для подтверждения данного показателя необходимо представить акт о внедрении или справку об участии в НИР.

2. Материал ВКР прошел апробацию и рекомендован к печати. За этот показатель студент получает пять баллов, если результаты апробированы на конференции, получили одобрение и статья с единоличным авторством подготовлена и направлена в печать. В том случае, если результаты апробированы на конференции, получили одобрение, а статья в соавторстве подготовлена для печати, то оценивается четырьмя баллами. Тремя баллами – если ВКР была представлена на студенческой конференции. И два балла – если ВКР совсем не представлялась. Подтверждающими документами могут быть справка о принятии к печати, а если вышла статья, то выходные данные источника информации.

3. Имеет глубокий обзор проблематики в контексте темы работы (введение ВКР). Пять баллов выставляется в том случае, если студент использует отечественную, зарубежную и переводную литературу, а также проработаны все компоненты введения. В случае, если студент использует отечественную и зарубежную литературу и проработаны компоненты введения, но не используется переводная литература, выставляется четыре балла. Если студент знаком только с отечественной литературой, а компоненты введения проработаны не в полном объеме, выставляется три балла. Если не в полном объеме проработаны компоненты введения, а отечественные работы представлены частично, то в этом случае студент получает два балла.

4. Оценка основного текста. В случае, если главы логично структурированы, имеется прогноз развития темы рассматриваемой ВКР, представлены проекты документов, есть выводы по главам, то такая работа оценивается в пять баллов. Четыре балла ставится тогда, когда главы логично структурированы, имеется прогноз развития темы, рассматриваемой ВКР, однако выводы по главам недостаточно аргументированы, не до конца оформлены проекты документов. Если главы логично структурированы, имеется прогноз развития темы, раскрываемой ВКР, но выводы по главам не полные, отсутствуют проекты документов, то такая работа оценивается в три балла. И если отсутствует логика изложения, проекты документов и прогноз развития темы, то такая работа оценивается в два балла.

5. Оценка заключения. По этому показателю ставится пять баллов, если имеются обоснованные выводы, они подкреплены теоретическими концепциями и авторской точкой зрения. В том случае, если недостаточно подкреплены авторской точкой зрения, то такая работа оценивается в четыре балла. В три балла – если выводы недостаточно обоснованные и не подкреплены авторской точкой зрения. Два балла выставляется в том случае, если отсутствуют выводы по работе.

6. Оригинальность текста. Если 40 и более процентов текста составлено студентом самостоятельно, то он оценивается в пять баллов. Четыре балла – если 30 и более процентов текста составлено студентом самостоятельно. При 20-процентном самостоятельном составлении текста оценивается в 3 балла. При отсутствии самостоятельно составленного текста выставляется два балла.

7. Качество оформления работы. При соответствии всем требованиям оформления текста, ссылок, таблиц, графиков, чертежей, списка использованной литературы, приложений такая работа оценивается в пять баллов. Если в целом работа соответствует требованиям оформления текста, ссылок, таблиц, графиков, чертежей, списка использованной литературы, но имеются замечания по оформлению отдельных ее частей, то такая работа оценивается в четыре балла. В случае частичного соответствия требованиям оформления текста, имеются замечания по оформлению ссылок, таблиц, графиков, чертежей, списка использованной литературы, приложений ВКР, то она оценивается в три балла. И в случае несоответствия оформления текста, ссылок, таблиц, графиков, чертежей, списка использованной литературы и приложений ВКР она оценивается в два балла.

8. Качество доклада, презентации, ответов на вопросы. Пять баллов выставляется в том случае, если студент докладывает четко, уверенно отвечает на все вопросы, имеется презентация и раздаточный материал. Если студент отвечает уверенно на большинство вопросов, имеется презентация и раздаточный материал, то по данному показателю выставляется четыре балла. Три балла выставляется в случае отсутствия презентации, раздаточного материала и студент затрудняется ответить на большинство вопросов. Если студент не может объяснить суть работы, ответить на вопросы, говорит и держится неуверенно, то это оценивается в два балла.

9. Навыки и приемы делового общения и делового этикета. При отличном владении навыками делового общения и делового этикета студент оценивается в пять баллов. При хорошем владении навыками делового общения и делового этикета, студент оценивается в четыре балла. При слабом владении навыками делового общения и делового этикета выставляется три балла. В случае, если студент не владеет навыками делового общения и делового этикета, он получает два балла.

Всего 9 показателей. Максимальное значение баллов составляет 45, а минимальное – 18. Оценка «отлично» выставляется студенту в диапазоне 45–37 баллов, хорошая оценка – в диапазоне 36–27, «удовлетворительно» – в диапазоне 26–18 баллов. Ниже 18 баллов – оценка неудовлетворительная.

В статье представлены примерные оценочные показатели и они могут уточняться с учетом профиля подготовки.

Список литературы

1. **Байденко, В. И.** Компетентностный подход к проектированию государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (методологические и методические вопросы) : метод. пособие / В. И. Байденко. – 2-е изд. – М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. – 114 с.
2. **Зеер, Э. Ф.** Обновление базового профессионального образования на основе компетентностного подхода / Э. Ф. Зеер // Профессиональное образование. – 2007. – № 4. – С. 9–10.

3. **Зимняя, И. А.** Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2006. – № 6. – С. 20–26.

References

1. Baydenko V. I. *Kompetentnostnyy podkhod k proektirovaniyu gosudarstvennykh obrazovatel'nykh standartov vysshego professional'nogo obrazovaniya (metodologicheskie i metodicheskie voprosy): metod. posobie* [The competence approach to creation of state educational standards of higher professional education (methodological issues): instructions]. 2nd ed. Moscow: Issledovatel'skiy tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov, 2005, 114 p.
2. Zeer E. F. *Professional'noe obrazovanie* [Professional education]. 2007, no. 4, pp. 9–10.
3. Zimnyaya I. A. *Vysshee obrazovanie segodnya* [Higher education today]. 2006, no. 6, pp. 20–26.

Влазнев Алексей Иванович
доктор педагогических наук, профессор, кафедра общей физики и методики обучения физике, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: of@pnzgu.ru

Vlaznev Aleksey Ivanovich
Doctor of pedagogical sciences, professor, sub-department of general physics and physics teaching methods, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 378
Влазнев, А. И.

Показатели оценивания и анализ развитости компетенций студентов вуза в процессе подготовки и защиты выпускной квалификационной работы / А. И. Влазнев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 224–230. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-21

Р Е Ц Е Н З И И

DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-22

Пензенская губерния в годы Первой мировой войны. 1914 – март 1918 : в 2 кн. – Прага : Vedecko vydavatelske centrum “Sociosfera-CZ”, 2014. – Кн. 1. – 544 с. ; Кн. 2. – 595 с.

Масштаб трагедии Первой мировой войны, наряду с уроками и значением событий 1914–1918 гг., по-прежнему не перестает находиться в сфере интересов научного сообщества, экспертов и политиков. Об этом свидетельствуют общественные, культурные и научные мероприятия, вызвавшие резонанс, особенно принимая во внимание весьма болезненные изменения в контексте глобализации и внешнеполитических реалий. Осмысление происходящих перемен требует системного подхода, что в свою очередь предполагает и обращение к более внимательному изучению процессов предшествующих мировых кризисов, выход из которых достигался как на основе компромисса, так и, увы, путем военно-политической конфронтации. Идеологизация изучения истории в советский период повлекла за собой возникновение стереотипов в отношении феномена Первой мировой войны наряду с замалчиванием ее событий и подвигов участников боевых действий. Традиционное восприятие войны как «империалистической» не могло не породить возникновение многочисленных стереотипных оценок, что способствовало появлению ощутимых пробелов в исторической памяти и в историческом образовании, обусловливая нигилистическое отношение к страницам военной истории.

Выходом является продолжение изучения Первой мировой войны на основе извлечения и ввода в научный оборот новых источников, консолидации усилий исследователей. Это позволит оценить специфику деятельности властных структур как в центре, так и на периферии в экстремальных условиях военного лихолетья, уяснить, насколько принимаемые изменения в отраслях права были эффективны на фоне нарастания кризисных явлений. Наконец, и это не в последнюю очередь, целесообразно понять, какие обстоятельства воздействовали на массовые настроения представителей различных социальных слоев общества с учетом многообразия конфессиональных, этнических предпочтений. Напомним, что нерешенность ряда задач, выдвинутых реформаторами – представителями российской бюрократии начала XX в., наслаивалась на новые проблемы, усугубляя конфликтогенность, столь ярко проявившуюся в событиях революции 1905–1907 гг., своеобразии правовой и политической культуры. Это придавало действиям администраторов, интеллигенции и политизированной части населения ожесточенность и непримиримость. Катаклизмы войны отражались на повседневной жизни сельского населения и горожан. При этом традиционная культура сталкивалась с новыми явлениями, обусловленными не только участием в боевых действиях, но и знакомством с беженцами западных губернии империи, военнопленными, оказавшимися в российской глубинке.

Отметим, что за последние три года российское источниковедение обогатилось рядом сборников документов, полное перечисление названий которых – тема особого исследования [1–7]. Нашей задачей является намерение рассмотреть особенности сборника документов и материалов, подготовленных в рамках проекта «Документальная история Пензенского края» коллективом пензенских историков, музейных сотрудников, краеведов. Во главе проекта – известный историк, избранный в 2016 г. в Совет Федерации, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и методики преподавания истории историко-филологического факультета Педагогического института имени В. Г. Белинского Пензенского государственного университета В. В. Кондрашин. В состав редколлегии вошли директор Государственного архива Пензенской области (ГАПО) Т. А. Евневич, профессор Брюс У. Меннинг (США), доктора исторических наук, профессора историко-филологического факультета ПГУ заведующий кафедрой С. В. Белоусов, руководитель направления «История и правовое образование» О. А. Сухова, декан О. В. Ягов, заместитель директора ГАПО П. В. Кашаев, главный хранитель фондов Объединения государственных литературно-мемориальных музеев Пензенской области Л. В. Рассказова. Как известно, издание сборника документов всегда требует особых усилий. Подвижническая работа В. В. Кондрашина, имеющего большой опыт издательской деятельности при подготовке фундаментального проекта «Трагедия советской деревни», была успешно продолжена на локальном уровне, что, безусловно, важно при дальнейшем изучении краеведения и сопоставлении процессов, свойственных как Пензенской губернии, так и другим регионам и стране в целом.

Представляется продуманной и обоснованной структура сборника. Вводные статьи В. В. Кондрашина важны как для рассмотрения этапов изучения истории Пензенского края (с. 5–9), так и для понимания содержания документов (книга первая, с. 12–71). Небольшая статья члена редколлегии, профессора университета Б. Меннинга фокусирует внимание на потенциальных возможностях документов с точки зрения осмысления роли столицы, выполнявшей функции своего рода «посредника между боевым фронтом и внутренним фронтом» (им и являлись регионы) в годы войны (книга первая, с. 11).

Археографическое предисловие, подготовленное Т. А. Евневич, позволяет ознакомиться с характеристикой архивных фондов, особенностями оформления опубликованных документов. «Авторы сборника, отбирая публикации, ставили перед собой задачу с максимальной полнотой отразить все аспекты экономической, социальной и политической жизни Пензенской губернии в годы Первой мировой войны» (с. 67), – отмечает автор. В этой связи уместно напомнить мнение В. П. Козлова о том, что «документ в публикации всегда как бы вторгается в прошлое. Его публикация ведет либо к повторению, либо к приращению ранее полученного знания» [8, с. 31]. Составители сборника стремились исходить из необходимости введения в научный оборот пласта малоизвестных и неизвестных документов. Оправданным является размещение на страницах издания приложений (книга вторая, с. 300–426), представляющих собой подборки ряда архивных документов (книга вторая, с. 300–303) – итог разысканий доктора исторических наук, профессора А. С. Касимова, статей из «Саратовского листка» (книга вторая, с. 304–311).

Самостоятельное значение имеют статьи современных исследователей истории края С. В. Белоусовым, Л. В. Рассказовой. Особо отметим ценность воспоминаний современников (многие из них давно стали малодоступны для читателя), что придает публикуемым документам особый ракурс личностного измерения динамично развивающихся процессов как на общероссийском, так и на локальном уровнях.

Размышляя о значении издания, позволю остановить внимание на ряде моментов с учетом возможностей журнала. Прежде всего на основе изучения документов воссоздается огромный объем деятельности местной власти: раскрыты направления военно-мобилизационной работы, борьбы со шпионажем и дезертирством. Значимым представляются сюжеты, связанные с масштабной благотворительной деятельностью. Ознакомление с содержанием документов, посвященных положению беженцев и подданных иностранных государств, позволяет оценить изменения в этническом составе населения.

Рассмотрение содержания переписки с различными ведомствами имеет значение с точки зрения выявления попыток решить вопросы снабжения действующей армии и горожан.

При изучении деятельности провинциальных властей в экстремальных условиях войны возникает вопрос о том, обсуждались ли в кабинетах проблемы совершенствования структур управления. В этой связи небезынтересно было бы обратиться к содержанию переписки с министром внутренних дел А. Д. Протопоповым и совещаний в губернском правлении (ГАПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 4606) по вопросу о введении волостного земства (как известно, данный проект так и не был принят в период реформаторской деятельности П. А. Столыпина [9, с. 271–283]).

Вторая книга (январь 1917 г. – март 1918 г.) насыщена блоками разнообразных по тематике документов, изучение которых позволяет реконструировать хронологию событий, отразившихся в революционных потрясениях двух революций. Заметим, что осмысление революционных событий 1917 г. на материалах Пензенской губернии пока не стало предметом специального монографического исследования в 1990–2010 гг. В этой связи можно приветствовать многообразие палитры сюжетов, ставших основой для составления разделов второй книги: ситуация в губернии накануне свержения монархии; формирование новых властных структур, переписка с Временным правительством, деятельность местных Советов, положение в местном гарнизоне, восприятие взятия власти в Петрограде в октябре 1917 г. При этом полагаем необходимым выявление коллегами той части документов, которые свидетельствуют о причинах резкой политизации провинциального общества, повлекшей всплеск многопартийности, оказавшейся явно незрелой, отряжающей особенности социокультурной ситуации в контексте модернизациионного процесса.

В завершение хотелось бы отметить, что издание сборника документов, воплощающего лучшие традиции отечественной археографии, безусловно, представляет собой важное событие в научной и культурной жизни Пензенской области. Издание отражает активность пензенских историков, объединенных в отделение Российского исторического общества, и, убежден, будет востребовано не только местными краеведами, но и коллегами из других регионов страны, историкам дальнего и ближнего Зарубежья.

Список литературы

1. Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918 : в 4 т. – М. : Политическая энциклопедия, 2014.
2. Последняя война Российской империи: Тульский край в Первой мировой войне. 1914–1918 гг. Сборник документов и материалов. – Тула : ГУК ТО Объединение «Историко-краеведческий и художественный музей», 2014. – 296 с.
3. Москва в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг. : документы и материалы. – М. : ГБУ «ЦГА Москвы», 2014. – 1104 с.
4. Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сборник документов. – Тула : Аквариус, 2014. – 960 с.
5. Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны: публикации, исследования и материалы. – М. : ИМЛИ РАН, 2014. – 887 с.
6. Свет и тени Великой войны. Первая мировая в документах эпохи / сост. А. В. Репников. – М. : Политическая энциклопедия, 2014. – 416 с.
7. Великая война Бориса Мигачева: дневник, фотографии офицера Первой мировой войны. – Иваново : Издатель Ольга Епишева, 2015. – 300 с.
8. **Козлов, В. П.** Теоретические основы археографии с позиций современности / В. П. Козлов // Отечественные архивы. – 2001. – № 1. – С. 10–33.
9. **Тархова, Н. С.** Пензенская губерния в годы Первой мировой войны: 1914 – март 1918 г. : в 2 кн. Рецензия / Н. С. Тархова // Отечественные архивы. – 2014. – № 5. – С. 107–110.

References

1. *Pervaya mirovaya voyna v otsenke sovremennikov: vlast' i rossiyskoe obshchestvo. 1914–1918: v 4 t.* [The First World War in the view of contemporaries: authorities and Russian society]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2014.
2. *Poslednyaya voyna Rossiyskoy imperii: Tul'skiy kray v Pervoy mirovoy voyne. 1914–1918 gg. Sbornik dokumentov i materialov* [The last war of the Russian Empire: Tula region during the First Worl War. 1914–1918. Collected documents and materials]. Tula: GUK TO Ob"edinenie «Istoriko-kraevedcheskiy i khudozhestvennyy muzey», 2014, 296 p.
3. *Moskva v gody Pervoy mirovoy voyny. 1914–1917 gg.: dokumenty i materialy* [Moscow during the First World War. 1914–1917: documents and materials]. Moscow: GBU «TsGA Moskvy», 2014, 1104 p.
4. *Ministerstvo inostrannykh del Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny. Sbornik dokumentov* [The Ministry of Foreign Affairs of Russia during the First World War. Collected documents]. Tula: Akvarius, 2014, 960 s.
5. *Politika i poetika: russkaya literatura v istoriko-kul'turnom kontekste Pervoy mirovoy voyny: publikatsii, issledovaniya i materialy* [Politics and poetics: Russian literature in the historical and cultural aspects of the First World War: piblications, researches and materials]. Moscow: IMLI RAN, 2014, 887 p.
6. *Svet i teni Velikoy voyny. Pervaya mirovaya v dokumentakh epokhi* [The light and shadows of the Great War. The First World War in documents of the epoch]. Compiled by A. V. Repnikov. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2014, 416 p.
7. *Velikaya voyna Borisa Migacheva: dnevnik, fotografii ofitsera Pervoy mirovoy voyny* [The Great War of Boris Migachev: diary, photographs of an officer at the First World War]. Ivanovo: Izdatel' Ol'ga Episheva, 2015, 300 p.
8. Kozlov V. P. *Otechestvennye arkhivy* [National archive]. 2001, no. 1, pp. 10–33.
9. Tarkhova N. S. *Otechestvennye arkhivy* [National archive]. 2014, no. 5, pp. 107–110.

Карнишин Валерий Юрьевич
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Отечества, государства и права, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: valerykarnishin@mail.ru

Karnishin Valeriy Yur'evich
Doctor of historical sciences, professor, head of sub-department of history of Russia, state and law, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Карнишин, В. Ю.

Рец. на кн. : Пензенская губерния в годы Первой мировой войны. 1914 – март 1918 : в 2 кн. – Прага : Vedecko vydavatelske centrum "Sociosfera-CZ", 2014. – Кн. 1. – 544 с. ; Кн. 2. – 595 с. / В. Ю. Карнишин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 231–235. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-22

ХРОНИКА

25 апреля 2016 г. в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по инициативе Комитета СФ по конституционному законодательству и государственному строительству состоялось заседание круглого стола на тему «Историческая память как основа государственного строительства: проблемы ее формирования и передачи потомкам». В ходе заседания круглого стола с докладом выступил член Комитета СФ по науке, образованию и культуре, главный редактор гуманитарной серии «Известия вузов Поволжья», заведующий кафедрой истории России, краеведения и методики преподавания истории ПГУ, доктор исторических наук, профессор В. В. Кондрашин. По решению редакции журнала ниже публикуется текст этого доклада.

Рис. 1. Участники круглого стола: член СФ ФС РФ В. В. Кондрашин, профессор П. С. Кабытов (Самара), доктор исторических наук О. Б. Мозохин (Москва), профессор Г. Е. Корнилов (Екатеринбург), члены СФ РФ А. И. Широков и В. В. Рязанский

О государственной политике формирования и сохранения исторической памяти

Проблема исторического сознания, исторической памяти – это важнейшая сфера деятельности государственной власти, и ее нельзя пускать на самотек или объявлять уделом интересов историков-профессионалов, которые-де разберутся и «выдадут на гора» истину в последней инстанции, которая устроит всех. Не разберутся и не выдадут, поскольку до сих пор не реше-

ны важнейшие проблемы не только XX в., но и древней и средневековой России. Если бы это было не так, то откуда бы взялась идея о Киевской Руси как «древней Украине». В этом же контексте и современные споры о Сталине, Ленине, статистике жертв сталинизма и т.д. Разве историки мало написали на эту тему? Все магазины завалены литературой о Сталине! Осуществлены крупные научные проекты по публикации документов советской эпохи, в том числе с участием автора настоящей статьи [1]. А воз и ныне там.

Можно возразить, что подлинные научные издания выходят малым тиражом, их недостаточно активно внедряют в школьные и университетские программы. Но разве мало говорили об «ужасах сталинизма» в СМИ и везде в последние десятилетия?! Ведь только об этом и говорили и продолжают говорить применительно к истории СССР! А результат? По всей стране пытаются воздвигать и кое-где уже поставлены памятники Сталину.

Что же должна делать власть в сфере исторической политики, сохранения и формирования исторической памяти в сознании граждан страны, прежде всего учащейся молодежи? Выскажемся тезисно на эту тему, не претендуя на бесспорность и категоричность выводов.

Первое. При выработке государственной политики в сфере исторического образования и формирования исторической памяти о XX в. и советской истории необходимо учитывать собственный и международный опыт.

Второе. По нашему мнению, в национальных интересах современной России следует отказаться от навязываемой частью общественности и политическими силами страны идеи покаяния за политику сталинского руководства и последующих действий советской власти – за так называемый «геноцид голодомором Украины», «советскую оккупацию» Прибалтики и Восточной Европы т.д.

В новейшей истории лишь одна страна каялась за действия прежних властей. Это Германия. Но покаяние немцев было не добровольным, а принудительным. Его навязали им победители. Япония же, например, до сих пор не покаялась за преступления японской военщины в Китае и Корее. Да и США и ведущие страны Запада, в общем-то, не каются за свои грехи в прошлом.

В случае же России, если признать идею непрерывности российской государственности, «покаяние» за сталинские преступления на уровне государственной власти произошло на XX съезде КПСС. А в современной России действует вполне эффективное законодательство по реабилитации жертв политических репрессий, в том числе в Крыму для крымских татар.

В данном контексте в интересах современной России следует в сфере исторического образования проводить идею о неразрывности и связи времен, считать СССР Россией, а революционные потрясения 1917 г. – закономерным результатом развития страны на рубеже XIX–XX вв., но не «ошибкой», «трагической страницей истории», а тем более «тупиковым вариантом ее развития» [2]. Наоборот, XX в., как заключил американский историк М. Левин, – это «советский век», поскольку именно Советская Россия давала импульс развития всему человечеству в указанный период, и в большинстве своем позитивный [3].

Третье. В сознании россиян, особенно учащейся молодежи, необходимо утверждать идею примирения при объяснении событий революции, гражданской войны, коллективизации. Эта идея была сформулирована Президен-

том России В. В. Путиным в выступлении на V конгрессе соотечественников 5 ноября 2015 г. Поэтому следует, перефразируя М. Волошина, «молиться за тех и за других», отказаться от пропаганды примитивного антикоммунизма, деления предков на правых и виноватых в трагические периоды гражданского противостояния и испытаний XX в., за исключением фактов измены и предательства Родины. В то же время необходимо, основываясь на трагических уроках истории России XX в., настойчиво внедрять мысль в сознание молодежи и населения страны о пагубности насилия, экстремизма, национализма при решении современных проблем России.

Четвертое. Власть должна проводить такую политику в сфере исторического образования, которая будет формировать у населения чувство исторического оптимизма. Ни у кого из россиян не должно быть чувства неполноценности от того, что они живут в России. С точки зрения истории у нас нормальная страна, нормальные люди, ничем не хуже, чем за границей. И современные россияне, также как и их предки, способны защитить, сохранить страну, укрепить российскую государственность, сделать Россию лучше. И у них это получится, поскольку в истории страны были времена и похуже.

Пятое. В историческом образовании должна делаться ставка на позитив, прежде всего на пропаганду героических, созидательных и духовных традиций предков. В противном случае сформируется «поколение Майдана», как на Украине, где десятилетиями молодежь «воспитывалась» на идеях голодомора (например, 1 сентября в школах Украины начиналось с «урока голодомора», а первоклассников встречали школьные «уголки голодомора»). О трагических страницах истории России следует говорить с позиций принципа историзма («духа эпохи») и в контексте международной ситуации и практики, чтобы у учащихся не сложилось мнение о России как «империи зла» на фоне окружающих ее «добрых» государств и народов.

Шестое. Важнейший акцент в исторической политике должен делаться на историю своей малой Родины, краеведение, деятельный патриотизм, подразумевающий активное изучение истории семьи, села и т.д. И когда учащиеся увидят, что в подавляющем большинстве случаев их родители, дедушки и бабушки честно прожили свою жизнь, воспитали их нормальными людьми, то и трагические страницы истории России XX в. будут восприниматься поиному [4].

Седьмое. «Альтернативные взгляды» на историю России – удел учащейся молодежи старшего возраста и студентов. Об этом свидетельствует отечественный исторический опыт. Например, в середине XIX в. между историками Н. И. Костомаровым и М. П. Погодиным развернулась дискуссия о Дмитрии Донском и героях Смутного времени. Н. И. Костомаров писал о Дмитрии Донском как о трусе, отрицал факт подвига Ивана Сусанина, фактически называл Кузьму Минина коррупционером, а князя Дмитрия Пожарского – посредственностью. Но в школьных учебниках об этом не сообщалось. В современной же России «альтернативный» подход, особенно применительно к истории XX в., доминирует. Отсюда полная каша в головах учащихся.

В контексте рассматриваемой проблемы следует остановиться на роли исторической науки и историков. На наш взгляд, историческая наука и исто-

рическое образование – это не одно и то же. Безусловно, историк, как говорил еще в XVIII в. Г. Ф. Миллер, должен быть «без Бога, царя и Отечества», т.е. служить истине и писать «горькую правду», основываясь на достоверных источниках. Но есть и другая сторона медали. Оппонент Миллера М. В. Ломоносов указывал, что при этом историк должен быть и патриотом своей страны, т.е. понимать степень ответственности перед обществом, обращаясь к дискуссионным и политически актуальным проблемам истории, особенно трагическим ее страницам [5].

Академическая историческая наука должна всячески поддерживаться государством, но и ученые должны помнить, что они граждане России и их труды должны способствовать ее укреплению и авторитету, а не наоборот. Со своей стороны государство вправе выбирать в своей политике в сфере исторического образования те точки зрения историков по дискуссионным и политически ангажированным темам, которые соответствуют его интересам. При этом власть не должна вмешиваться в творческий процесс изучения истории, «командовать историками», а тем более их наказывать за неудобные выводы.

В любом случае по рассматриваемой проблеме должна быть четкая позиция государства, поскольку она затрагивает основы национальной безопасности.

Список литературы

1. Голод в СССР. 1929–1934 : в 3 т. / отв. сост. В. В. Кондрашин. – М. : МФД, 2011–2013.
2. **Кондрашин, В. В.** Дискуссионные вопросы истории России XX века и их возможная интерпретация в учебном процессе / В. В. Кондрашин // Воспитание и обучение в школе и вузе: исторический опыт, современное состояние и перспективы развития. Ежегодник. XX всероссийские историко-педагогические чтения : сб. науч. ст. – Екатеринбург, 2006. – Ч. 1. – С. 5–16.
3. **Левин, М.** Советский век / М. Левин. – М. : Европа, 2008.
4. Моя малая Родина : материалы науч.-практ. конф. Вып. 1–13. Степановка – Пенза, 2004–2015.
5. **Кондрашин, В. В.** Куда идет Россия? / В. В. Кондрашин // Вестник Совета Федерации. – 2016. – № 1. – С. 48.

References

1. *Golod v SSSR. 1929–1934: v 3 t.* [Famine in USSR. 1929–1934: in 3 volumes]. Compiled by V. V. Kondrashin. Moscow: MFD, 2011–2013.
2. Kondrashin V. V. *Vospitanie i obuchenie v shkole i vuze: istoricheskiy opyt, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik. KhKh vserossiyskie istoriko-pedagogicheskie chteniya: sb. nauch. st.* [Fostering and teaching at school and university: historical experience, modern condition and development prospects. The yearbook. XX All-Russian historical and pedagogical readings: collected articles]. Ekaterinburg, 2006, part 1, pp. 5–16.
3. Levin M. *Sovetskiy vek* [The Societ century]. Moscow: Evropa, 2008.
4. *Moya malaya Rodina: materialy nauch.-prakt. konf. Vyp. 1–13* [My home town: proceedings of the scientific and practical conference. Issues 1–13]. Stepanovka – Penza, 2004–2015.
5. Kondrashin V. V. *Vestnik Soveta Federatsii* [Bulletin of the Council of the Federation]. 2016, no. 1, p. 48.

Кондрашин Виктор Викторович
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, краеведения и методики преподавания истории, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: vikont37@yandex.ru

Kondrashin Viktor Viktorovich
Doctor of historical sciences, professor, head of sub-department of Russian history, regional ethnography and history teaching technique, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Вниманию авторов!

Редакция журнала «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки» приглашает специалистов опубликовать на его страницах оригинальные статьи, содержащие новые научные результаты в области истории, филологии, педагогики, а также обзорные статьи по тематике журнала.

Статьи, ранее опубликованные, а также принятые к опубликованию в других журналах, редколлегией не рассматриваются.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, подготовленные с использованием текстового редактора Microsoft Word for Windows (тип файла – RTF, DOC).

Необходимо представить статью в электронном виде (VolgaVuz@mail.ru) и дополнительно на бумажном носителе в двух экземплярах. Оптимальный объем рукописи 10–14 страниц формата А4. Основной шрифт статьи – Times New Roman, 14 pt через полуторный интервал. Статья **обязательно** должна содержать индекс УДК, ключевые слова и развернутую аннотацию объемом от 100 до 250 слов, имеющую четкую структуру **на русском** (Актуальность и цели. Материалы и методы. Результаты. Выводы) **и английском языках** (Background. Materials and methods. Results. Conclusions).

Рисунки и таблицы должны быть размещены в тексте статьи и представлены в виде отдельных файлов (растровые рисунки в формате TIFF, BMP с разрешением 300 dpi, векторные рисунки в формате Corel Draw с минимальной толщиной линии 0,75 pt). Рисунки должны сопровождаться подрисуночными подписями.

Формулы в тексте статьи **обязательно** должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Word Equation (версия 3.0) или MathType. Символы греческого и русского алфавита должны быть набраны прямо, нежирно; латинского – курсивом, нежирно; обозначения векторов и матриц прямо, жирно; цифры – прямо, нежирно. Наименования химических элементов набираются прямо, нежирно. Эти же требования **необходимо** соблюдать и в рисунках. Допускается вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol).

В списке литературы **нумерация источников** должна соответствовать **очередности ссылок** на них в тексте ([1], [2], …). Номер источника указывается в квадратных скобках. **Требования к оформлению списка литературы** на русские и иностранные источники: **для книг** – фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; **для журнальных статей, сборников трудов** – фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала или сборника, серия, год, том, номер, страницы; **для материалов конференций** – фамилия и инициалы автора, название статьи, название конференции, город, издательство, год, страницы.

К материалам статьи **должна** прилагаться следующая информация: фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание и должность, место и юридический адрес работы (на русском и английском языках), e-mail, контактные телефоны (желательно сотовые).

Обращаем внимание авторов на то, что перевод имен собственных на английский язык в списке литературы осуществляется автоматически с использованием программы транслитерации в кодировке BGN (сайт translit.ru). Для обеспечения единообразия указания данных об авторах статей во всех реферируемых базах при формировании авторской справки при подаче статьи необходимо предоставить перевод фамилии, имени, отчества каждого автора на английский язык, или он будет осуществлен автоматически в программе транслитерации в кодировке BGN.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Статьи, оформленные без соблюдения приведенных выше требований, к рассмотрению не принимаются.

Уважаемые читатели!

Для гарантированного и своевременного получения журнала **«Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки»** рекомендуем вам оформить подписку.

Журнал выходит 4 раза в год по тематике:
- ***история***
- ***филология***
- ***педагогика***

Стоимость одного номера журнала – 500 руб. 00 коп.

Для оформления подписки через редакцию необходимо заполнить и отправить заявку в редакцию журнала: тел./факс (841-2) 36-84-87; E-mail: VolgaVuz@mail.ru

Подписку можно оформить по объединенному каталогу «Пресса России», тематические разделы: «История. Общество. Политика», «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов», «Просвещение. Образование. Педагогика». Подписной индекс – 36967.

– –

ЗАЯВКА

Прошу оформить подписку на журнал «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки» на 20__ г.

№ 1 – _____ шт., № 2 – _____ шт., № 3 – _____ шт., № 4 – _____ шт.

Наименование организации (полное) _____

_____

ИНН _____ КПП _____

Почтовый индекс _____

Республика, край, область _____

Город (населенный пункт) _____

Улица _____ Дом _____

Корпус _____ Офис _____

ФИО ответственного _____

Должность _____

Тел. _____ Факс _____ E-mail _____

Руководитель предприятия _____ _____
(подпись) (ФИО)

Дата «____» _____ 20__ г.